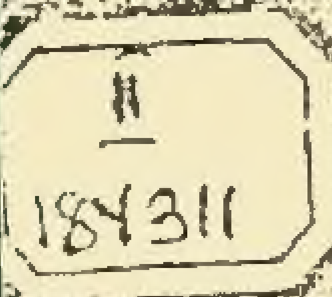


РУССКАЯ КЛАССНАЯ БИБЛІОТЕКА,
ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
А. Н. ЧУДИНОВА.
ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.
ВЫПУСКЪ XXVIII-й.

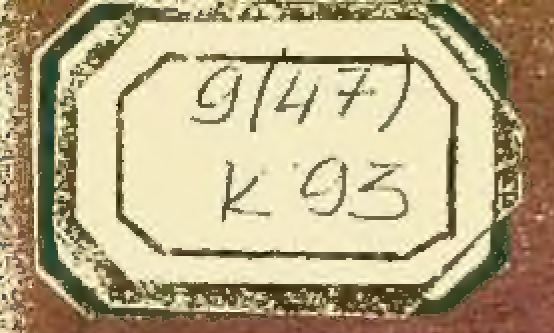
Кн. А. М. Курбскій и царь Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный.

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Исторія Іоанна Грознаго, кн. А. Курбскаго.—Переписка Іоанна Васильевича съ Курбскимъ.—Объяснительныя статьи.—Словарь.

Изданіе И. Глазунова.

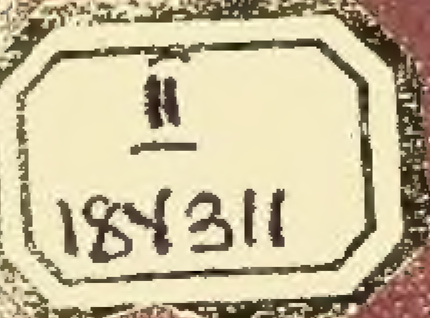
С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Типографія Глазунова, Казанская ул., № 8.
1902.



РУССКАЯ КЛАССНАЯ БИБЛІОТЕКА,

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. Н. ЧУДИНОВА.



ОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ВЫПУСКЪ XXVIII-й.

Кн. А. М. Курбскій и царь Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный.

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Исторія Іоанна Грознаго, кн. А. Курбскаго.—Переписка Іоанна Васильевича съ Курбскимъ.—Объяснительныя статьи.—Словарь.

Изданіе И. Глазунова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.
1902.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ. 4 ДЕКАБРЯ 1901 Г. ТИП. ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ 8.

ЦѢНА 55 К.

РУССКАЯ КЛАССНАЯ БИБЛІОТЕКА,
ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
А. Н. ЧУДИНОВА.
ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.
ВЫПУСКЪ XXVIII-й.

Кн. А. М. Курбскій и царь Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный.

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Исторія Іоанна Грознаго, кн. А. Курбскаго.—Переписка Іоанна Васильевича съ Курбскимъ.—Объяснительныя статьи.—Словарь.

Изданіе И. Глазунова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.
1902.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 Декабря 1901 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Знаменитая „Переписка Курбскаго съ Іоанномъ Грознымъ“ представляетъ памятникъ, имѣющій одинаково важное значеніе какъ въ литературной, такъ и въ политической исторіи нашего отечества. Потомокъ князей ярославскихъ, высоко ставившій преданія и права своего происхожденія, одинъ изъ видныхъ полководцевъ царя Ивана Васильевича, участвовавшій еще молодымъ человѣкомъ во взятіи Казани, потомъ немало оказавшій услугъ государству во время ливонской войны, Курбскій былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣкъ просвѣщенный, ученикъ и почитатель Максима Грека, раздѣлявшій его взгляды. Въ періодъ особенно усилившихся гоненій на бояръ со стороны Іоанна IV, приблизительно въ 1563 или 1564 году, Курбскій бѣжалъ въ Литву, получилъ отъ польскаго короля помѣстья и посвятилъ себя защитѣ православія въ западной Руси; отдался книжному труду, въ старые годы научился латинскому языку, переводилъ святоотеческія книги и этимъ продолжалъ служить потерянному отечеству, къ которому не переставалъ мысленно стремиться. Отсюда онъ и началъ свою переписку съ Іоанномъ Грознымъ, состоящую изъ 4-хъ писемъ, съ 2-мя отвѣтными на нихъ посланіями самого Грознаго. Наполненная взаимными укорами и обвиненіями, одинаково рѣзкими и страстными съ обѣихъ сторонъ, пере-

писка эта чрезвычайно характерна для опредѣленія особенностей русской исторической жизни того времени, представлявшей послѣдніе моменты борьбы царской власти съ удѣльно-княжескимъ и боярскимъ преданіемъ.

Значеніе этой переписки принадлежитъ къ вопросамъ, много разъ привлекавшимъ вниманіе историковъ, но остающимся и до сихъ поръ неразрѣшеннымъ. Большинство историковъ, преимущественно послѣдняго времени, склонны видѣть въ дѣятельности Іоанна Грознаго успѣхъ государственной идеи надъ отживающей стариной. Въ ихъ глазахъ, картина мрачныхъ свирѣпостей Грознаго застилается представленіемъ объ его стремленіи къ государственному единству, которому продолжали грозить притязанія отжившаго, но еще опаснаго удѣльнаго сепаратизма и боярскихъ притязаній. Другіе историки находили, что для достиженія подобной цѣли не было надобности въ тѣхъ страшныхъ и странныхъ мѣрахъ, какія принималъ Грозный, и что эта правительственная система едва ли можетъ оправдать послѣдовавшую за нею деморализацію. Короче: кто изъ двухъ борцовъ здѣсь является жертвой и кто гонителемъ,—остается вопросомъ открытымъ. Едва ли не наиболѣе близкимъ къ истинѣ намъ представляется взглядъ одного изъ послѣднихъ изслѣдователей этого памятника: М. Петровскаго (Кн. Курбскій. Казань. 1873), который считаетъ Курбскаго, при всѣхъ его ошибкахъ и недостаткахъ, „лучшимъ выразителемъ тѣхъ идей русской гражданственности, которыя, очевидно, были доступны и другимъ лицамъ той же партіи, но ни въ одномъ изъ нихъ не высказалось столько энергіи въ борьбѣ, какъ въ Курбскомъ. Послѣдній представляетъ намъ образецъ тѣхъ доблестей, какія могла дать Русь XVI-го вѣка. Курбскій—это граж-

данинъ, представитель идеи прогресса, вопіющій противъ тупого абсолютизма Грознаго; это—воинъ, не щадящій жизни за дѣло Руси; это—ученый, не довольствующійся тѣмъ недостаточнымъ образовательнымъ матеріаломъ, съ которымъ уживались другіе книжники его времени; наконецъ, это—первый русскій публицистъ, неуклонно идущій по предположенному зарапѣе пути... Іоаннъ IV понималъ Курбскаго, не могъ не чувствовать его превосходства въ ряду остальныхъ бояръ, не стыдился вступить съ нимъ въ переписку, въ которой тщетно старался уязвить своего врага вымышляемыми преступленіями и укорами".

Въ настоящемъ изданіи, помѣщены четыре письма Курбскаго къ Іоанну IV и два отвѣтныхъ посланія послѣдняго; этой „перепискѣ" предпослана „Исторія Грознаго", написанная Курбскимъ. Послѣднее сочиненіе, весьма интересное и само по себѣ, представляется существенно важнымъ дополненіемъ къ „письмамъ", разъясняющимъ взаимныя отношенія обоихъ авторовъ. Помѣщены эти произведенія въ редакціи единственно доступнаго публикѣ изданія Устрялова, нынѣ составляющаго библіографическую рѣдкость. Орѳографія „Сказаній" Курбскаго тоже сохранена безъ измѣненій. Такъ какъ языкъ Курбскаго изобилуетъ польскими, а подчасъ и латинскими словами и выраженіями, то въ концѣ книги мы сочли необходимымъ помѣстить краткій словарь такого рода словъ. Въ качествѣ комментарія къ содержанію настоящаго выпуска, напечатаны 4 статьи, извлеченныя изъ извѣстныхъ изслѣдователей этой эпохи; освѣщая дѣятельность Курбскаго съ различныхъ сторонъ, онѣ облегчатъ пониманіе какъ самого памятника, такъ и историческаго значенія автора его.

Въ заключеніе, считаемъ нелишнимъ указать слѣдующія монографіи, посвященныя Курбскому: С. Горскій, „Жизнь и историческое значеніе кн. А. М. Курбскаго“. Казань. 1854.—Опоковъ, „Кн. А. М. Курбскій“. Кіевъ. 1872.—М. Петровскій, „Кн. А. М. Курбскій“. Казань. 1873.

Къ книгѣ прилагается портретъ Іоанна IV.

А. Ч.

СОДЕРЖАНIЕ.

I. ИСТОРІЯ
КНЯЗЯ ВЕЛИКАГО МОСКОВСКАГО

О

ДѢЛѢХЪ,

ЯЖЕ СЛЫШАХОМЪ У ДОСТОВѢРНЫХЪ МУЖЕЙ И ЯЖЕ ВИДѢХОМЪ ОЧИМА НАШИМА.

КОВЧЕГЪ РУССКОЙ ПРАВДЫ.

ГЛАВА I.

ЮНОСТЬ ІОАННОВА.

1534—1552.

Предисловіе автора. Разводъ в. к. Василія съ Соломоніею. Гнѣвъ его на Вассіана, Семена Курбскаго и Максима Грека. Рожденіе Іоанна. Воспитаніе его. Бѣдствія Россіи. Смерть И. Бѣльскаго, И. Кубенскаго, Ѳ. и В. Воронцовыхъ, Б. Трубецкаго, И. Дорогобужскаго, Ѳ. Овчины. Пожаръ Москвы. Бунтъ народа. Убіеніе Ю. Глинскаго. Чудное исправленіе Іоанна Сильвестромъ и Адашевымъ.

—

Много кратъ ото многихъ свѣтлыхъ мужей вопрошаемъ быхъ, съ великимъ стужаніемъ: „откуды сія приключишася, „такъ прежде доброму и нарочитому царю, многажды за оте-„чество и о здравіи своемъ не радящу, и въ военныхъ ве-„щахъ, сопротивъ враговъ креста Христова, труды тяжкіе, „и бѣды, и безчисленные поты претерпѣвающу, и прежде „отъ всѣхъ добрую славу имущему?“ И многажды умолчахъ со воздыханіемъ и слезами, не восхотѣхъ отвѣщати; послѣди же, частыхъ ради вопрошаній, принужденъ быхъ нѣчто

рещи отчасти о случаяхъ, приключшихся таковыхъ, и отвѣщахъ имъ: аще бы изъ начала и по ряду рѣхъ, много бы о томъ писати, яко въ предобрый Русскихъ князей родъ всѣялъ діаволъ злые нравы, наипаче же женами ихъ злыми и чародѣйцами, яко и во Израильтескихъ царѣхъ, наче же которыхъ поимовали отъ иноплеменниковъ. Но сія вся оставя, нѣчто изреку о томъ самомъ настоящемъ. Яко глаголютъ многіе премудрые: „доброму началу и конецъ бываетъ добръ"; такожде и сопротивъ: злое злымъ скончавается; а наипаче, отъ самовластнаго человѣческаго естества, злымъ произволеніемъ и по всему супротивнымъ противу Божіихъ заповѣдей дерзати.

Князь великій Василій Московскій ко многимъ злымъ и сопротивъ закона Божія дѣломъ своимъ и сіе приложилъ (иже и писати, и исчитати, краткости ради книжицы сея, не вмѣстно, а еже достоитъ воспомянути, зѣло вкратцѣ напишемъ по силѣ): живши со женою своею первою, Соломонидою, двадесять и шесть лѣтъ, остригъ ее во мнишество, не хотящу и не мислящу ей о томъ, и заточилъ въ далечайшъ монастырь, отъ Москвы больше дву-сотъ миль, въ землѣ Каргопольской лежащъ, и затворити казалъ ребро свое въ темницу, зѣло нужную и унывія исполненную, сирѣчь жену, ему Богомъ данную, святую и неповинную. И понялъ себѣ Елену, дщерь Глинскаго, аще и возбраняющимъ ему сего беззаконія многимъ святымъ и преподобнымъ, не токмо мнихомъ, но и сигклитомъ его; отъ нихъ же единъ Вассьянъ, пустынникъ, сродникъ ему сущъ по матери своей, а по отцѣ, внукъ княжати Литовскаго, Патрикіевъ, и оставя мірскую славу, въ пустыню вселился, и такъ жестоко и свято житіе препровождалъ во мнишествѣ, подобнѣ великому и славному древнему Антонію. Да не зазрите кто дерзостнѣ рещи, Іоанну Крестителю ревностію уподобился; бо и оный о законопреступномъ браку царю возбранялъ, беззаконіе творящу. Онъ въ Моисеевскомъ, сей же во Евангельскомъ беззаконовалъ А отъ мірскихъ сигклитовъ, возбранялъ ему Семенъ, речен-

ный Курбскій, съ роду княжатъ Смоленскихъ и Ярославскихъ, о немъ же и о святомъ жительствѣ его не токмо тамо Руская земля вѣдома, но и Герберштенъ, нарочитый мужъ цесарскій и великій посолъ, на Москвѣ былъ и увѣдалъ, и въ кроницѣ своей свидѣтельствуетъ, юже Латинскимъ языкомъ, въ Медіоланѣ, славномъ градѣ, будучи, написалъ. Той Герберштенъ приходилъ два кратъ къ Москвѣ, посломъ великимъ отъ славнаго цесаря христіанскаго, Карлуса, о великихъ дѣлѣхъ, или паче, постановляющи миръ вѣчный между царствы христіанскими, и вооружающи ихъ и подвизающи сопротивъ поганомъ; и аще мужъ былъ искусный въ шляхетныхъ наукахъ и дѣлѣхъ, но въ варварскихъ языцѣхъ, глубокихъ ради ихъ и жестокихъ обычаевъ, не возмогъ сего достохвальнаго дѣла до конца исправити.

Онъ же, предреченный Василій, великій, паче же въ прегордости и въ лютости, князь, не только ихъ не послушалъ, такъ великихъ и нарочитыхъ мужей, но онаго блаженнаго Вассьяна, по плоти сродника своего, изымавъ, заточити повелѣлъ, и связанна святаго мужа, аки злодѣя, въ прегорчайшую темницу, къ подобнымъ себѣ въ злости презлымъ Осифляномъ, въ монастырь ихъ отослалъ и скорою смертію уморити повелѣлъ. Они же, яко лютости его скорые послушницы и во всѣхъ злыхъ потаковницы, паче же еще и подражатели, умориша его вскорѣ. И другихъ святыхъ мужей, овыхъ заточилъ на смерть, отъ нихъ же единъ, Максимъ философъ, о немъ же напреди повѣмъ; а другихъ погубити повелѣлъ, ихъ же имена здѣ оставлю. А князя Семена отъ очей своихъ отогналъ, даже до смерти его.

Тогда зачался нынѣшній Іоаннъ нашъ, и родился, въ законопреступленію и во сладострастію, лютость, яко рече Іоаннъ Златоустый, въ словѣ о женѣ злой, ему же начало днесь намъ Іоанново преподобіе: *и Иродова лютость гда возъыщалася, смутились внутренняя, сердца вострепетали, зракъ помрачился, разумъ притупился, слухъ скутался*, и прочее. И аще святые великіе учители ужасалися, пишуще

*

отъ мучителей на святыхъ дерзаемыя: кольми паче намъ грѣшнымъ подобаетъ ужасатися, таковую трагедію возвѣщати! Но послушаніе все преодолѣваетъ, паче же стужанія, або докучанія вашего ради частаго. Но и сіе къ тому злому началу еще возмогло: понеже остался отъ отца своего зѣло младъ, аки двy лѣтъ; по немногихъ же лѣтѣхъ, и мати ему умре; потомъ питаша его велицые гордые паны, по ихъ языку бояровe, его на свою и дѣтей своихъ бѣду, ретящеся другъ предъ другомъ, ласкающе и угождающе ему во всякомъ наслажденію и сладострастію.

Егда же началъ приходити въ возрастъ, аки лѣтъ въ двадесять, и впредъ что творилъ, умолчу иныя и иныя, обаче же возвѣщу сіе: началъ первѣе безсловесныхъ крови проливати, съ стремнинъ высокихъ мечюще ихъ (а по ихъ языку, съ крылецъ, або съ теремовъ), також и иныя многія неподобныя дѣла творити, являющи хотящее быти немилосердое произволеніе въ себѣ, яко Соломонъ глаголетъ: *мудрый*, рече, *милуетъ души скотовъ своихъ, такожъ и безумный біетъ ихъ нещадно;* а пѣстуномъ ласкающимъ, попущающе сіе и хваляще, на свое горшее отрока учаще. Егда же уже приходяще къ пятомунадесять лѣту, и вяще, тогда началъ человѣковъ уроняти. И собравши четы юныхъ около себя дѣтей и сродныхъ оныхъ предреченныхъ сигклитовъ, по стогнамъ и по торжищамъ началъ на конехъ съ ними ѣздити и всенародныхъ человѣковъ, мужей и женъ, бити и грабити, скачуще и бѣгающе всюду неблагочиннѣ. И воистинну, дѣла разбойническія самыя творяше, и иныя злыя исполняше, ихъ же не токмо глаголати излишно, но и срамно; ласкателемъ же все таковое на свою бѣду восхваляющимъ: „о храбръ, глаголюще, будетъ сей царь и мужественъ!“ Егда же пріиде къ седьмомунадесять лѣту, тогда тѣжъ прегордые сигклитове начаша подущати его и мстити имъ свои недружбы, единъ противъ другаго; и первѣе убиша мужа пресильнаго, зѣло храбраго стратига и великороднаго, иже былъ съ роду княжатъ Литовскихъ, единоколѣненъ кролеви Польскому Ягайлу,

именемъ князь Иванъ Бѣльскій, иже не токмо былъ мужественъ, но и въ разумѣ могъ и въ священныхъ писаніяхъ въ нѣкоторыхъ искусенъ.

По малѣ же времени, онъ же самъ повелѣлъ убити такожде благородное едино княжа, именемъ Андрея Шуйскаго, съ роду княжатъ Суздальскихъ. Потомъ, аки по двухъ лѣтѣхъ, убилъ трехъ великородныхъ мужей: единаго, ближняго сродника своего, рожденнаго съ сестры отца его, князя Іоанна Кубенскаго, иже былъ у отца его великимъ земскимъ маршалкомъ; а былъ роду княжатъ Смоленскихъ и Ярославскихъ, и мужъ зѣло разумный и тихій, въ совершенныхъ уже лѣтѣхъ; и вкупѣ побіени съ нимъ предреченные мужіе, Θеодоръ и Василій Воронцовы, родомъ отъ Нѣмецка языка, а племени княжатъ рѣшскихъ. И тогда же убіенъ Θеодоръ, глаголемый Невѣжа, зацный и богатый землянинъ. А мало предъ тѣмъ, аки за два лѣта, удавленъ отъ него князя Богдана сынъ Трубецкаго, въ пятинадесяти лѣтѣхъ младенецъ, Михаилъ именемъ, съ роду княжатъ Литовскихъ: и потомъ, памятамися, тогожъ лѣта убіени отъ него благородные княжата: князь Іоаннъ Дорогобужскій, съ роду великихъ княжатъ Тверскихъ, и Θеодоръ, единочадный сынъ князя Іоанна, глаголемаго Овчины, съ роду княжатъ Торусскихъ и Оболенскихъ, яко агнцы неповинные заколены, еще въ самомъ паусіи. Потомъ, егда началъ всякими безчисленными злостьми превосходити, тогда Господь, усмиряющій лютость его, посѣтилъ градъ великій, Москву, презѣльнымъ огнемъ, и такъ явственнѣ гнѣвъ свой навелъ, аще бы по ряду писати, могла бы повѣсть цѣлая быти, або книжица; а предъ тѣмъ, еще во младости его, безчисленными плѣненными варварскими, ово отъ царя Перекопскаго, ово отъ Татаръ Нагайскихъ, сирѣчь Заволжскихъ, а навпаче и горше всѣхъ, отъ царя Казанскаго, сильнаго и можнаго мучителя христіанскаго, иже подъ властію своею имѣлъ шесть языковъ различныхъ, ими же безчисленное и неисповѣдимое плѣненіе и кровопролятіе учинялъ, такъ, иже уже все было пусто за осьмнадесять миль

до Московскаго мѣста. Також и отъ Перекопскаго, або отъ Крымскаго царя, и отъ Нагай вся Рязанская земля, ажъ по самую Оку рѣку, спустошена: а внутрь человѣкоугодникомъ, со царемъ младымъ, пустошающимъ и воюющимъ нещадно отечество. Тогдажъ случилось, послѣ того предреченнаго пожару, презѣльнаго и воистину зѣло страшнаго, о немъ же никтожъ сумнится рещи, явственный гнѣвъ Божій: а чтожъ тогда бысть?

Бысть возмущеніе великое всему народу, яко и самому царю утечи отъ града со своимъ дворомъ; и въ томъ возмущеніи убіенъ вуй его князь Юрій Глинскій отъ всего народа, и домъ его весь разграбленъ; другой же вуй его князь Михаилъ Глинскій, который былъ всему злому начальникъ, утече, и другіе человѣкоугодницы сущіе съ нимъ разбѣгошася. И въ то время дивно бѣ, яко Богъ руку помощи подалъ отдохнути землѣ христіанской, образомъ симъ: тогда убо, тогда, глаголю, пріиде къ нему единъ мужъ, презвитеръ чиномъ, именемъ Селивестръ, пришлецъ отъ Новаграда Великаго, претяще ему отъ Бога священными писаньями и строзѣ заклинающе его страшнымъ Божіимъ именемъ; еще къ тому, и чудеса и аки бы явленія отъ Бога повѣдающе ему: не вѣмъ, аще истинныя, або такъ ужасновенія пущающе, буйства его ради, и для дѣтскихъ неистовыхъ его нравовъ, умыслилъ былъ себѣ сіе. Яко многажды и отцы повелѣваютъ слугамъ дѣтей ужасати мечтательными страхи, и отъ излишнихъ игоръ презлыхъ сверстниковъ: сице и сей, мню, блаженный малую грозу присовокупляетъ благокозненія, сю же великое зло цѣлити умыслилъ. Яко и врачеве дѣлаютъ, по неволѣ, согнившія гагрины стружуще и рѣжуще желѣзомъ, або дикое мясо, возрастающее на ранѣ, обрѣзающе ажъ до живаго мяса; сему негли подобно, и онъ блаженный, льстецъ истинный, умыслилъ; яко и послѣдовало дѣло: иже душу его отъ прокаженныхъ ранъ исцѣлилъ и очистилъ былъ, и развращенный умъ исправилъ, тѣмъ и онымъ наставляюще на стезю правую. Съ нимъ же соединяется, во общеніе, единъ

благородный тогда юноша, къ доброму и полезному общему, именемъ Алексѣй Адашевъ; царевп жъ той Алексѣй въ то время зѣло любимъ былъ и согласенъ, и былъ онъ общей вещи зѣло полезенъ, и отчасти, въ нѣкоторыхъ нравѣхъ, ангеломъ подобенъ. И аще бы вся по ряду изъявилъ о немъ, воистинну вѣрѣ не подобно было бы предъ грубыми и мірскими человѣки. И аще же воззримъ, яко благодать святаго духа вѣрныхъ въ новомъ завѣтѣ украшаетъ, не по дѣломъ нашимъ, но по преизобильности щедротъ Христа нашего, иже не токмо не дивно будетъ, ино удобно: понеже и крови своей сотворитель всяческихъ не жаловалъ за насъ изліяти. Но прекративъ сіе, до предреченныхъ паки возвратимся.

Что же сіе мужіе два творятъ полезное землѣ оной, опустошенной уже воистинну и зѣло бѣдѣ сокрушенной? Приклони же ужъ уши, и слушай со прилежаніемъ! Сіе творятъ. сіе дѣлаютъ! Главную доброту начинаютъ — утверждаютъ царя, и якого царя? царя юнаго, и во злострастіяхъ и въ самовольствіи безъ отца воспитаннаго, и преизлище прелютаго, и крови уже напившагося всякія, не токмо всѣхъ животныхъ, но и человѣческія. Паче же, и согласныхъ его на зло прежде бывшихъ, овыхъ отдѣляютъ отъ него (яже быша зѣло люты), овыхъ же уздаютъ и воздержатъ страхомъ Бога живаго. И что же еще по семъ придаютъ? Наказуютъ опаснѣ благочестію: молитвамъ же прилежнымъ къ Богу, и постомъ, и воздержанію внимати со прилежаніемъ завѣщаваетъ оный презвитеръ, и отгоняетъ отъ него оныхъ предреченныхъ прелютѣйшихъ звѣрей, сирѣчь, ласкателей и человѣкоугодникокъ, на нихъ же ничтоже можетъ быти повѣтреннѣйшаго во царствѣ, и отсылаетъ и отдѣляетъ отъ него всяку нечистоту и скверну, прежде ему приключшуюся отъ сатаны; и подвижетъ на то и присовокупляетъ себѣ въ помощь архіерея онаго великаго града, и къ тому, всѣхъ предобрыхъ и преподобныхъ мужей, презвитерствомъ почтенныхъ; и возбуждаютъ царя къ покаянію, и очиставъ сосудъ его внутренній, яко подобаетъ, къ Богу приводятъ, и святыхъ, не-

порочныхъ Христа нашего таинъ сподобляютъ, и въ сицевую высоту онаго, прежде бывшаго окаяннаго, возводятъ, яко и многимъ окрестнымъ языкомъ дивитися обращенію его и благочестію.

И къ тому еще и сіе прилагаютъ: собираютъ къ нему совѣтниковъ, мужей разумныхъ и совершенныхъ, во старости мастистѣй сущихъ, благочестіемъ и страхомъ Божіимъ украшенныхъ; другихъ же, аще и въ среднемъ вѣку, такожъ предобрыхъ и храбрыхъ, и тѣхъ и оныхъ въ воинныхъ и земскихъ вещахъ по всему искусныхъ; и сице ему ихъ въ пріязнь и въ дружбу усвояютъ, яко безъ ихъ совѣту, ничесоже устроити или мыслити. Воистину премудрому Соломону глаголющу: *Царь*, рече, *добрыми совѣтники, яко градъ претвердыми столпы утвержденъ;* и паки: *любяй*, рече, *совѣтъ, хранитъ свою душу, а не любяй его, совсимъ изчезнетъ:* понеже, яко безсловеснымъ надлежитъ чувствомъ по естеству управлятися, сице всѣмъ словеснымъ, совѣтомъ и разсужденіемъ. И нарицалисъ тогда оные совѣтницы у него *избранная рада;* воистину по дѣломъ и нареченіе имѣли: понеже все избранное и нарочитое совѣти своими производили, сирѣчь: судъ праведный, нелицепріятенъ, яко богатому, тако и убогому, еже бываетъ въ царствѣ наилѣпшее; и къ тому воеводъ, искусныхъ и храбрыхъ мужей, сопротивъ враговъ избираютъ, и стратилатскіе чины устрояютъ, яко надъ ѣздными, такъ и надъ пѣшими; и аще кто явится мужественнымъ въ битвахъ, и окровитъ руку въ крови вражьей, сего дарованьми почитано, яко движными вещи, такъ и недвижными. Нѣкоторые жъ отъ нихъ, искуснѣйшіе, того ради и на вышнія степени возводилисъ. А паразитовъ, или тунеядцевъ, сирѣчь подобѣдовъ или товарищей трапезамъ, яже блазенствомъ или шутками питаются, и кормы хаютъ, не токмо тогда не даровано, но и отгоняемо, вкупѣ съ скомрахи, и со иными, прелукавыми и презлыми, таковыми роды; но токмо на мужество человѣковъ подвизаемо и на храбрость, всякими роды даровъ или мздовоздаяньми, каждому по достоянію.

ГЛАВА II.

ПОКОРЕНІЕ КАЗАНИ.

1552.

Первый походъ Казанскій. Основаніе Свіяжска. Нашествіе хана Крымскаго. Бѣгство его. Битва Курбскаго съ Татарами подъ Тулою. Походъ на Казань. Трудность пути. Прибытіе въ Свіяжскъ. Мѣстоположеніе Казани. Осада оной. Первая битва. Курбскій и Щенятевъ начальствуютъ правою рукою. Устроеніе шанцовъ. Сильная вылазка. Нападеніе Луговой Черемисы. Побѣда Александра Горбатаго. Ожесточеніе Казанцевъ. Взятіе Арскаго города. Чары. Спасенное древо. Взорваніе тайника. Построеніе высокой башни. Штурмъ Казани. Братъ Курбскаго первый на стѣнахъ ея. Мужество Едигера. Корыстолюбіе воиновъ. Іоаннъ удерживаетъ бѣгущихъ. Взятіе Казани. Едигеръ въ плѣну. Доблесть Курбскихъ.

И абіе, за помощію Божіею, сопротивъ сопостатовъ возмогоша воинство христіанское. И противъ якихъ сопостатовъ? такъ великаго и грознаго Измаильтескаго языка, отъ негожъ нѣкогда и вселенная трепетала, и не токмо трепетала, но и спустошена была; и не противъ единаго царя ополчашеся, но абіе противъ трехъ великихъ и сильныхъ, сирѣчь, сопротивъ Перекопскаго царя, и Казанскаго, и сопротивъ княжатъ Нагайскихъ. И за благодатію и помощію Христа Бога нашего, абіе отъ того времени, всѣмъ тремъ возражаше нахожденіе, частыми преодолѣньми преодолѣваху и преславными побѣдами украшахуся, о нихъ же по ряду писати сія краткая повѣсть не вмѣститъ; но вкратцѣ рещи: по толику спустошенію Русскія земли, еже бѣ отъ нихъ, не по толику, но множайше предѣлы христіанскіе расширишася за малыя лѣта; идѣ же были прежде, въ спустошенныхъ краевъ Русскихъ, зимовища Татарскія, тамо грады и мѣста сооружишася; и не токмо кони Русскихъ сыновъ во Азія съ текущихъ рѣкъ напишася, съ Танаиса и Куалы и прочихъ; но и грады тамо поставишася.

Видѣвъ же таковыя неизреченныя Божія щедроты, такъ вскорѣ бываемыя, и самъ царь, возревновавъ ревностію, началъ противъ враговъ самъ ополчатися, своею главою, и собирати себѣ воинство множайшее и храбрѣйшее, и не похотяше покою наслаждатися, въ прекрасныхъ палатахъ затворясь, пребывати (яко есть нынѣшнимъ западнымъ царемъ обычай: всѣ цѣлыя нощи истребляти, надъ карты сѣдяще и надъ прочими бѣсовскими бреднями); но подвигся многажды самъ, не щадячи здравія своего, на сопротивнаго и горшаго своего супостата, царя Казанскаго единаго въ лютую зиму, аще и не взялъ мѣста отъ него главнаго, сирѣчь Казани града, и со тщетою немалою отойде; но всяко не сокрушилось ему сердце и воинство его храброе, укрѣпляющу Богу оными совѣтники его. И разсмотривъ тамо положенія мѣста, и аки по лѣтѣ единомъ или дву, градъ тамо превеликій, зѣло прекрасенъ, абіе ставити повелѣлъ, на рѣцѣ Свіягѣ, отъ Волги за четверть мили, а отъ великаго Казанскаго мѣста аки миль пять: такъ близку приближился. И тогожъ лѣта выправя дѣла великія стѣнобитныя рѣкою Волгою, а самъ сухимъ путемъ хотяше абіе пойти.

И пріиде ему вѣсть, иже царь Перекопскій съ великими силами на него идетъ, возбраняюще хожденіе ему на Казань: онъ же, аще и войско великое прежде, града поставленія ради, послалъ, такожъ и при дѣлахъ множество воиновъ; но обаче, того ради, на Казань хожденіе на мало время отложилъ. И еще, аки бы съ большею частью войска, иде сопротивъ предреченнаго онаго врага Христова, и самъ сталъ на Окѣ рѣкѣ, ожидающе его ко сраженію брани, во единомъ мѣстѣ, а другія войска разложилъ по другимъ градамъ, яже лежатъ при той же рѣцѣ, и вывѣдывати велѣлъ о немъ: бо не вѣдомо еще было, на которое мѣсто итти мѣлъ. Онъ же егда услышалъ, иже великій князь стоитъ съ войскомъ противъ его, готовъ надъ надежду его (бо певнѣ сповѣдался, иже уже на Казань пошелъ); тогда возвратился и облегъ мѣсто великое, мурованное, Тулу, аки во птинадесяти ми-

тяхъ отъ мѣста Коломны, идѣже царь христіанскій лежалъ съ войскомъ, ждуще его; а насъ тогда послалъ со другими о немъ вывѣдыватися, и земли отъ взгоновъ боронити; и было съ нами тогда войска аки пятьнадесять тысящей. Мыжъ, преправясь чрезъ великую Оку рѣку со многимъ потщаніемъ, того дня зѣло скоро устремишася, и пріѣхаша аки тринадесять миль, и положишася къ нощи, на единомъ потоцѣ, близу стражи царя Перекопскаго, отъ града же Тулы за полдвѣ мили, подъ нимъ же самъ царь стояше. Стража Татарская утече ко царю, и повѣда ему о множествѣ войска христіанскаго, и мняше, иже самъ князь великій пріиде со всѣмъ своимъ войскомъ; и тое нощи царь Татарскій отъ града утече, аки миль осьмь, въ поле дикое, за три рѣки препроводившися, и дѣла нѣкоторыя и кули потопилъ, и пороховъ и верблюдовъ отбѣже, и войско въ войнѣ оставилъ: бо три дни хотяще воевати, а дважъ дни точію подъ градомъ стоялъ, а противъ третьяго дни побѣжалъ.

Наутрожъ, мы, воставши рано, поидохомъ ко граду и положихомся съ войскомъ, идѣже татры его стояли. Войскажъ Татарскаго аки третина, або вяще, остала была въ згонѣхъ, и шли ко граду, надѣящеся царя ихъ стояща. Егдажъ разсмотриша и увѣдаша о насъ, ополчишася противу насъ. Мыжъ абіе сразившеся съ ними, и пребывала битва аки на полдвѣ годины; потомъ помогъ Богъ намъ, христіаномъ, надъ бусурманы, и толико избиша ихъ, яко зѣло мало осталося ихъ, и едва вѣсть въ орду возвратилась. На той то битвѣ, и самъ азъ тяжкія раны на тѣлеси отнесохъ, яко на главѣ, такъ и на другихъ составѣхъ.

Егдажъ возвратихомся ко цареви нашему, со пресвѣтлымъ одолѣніемъ, онъ же тогда повелѣлъ опочивати оному утружденному войску аки восемь дней. И по осьми днехъ, самъ поиде съ воинствомъ къ Казани, на мѣсто великое, глаголемое Муромъ, еже лежитъ отъ поля уже къ крайне, къ Казанскимъ предѣломъ, и оттуду, чрезъ поле дикое, аки мѣсяцъ шелъ ко оному предреченному новому граду, поставлен-

ному на Свіягѣ, идѣже воинство его ждало съ великими дѣлы и со многими запасы, яже приплыша Волгою рѣкою великою. А насъ тогда послалъ, со тремянадесять тысящей люду, чрезъ Рязанскую землю и потомъ чрезъ Мещерскую, идѣже есть Мордовскій языкъ. Потомъ препроводясь, аки за три дни, Мордовскіе лѣсы, изыдохомъ на великое дикое поле и идохомъ отъ него по правой руцѣ, аки въ пяти дняхъ конемъ ѣзду: понеже мы заслониша его тѣмъ войскомъ, еже съ нами шло, отъ Заволжскихъ Татаръ (бояшебося онъ, да не пріидутъ на него безвѣстно тѣ княжата Нагайскія); и аки бы по пяти недѣляхъ, со гладомъ и съ нуждою многою, дойдохомъ Суры рѣки великія, на устья Борыша рѣчки, идѣже и онъ въ томъ же дни съ войски великими пріиде; и того дни хлѣба сухаго наядохомся со многою сладостію и благодареніемъ, ово зѣло дорогаго купующе, ово позычающе отъ сродныхъ, и пріятель и друговъ: бо намъ его было не стало аки бы на 9 дней, и Господь Богъ препиталъ насъ и войско, ово рыбами, ово иными звѣрьми: бо въ пустыхъ тѣхъ поляхъ зѣло много въ рѣкахъ рыбъ.

Егдажъ преплавишася Суру рѣку, тогда и Черемиса горняя, а по ихъ, Чуваша зовомые, языкъ особливый, начаша встрѣчати по пяти сотъ и по тысящѣ ихъ, аки бы радующеся цареву пришествію: понеже въ ихъ землѣ поставленъ оный предреченный градъ на Свіягѣ. И отъ тое рѣки шли есмя съ войскомъ 8 дней, полями дикими и дубровами, нѣгдѣ же и лѣсами; а селъ со живущими зѣло мало: понеже у нихъ села при великихъ крѣпостяхъ ставлены и незримы, аще и по близку ходящимъ; и ту уже намъ привожено и, по странамъ ѣздя, добывано купити хлѣба и скотовъ; аще и зѣло дорого плачено, но намъ было, яко изнемоглымъ отъ гладу, благодарно; а малвазіи и любимыхъ трунковъ з'марцыпаны, тамо не воспоминай! Черемисскій же хлѣбъ сладостнѣйшій, наче драгоцѣнныхъ колачей, обрѣтеся; и наипачежъ сего ради, иже подвизахомся за отечество правовѣрнаго христіанства, сопротивъ враговъ креста Христова, паче

же вкупѣ со царемъ своимъ: сіе было благодарнѣйши и радостнѣйши, и не чулось ни единыя нужды, другъ предъ другомъ къ добрымъ подвигамъ ретящеся; наипачежъ самъ Господь Богъ помогалъ намъ.

Егдажъ пріидохомъ близу новопоставленнаго града, воистинну зѣло прекраснаго, тогда выѣхаша во срѣтеніе царя гетмани оніи, яко градскіе, такъ которые и съ дѣлы пріидоша, съ немалыми вои, по чину благочиннѣ устроенни полки имуще; съ нимижъ коннаго войска, тысящъ аки пятьнадесять, изыдоша во срѣтеніе, такожъ и пѣшихъ множество много; къ тому и гуфовъ оныхъ варварскихъ, новопокорившихся царю, немало, аки четыре тысячи; ихъ же обитанія и села близу града онаго быша, яже, хотяще и не хотяще, покоришася. И бысть тамъ радость не мала о здравію пришествія царева со множествы воевъ, такожъ и о побѣдѣ прежъ реченной, яже на Крымскаго пса одержахомъ (бо зѣло трепетахомъ о прихожденіи и помощи его Казани), и о поставленіи града онаго превеликаго. И такъ къ тому пріѣхали есмы, воистинну, яко въ свой домъ, отъ того долгаго и зѣло нужнаго пути: понеже привезено намъ множество, отъ домовъ нашихъ Волгою, мало не каждому, въ великихъ галіяхъ запасу; такожъ и купцовъ безчисленное множество, съ различными живностьми и со многими товары, приплыша, идѣже бяше всего достатокъ, чего бы душа восхотѣла (точію нечистоты тамо купить не обрящешь). И опочинувъ тамо войско аки три дни, начаша великую рѣку Волгу превозитися; и превезошася все войско аки за два дни.

И на третій день двигнушася въ путь, и прейдохомъ четыре мили, аки за 3 дни: бо тамо не мало рѣкъ, яже впадаютъ въ Волгу; препровожашася чрезъ мосты и гати (которые были предъ нами, показали Казанцы). И на четвертый день изыдохомъ сопротивъ града Казанскаго, на великіе, и пространные, и гладкіе, зѣло веселые луга, и положишася все войско подлѣ рѣки Волги, а луговъ оныхъ до мѣста аки миля зѣло велика: бо стоитъ оный градъ и мѣсто не на

Волгѣ, но рѣка подъ нимъ, Казань реченная, отъ нея жъ и нареченъ. И положеніе его на великой горѣ, а наипаче отъ приходу Волги споце зрится; а отъ Нагайскія страны, отъ Камы рѣки, отъ реченнаго Арскаго поля, равно пріити къ нему. Опочинувши же аки день единъ, паки дѣла нѣкоторыя съ кораблей выложены, яже предъ полки хождаша. На другой же день рано, по Божіихъ литургіяхъ, воздвижеся войско отъ становъ, со царемъ своимъ, и развивши хоругви христіанскія, со многимъ благочиніемъ и устроеніемъ полковъ, поидоша ко граду супостатовъ. Градъ же видѣхомъ, аки пустъ стоящь, иже а ни человѣкъ, а ни гласъ человѣчь ни единъ отнюдь слышашеся въ немъ, яко многимъ неискуснымъ радоватися о семъ и глаголати, яко избѣгоша царь и все воинство въ лѣсы, отъ страха великаго войска.

Егдажъ пріидохомъ близу мѣста Казанскаго, еже въ великой крѣпости лежитъ: съ востоку отъ него идетъ Казань рѣка, а съ западу Булакъ рѣчка, зѣло тиновата и непроходима, подъ самое мѣсто течетъ и впадаетъ подъ угольную вежу въ Казань рѣку; а течетъ изъ озера, Кабана глаголемаго, не малаго, которое озеро кончится аки полверсты отъ мѣста; и якъ преправится тую нужную рѣчку, тогда между езеромъ и мѣстомъ, лежитъ съ Арскаго поля гора зѣло прекрасная и ко восхожденію нужная. А отъ тое рѣки, около мѣста, ровъ копанъ, зѣло глубокій, ажъ до езерка, реченнаго Поганаго, еже лежитъ подлѣ самую Казань рѣку; а отъ Казани рѣки гора такъ высока, яже окомъ воззрити прикро: на ней же градъ стоитъ и палаты царскія и мечети, зѣло высокія, мурованныя, идѣже ихъ умершіе царіе клались; числомъ, памятамися, пять ихъ.

Егда же начаша обступати мѣсто оное бусурманское, и войско христіанское повелѣнно итти трема полкомъ, чрезъ предреченную рѣчку Булакъ, егдажъ первѣе препроводился, направя мостки чрезъ нее, передній полкъ, а тамо обыкли его звати яртаулъ, въ немъ же бѣ войска избраннаго, аки седмь тысящъ а надъ ними стратилаты два, княжато Прон-

скій Юрій и княжато Ѳеодоръ Львовъ, съ роду княжатъ Ярославскихъ, юноши зѣло храбрые: и пріиде имъ итти съ нуждою прямо на оную гору, на Арское поле, между мѣста и Кабана, предреченнаго озера, отъ вратъ градскихъ аки два стрѣлянія лучныхъ; другій же великій полкъ начаша только препровождатися чрезъ оную рѣку по мостомъ: царь же Казанскій выпустилъ войска коннаго изъ мѣста, аки пять тысящъ, а пѣшихъ отъ десяти тысящъ, на первый предреченный полкъ, конные Татаровя съ копьи, а пѣшіе со стрѣлами. И абіе удариша посреди полка христіанскаго, аки въ полгоры оныя, и прервата его, дондеже поправишася оные стратилатове: бо уже аки со двѣма тысящами и вяще взошли было на оную гору. И сразишася съ ними крѣпцѣ, и бысть сѣча не мала между ими. Потомъ поспѣшишася другіе стратилати съ пѣшими нашими ручничными стрѣльцы и сопроша бусурмановъ, яко конныхъ, такъ и пѣшихъ, и гониша ихъ біюще, ажъ до самыхъ вратъ градскихъ, и околько десять и живыхъ поймаша. Въ той же часъ, вкупѣ во сраженіе оное, и стрѣльбу огненную со града изъявиша, яко со вежъ высокихъ, такъ и съ стѣны мѣскія, на войско христіанское стрѣляюще; но ничтожъ, за Божіею благодатію, тщеты сотвориша.

И абіе въ той день обступахомъ мѣсто и градъ бусурманскій полки христіанскими, и отняхомъ ото всѣхъ странъ пути и проѣзды ко граду: не возмогли они никакоже ни изъ града, ни во градъ приходити. Таже стратилатове (а по ихъ воеводы полковъ), передовый полкъ, который ходитъ у нихъ за яртауломъ, пріиде на Арское поле и еще другій полкъ, въ немъ же бѣ царь Шигалей, и другіе великіе стратилатове залегоша тамо пути, яже отъ Нагайскія страны ко граду лежатъ.

Мнѣ же тогда, со другимъ моимъ товарищемъ, правый рогъ, а по ихъ, правая рука, поручена была устрояти, аще ми и во младыхъ лѣтѣхъ сущу: бо еще мнѣ тогда было лѣтъ аки двадесять и четыре отъ рожденія; но всяко, за благода-

тію Христа моего, пріидохъ къ тому достоинству не тупе, но по степенямъ военнымъ взыдохъ. И было въ нашемъ полку вяще, нежели дванадесять тысящей, а пѣшихъ стрѣльцовъ и казаковъ аки шесть тысящей. И повелѣно намъ итти за Казань рѣку; и простропась войско полка нашего ажъ до Казани рѣки, яже выше града, а другій конецъ до мосту, яже по Галицкой дорогѣ, и до тоя же рѣки, яже ниже града; и залегохомъ пути, ото всея Луговыя Черемисы, яже ко граду лежатъ. И случилось намъ стояти на мѣстѣ въ равнинѣ, на лугу, между великими блаты; граду же съ нашей стороны на превеликой горѣ стоящу, и сего ради зѣло намъ, паче всѣхъ, нужно было отъ огненныя стрѣльбы со града, а сзади, съ лѣсовъ, отъ частаго наѣзжанія Черемисскаго. Другіе же полки сташа между Булакомъ и Казанью, объ сю страну отъ Волги. Самъ же царь съ нальнымъ гуфомъ, або со множествомъ воевъ, сталъ отъ Казани, аки за версту, або мало больше отъ града, съ приходу своего отъ Волги, на мѣстѣ на погористомъ. И сицевымъ чиномъ мѣсто и градъ бусурманскій облегоша. Царь же Казанскій затворися во градѣ со тремядесять тысящей избранныхъ своихъ воиновъ и со всѣми карачи духовными ихъ и мірскими и съ дворомъ своимъ; а другую половину войска оставилъ внѣ града на лѣсѣхъ; такожъ и тѣ людіе, яже Нагайскій улубій прислалъ на помоцъ ему, а было ихъ аки двутысящи и колько сотъ. И по трехъ дняхъ, начаша близу мѣста шанцы ставити; того бусурманы зѣло возбраняша, ово біюще со града, ово витекающе, вручь сѣкошася, и падаху со обѣихъ странъ множество люду, но обаче вяще бусурмановъ, нежели христіанъ; и сего ради знакъ Божія милосердія являшеся христіанамъ, и духъ храбрости нашихъ прискоряшеся.

Егда же добрѣ и крѣпцѣ заточиша шанцы, и стрѣльцы со стратилати ихъ закопашася въ землю, аки уже безстрашны отъ стрѣльбы мѣскія и отъ вытеченъ мнящееся; тогда привлекоша великія дѣла, и среднія и огненныя, близу града и мѣста, ими же вверхъ стрѣляютъ; а намятамися, всѣхъ

было аки полтораста и великихъ и среднихъ, за всѣми шанцами, ото всѣхъ странъ града и мѣста, поставлено; а и мнѣйшее было по полторы сажени; окромѣ того были польныя многія, около царскихъ шатровъ. Егда же начаша бити со всѣхъ странъ по стѣнамъ града,—и уже очистиша стрѣльбу великую на градѣ, сирѣчь, не даша имъ стрѣляти съ великихъ дѣлъ на войско христіанское, точію гаковничныя и ручничныя не могоша отняти, ими же много тщеты дѣлали войску христіанскому въ людѣхъ и въ конѣхъ.

И еще къ тому тогда хитрость изобрѣте царь Казанскій противъ насъ: яковую же? молю, повѣждь ми. Исте таковую! Но слухай прилежнѣ, раздроченный воине! Ибо уложилъ онъ таковой совѣтъ со своими, съ тѣмъ войскомъ, ихъ же оставилъ внѣ града, на лѣсѣхъ, и положилъ съ ними таковое знаменіе, (а по ихъ языку, ясакъ): егда изнесутъ на высокую вежу, або иногда на градъ, на высочайшее мѣсто, хоругвь ихъ, зѣло великую бусурманскую, и начнутъ ею махать; тогда, глаголю (понеже далося намъ знати), ударятъ со всѣхъ странъ съ лѣсовъ, зѣло грозно и прутко, во устроенію полковъ, бусурманы на полки христіанскіе; а отъ града во всѣ врата вытекали въ тотъ же часъ на наши шанцы, и такъ зѣло жестоцѣ и храбрѣ натекали, яко и вѣрѣ не подобно; и единаго изыдоша сами карачи съ дворомъ царевымъ, а съ ними аки десять тысящъ войска, на тѣ шанцы, идѣже быша дѣла великія заточены, и такъ сотвориша сѣчу злую и жестокую бусурманы на христіанъ. Уже всѣхъ нашихъ далеко отъ дѣлъ отогнали были; и за помощію Божіею, приспѣша шляхта Муромскаго повѣту: бо нѣгдѣ ту близъ станы ихъ были, и межи Русскими, та шляхта зѣло храбрые и мужественные мужіе сущи, стародавные въ родѣхъ Русскихъ. Тогда абіе взопроша карачей со всѣми силами ихъ, ажъ принудишася отъ нихъ подати тылъ; а они ажъ до вратъ мѣскихъ сѣкоша, біюще ихъ, и не такъ множество посѣкоша, яко во вратѣхъ подавишася, тѣсноты ради; множество же и

живыхъ поимаша. Въ той же часъ и на другіе врата вытекаша, но не такъ крѣпцѣ бишася.

И воистинну на всякій день, аки три недѣли тое бѣды было, яко и брашна намъ онаго зѣло нужнаго не дали пріимати многажды; но сице намъ Богъ помогалъ, ово храбрѣ, за помощію Божіею, сражахуся съ ними, пѣшіе съ пѣшими, отъ града исходящими, конники же съ конники, съ лѣса наѣзжающими; а къ тому и дѣла великія, яже суть съ желѣзными кулями, обращающе отъ града, стрѣляюще на тѣ полки бусурманскіе, яже отовнѣ града съ лѣсовъ наѣзжали. А горче всѣхъ было, отъ ихъ наѣзжанія, тѣмъ христіанскимъ полкомъ, яже стояли на Арскомъ полѣ, яко и намъ, съ Галицкія дороги, яже суть отъ Луговыя Черемисы: а которое стояло войско наше подъ градомъ, за Булакомъ, на которой странѣ и царь нашъ стоялъ отъ Волги, тѣ ото внѣшняго нахожденія бусурманскаго въ покою пребывали; точію изъ града частыя витечки имѣли, яко же ближайшіе стояли, подъ стѣнами града при дѣлѣхъ. А кто бы повѣдалъ, яковую намъ тщету въ людѣхъ и въ конехъ дѣлали: (которые слуги наши добывали травы, ѣздяще на кони наши, а мя ротмистры, стрегуще съ полки своими, не могуще вездѣ обронити ихъ, злохитроства ради бусурманскаго и наглаго, незапнаго, пруткаго ихъ наѣзжанія); воистинну и пишучи, не исписалъ бы поряду, колько бито ихъ и поранено.

Видѣвъ же царь Казанскій, яко уже изнемогло было зѣло войско христіанское, наипаче тое, еже близу стѣнъ мѣскихъ, пришанцовався, лежало, ово отъ частыхъ вытечекъ и наѣзжанія ихъ съ лѣсовъ, ово отъ скудости пищи: бо зѣло уже драго куповано всякія брашна; войску, за неиспокоемъ, яко рѣхомъ, не дано и сухаго хлѣба наястися; а къ тому мало не всѣ нощи пребывахъ безъ сна, хранящи дѣлъ, начежъ живота и чести своей;—егда жъ, яко рѣхъ, уразумѣлъ сіе яко царь ихъ, такъ и внѣ града бусурманскіе воеводове утруженіе войска нашего: тогда тѣмъ сильнѣе и частѣйше отовнѣ наѣзжали и изъ града исходили. Царь же нашъ со

ѣми синклиты и стратилаты вниде въ совѣтъ о семъ, и совѣтъ въ конецъ добръ, благодати ради Божія, произведе: раздѣлити повелѣлъ войско все на двое; аки половину его подъ градомъ при дѣлахъ оставя, части же не малой здравія своего стрещи повелѣлъ, при шатрѣхъ своихъ; а тридесять тысящей конниковъ, устроя и раздѣливъ на полки по чину царскому, и поставя надъ каждымъ полкомъ по два, пѣнѣ и по три стратилатовъ, храбрыхъ, въ богатырскихъ делахъ свидѣтелиствованныхъ, такожъ и пѣшихъ, аки пятьнадесять тысящей, изведе стрѣльцовъ и казаковъ, и тако же раздѣлиша на гуфы по устроеніямъ стратилатскимъ. Поставя надо всѣми ими гетмана великаго, княжа Суздальскаго, Александра, нарѣченнаго Горбатаго, мужа зѣло разумнаго и старинаго и въ военныхъ вещахъ свидѣтельствованнаго, повелѣлъ ждати, закрывъ все войско христіанское за горами: идажъ изыдутъ бусурманы съ лѣсовъ, по обычаю своему, тогда повелѣно сразитися съ ними.

Во утріе же, аки на третьей годинѣ дня, изыдоша на великое поле, глаголемое Арское, отъ лѣсовъ полки бусурманскіе, и первѣе удариша на ротмистровъ, яже на стражехъ въ полцѣхъ стояша, коимъ было заповѣдано уступити имъ, клоняющеся ажъ до шанцовъ; они же уповающе, аки боящеся, христіане побѣгоша, гнаша за ними. Егда же втиснуша ихъ уже въ обозъ, тогда начаша подъ шанцами круги ѣздити и гарцовати, стрѣляюще изъ луковъ, по подобію частаго дождя; овы же во устроенію мноземъ, по малу полки грядуще, конные и пѣшіе, аки уже христіанъ пожрети хотяще. Тогда убо, тогда, глаголю, изыдоша абіе гетманъ съ войскомъ христіанскимъ, тако же во устроенію мноземъ, и приближася со тщаніемъ ко сраженію. Видѣвше же бусурманы, и рады бы назадъ къ лѣсу, но не возмогаша: уже бо далеко отъѣхали отъ него на поле; но обаче, хотяще и нехотяще, дали битву и крѣпцѣ сразишася съ первыми полки. Егда же наспѣлъ великій полкъ, въ немъ же самъ бяше гетманъ, такоже и пѣшіе полки приближашася, обходяще

ихъ, наипаче отъ лѣсу; тогда абіе въ бѣгство обратишася всѣ полки ихъ; христіанское же воинство гониша за ними, біюще ихъ, и яко на полдвѣ мили трупія бусурманскаго множество лежаше, и къ тому аки тысячу живыхъ поимаша. Тогда, за помощію Божіею, таковую пресвѣтлую побѣду христіане надъ бусурманы одержаша.

Егда же приведоша живыхъ вязней оныхъ ко царю нашему, тогда повелѣлъ, предъ шанцы выведши, привязати ихъ къ колью, да во градѣ сущихъ своихъ молятъ и напоминаютъ: да поддадутъ Казанское мѣсто цареви христіанскому; тако же и наши ѣздяще, напоминали ихъ, обѣщавающе имъ животъ и свободу, яко тѣмъ вязнемъ, такъ и сущимъ во градѣ, отъ царя нашего; они же, сихъ словесъ выслухавъ тихо, абіе начаша стрѣляти съ стѣнъ града, не такъ по нашихъ, яко по своихъ, глаголюще: „Лучше, рече, увидимъ васъ мертвыхъ отъ рукъ нашихъ бусурманскихъ, нежели бы посѣкли васъ гауры необрѣзанные!“ и иныя словеса отрыгающе хульныя, съ яростію многою, яко и всѣмъ намъ дивитися зряще.

И по семъ, аки по трехъ днехъ, повелѣлъ царь нашъ итти тому княжати, Александру Суздальскому, съ тѣмъ же войскомъ на засѣку, яже были бусурманы соорудили стѣну, между великими блаты, на горѣ единой, аки двѣ мили отъ мѣста, идѣже паки, по разбѣжанію оному, собрашася множество ихъ, и умыслиша оттуду, аки изъ града единаго выѣзжаючи, паки ударяти на войско христіанское. И къ тому еще, ко оному предреченному гетману придано другаго гетмана, а по ихъ, великаго воеводу съ полки его, именемъ князя Семена Микулинскаго, съ роду великихъ княжатъ Тверскихъ, мужа храбраго и въ богатырскихъ вещахъ искуснаго: и дано имъ повелѣніе таково: аще бы имъ Богъ помогъ оную стѣну проломити, да идутъ всѣмъ войскомъ ажъ до Арскаго города, который лежитъ отъ Казани дванадесять миль великихъ. Егда же пріидоша ко оной стѣнѣ, опрошася бусурманы и начаша бронитися крѣпцѣ, аки на двѣ годины

·іющеся; потомъ, за Божіею помощію, одолѣша ихъ наши, ко огненною стрѣльбою, такъ ручною, и побѣгоша бусурманы; нашижъ гонили ихъ. Егда же препроводишеся все войско великое за оную стѣну, и оттуду цареви нашему съ сеунчемъ послали; а тамо наше воинство объ нощь пребывало и обрѣтоша въ шатрѣхъ бусурманскихъ не мало корысти; и пріидоша, аки за два дни, до онаго предреченнаго града Арскаго и обрѣтоша его пустъ покиненъ: отъ страха бо избѣжаша изъ него всѣ, страха ради, въ далечайшіе лѣсы. И плѣниша тамо въ землѣ оной аки десять дней: понеже въ землѣ той поля великія, и зѣло преизобильныя и гобзующія на всякіе плоды; тако же и дворы княжатъ ихъ и вельможей зѣло прекрасны и воистину удивленія достойны, и села часты. Хлѣбовъ же всякихъ такое тамъ множество, воистину вѣрѣ по исповѣданію неподобно: аки бы на подобіе множества звѣздъ небесныхъ; также и скотовъ различныхъ стадъ безчисленныя множества, и корыстей драгоцѣнныхъ, наипаче отъ различныхъ звѣрей, въ той же землѣ бывающихъ: бо тамо родятся куны дорогія, и бѣлки и прочіе звѣріе ко одеждамъ ко ядѣнію потребные; а мало за тѣмъ далѣй соболей множество, такожде и медовъ: не вѣмъ, гдѣ бы подъ солнцемъ больше было. И по десяти дняхъ, со безчисленными корыстьми и со множествомъ плѣну бусурманскихъ женъ и дѣтей, возвратишася къ намъ здраво, также и своихъ древле заведенныхъ многихъ отъ бусурманъ свободиша, отъ многолѣтныя работы. И бысть тогда въ воинствѣ христіанскомъ веліл радость и благодареніе къ Богу воспѣваны, и такъ было танеи въ войску нашемъ всякія живности, ижъ краву куповано за десять денегъ Московскихъ, а вола великаго за десять аспръ.

Скоро по возвращенію онаго войска потомъ, аки по четырехъ дняхъ, собралося Черемисы Луговыя не мало, и ударили на наши станы задніе, съ Галицкія дороги, и не мало стадъ коней нашихъ отгромили; мы же абіе послали въ погоню за ними трехъ ротмистровъ, и за ними другіе посылоч-

ные полки во устроенію, засады ради; и угонено ихъ въ трехъ, або въ четырехъ миляхъ, и овыхъ избиша, другихъ живыхъ поимаша.

А если бы писалъ по ряду, яко тамо подъ градомъ, на каждый день, дѣялось, тогобъ цѣлая книга была; но вкратцѣ еще воспомянути достоитъ, яко они на войско христіанское чары творили и великую плювію наводили: яко скоро по облежанію града, егда солнце начнетъ восходити, взыдутъ на градъ, всѣмъ намъ зрящимъ, ово престарѣвшіе ихъ мужи, ово бабы, и начнутъ вопіяти сатанинскія словеса, машуще одеждами своими на войско наше и вертящеся неблагочиннѣ. Тогда абіе востанетъ вѣтръ и сочинятся облаки, аще бы и день ясенъ зѣло начинался, и будетъ такій дождь, и сухія мѣста въ блато обратятся и мокроты исполнятся; и сіе точію было надъ войскомъ, а по сторонамъ нѣсть, не точію по естеству аера случашеся. Видѣвше же сіе, абіе совѣтоваша цареви послати по древо спасенное до Москвы, еже во крестъ вдѣлано, который всегда при царскомъ вѣнцѣ лежитъ. И сбѣгано, за Божіею помощію, зѣло скоро, водою до Новаграда Нижняго, аки въ три, або четыре дни, Вятскими, зѣло скоро плавающими кораблецы, а отъ Новаграда до Москвы прутконіественными подводами. Егда же принесенъ честный крестъ, въ немъ же частка вдѣлана спасеннаго древа, на немъ же Господь нашъ Іисусъ Христосъ плотію страдалъ за человѣки; тогда презвитеры соборнѣ, со церемоніями христіанскими, обхожденія творяху, и по обычаю церковному освятиша имъ воды, и силою животворящаго креста абіе отъ того часа изчезоша и безъ вѣсти биша чары оные поганскіе.

И въ то же время у нихъ подкопомъ воду отнято, за двѣ, або за три недѣли до взятья: бо ся тамо подъ вежу великую и подъ тайники подкопано, оттуды они на весь градъ воду брали, и пороховъ подставлено, аки двадесять бочекъ великихъ: башню и вырвало. И къ тому у насъ вежу надъ обычай великую и высокую за двѣ недѣли урублено

ютаєно, за поляли отъ града, и единыя нощи близу рва ...ѣскаго поставлено и на нее взношено стрѣльбы десять дѣлъ и пятьдесятъ гаковницъ; и зѣло великую шкоду въ мѣстѣ и во градѣ на всякій день чинено съ нея: бо до взятья градскаго, побито люду бусурманскаго военнаго, кромѣ женъ и дѣтей, близу десяти тысящей со всѣхъ странъ, изъ дѣлъ и на вытечкахъ ихъ, изъ тое то вежи. А яко ее ставлено, и яковымъ обычаемъ иныя различныя стѣнобитныя хитрости творено, сіе оставляю, краткости ради, исторіи: бо широцѣ въ лѣтописной Русской книзѣ о томъ писано. Только о взятіи града мало вспомянемъ, елико можемъ вспамятати, вкратцѣ напишемъ. Понеже не токмо Богъ разумъ и даръ духа храбрости тогда подавалъ, но явленія нѣкоторыя достойнымъ и чистыя совѣсти мужемъ, въ нощныхъ видѣніяхъ, изъявилъ о взятіи града бусурманскаго, къ сему подвижуще воинство, яко мню, отомщающе безчисленное и многолѣтное разліяніе крови христіанскія, а оставшихся еще тамо живыхъ избавляюще отъ многолѣтныя работы.

Егда же, по скончанію седми недѣль отъ облежанія града, заповѣдано намъ еще во дни, утренней зари ждати до востока солнца, и повелѣно готовитися со всѣхъ странъ ко штурму, и дано таково знаменіе: егда взорвутъ стѣну порохи, иже въ подкопѣ; бо было въ другій разъ подкопано и засажено 48 бочекъ пороху подъ стѣною мѣскою; и большую половину войска пѣшаго ко штурму послано; акижъ третина войска всего, або мало больше, на полю осташася, паче же стрегуще здравія царева. Мы же, по повелѣнному, рано къ сему уготовашася, аки за двѣ годины еще до зари: бо азъ тогда посланъ быхъ къ нижайшимъ вратомъ, съ верьху Казани рѣки, приступати, а со мною было дванадесять тысящей войска. Ото всѣхъ же четырехъ странъ тако же устроено пресильныхъ и храбрыхъ мужей, нѣкоторыхъ и съ большими почты. Царь же сіе Казанскій и сенаты его увѣдали о семъ, и такъ же на насъ уготовались, яко же и мы на нихъ.

Предъ самымъ же солнечнымъ восходомъ, або мало что уже нача солнцу являтися, взорвало подкопъ: войско же христіанское абіе ударило со всѣхъ странъ на мѣсто и градъ, по повелѣнію цареву. Да свидѣтельствуетъ каждый о себѣ; азъ же что предъ очима тогда имѣхъ и дѣлахъ, повѣмъ истину вкратцѣ. Разрядихъ войско мое дванадесять тысящей подъ устроеніямъ стратилатовъ, потекохомъ ко градскимъ стѣнамъ и къ той великой башнѣ, яже предъ враты стояла на горѣ. Егда же еще быхомъ подалече отъ стѣнъ, ни изъ единыя ручницы, або стрѣлою, на насъ стрѣляно; егда уже близу быхомъ, тогда первѣе много огненный бой на насъ пущенъ съ стѣнъ и съ башенъ; тогда стрѣлъ густость такая, яко частость дождя; тогда каменія множество безчисленное, яко и воздуха не видѣти! Егдажъ близу стѣны подбихомся съ великою нуждою и бѣдою, тогда вары кипящими начаша на насъ лити и цѣлыми бревны метати. Всякожъ Божія помощь помогаше намъ тѣмъ, еже храбрость и крѣпость и запамятованіе смерти даровагше, и воистину съ поощреніемъ сердца и съ радостію бившася съ бусурманы за православное христіанство; и аки бы за полгодины отбиша ихъ отъ оконъ стрѣлами и ручницами. А къ тому и дѣла изъ за шанцовъ нашихъ помогаша намъ, стрѣляюще на нихъ: бо они явственно уже стояша на башнѣ оной великой и на стѣнахъ града, не хранящеся, яко прежде, но крѣпцѣ съ нами, и обличнѣ и вручь біющесь. И абіе могли бы ихъ избити; но много насъ ко штурму пондоша, а мало подъ стѣны градныя пріидоша: нѣкоторые возвращающесь, множество лежаще и творящеся побиты и ранены.

За тѣмъ Богъ поможе намъ! Первый братъ мой родный на стѣну града взыде по лѣствицѣ, и другіе воины храбрые съ нимъ; а овые, сѣкущесь и колющесь съ бусурманы, въ окна оныя великія башни влѣзше, а изъ башни сметавшись во врата великіе градные; бусурманы же абіе тылъ подаша, стѣны градныя оставивъ, побѣгоша на великую гору, ко двору цареву: бо бѣ зѣло крѣпокъ, между палатъ и мечетей

каменныхъ, оплотомъ великимъ обточенъ. Мы же за ними ко двору цареву, аще и утружденны во зброяхъ, а многіе храбрые мужіе на тѣлесахъ раны уже имуще, и зѣло ихъ мало осталося біющихся съ ними. А войско наше, яже было отстало внѣ града, яко увидѣло, яже мы уже во градѣ, а Татаровя съ стѣнъ побѣгоша, во градъ ринулось, и лежащіе, глаголемые ранены, воскочиша и творящіеся мертвые воскресоша. И со всѣхъ странъ не токмо тѣ, но и со становъ, и кашевары, и яже были у конехъ оставлены, и друзіе, яже и съ куплею пріѣхаша, всѣ сбѣгошася во градъ, не ратнаго ради дѣла, но на корысть многую: бо то мѣсто воистину полно было дражайшихъ корыстей, златомъ, и сребромъ, и каменіемъ драгоцѣннымъ, и собольми кипѣло и другими великими богатствы. Татаровяжъ запрошась съ нашу страну на царевѣ дворѣ, а дольную часть мѣста покинули, елико ихъ могло утещи; а съ другую сторону, яже съ Арскаго поля, откуду подкопъ взорвало, царь Казанскій съ дворомъ своимъ уступя, аки въ половину мѣста, застановился на Тезицкомъ рвѣ, (по нашему на купецкомъ), біющесь крѣпцѣ со христіаны: бо того мѣста двѣ части, аки на равнинѣ, на горѣ стоятъ; а третія часть зѣло удольна, аки въ пропасти; а поперегъ, аки въ половицу мѣста, отъ стѣны Булака ажъ до дольныя части мѣста, ровъ не малый. А мѣсто оно не мало: мало что отъ Виленскаго мнѣйше.

И бысть сея предреченныя битвы, аки на четыре годины и вяще, памятамись, ото всѣхъ странъ добываино на стѣны и во градѣ сѣчи. И якъ видѣвше бусурманы, иже христіанскаго войска мало оставаетъ, мало не всѣ на корысти падоша: мнози, яко глаголютъ, по два кратъ и по три въ станы отхождаху съ корыстьми и паки возвращахуся, храбрые же воини безпрестанни бьющесь; — видѣвше же сіе бусурманы, иже утрудишася уже воины храбрые, и начаша крѣпцѣ налегати, ополчающесь на нихъ. Корыстовники же оные предреченные, егда увидѣли, что наши по нуждѣ уступаютъ по малу, бранящесь бусурманомъ, въ таковое абіе бѣгство вда-

шася, яко и во врата многіе не попали; но множайшіе и съ корыстьми чрезъ стѣну метались, а иные и корысти повергоша, только вопіюще: *сѣкутъ! сѣкутъ!* Но за благодатіею Божіею, храбрымъ сердецъ не сокрушили: бо и съ нашу сторону зѣло было тяжко отъ належанія бусурмановъ (въ то время, отнелѣже во градъ внидоша и изыдоша, въ моемъ полку девяносто и осмь храбрыхъ мужей убито, кромѣ раненыхъ); но обаче, благодати ради Божіей, устояхомъ на нашей сторонѣ сопротивъ ихъ не подвижны. Со оныя же предреченныя страны мало что поступиша, яко рекохомъ, великаго ради множества належанія ихъ, и даша о себѣ вѣдати цареви нашему и всѣмъ совѣтникомъ, окрестъ его въ тотъ часъ бывшимъ, яко и самому ему зрящу бѣгство изъ града оныхъ предреченныхъ бѣгуновъ: и зѣло ему не токмо лице измѣняшесь, но и сердце сокрушися, уповая, иже все войско уже христіанское бусурманы изъ града изгнаша. Видѣвше же сицевое, мудрые и искусные сигклитове его, повелѣша хоругвь великую христіанскую близу вратъ градскихъ, нареченныхъ царскихъ, подвинути, и самого царя, хотяща и не хотяща, за брозды коня взявъ, близъ хоругви поставиша: понеже были нѣцыи, между сигклиты оными, мужіе вѣку еще отцовъ нашихъ, состарѣвшіеся въ добродѣтеляхъ и во всякихъ искусствахъ ратныхъ. Полку же царскому великому, въ которомъ было вяще, нежели двадесять тысящей воиновъ избранныхъ, абіе повелѣно сойти съ коней, аки половинѣ; такожде не токмо дѣтемъ своимъ и сродыымъ повелѣша, но и самихъ ихъ половина сшедши съ коней, потекоша во градъ, на помощь утружденнымъ оныммъ воиномъ.

Егда же пріидоша во градъ внезапу такъ много воинства свѣжаго, въ пресвѣтлыя зброя оболченнаго, абіе царь Казанскій со всѣмъ воинствомъ начаша уступовати назадъ, обаче бронящася крѣпцѣ; наши же по нихъ неотступно крѣпцѣй находяще, сѣкущеся съ ними. Егда уже погнаша ихъ ажъ до мечетей, яже близу царева двора стоятъ, абіе изыдоша во срѣтеніе нашихъ обазы ихъ, сеиты, моллы, предъ великимъ

бискупомъ ихъ, а по нихъ, съ великимъ анарый, або амиромъ, именемъ Кулшерифъ моллою, и сразишась съ нашими такъ крѣпцѣ, ажъ до единаго избиша ихъ. Царь же со всѣми остатными затворился во дворѣ своемъ, нача боронитися крѣпцѣ, аки еще на полторы годины біющеся. Егда же видѣвъ, яко не возможе уже помощи себѣ, тогда на едину сторону отобраша женъ и дѣтей своихъ, въ прекрасныхъ и въ преиспещренныхъ одеждахъ, околько десять тысящей, и сташа на единой странѣ великаго предреченнаго двора царева, уповающе, иже прельстится войско христіанское на красоту ихъ и живити ихъ будетъ. Сами же Татаровя со царемъ ихъ отобрашась во единъ уголъ и умыслиша не датися живымъ въ руки, точію бы царя живаго соблюсти; и поидоша отъ царева двора на дольную сторону мѣста къ нижайшимъ вратамъ, идѣже азъ сопротивъ ихъ у царева двора стояхъ, и не осталось уже было со мною полутораста воиновъ, а ихъ еще было о десять тысящей; обаче, тѣсноты ради улицы, боронились есмя имъ, отходяще и опирающеся, крѣпцѣ. Наше же войско великое съ горы оныя егда потиснуша ихъ зѣло, наче же заднїй конецъ Татарскаго полку, сѣкуще и біюще; тогда едва съ великою нуждою, за Божією помощію, изыдохомъ изъ вратъ градскихъ. Наши же съ великія горы крѣпцѣ належаще, тиснуша ихъ, намъ же объ ону страну стоящимъ, во вратѣхъ біющеся, не пущающе ихъ изъ града: уже бо намъ на помощь два полка христіанскіе приспѣша. Имъ же такъ тиснушась неволею, великаго ради належанія съ горы, иже съ вежею высокою равно, яже надо враты бяше, полно трупія ихъ лежаше; среднимъ же и заднимъ людемъ, ажъ по людемъ своимъ идуще на градъ и на вежу. Егда же возведоша царя своего на вежу, тогда начаша вопіяти, просяще малаго времени на розмову; мы же, мало утишився, послушавше прошенія ихъ. Ониже абіе сице рѣша, глаголюще: „Поки, рече, юртъ стояше и мѣсто главное, идѣже престолъ царевъ былъ, потыяжъ до смерти боронихомся за царя и отечество; а нынѣ царя вамъ отдаемъ здрава: ведите его ко

царю своему! А остатокъ насъ исходитъ на широкое поле — испити съ вами послѣднюю чашу". И отдаша намъ царя своего со единымъ карачемъ, что наибольшимъ ихъ, и со двѣма имилдеши. Царю ихъ было имя бусурманское Идигеръ, а князю оному Зепіешъ. И отдавъ намъ царя здрава, по насъ абіе стрѣляли, а мы по нихъ. И не поидоша на насъ во врата, но абіе поидоша съ стѣны просто чрезъ Казань рѣку, и хотяша пробитися, прямо противъ моего стану, на шанцы тѣми дирами, идѣже шесть дѣлъ великихъ стояло.

И абіе по нихъ ударено изо всѣхъ тѣхъ дѣлъ: онижъ воздвигошася оттуду и поидоша налѣво внизъ, подлѣ Казань рѣку, берегомъ, аки три перестрѣла лучныхъ, и по конецъ шанецъ нашихъ: тамо сташа и начаша легчитися и метати у себя зброи и розувати себя, ко бредепію рѣки: аще бо бѣ ихъ осталъ полкъ, аки шесть тысящей, або мало мнѣйше. Мы же, видѣвши сіе, мало насъ нѣчто добыша себѣ коней отъ своихъ становъ за рѣку; и такъ сѣдши на своя кони, устремишася скоро сопротивъ ихъ и заступиша имъ путь, имъ же хотяху пойти. И обрѣтоша еще ихъ не прешедшихъ чрезъ рѣку, и собрашась насъ сопротивъ ихъ мало что больше двy сотъ коней, бо зѣло скоро сіе случишась: понеже что остало войска и сколько, объ ону страну мѣста, при царѣ было, паче же мало не всѣ во градѣ уже. Абіежъ они пребредши рѣку (бо мелка была въ томъ мѣсцу, по ихъ счастью), ждатися начаша на самомъ брегу, ополчающесь, готови суще къ сраженію, съ различными броньми, паче же мало не всѣ со стрѣлами, и уже на тетивахъ луковъ стрѣлы имуще. И абіе начаша мало отъ берегу подвигатися, учиня чело не малое, а за нимъ и всѣмъ идущимъ вкупѣ зѣло густо и долго, аки два стрѣлянія не малыя лучныхъ, по примѣтѣ. Христіанскагожъ войска множество безчисленное на стѣнѣ града, такожe съ палатъ царскихъ зрящимъ, а помощи намъ; стремнины для великія и зѣло прекрасныя горы, никако же возмогоша подати.

Мы же, отпустя ихъ мало что отъ брегу, бо еще самому концу остальному изъ рѣки не явившусь: тогда удариша на нихъ, хотяще ихъ прервати и устроенные полки ихъ расторгнути. Молюся, да не возмнитъ мя кто безумна, самъ себя хваляща! Правду воистину глаголю, и дарованна духа храбрости, отъ Бога данна ми, не таю; къ тому и коня зѣло быстра и добра имѣхъ. И всѣхъ первѣе вразихся во весь полкъ онъ бусурманскій, и памятаю то, иже сѣкущесь, три разы въ нихъ конь мой оперся; и въ четвертый разъ зѣло раненъ повалился въ срединѣ ихъ со мною, и уже отъ великихъ ранъ не памятаю вяще. Очнувшеся уже потомъ, аки по малѣ годинѣ, видѣхъ, аки надъ мертвецомъ плачущихъ и рыдающихъ, двѣма слугамъ моимъ надо мною стоящимъ, и другимъ двѣма воиномъ царскимъ. Азъ же видѣхъ себя обнаженна лежаща, многими ранами учащенна, а животъ цѣлъ: понеже на мнѣ збройка была праотеческая, зѣло крѣпка, паче же благодать Христа моего такъ благоволила, иже ангеломъ своимъ заповѣдалъ сохранити мя недостойнаго во всѣхъ путехъ. Послѣди же, потомъ уже, увѣдахъ, иже тѣ всѣ благородные, ихъ же уже собралось было, аки со триста, иже обѣщались и устремитись со мною вкупѣ и на нихъ ударити, да поглядѣли возлѣ полка ихъ, не сразився съ ними: подобно для того, иже преднихъ ихъ нѣкоторыхъ зѣло поранили, близу себя припустя ихъ, или негли убояшася толщи ради полку; возвратився паки, сзади онаго бусурманскаго полку сѣщи начаша, наѣзжаючи и топчючи ихъ. Чело же ихъ иде невозбранно, чрезъ широкій лугъ, къ великому блату, идѣже конемъ не возможно, а тамо уже, за блатомъ, великій лѣсъ.

Потомъ, глаголютъ, приспѣлъ онъ, мой братъ предреченный, иже первѣе на стѣну градскую взыде: аки бы среди онаго лугу еще засталъ ихъ, и въ самое чело ихъ зѣло быстро, всѣми уздами распустя коня, вразився въ нихъ, такъ мужественно, такъ храбро, иже вѣрѣ неподобно, яко всѣмъ свидѣтельствовати: аки два кратъ проѣхалъ посреди ихъ,

сѣкуще ихъ и обращающе конемъ посреди ихъ. Егда же въ третій разъ вразился въ нихъ, поможе ему нѣкоторый благородный воинъ, номогающе ему, вкупѣ бьюще бусурмановъ, всѣмъ же со града зрящимъ и дивящимся; которые же не вѣдяще о царевѣ отданію, мняше царя Казанскаго между ихъ ѣздяща. И такъ его уранили, иже по пяти стрѣлъ въ ногахъ ему было, кромѣ иныхъ ранъ; но животъ сохраненъ былъ Божіею благодатію: понеже зброю на себѣ зѣло крѣпку имѣлъ. И такого былъ мужественнаго сердца, егда уже того коня подъ нимъ уранища такъ, иже съ мѣста не може двигнутися, другаго коня обрѣлъ, просто водяща у единаго дворянина царева брата, и непрося его, и забывши, паче же нерадящи такъ о прелютыхъ своихъ ранѣхъ, угонивъ паки полкъ бусурманскій, сѣкуще ихъ со другими воины, ажъ до самаго блата. И воистину имѣлъ таковаго брата храбра, и мужественна, и добронравна, и къ тому зѣло разумна, иже во всемъ войску христіанскомъ не обрѣташеся храбрѣйшій и лучшій, паче его; аще бы обрѣлся кто, Господи Боже! да таковъ же бы былъ! Паче же мнѣ зѣло былъ превозлюбленъ, и воистину мѣлъ бы за него душу свою положити и животомъ своимъ здравіе его откупити: понеже умре потомъ, на другое лѣто подобно, отъ тѣхъ лютыхъ ранъ. — Сіе конецъ краткаго писанія о Казанскаго великаго града бусурманскаго взятію.

ГЛАВА III.

БЕСѢДА ЦАРЯ СЪ ВАССІАНОМЪ.

1553.

Слово царя воеводамъ. Совѣтъ бояръ и шурьевъ царскихъ. Возвращеніе въ Москву. Рожденіе царевича Димитрія. Болѣзнь Іоанна. Путешествіе въ Кирилловъ монастырь. Свиданіе съ Максимомъ Грекомъ. Совѣтъ его и предсказаніе. Бесѣда царя съ Вассіаномъ Топорковымъ. Смерть царевича Димитрія. Волненіе Казанцевъ. Курбскій усмиряетъ ихъ. Плѣнъ Япчюра

с многихъ мурзъ. Нашествіе хана Крымскаго. Благоразуміе Шереметева. Безразсудность царскихъ сановниковъ. Пораженіе Россіянъ Татарами. Возмущеніе Казанцевъ. Бунтъ и усмиреніе Луговой Черемисы.

По оной же преславной побѣдѣ, аки бы на третій день, царь нашъ отрыгнулъ нѣчто неблагодарно, вмѣсто благодаренія, воеводамъ и всему воинству своему; на единаго разгнѣвався, таковое слово рекъ: „Нынѣ, рече, боронилъ мя Богъ отъ васъ!“ Аки бы реклъ: „не возмоглъ есмя васъ мучити, поки Казань стояла сама въ собѣ: бо ми естя потребны были всячески; а нынѣ уже вольно мнѣ всякую злость и мучительство надъ вами показывати“. О слово сатанинское, являемое неизреченную лютость человѣческому роду! О наполненіе мѣры кровопійства отческаго! Паче къ намъ, христіаномъ, достоило рещи отъ всего сердца человѣкови сицевое слово, между благодарными глаголы къ Богу всемогущему: „Благодарю тя, Господи! иже нынѣ оборонилъ еси насъ отъ враговъ нашихъ!“ Пріявши же сатана человѣческій скверный языкъ, яко орудіе, сице похвалися губити роды христіанскіе со своимъ стайникомъ, аки бы мстяще христіанскому воинству, иже воиновъ его, скверныхъ измаильтянъ, мужествомъ храбрости своей, Богу имъ помогающу, побили!

Царь же вниде въ совѣтъ о устроенію града нововзятаго: и совѣтовавше ему всѣ мудрые и разумные, иже бы ту пребылъ зиму, ажъ до весны, со всѣмъ воинствомъ, бо запасовъ было всякихъ множество съ Русскія земли галіями напривожено, яко же и въ той землѣ безчисленное богатство всякихъ достатковъ, и до конца выгубилъ бы воинство бусурманское и царство оное себѣ покорилъ и усмирилъ землю на вѣки; бо кромѣ Татарска языка, въ томъ царствѣ 5 различныхъ языковъ: Мордовскій, Чувашскій, Черемисскій, Вотяцкій, або Арскій, пятый Башкирскій (тѣ живутъ Башкирцы вверхъ великія рѣки Камы, въ лѣсѣхъ, яже въ Волгу впадаетъ, ниже Казани дванадесять миль). Онъ же совѣта мудрыхъ воеводъ своихъ не послушалъ; послушалъ же совѣта шурей своихъ: они бо шептаху ему во уши, да поспѣшится ко ца-

рицѣ своей, сестрѣ ихъ; но и другихъ ласкателей направилп съ попами.

Онъ же, стоявъ недѣлю, и оставя часть воинства въ мѣстѣ, и огненныя стрѣльбы съ потребу, и сѣдши въ суды, ѣхалъ къ Новугороду Нижнему, еже есть крайнее мѣсто великое Русское, которое лежитъ отъ Казани шестьдесятъ миль; а кони наши всѣ послалъ не тою доброю дорогою, ею же самъ шелъ къ Казани, но водлѣ Волгу, зѣло претрудными стезями, по великимъ горамъ лежащими, на нихъ же Чувашскій языкъ обитаетъ: и того ради погубилъ у всего воинства своего кони тогда: бо у кого было сто або двѣсти коней, едва два або три вышли. Се сія первая дума человѣкоугоднича! Егдажъ пріѣхавъ въ Новгородъ Нижній, и пребывалъ тамо три дни и распустилъ по домамъ воинство все; самъ же пустился на подводахъ сто миль до главнаго мѣста своего, Москвы: бо уродился ему былъ тогда сынъ Димитрій, его жъ своимъ безуміемъ погубилъ, яко напреди вкратцѣ о семъ повѣмъ. Пріѣхавъ же до Москвы, аки по двухъ мѣсяцахъ или по трехъ, разболѣлся зѣло тяжкимъ огненнымъ недугомъ такъ, иже niктоже уже ему жити надѣялся. Не по малыхъ днiяхъ, по малу оздравляти почалъ.

Егдажъ уже оздравѣвъ, обѣщался, скоро по недузѣ ономъ, и умыслилъ ѣхати сто миль отъ Москвы до единаго монастыря, глаголемаго Кириллова. Послѣжъ великаго дня воскресенія Христова, аки на третьей или на четвертой недѣлѣ, поѣхалъ первѣе въ монастырь Троицы живоначальныя, глаголемый Сергіевъ, иже лежитъ отъ Москвы двانадесять миль, на великой дорозѣ, которая идетъ къ Студеному морю. Поѣхалъ же не одинъ, но со царицею своею и съ новорожденнымъ отрочатемъ, на такъ долгій путь, и пребылъ въ Сергіевѣ монастырѣ аки три дни, опочиваючи себѣ: бо еще былъ не зѣло оздравѣлъ. А въ томъ тогда монастырѣ обиталъ Максимъ преподобный, мнихъ святыя горы Аѳонскія Ватопеда монастыря, Грекъ родомъ, мужъ зѣло мудрый, и не токмо въ риторскомъ искусствѣ многъ, но и философъ иску-

сенъ, и ужъ въ лѣтѣхъ превосходныя старости умащенъ, и по Бозѣ въ терпѣніи исповѣдальческомъ украшенъ: много бо претерпѣлъ отъ отца его многолѣтныхъ и тяжкихъ оковъ и многолѣтнаго заточенія въ прегорчайшихъ темницахъ, и другихъ родовъ мученій искусилъ неповиннѣ, по зависти Даніила митрополита, прегордаго и лютаго, и ото вселукавыхъ мниховъ, глаголемыхъ Осифлянскихъ; а онъ былъ его изъ заточенія свободилъ, по совѣту нѣкоторыхъ сигклитовъ своихъ, исповѣдающихъ ему, иже отнюдь неповиннѣ стражетъ таковый блаженный мужъ. Той предреченный мнихъ Максимъ началъ совѣтовати ему, да не ѣдетъ на такъ далекій путь, наипачежъ со женою и съ новорожденнымъ отрочатемъ.

„Аще, рече, и обѣщался еси тамо ѣхати, подвижуще святаго Кирилла на молитву ко Богу; но обѣты таковые съ разумомъ не согласуютъ, а то сего ради: егда доставалъ еси такъ прегордаго и сильнаго бусурманскаго царства, тогда и воинства христіанскаго храбраго тамо не мало отъ погановъ падоша, яже брашася съ ними крѣпцѣ по Бозѣ за православіе, и тѣхъ избіенныхъ жены и дѣти осиротѣли и матери обезчадѣли, во слезахъ многихъ и въ скорбѣхъ пребываютъ. И далеко, рече, лучше тѣхъ тебѣ пожаловати и „устроити, утѣшающе ихъ отъ таковыхъ бѣдъ и скорбей, „собравше ихъ ко своему царственнѣйшему граду, нежели „тѣ обѣщанія не по разуму исполняти. А Богъ, рече, вездѣ „сый, все исполняетъ и всюды зритъ недреманнымъ своимъ „окомъ, яко пророкъ рече: *сей не воздремлетъ, ни уснетъ,* „*хранящс Израиля;* а другій пророкъ: *у негожъ*, рече, *очи* „*седмь кратъ солнца свѣтлѣйши.* Тѣмъ же не токмо свя„тый Кириллъ духомъ, но и всѣ первородныхъ праведныхъ „духи написанные на небесѣхъ, иже предстоятъ нынѣ у „престола Господня, имущи очи духовныя острозрительнѣй„ши, паче съ высоты, нежели богатый во адѣ, и моляся „Христу за всѣхъ человѣковъ на земномъ кругу обитающихъ, „паче же за кающихся грѣховъ и волею обращающихся

„отъ беззаконій своихъ ко Богу: понеже Богъ и святые его „не по мѣсту объятія молитвамъ нашимъ внимаютъ, но „по доброй волѣ нашей и по самовластію. И аще, рече, по„слушаеши мене, здравъ будеши и многолѣтенъ, со женою „и отрочатемъ.“ И иными словесы множайшими наказуя его, воистину сладчайшими паче меда, каплющаго ото устъ его преподобныхъ.

Онъ же, яко гордый человѣкъ упрямясь, толико *ѣхати да ѣхати*, рече, *ко святому Кириллу;* къ тому ласкающе его и поджигающе міролюбцомъ и любоименнымъ мнихомъ и похваляюще умиленіе царево, аки богоугодное обѣщаніе: бо тѣ мнихи богатолюбные не зрятъ богоугоднаго, а ни совѣтуютъ по разуму духовному, чему были должны суще паче въ мірѣ живущихъ человѣкъ, но всячески со прилежаніемъ слухаютъ, что бы угодно было царю и властемъ, сіе рѣчь, чѣмъ бы вымаинти имѣнія монастырямъ, или богатство многое, и жити въ сладострастіяхъ скверныхъ, яко свиньямъ питающеся..... Прочее же умолчимъ, да не речемъ чего горшаго и сквернѣйшаго, и ко предреченнымъ возвратимся, о ономъ добромъ совѣтѣ глаголюще. Егда же видѣвъ преподобный Максимъ, иже презрѣлъ его совѣтъ и ко ѣханію безгодному устремился царь, исполнився духа пророческаго, началъ прорицать ему: „Аще, „рече, не послушаеши мене, по Бозѣ „совѣтающаго ти, и забудеши крови оныхъ мучениковъ, избіенныхъ отъ погановъ за правовѣріе, и презриши слезы „сиротъ оныхъ и вдовицъ, и поѣдеши съ упрямствомъ: „вѣдай о семъ, иже сынъ твой умретъ и не возвратится „оттуды живъ; аще послушаеши и возвратишися, здравъ „будеши, яко самъ, такъ и сынъ твой.“ И сіи словесы приказалъ ему четырмя нами: первый исповѣдникъ его, презвитеръ Андрей Протопоповъ, другій Іоаннъ княжа Мстиславскій, а третій Алексѣй Адашевъ, ложничій его, четвертымъ мною; и тѣ слова слышавъ отъ святаго, исповѣдахомъ ему по ряду: онъ же не радяще о семъ, и поѣхалъ оттуды до града, глаголемаго Дмитрова, и оттуды до монастыря единаго, речен-

наго на Песочнѣ, иже лежитъ при рѣцѣ Яхромѣ; туто имѣлъ суды уготованы ко плаванію.

Ту ми зри со прилежаніемъ, что врагъ нашъ непримирительный, діаволъ, умышляетъ и къ чему человѣка окаяннаго приводитъ и на что подвижетъ, влагающе ему аки благочестіе ложное и обѣщаніе къ Богу сопротивное разуму! И аки бы стрѣлою по примѣтѣ, царемъ стрѣлялъ до того монастыря, идѣже епископъ, уже престарѣвшійся во днехъ многѣхъ, пребывалъ: прежде былъ мнихъ отъ Осифлянскія оныя лукавыя четы, иже былъ великій похлѣбникъ отца его, и вкупѣ со прегордымъ и проклятымъ Даниломъ митрополитомъ, предреченныхъ оныхъ мужей многими лжесшиваньми оклеветаша и великое гоненіе на нихъ воздвигоша. Той-то митрополитъ Силвана преподобнаго, Максимова ученика, обоего любомудрія, внѣшняго и духовнаго, искуснаго мужа, в своемъ епископскомъ дому злою смертію за малые дни уморилъ; и скоро по смерти князя великаго Василія, яко митрополита Московскаго, такъ того Коломенскаго епископа, не токмо по совѣту всѣхъ синклитовъ, но и всенароднѣ, изгнано отъ престоловъ ихъ, явственныя ради злости.

Что же тогда приключишася? Таково то воистинну: иже приходитъ царь до онаго старца въ келлію, и вѣдая, яже отцу его единосовѣтенъ былъ и во всемъ угоденъ и согласенъ, вопрошаетъ его: „Како бы моглъ добрѣ царствовати и великихъ и сильныхъ своихъ въ послушествѣ имѣти?“ И подобало рещи ему: самому царю достоитъ быти яко главѣ, и любити мудрыхъ совѣтниковъ своихъ, яко свои уды, и иными множайшими словесы отъ священныхъ писаній ему подобало о семъ совѣтовати и наказати царя христіанскаго, яко достоило епискову нѣкогда бывшу, начежъ престарѣвшемуся уже въ лѣтѣхъ довольныхъ. Онъ же что рече? Абіе началъ шептати ему во ухо, по древней своей обыкновенной злости, яко и отцу его древле ложное сикованціе шепталъ, и таково слово реклъ: „Аще хощеши самодержцемъ быти, не „держи собѣ совѣтника ни единаго мудрѣйшаго собя: понеже

„самъ еси всѣхъ лучше; тако будеши твердъ на царствѣ, и „все имѣти будеши въ рукахъ своихъ! Аще будеши имѣть „мудрѣйшихъ близу себя, по нуждѣ будеши послушенъ имъ." И сице сплете силлогизмъ сатанинскій. Царь же абіе руку его поцѣловалъ и рече: „О! аще и отецъ былъ бы ми живъ, „таковаго глагола полезнаго не повѣдалъ бы ми!"

Ту ми разсмотри прилежно, яко согласуетъ древній гласъ отечь съ новымъ гласомъ сына! Искони отецъ, прежде бывшій Фосфоросъ, глаголютъ, видѣвъ себя пресвѣтла и сильна и надо многими полками ангельскими чиноначальникомъ отъ Бога постановленна, и забывъ, иже сотвореніе есть, рече себѣ: „Погублю землю и море и поставлю престолъ мой выше „облакъ небесныхъ и буду равенъ Превышнему;" аки бы реклъ: „и могу сопротивиться ему;" и абіе денница низпаде восходящая заутра, и низпаде ажъ въ преисподнюю: возгордѣвъ бо и не сохранивъ своего чина, яко писано есть: „и „отъ Фосфора Сатана нареченъ," сирѣчь отступникъ. И сынъ гласъ подобенъ провѣщалъ, паче же онъ самъ точію дѣйствовалъ устами престарѣвшимися старца, и рече: „ты лучше „всѣхъ, и недостоитъ ти никого имѣти мудраго," аки бы реклъ: „понеже еси Богу равенъ."

О гласъ воистину діаволій! всякія злости и презорства и забвенія преполонъ! Забылъ ли еси, епископе! во второмъ царствѣ реченнаго? Егда совѣтовалъ Давыдъ со сигклиты своими, хотяще считати людей Израильскихъ, яко речено: *совѣтоваша ему вси сигклитове, да не сочитаетъ, понеже умножилъ Господь людъ Израилевъ, по обѣщанію своему ко Авраамy, аки песокъ морскій, и превозможе*, рече, *глаголъ царевъ*: сирѣчь не послушалъ совѣтниковъ своихъ и повелѣлъ считати людъ, дани ради больвія. Забылъ ли еси, что принесло непослушаніе сигклитскаго совѣта, и яковую бѣду навелъ Богъ сего ради? Мало весь Израиль не погибе, аще бы царь покаяніемъ и слезами многими не предварилъ. Запомнилъ ли еси, что гордость и совѣтъ юныхъ, а презрѣніе старѣйшихъ совѣту, Ровоаму безумному принесло? И иныя

всѣ безчисленныя во священныхъ писаніяхъ о семъ учащія оставя, вмѣсто тѣхъ шептаній, пребеззаконный глаголъ царю христіанскому, покаяніемъ очищену сущу, во уши всѣялъ еси. Подобно лѣнился еси прочести златыми усты вѣщающаго о семъ въ словѣ о Духу святомъ, ему же начало: *Вчера отъ насъ любимицы;* такоже и во другомъ словѣ, въ послѣдней похвалѣ о святомъ Павлѣ, сирѣчь во 9-й, емужъ начало: *Обличили насъ друзи нѣкоторые,* яко онъ похваляетъ нарицающе даръ духа совѣтъ отъ Бога данный, идѣже въ нихъ разсуждаетъ о различныхъ дарованіяхъ духа, яко мертвыхъ воскрешати и предивныя чудеса творити и различными языки глаголати, дары духа нарицаетъ, такожъ и совѣтовати полезныя на прибыль царства, даръ совѣта нарицаетъ, и свидѣтельство на то приводитъ не худаго мужа, ни незнаемаго, но самого славнаго Моисея, со Богомъ бесѣдовавшаго, моря раздѣлителя, и Фараонова бога и пресильныхъ Амалекитовъ потребителя, и предивныхъ чудесъ дѣлателя, а дара совѣта неимѣюща, яко писано: *но принялъ,* рече, *совѣтъ окромнаго,* сирѣчь отъ чужеземца алибо отъ страннаго человѣка, отъ тестя своего; *и не токмо,* рече, *Богъ совѣтъ Рагуила тестя его похвалилъ, но и въ законъ написалъ,* яко пространнѣе въ предреченныхъ его словесахъ зрится. Царь же аще и почтенъ царствомъ, а дарованій, которыхъ отъ Бога не получилъ, долженъ искати добраго и полезнаго совѣта не токмо у совѣтниковъ, но и у всенародныхъ человѣкъ: понеже даръ духа дается не по богатству внѣшнему и по силѣ царства, но по правости душевной; убо не зритъ Богъ на могутство и гордость, но на правость сердечную, и даетъ дары, сирѣчь елико кто вмѣститъ добрымъ произволеніемъ. Ты же все сіе забылъ! Отрыгнулъ же еси вмѣсто благоуханія смрадъ! И еще къ тому, что запамяталъ еси или не вѣси, иже всѣ безсловесные душевнымъ естествомъ несутся, або принуждаются и чувствомъ правятся; а словесные не токмо человѣцы плотные, но и самыя безтѣлесныя силы, сирѣчь святые ангели, совѣтомъ и разумомъ управляются? яко Діонисій

Ареопагитъ и другій великій учитель пишутъ о семъ. А что древнихъ оныхъ блаженныхъ ликъ исчиталъ бы? Иже всѣмъ еще тамо во устѣхъ обносится, о томъ мало достоитъ воспомянути, сирѣчь дѣда того царя, Іоанна князя великаго, такъ далече границы свои разширивша, и къ тому еще дивнѣйшаго, у негожъ въ неволѣ былъ, великаго царя ордынскаго изгналъ и юртъ его разорилъ, не кровопійства ради своего и любимаго для грабленія: не буди, по воистинну многаго его совѣта ради съ мудрыми и мужественными сигклиты его: бо зѣло, глаголютъ, его любосовѣтна быти, и ничтоже почипати безъ глубочайшаго и многаго совѣта. Тыжъ, аки сопротивъ всѣхъ оныхъ, не токмо древнихъ оныхъ великихъ святыхъ предреченныхъ, но и новаго того славнаго вашего сопротивъ сталъ: понеже всѣ тѣ согласнѣ вѣщаютъ: *любяй совѣтъ, любитъ свою душу;* а ты рече: „не держи совѣтниковъ мудрѣйшихъ себя!"

О сыне діаволь! прочто человѣческаго естества, вкратцѣ рещи, жилы пресѣклъ еси, и всю крѣпость разрушити и отъяти хотяще, таковую искру безбожную въ сердце царя христіанскаго всѣялъ, отъ нея же во всей Святорусской земли таковъ пожаръ лютъ возгорѣлся, о немъ же свидѣтельствовати словесы мню непотреба? Понеже дѣломъ сія прелютѣйшая злость произвелася, якова никогда же въ нашемъ языцѣ бывала, отъ тебя бѣды начало пріемше, яко напреди нами плодъ твоихъ прелютыхъ дѣлъ вкратцѣ изъявится. Воистинну мало по нареченію твоему и дѣло твое показася: бо нареченіе ти *Топорковъ;* а ты не топоркомъ, сирѣчь малою сѣкеркою: воистину великою и широкою, и самымъ оскордомъ благородныхъ и славныхъ мужей во великой Руси постиналъ еси. Къ тому яко многое воинство, такъ безчисленное множество всенародныхъ человѣковъ ни отъ кого прежде, по добромъ покаянію своему, только отъ тебя Васьяна Топоркова царь будучи прелютостію наквашенъ, всѣхъ тѣхъ предреченныхъ различными смертьми погубилъ. И сіе оставя, до предреченныхъ возвратимся.

Напившися царь христіанскій отъ православнаго епископа таковаго смертоносназо яду, поплылъ въ путь свой Яхромою рѣкою, ажъ до Волги, Волгоюжъ плылъ колько десять миль, до Шексны рѣки великія, и Шексною вверхъ ажъ до озера великаго Бѣлаго, на немъ же мѣсто и градъ стоитъ; и не доѣзжаючи монастыря Кириллова, еще Шексною рѣкою плывучи, сынъ ему, по пророчеству святаго, умре. Се первая радость за молитвами онаго предреченнаго епископа! Се получение мзды за обѣщанія не по разуму, начеже не богоугодныя!... И оттуду пріѣхалъ до онаго Кириллова монастыря въ печали мнозѣ и въ тузѣ, и возвратился тощима руками во мнозѣй скорби до Москвы.

Къ тому и то достоитъ вкратцѣ воспомянути, перваго ради презрѣнія совѣта добраго, яже еще въ Казани будуще, совѣтовали ему сигклитове не исходити оттуды, дондеже до конца искоренитъ отъ земли оныя бусурманскихъ властелей, яко прежде написахомъ,—чтожъ, смиряюще его гордость, попущаетъ Богъ? Паки ополчаются противъ его оставшіе князя Казанскіе, вкупѣ со предреченными прочими языки поганскими, и воюютъ зѣльнѣ, не токмо на градъ Казанскій приходяще съ великихъ лѣсовъ, но и на землю Муромскую и Новаграда Нижняго наѣзжаютъ и плѣнятъ. Того было безпрестаннѣ, аки шесть лѣтъ послѣ взятія мѣста Казанскаго, иже въ оной землѣ грады новопоставленные, нѣкоторыежъ и въ Русской землѣ, во осадѣ были отъ нихъ. И свели тогда битву съ гетманомъ его, мужемъ нарочитымъ, ему же имя было Борисъ Морозовъ, глаголемый Салтыковъ: и падоша полки христіанскіе отъ погановъ; и самъ же гетманъ поиманъ, и держаша его жива, аки два лѣта, и потомъ убиша его, не хотѣша его же а ни на окупъ, а ни на отмѣну своихъ дати. И въ туя шесть лѣтъ битвы многія быша съ ними и воеванія; и толикое множество въ то время погибе войска христіанскаго, біющеся и воюющеся съ ними безпрестанно, иже вѣрѣ неподобно.

И по шестомъ лѣтѣ собра войска не мало царь нашъ, вяще, нежели тридесять тысящей, и поставилъ надъ ними воеводъ трехъ: Іоанна Шереметева, мужа зѣло мудраго и острозрителнаго и со младости своея въ богатырскихъ вещахъ искуснаго, и предреченнаго князя Симеона Микулинскаго, и меня; и съ нами немало стратилатовъ, свѣтлыхъ, и храбрыхъ и великородныхъ мужей. Мы же пришедше въ Казань и, опочинувшу мало воинству, поидохомъ въ предѣлы оные далеко, идѣже князіе Казанскіе съ воинствы бусурманскими и другими поганскими ополчались, и было ихъ во ополченію вяще, нежели пятьнадесять тысящей, и поставляху битвы съ нами и со предними полки нашими; сражашася мало не двадесять кратъ, памятамися: бо имъ удобно бываше, яко знаемымъ во своей ихъ землѣ, паче же съ лѣсовъ прихождаху, сопротивляющиижеся намъ крѣпцѣ; и вездѣ, за благодатію Божіею, поражаеми были отъ христіанъ. И къ тому погодно время Богъ далъ намъ на нихъ: понеже зѣло въ тую зиму снѣги были великіе безъ серенов, и того ради мало что ихъ осталось: понеже хождаху за ними мѣсяцъ цѣлый, а предніе полки наши гоняху за ними ажъ за Уржумъ и Мешь рѣку за лѣсы великіе, и оттуду ажъ до Башкирска языка, иже по Камѣ рѣкѣ вверхъ ко Сибири протязается; и что ихъ было осталося, тѣ покоришася намъ. И воистину: было, что писати по ряду о оныхъ сраженіяхъ съ бусурманы; да краткости ради оставляется: бо тогда больше десяти тысящей воинства бусурманскаго погубихомъ со атаманы ихъ; тогда же славныхъ кровопивцевъ христіанскихъ, Янчюру Изманьтяпина и Алеку Черемисина, и другихъ князей ихъ немало погубихомъ. И возвратихомся, за Божіею благодатію, во отечество со пресвѣтлою побѣдою и со множайшими корыстьми; и оттуды начала усмирятися и покорятися Казанская земля цареви нашему.

И потомъ, того же лѣта, пріиде вѣсть ко царю нашему иже царь Перекопскій, со всѣми силами своими препроводясь чрезъ проливы морскіе, пошелъ воевати землю Черкасовъ Пя-

тигорскихъ; и сего ради послалъ царь нашъ войска на Перекопь аки тринадесять тысящей, надъ ними же поставилъ гетманомъ Іоанна Шереметева и другихъ съ нимъ стратилатовъ. Егда же наши пойдоша чрезъ поле великое, къ Перекопи дорогою лежащею, глаголемою на Изюмъ-курганъ, царемъ же бусурманскимъ яко есть обычай издавна инуды лукъ потянуть, а инуды стрѣлять, сирѣчь на иную страну славу пустить, аки бы хотящи воевати, а инуды пойдутъ, и возвративши войска отъ Черкасскія земли, поиде на Русь дорогою, глаголемою на Великій перевозъ, отъ тое дороги, яже лежитъ на Изюмъ-курганъ, аки день ѣзду конемъ, и не вѣдяше о христіанскомъ войску. Іоаннъ же, яко мужъ разумный, имяше стражу со обоихъ боковъ зѣло прилежную и подъѣзды подъ шляхи, и увѣдавше о царевѣ хожденіи на Русскую землю, и абіе послалъ вѣсть ко царю нашему до Москвы, иже грядетъ недругъ его на него въ силѣ тяжстѣй, а самъ зайде ему созади, хотяще на него ударити въ то время, егдаже въ Русской землѣ войска распуститъ. Потомъ, увѣдавъ о кошѣ царя Перекопскаго, послалъ на него аки третину войска, бо отъ шляху былъ, имъ же Іоаннъ идяще, аки полдница въ странѣ: бо обычай есть всегда Перекопскаго царя днищъ за пять, або за шесть, оставляти половину коней всего воинства своего, пригоды ради.

Писари же наши Русскіе, имъ же князь великій зѣло вѣритъ, а избираетъ ихъ не отъ шляхетскаго роду, ни отъ благородна, но паче отъ поповичевъ, или отъ простаго всенародства, а то ненавидячи творитъ вельможъ своихъ, подобно, по пророку глаголющему, *хотяще единъ веселитися на земли*, —чтожъ тые сотворили писари? То воистину: что было таино, сіе всѣмъ велегласно проповѣдали. „Се! рекше, изчезнетъ убо царь Перекопскій со всѣми силами своими! Царь нашъ грядетъ со множествомъ воинства противъ его, а Іоаннъ Шереметевъ надъ главою его идетъ за хребтомъ". И то во всѣ украйны написали проповѣдающе; царь же Перекопскій, до самыхъ Русскихъ предѣловъ пришедши, ни о чемъ же не

вѣдяше; но такъ было Богъ далъ, иже ни единаго человѣка не возможе нигдѣ обрѣсти, и о томъ зѣло тружашеся, тамо и овамо по странамъ ищуще языка; послѣди же, по несчастію, найде дву: единъ же ему вся по ряду исповѣда, муки не претерпѣвъ, яже написали мудрые наши писари. И первѣе тогда, глаголютъ, во велицемъ ужасѣ былъ и въ недоумѣніи со всѣми своими, и абіе возвратился шляхомъ своимъ къ ордѣ. И по дву дняхъ встрѣтился съ войскомъ нашимъ, и то не со всѣмъ: понеже еще не пришла была оная предреченная часть войска, яже на кошъ была послана; и снидошася оба войска о полудни въ среду, и битва пребывала ажъ до самыя нощи. И такъ было перваго дня посчастилъ Богъ надъ бусурманы, иже множество побито ихъ; во христіанскомъ же войску зѣло мало школы быша. И по излишнему смѣльству, вразившася нѣкоторые наши въ полки бусурманскіе, и убитъ единъ зацнаго отца сынъ, и два шляхтича изымано живы, и отъ Татаръ приведено ихъ предъ царя. Царь же нача со прещеніемъ и муками пытати ихъ; единъ же повѣдалъ ему то, яко достояло храброму воину и благородному; а другій, безумный, устрашился мукъ, повѣдалъ ему по ряду: „иже, рече, малый людъ, и того вяще четвертая часть на кошъ твой послано“.

Царь же Татарскій аще и хотяше нощію тою отойти и бѣжати въ орду: зѣло бо бояшеся сзади войска христіанскаго и самого князя великаго; но онъ его, предреченный безумникъ, во всемъ утвердилъ; и сего ради задержался. На утрожъ, въ четвергъ, дню свѣтающу, паки битва начася, и пребывала ажъ до полудня: такъ бишася крѣпцѣ и мужественнѣ тѣми малыми людьми, иже всѣ были полки Татарскіе разогнали. Царь же единъ остался между янычары: бо было съ нимъ аки тысяща съ ручницами и дѣлъ не мало. И по грѣхомъ нашимъ, въ томъ часу самъ гетманъ воинства христіанскаго зѣлнѣ раненъ, и къ тому конь застрѣлиша подъ нимъ, иже еще къ тому сбилъ его съ себя (яко обычай раненымъ конемъ), и обронища его храбрые воины нѣкоторые

една жива и наполы мертва; Татаровяжъ, видѣвше царя своего между янычары при дѣлѣхъ, паки обратишася; а нашимъ уже справа безъ гетмана помѣшалась: аще и были другіе воеводы, но не были такъ храбры и исправны. Потомъ аще трвала битва мало не на двѣ годины, яко глаголютъ пословицу: „аще бы и львовъ стадо было, безъ добраго пастыря неспорно“. И большую половину войска христіанскаго разогнаша Татаровя, овыхъ побиша, храбрыхъ же мужей не мало и живыхъ поймано; а другая часть, аки двѣ тысящи и вяще, въ байраку единомъ обсѣкошась: къ нимъ же царь со всѣмъ войскомъ своимъ три краты тогожъ дни приступалъ, добывающе ихъ, и отбишась отъ него, и поиде отъ нихъ предъ солнечнымъ заходомъ со великою тщетою. Поиде же скоро ко ордѣ своей: бояшебося сзади нашего войска за собою. И пріѣхаша тѣ всѣ стратилати съ воями здравы ко царю нашему.

Царь же нашъ, егда о пораженіи своихъ не вѣдяше, скоро шелъ и со великимъ потщаніемъ сопротивъ царю Перекопскому: ибо егда пришелъ отъ Москвы ко Окѣ рѣкѣ, не сталъ само, идѣже обычай бывалъ издавна застановлятися христіанскому войску противъ царей Татарскихъ; но превезшеся за великую Оку рѣку, пошелъ оттуду къ мѣсту Тулѣ, хотяще съ нимъ битву великую свести. Егдажъ аки половину отъиде отъ Оки до Тулы, приде къ нему вѣсть, иже поражено войско христіанское отъ царя Перекопскаго; потомъ, аки по годинѣ, раненые наши воины нѣцыи усрѣтошася. Царевижъ нашему и многимъ совѣтникомъ его абіе мысль отмѣнишась, и начаша инако совѣтовать ему, срѣчь: да идетъ паки за Оку, а оттуды къ Москвѣ. Нѣцыи мужественнѣйшіе укрѣпляюще его и глаголюще: „да не дастъ хребта врагу своему и да не посрамитъ прежнія славы своея добрыя и лицъ всѣхъ храбрыхъ своихъ, и да грядетъ мужественнѣ сопротивъ врага креста Христова“. И рече: „аще онъ и выигралъ, за грѣхи христіанскіе, битву, но обаче уже утруждено войско имѣетъ, такожe множество раненыхъ и побитыхъ: бо брань крѣпкая съ на-

шими пребывала два дни". И еще ему добрый и полезный совѣтъ подающе: понеже еще того невѣдающе, яже царь пошелъ уже къ ордѣ, но чающе его, что часъ, пришествія. Царь же нашъ абіе совѣта храбрыхъ послушавъ, и совѣтъ страшливыхъ отвергъ, иде къ Тулѣ мѣсту, хотяще сразитися съ бусурманы за православное христіанство. Се таковъ нашъ царь былъ, поки любилъ около себя добрыхъ и правду совѣтующихъ, а не презлыхъ ласкателей, надъ нихъ же губительнѣйшаго и горшаго во царствѣ ничтожъ можетъ быти!

Егдажъ пріѣхалъ на Тулу, тогда съѣхашася къ нему немало разогнаннаго войска, и оные предреченные пріѣхали со своими стратилаты, яже отъ царя отбишася, аки двѣ тысящи ихъ, и повѣдаша: „уже, аки третій день, царь поиде къ ордѣ". Потомъ паки, акибы въ покаяніе вниде, и не мало лѣтъ царствовалъ добрѣ: ужаснулся бо о наказаніяхъ оныхъ отъ Бога, ово Перекопскимъ царемъ, ово Казанскимъ возмущеніемъ, о нихъ же мало предъ тѣмъ рекохъ: понеже такъ уже, глаголютъ, было отъ тѣхъ Казанцевъ изнемогло воинство христіанское и въ нищету пришло, яже уже у множайшихъ насъ и послѣднихъ стяжаній не стало; къ тому болѣзни различныя и моры частые бывали тамо, яко многимъ уже совѣтовати со вопіяніемъ, да покинетъ мѣсто Казанское и градъ, и воинство христіанское сведетъ оттуду; а рада то была богатыхъ и лѣнивыхъ мниховъ и мірскихъ, яко глаголютъ пословицу: добрѣ бываетъ, кому родити, тому и кормити младенца, или попеченіе о немъ имѣти, сирѣчь: кто тружался зѣло, и болѣзновать о семъ тому достоило и совѣтовати о таковыхъ.

А потомъ взяла была Черемиса Луговая царя собѣ съ Нагайскія орды, бронящеся христіаномъ и воююще: бо тотъ Черемисскій языкъ не малъ есть и зѣло кровопійственъ, и обирается ихъ, глаголютъ, вяще двадесять тысящей войска; потомъ же егда разсмотривши, яже мало имъ прибыли съ того царя, убиша его и сущихъ съ нимъ Татаръ, аки три ста, и главу ему отсѣкоша и на высокое древо взоткнули и глаго-

лали: „Мы было взяли тебя того ради на царство, съ двором твоимъ, да обороняеши насъ; а ты и сущіе съ тобою не сотворилъ намъ помощи столько, сколько воловъ и коровъ нашихъ поѣлъ: а нынѣ глава твоя да царствуетъ на высокомъ колѣ“. Потомъ, избравше собѣ своихъ атамановъ, біющесь и воююще съ нами крѣпцѣ, аки два лѣта, и паки потомъ ово примиряхуся, ово паки брань начинаху. Но иныя оставя въ тѣ лѣта бывшія, въ краткости исторейки тое зряще, се воспомянемъ.

ГЛАВА IV.

ВОЙНА ЛИФЛЯНДСКАЯ.

1554—1560

рычины войны. Опустошеніе Лифляндіи. Перемиріе. Нѣмцы нарушаютъ ное. Нечестіе ихъ. Взятіе Нарвы, Нейшлоса, Дерпта и другихъ городовъ. Наши неудачи. Мужество Кетлера. Нашествіе хана Крымскаго. Порѣніе Астрахани. Орда Нагайская истреблена моромъ. Тщетный совѣтъ ирь. Дмитрій Вишневецкій воюетъ Крымъ. Бездѣйствіе Іоанна и Короля Польскаго. Образъ жизни пановъ Польскихъ. Доблесть Волынцевъ и Константина Острожскаго. Заслуги Сильвестра и Адашева. Конецъ ордена Меченосцевъ. Курбскій главнымъ воеводою въ Лифляндіи. Пораженіе Нѣмцевъ. Плѣнъ Фирстенберга. О началѣ Лифляндцевъ. Бѣгство Хоткѣвича. Взятіе Феллина.

Въ тѣхъ же лѣтѣхъ премиріе минуло съ Лифляндскою землею; и пріѣхаша послове отъ нихъ, просяще миру. Царь же нашъ началъ упоминатися дани, яже еще дѣдъ его въ привилью воспомянулъ объ ней, и отъ того времени, аки пятьдесятъ лѣтъ, не плачено было отъ нихъ; а Нѣмцы не хотяще ему дани дати оныя, и за тѣмъ война зачалася. И послалъ тогда насъ трехъ великихъ воеводъ, и съ нами другихъ стратилатовъ, и войска аки четырдесять тысящей и вяще, не градовъ и мѣстъ добывати, но землю ихъ воевати. И воевахомъ се мѣсяцъ цѣлый, и нигдѣже опрошася намъ

битвою; точію со единаго града изошли сопротивъ посылокъ нашихъ, и тамо поражено ихъ. И шли есмя ихъ землею, воююще вдоль вяще четыредесять миль, и изыдохомъ въ землю въ Инфляндскую съ великаго мѣста Пскова, и вышли есмы совсѣмъ здраво съ ихъ земли, ажъ на Иваньградъ, около ихъ землею ходяще; и изнесоша съ собою множество различныхъ корыстей: понеже тамъ земля зѣло была богатая и жители въ ней быша такъ горды зѣло, иже и вѣры христіанскія отступили и обычаевъ и дѣлъ добрыхъ праотецъ своихъ, поудалилися и ринулися всѣ ко широкому и пространному пути, сирѣчь ко пьянству многому, и невоздержанію, и ко долгому спанію, и лѣнивству, къ неправдамъ и кровопроливанію междоусобному, яко есть обычай, презлыхъ ради догматовъ, таковымъ и дѣламъ послѣдовати. И сихъ ради, мню, и не попустилъ имъ Богъ быти въ покою и въ долготу дней владѣти отчизнами своими.

Потомъ же они упросили быти премирья на полроку, хотяще себѣ взяти о той предреченной дани на размышленіе; и сами упросивши, не пребыли въ томъ два мѣсяцей. Сице разрушили тое премирье: яко всѣмъ есть вѣдомо, иже Нѣмецкое мѣсто, глаголемое Нарва, и Русское Иваньградъ объ едину рѣку стоятъ, а оба два града и мѣста не малые, паче же той Русскій многонароденъ; и на самый день, въ онь же Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, за человѣческій родъ плотію пострадалъ, и въ той день, ему по силѣ своей каждый христіанинъ подобяся, страстямъ его терпитъ, въ постѣ и въ воздержаніи пребывающе: а ихъ милость Нѣмцы, велеможные и гордые, сами себѣ новое имя изобрѣтше, нарекшеся Евангелики, въ началѣ еще дня того ужравшеся и упившися, надъ надежду всѣхъ изъ великихъ дѣлъ стрѣляти на мѣсто Русское начали и побиша люду немало христіанскаго, со женами и дѣтками, и проліяша кровь христіанскую въ такіе великіе и святые дни: бо безпрестаннѣ били три дни, и на самый день Христова воскресенія не унялися, будучи въ премиріи, присягами утвержденномъ. А на Иванѣ-

градѣ воевода, не смѣючи безъ царева вѣдома, премирья нарушити, далъ скоро до Москвы знаки; царь же вниде въ совѣтъ о томъ, и по совѣтѣ, на томъ положилъ, иже по нуждѣ за ихъ початкомъ, повелѣлъ бронитися и стрѣляти съ дѣлъ на ихъ градъ и мѣсто: бо уже было и великихъ дѣлъ съ Москвы припровожено тамъ немало, и къ тому послалъ стратилатовъ и повелѣлъ двѣма пятинамъ Новгородскимъ воинству сбиратися къ нимъ. Нашижъ, егда заточиша дѣла великія на мѣста ихъ, и начаша бити по граду и по палатамъ ихъ, такожъ и верхними дѣлы стрѣляти кулями каменными великими; они же, яко отнюдь тому непскусные, живши множество лѣтъ въ покою, гордость отложа, абіе начаша просити премирья, аки на четыре недѣли, беручи себѣ на размишленіе о поддапію мѣста и града. И выправили до Москвы царю нашему двухъ бурмистровъ своихъ, къ тому же трехъ мужей богатыхъ, обѣщающе за четыре недѣли мѣсто и градъ поддати; ко майстружъ Лифляндскому и ко другимъ властемъ Нѣмецкимъ послаша, просяще помощи. „Аще ли, рече, не дадите помощи, мы отъ такой великія стрѣльбы не можемъ терпѣти: поддадимъ градъ и мѣсто“. Майстръ же абіе далъ имъ въ помощь антипата Феллинскаго, а другаго съ Ревля, а съ ними четыре тысящи люду Нѣмецкаго, и конныхъ и пѣшихъ.

Егдажъ пріидоша войско Нѣмецкое во градъ, аки во двu недѣляхъ потомъ, наши же, не начинающе браии, дондеже минетъ оный мѣсяцъ премирью: онижъ не престаша обыкновенія своего, сирѣчь пьянства многаго и руганія надъ догматы христіанскими, и обрѣтше икону пресвятыя Богородицы, у неяже на руку написанъ по плоти превѣчный младенецъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, въ коморахъ оныхъ, идѣже купцы Русскіе у нихъ нѣкогда обитали, воззрѣвше на нее господинъ дому съ нѣкоторыми новопришедшими Нѣмцы, начаша ругатися, глаголюще: „Сей болванъ поставленъ былъ купцовъ ради Русскихъ, а намъ уже нынѣ не потребенъ; пріидемъ и истребимъ его“. Яко пророкъ нѣкогда рече о та-

ковыхъ безумныхъ: *сѣчивомъ и теслою разрушающе, и огнемъ зажигающе свѣтило Божіе;* сему подобно и тѣ безумные нѣмики сотвориша. И взявше образъ со стѣны и пришедше къ великому огню, идѣже потребныя питья свои въ котлѣ варяще, и ввергше абіе во огнь. О Христе! неизреченны силы чудесъ твоихъ, имиже обличаеши хотящихъ дерзати и на имя твое беззаконовавшихъ! Абіе, наче праща, прутко летящія, або изъ якого великаго дѣла, весь огнь онъ изъ подъ котла ударилъ, воистину яко при Халдейской пещи, и не обрѣтесь ничтоже огня тамо, идѣже образъ вверженъ, и абіе въ верху палаты загорѣлось. Сіяжъ быша, аки по третьей годинѣ, въ день недѣльный. Аеру чисту бывшу и тиху, и абіе внезапу пріиде буря великая и загорѣлося мѣсто такъ скоро, иже за малый часъ все мѣсто объяло.

Людіе же Нѣмецкіе всѣ отъ мѣста избѣгоша во градъ отъ огня великаго, и не возмогоша ни мало помощи себѣ; народижъ Русскіе, видѣвше, иже стѣны мѣскія пусты, абіе устремишася чрезъ рѣку, овіи въ кораблецѣхъ различныхъ, овіи на дщицахъ, овіи же врата вымающе отъ домовъ своихъ и поплыша; потомъ и гопство устремилось, аще и воеводамъ крѣпцѣ возбраняющимъ имъ о семъ, премирья ради; онижъ, не послушавъ, видѣвше явственный Божій гнѣвъ на нихъ пущенный, а нашимъ подающій помощь, и абіе разломавши врата желѣзные и проломавши стѣны, внидоша въ мѣсто: бѣ бо буря она зѣлная, отъ мѣста на градъ возбуряше огнь. Егдажъ пріидоша съ мѣста ко граду войско наше, тогда начаша Нѣмцы противитися имъ, исходяще изъ вратъ вышеградскихъ и бишася съ нами, аки на двѣ годины; и взявши наши дѣла, яже во вратѣхъ мѣста Нѣмецкаго и которыя на стѣнахъ стояли, и начаша на нихъ стрѣляти изъ дѣлъ оныхъ. Потомъ приспѣша стрѣльцы Русскіе со стратилаты ихъ, такожъ и стрѣлъ множество отъ нашихъ вкупѣ съ ручничною стрѣльбою пущаемо на нихъ. Абіе втиснуша ихъ во вышеградъ; и ово отъ великаго духа огня, ово отъ стрѣльбы, яже изъ ихъ дѣлъ на нихъ по вратомъ вышеград-

нимъ стрѣляно, ово отъ великаго множества народу (бо въ вышеградъ былъ тѣсенъ), начаша абіе просити, да повѣно будетъ имъ розмовити. Егдажъ утишшась съ обѣихъ странъ войска, изыдоша изъ града и начаша постановляти съ нашими, да дадутъ имъ вольное исхожденіе и да пустятъ здравыхъ совсѣмъ. И на томъ постановили: пустили ихъ со оружіемъ, яже точію при бедрахъ, новопришедшее во градъ воинство ихъ, а тутошнихъ жителей со женами и съ дѣтьми жмо, а богатство и стяжанія во градѣ оставили; а нѣцыи изволиша ту въ домѣхъ своихъ остати: то пущено на волю ихъ.

Се такова мзда ругателей, иже уподобляютъ Христовъ образъ, по плоти написанъ, и родшія его болваномъ поганыхъ боговъ! Се иконоборцамъ воздаяніе! Абіе, яко за четыре годины, або пять, ото всѣхъ отчинъ и отъ превысокихъ палатъ и домовъ златописанныхъ лишены и премногихъ богатствъ и стяжаній обнажены, со уничиженіемъ и постыдніемъ и со многою срамотою отойдоша, аки нази: воистину знаменіе суда, прежде суда, на нихъ изъявлено, да прочіе накажутся и убоятся не хулити святыни. Сице первое мѣсто Нѣмецкое вкупѣ со градомъ взято. О образѣ же ономъ тогожъ дня исповѣдано стратилатамъ нашимъ. Егдажъ до конца погашенъ огнь въ той нощи, обрѣтенъ образъ пречистыя въ пеплѣ, идеже былъ ввержёнъ, наутріи цѣлъ ничѣмъ же не рушенъ, Божія ради благодати; потомъ въ новосозданной великой церкви поставленъ, и поднесь всѣми зримъ.

Потомъ, аки недѣля едина, взятъ градъ другій Нѣмецкій, оттуду шесть миль, Сыренескъ глаголемый, иже стоитъ на рѣкѣ Нарвѣ, идѣже она исходитъ изъ великаго озера Чюцкаго: та есть рѣка не мала, ею же отъ мѣста Искова портъ, ажъ до мѣстъ оныхъ предреченныхъ; и били съ дѣлъ по немъ только три дни и поддали его Нѣмцы нашимъ. Мы же отъ Искова пойдоша подъ Нѣмецкій градъ, нарицаемый *Новый*, иже лежитъ отъ границы Исковскія аки полторы мили; стояхомъ же подъ нимъ вяще, нежели мѣсяцъ, заточивши

дѣла великія: едва возмогохомъ взяти его, бо зѣло твердъ былъ. Майстръ же Лифляндскій, со всѣми бискупы и властели земли оныя, пошелъ ко граду тому на помощь сопротивъ насъ, имѣюще войска Нѣмецкаго съ собою вяще нежели осмь тысящей, и не доходя отъ насъ сталъ аки за пять миль, за великими крѣпостьми блатъ и за рѣкою единою; къ намъ же далѣ не пошелъ, подобно боялся: бо на единомъ мѣстѣ стоялъ, окопався, четыре недѣли обозомъ. Егдажъ послышалъ, иже стѣны града разбиты, и градъ уже взятъ, поиде назадъ къ мѣсту своему, Кеси, а бискупово войско ко Юрьеву граду: и не допущено ихъ до мѣста и поражено. За майстромъ же сами мы пойдохомъ и отойде отъ насъ.

Мы же возвратихомся оттуды, и пойдохомъ до великаго мѣста Нѣмецкаго, глаголемаго Дерпта, въ немъ же бискупъ самъ затворился со бурмистры великими и со жители града, и къ тому аки двѣ тысящи заморскихъ Нѣмецъ, иже къ нимъ пріидоша за пенязи. И стояли есмы подъ тѣмъ великимъ мѣстомъ и градомъ двѣ недѣли, пришанцовався и заточа дѣла и все мѣсто тое облегши, отъ него же не могоша уже ни исходити, ни входити въ него; и біяшася съ нами крѣпцѣ, бронящe града и мѣста, яко огненною стрѣльбою, тако частыя вытечки творяще на войско наше, воистину яко достоитъ рыцарскимъ мужемъ. Егдаже уже мы стѣны мѣскія изъ великихъ дѣлъ разбихомъ, также изъ верхнихъ дѣлъ стрѣляюще, ово огнистыми кулями, ово каменными, немалую тщету въ людѣхъ сотворихомъ; тогда они начали роковати съ нами, и выѣзжали къ намъ изъ града о постановленію четыре кратъ дня единаго, о немъ же бы долго писати, но вкратцѣ рещи: сдали мѣсто и градъ. И оставленъ каждый при домѣхъ своихъ и при всѣхъ стяжаніяхъ; токмо бискупъ выѣхалъ изъ мѣста до кляштора своего, аки бы миля велика отъ мѣста Дерпта; и пребылъ тамо до повелѣнія царя нашего, и потомъ поѣхалъ къ Москвѣ, и тамо былъ данъ ему удѣлъ до живота его, сирѣчь градъ единъ со великою властію.

И того лѣта взяхомъ градовъ Нѣмецкихъ съ мѣсты близу двадесяти числомъ; и пребыхомъ въ той землѣ ажъ до самаго первозимія, и возвратихомся ко царю нашему со великою и свѣтлою побѣдою: бо и по взятью града, гдѣ и сопротивляшеся Нѣмецкое войско намъ, вездѣ поражаху ихъ отъ насъ посланные на то ротмистры. И скоро по отшествіи нашемъ, аки по дву недѣляхъ, собравшися майстръ сотворилъ немалую шкоду во Псковскихъ властехъ; и оттуды пошелъ къ Дериту, и не доходя мѣста великаго, облегъ единъ градокъ, по-иговскому языку зовутъ его Рындегъ, аки за четыре мили отъ мѣста Дерита, и стоялъ, его облегши, аки три дни, и выбивъ стѣну, припустилъ штурмъ, и за третьимъ приступомъ взялъ, и котораго ротмистра на немъ взялъ, съ пришасты воины, тѣхъ мало не всѣхъ во презлыхъ темницахъ гладомъ и зимою поморилъ. А помощи дати тому граду не възмогохомъ, для далечайшаго пути и презлыя ради первозимнія дороги: бо отъ Москвы мѣста до Дерита миль сто и семьдесятъ есть, и войско было зѣло утруждено. И къ тому же зимы пошелъ былъ царь Перекопскій со своею ордою на князя великаго: бо дана была съ Москвы отъ Татаръ вѣсть, аки бы князь великій со всѣми силами своими на Лифлянту къ мѣсту Ригѣ пошелъ. Егда же пришелъ до украйны, аки за полтора днища, тогда взялъ на полѣ, на ловѣхъ рыбныхъ и бобровыхъ, казаковъ нашихъ и довѣдался, иже князь великій на Москвѣ есть, и войско отъ Лифляндскія земли возвратилось здраво, взявши Нѣмецкое мѣсто великое Деритъ и другихъ о двадесять градовъ. Онъ же, не повоевавъ, оттуды возвратился къ ордѣ со всѣми силами своими, со великою тщетою и срамомъ: бо та зима зѣло была студена и снѣги великіе, и того ради кони собѣ всѣ погубили, и множество ихъ отъ зимы и самихъ померло; къ тому и наши за ними гоняли, ажъ до рѣки до Донца, глаголемаго Сѣверскаго, и тамо, по зимовищамъ ихъ обрѣтая, губили. Паки на тую же зиму царь нашъ послалъ съ войскомъ своимъ не малыхъ гетмановъ своихъ, Ивана княжа Мстиславскаго и Петра Шуй-

скаго, съ роду княжатъ Суздальскихъ: и взяли вшедше единъ градъ зѣло прекрасенъ, стоитъ среди немалаго озера, на такой высцѣ, яко велико мѣстѣчко и градъ; а зовутъ его, иговскимъ языкомъ, Алюстъ, а по Нѣмецки Наримборхъ.

Въ тѣхъ то лѣта, яко прежде воспомянухомъ, иже былъ царь нашъ смирился и добрѣ царствовалъ и по пути Господня закона шествовалъ, тогда *ни о чесомъ же*, яко рече пророкъ, *враги его смирилъ*, и на наступающихъ языковъ народу христіанскому возлагалъ руку свою. Произволеніе человѣческое Господь всещедрый паче добротою наводитъ и утверждаетъ, нежели казнію; ащели же уже зѣло жестоко и непокорливо обрящется, тогда прещеніемъ, съ милосердіемъ смѣшеннымъ, наказуетъ; егдажъ уже неисцѣльно будетъ, тогда—казни, на образъ хотящимъ беззаконовати. Приложилъ еще же и другое милосердіе, яко рѣхомъ, дарующе и утѣшающе въ покаянію суща царя христіанскаго.

Въ тѣхъ же лѣтѣхъ, аки мало предъ тѣмъ, даровалъ ему къ Казанскому другое царство Астраханское; а се вкратцѣ извѣщу о семъ. Послалъ тридесять тысящей войска въ галіяхъ рѣкою Волгою на царя Астраханскаго; а надъ ними поставилъ стратига, Юрья именемъ, съ роду княжатъ Проискихъ (яко рѣхомъ прежде о немъ, о Казанскомъ взятью пишучи), и къ нему прилучилъ другаго мужа Игнатья, реченнаго Вешнякова, ложничаго своего, мужа воистину храбраго и нарочитаго. Они же шедши взяша оное царство, лежащее близу Каспійскаго моря; царь же утече предъ ними; а царицъ его и дѣтей побрали и со скарбы царскими; и всѣ людіе, иже въ царствѣ ономъ, ему покорили, и возвратишася со свѣтлою побѣдою, здравы со всѣмъ воинствомъ.

Потомъ въ тѣхъ же лѣтѣхъ моръ пущенъ былъ отъ Бога на Нагайску орду, сирѣчь на Заволжскихъ Татаръ, и сице наведе его: пустилъ на нихъ такъ зиму зѣло лютѣ студеную, ижъ весь скотъ ихъ померъ, яко стада конскія, такъ и другихъ скотовъ, а на лѣто и сами изчезоша: тамъ бо они живятся млекомъ точію отъ стадъ различныхъ скотовъ своихъ,

ı хлѣбъ тамо а ни именуется. Видѣвшежъ остатные, иже ıественнѣ на нихъ гнѣвъ Божій пущенъ, поидоша, препи-ганія ради, до Перекопскія орды. Господь же и тамо пора-каше ихъ такъ: отъ горенія солнечнаго наведе сухоту и безводіе; идѣже рѣки текли, тамъ не токмо вода обрѣтесь, ло и копавши три сажени въ землю, едва нѣгдѣ мало что обрѣташеся. И такъ того народу Измаильтескаго мало за Волгою осталося, едва пять тысящей военныхъ людей: его же было число подобно песку морскому. Но и съ Перекопіи тѣхъ Нагайскихъ Татаръ выгнано, такоже мало что ихъ осташася: понеже и тамо гладъ былъ и моръ великій. Нѣкоторые само-идцы наши, тамо мужіе бывше, свидѣтельствовали, иже и въ той ордѣ Перекопской десяти тысящей коней отъ тоя ...зы не осталось. Тогда время было надъ бусурманы хри-стіанскимъ царемъ мстится за многолѣтнюю кровь христіан-скую, безпрестаннѣ проливаему отъ нихъ, и успокоити собя и отечество свое вѣчнѣ: ибо ничего ради другаго, но точію сего ради и помазаны бываютъ, еже прямо судити и цар-ство, врученное имъ отъ Бога, обороняти отъ нахожденія варваровъ. Понеже и нашему тогда цареви совѣтницы нѣко-торые, мужіе храбрые и мужественные, совѣтовали и сту-жали, да подвигнется самъ, съ своею главою, со великими войски на Перекопскаго, времени на то зовущу и Богу на се подвижущу и помощь на сіе пстое хотящу подати, аки самимъ перстомъ показующу погубити враговъ своихъ старо-вѣчныхъ, христіанскихъ кровопивцевъ, и избавити плѣнныхъ множайшихъ отъ древле заведенныя работы, яко отъ самыхъ адскихъ пропастей. И аще бы на свой санъ помазанія цар-скаго памяталъ, и послушалъ добрыхъ и мужественныхъ стратиговъ совѣту, яко премногая бы похвала и на семъ свѣтѣ была, но паче тьмами кратъ премножайше во ономъ вѣцѣ, у самого создателя, Христа Бога, иже наидражайшей крови своея не пощадилъ за человѣческій погибающій родъ изліяти! Аще бы и души наши случилось положити за плѣ-ненныхъ многими лѣты бѣдныхъ христіанъ, воистину всѣхъ

добродѣтелей сія добродѣтель любви выше предъ ними обрѣлабыся, яко самъ рече: *больше сея добродѣтели ни что же есть, аще кто душу свою положитъ за други своя.*

Добро бы, и паки реку, зѣло добро избавити въ ордѣ плѣненныхъ отъ многолѣтныя работы, и разрѣшити окованныхъ отъ претягчайшія неволи; но нашъ царь о семъ тогда мало радяше, аще и едва послалъ съ пять тысящей всего воинства съ Вишневецкимъ Дмитромъ, Днѣпромъ рѣкою, на Перекопскую орду, а на другое лѣто съ Даниломъ Адашевымъ и съ другими стратилаты со осмь тысящей, такоже водою, послалъ; они же выплыша Днѣпромъ на море и, надъ надежду Татарскую, немалую тщету учиниша въ ордѣ: яко самихъ побиша, такожъ женъ и дѣтей ихъ немало плѣниша, и христіанскихъ людей отъ работы свободили немало, и возвратишась восвояси здравы. Мы же паки о семъ, и паки царю стужали и совѣтовали: или бы самъ потщился ити, или бы войско великое послалъ въ то время на орду; онъ же не послушалъ, прекаждающе намъ сіе и помогающе ему ласкателіе, добрые и вѣрные товарищи трапезъ и кубковъ и различныхъ наслажденій друзи; а подобно уже на своихъ сродныхъ и единоколѣнныхъ остроту оружія паче, нежели поганомъ, готовалъ, крыюще въ себѣ оное сѣмя, всѣянное отъ предреченнаго епископа, глаголемаго Топорка.

А здѣшнему было королеви и зѣло ближайше; да подобно его кролевская высота и величество не къ тому обращалося умомъ, но паче въ различныя плясанія много и въ преиспещренныя машкары. Такожъ и властели земли тоя драгоцѣнные колачи со безчисленными протори гортань и чрево съ марципаны натыкающе, и якобы въ утлыя дѣльвы дражайшія различныя вина безмѣрнѣ льюще, и съ нечепеги вкупѣ высоко скачуще и воздухъ біюще, и такъ прехвальнѣ и прегордѣ другъ друга пьяни восхваляюще, иже не токмо Москву, або Констаитинопол, но аще бы и на небѣ былъ Турокъ, совлещи его со другими непріятельми своими обѣщавающе. Егдажъ возлягутъ на одрѣхъ своихъ между толстыми пери-

чами, тогда едва по полудню проспавшись, съ связанными головами съ похмѣлья, едва живы, очутясь возстануть; на прочіе дни паки гнусны и лѣнивы, многолѣтнаго ради обыкновенія. И сего ради забыли таковаго благополучнаго времени на бусурманы, и не радѣша, горше предреченныхъ тѣхъ, о своемъ отечествѣ, не токмо о оныхъ заведенныхъ, (о нихъ же выше мало прежде рекохъ) во многолѣтней работѣ сущихъ, но на каждое лѣто предъ очима ихъ женъ и дѣтокъ, якожъ и подручныхъ во плѣнъ множество веденныхъ, не пекущеся о нихъ (но начежъ тѣто предреченные печенеги), ни оброняюще ихъ. Но аще, срама ради великаго и наренія многослезнаго отъ народу, аки бы выѣдутъ и ополчатся, грядуще издалека во слѣдъ полковъ бусурманскихъ, боящеся наступити и ударити на врага креста Христова, и пошедчи за ними два дни або три, паки возвратятся вознаяси; а что было осталося отъ Татаръ, або сохранено убогихъ храстіанъ на лѣсѣхъ нѣчто со стяжаніемъ яковымъ, або скотовъ, — все поядятъ, и послѣднее разграбятъ, и нитожъ бѣднымъ и окаяннымъ оставляюще оныхъ слезныхъ остатковъ.

А издавна ли тые народы и тые люди нерадиви и немилосерди такъ зѣло о ихъ языцѣхъ и о своихъ сродныхъ? Воистину не издавна, но ново: первѣе въ нихъ обрѣтахусь мужіе храбрые и чюйны о своемъ отечествѣ. Но что нынѣ таково есть и чего ради имъ таковая приключишась? Заисте сего ради: егда бѣша во вѣрѣ христіанской и въ церковныхъ догматѣхъ утвержденны и въ дѣлѣхъ житейскихъ мѣрнѣ и воздержнѣ хранящесь, тогда, яко едины человѣцы наилѣпшіе во всѣхъ пребывающе, себя и отечество бранящe. Внегда же путь Господенъ оставили и вѣру церковную отринули, многаго ради презлишняго покоя, возлюбивше же ринушася во пространный и широкій путь, сирѣчь въ пропасть ереси Люторскія и другихъ различныхъ сектъ, начежъ пребогатѣйшіе ихъ властели на сіе непреподобіе дерзнуша: тогда отъ того имъ приключишась. Паче же нѣцыи вельможи ихъ богатые,

въ великихъ властехъ постановленные у нихъ, на сіе самовластіе умъ свой обратиша; на нихъ же зряще нетокмо подрученные ихъ, но и братія ихъ мнѣйшая произволеніе естественное самоизвольнѣ на таковыя слабости, непреподобнѣ и неразсуднѣ, устремиша; яко глаголютъ мудрые пословицу: „идѣже начальницы произволяютъ, тамо и всенародства воля „несется, або устремляется“. А что еще горшаго видѣхъ отъ сихъ сладострастій приключшихся имъ: ибо много отъ нихъ не токмо зацные ихъ нѣкоторые, и княжата такъ боязливы и раздрочены отъ женъ своихъ, яко послышатъ варварское нахожденіе, такъ забьются въ претвердые городы, и воистину смѣху достойно: вооружившись въ зброи, сядутъ за столомъ за кубками, да баютъ фабулы съ пьяными бабами своими, а ни изъ вратъ градскихъ изыти хотяще, аще и предъ самымъ мѣстомъ, або подъ градомъ, сѣча отъ бусурманъ на христіаны была. Сіе воистину дивное самъ очима своима видѣхомъ, не во едином отъ градовъ, но и въ другихъ нѣкоторыхъ.

Во единомъ же градѣ случилось намъ таково видѣти: идѣже была пятерица великородныхъ съ дворы ихъ, къ тому два ротмистра съ полки своими, и ту же подъ самымъ мѣстомъ яко нѣкоторыхъ воиновъ, такъ человѣковъ всенародныхъ, біющихся немало съ мимошедшимъ полкомъ Татарскимъ, иже уже со плѣномъ изъ земли шелъ и поражаеми суть и гоними неединократъ отъ бусурманъ христіане; а оные предреченные властели ни единъ отъ града изыде на помощь имъ: сѣдящихъ ихъ въ то время, глаголютъ, и піющихъ великими полными алавастры. О пированіе зѣло непохвальное! О алавастры, не вина, не меду сладкаго, но самыя крови христіанскія наліянны! И при концѣ битвы тое, аще бы не Волынскій полкъ, прутко гонящій за оными поганы, приспѣлъ, и всѣхъ бы до конца избили. Но егда видѣвше бусурманы за ними скоро грядущь полкъ христіанскій, посѣкши большую часть плѣну, а другихъ живыхъ пометали, и все оставя, въ бѣгство обратишась. Такожъ и во другихъ

градѣхъ, яко мало выше рѣхомъ, очима своима богатыхъ и благородныхъ, вооруженныхъ въ зброяхъ, видѣхъ, а не токмо сопротивъ враговъ хотящихъ исходити, а ни во слѣдъ ихъ гонити хотяще, или подобно и слѣду ихъ боящеся: понеже а ни локоть единъ которые вельможи, вооруженные, дерзнули изыти изъ градовъ.

Се таковыя ужасно слышательныя, начежъ смѣху достойныя, отъ роскошей и отъ презлыхъ различныхъ мѣръ приключаются христіанскимъ предстателемъ, и прежде бывшимъ храбрымъ и мужественнымъ славнымъ воиномъ женовидныя и боязни исполненныя случаются! А о тѣхъ Волынцахъ, не токмо въ кроникахъ мужество ихъ описуется, но и новыми повѣстьми храбрость ихъ свидѣтельствуется, яко мало прежде и о другихъ рѣхомъ: егда быша въ вѣрѣ православной, пребываша по обычаямъ мѣрнымъ, и къ тому имѣюще надъ собою гетмана храбраго и славнаго Константина, въ правовѣрныхъ догматахъ свѣтлаго и во всякомъ благочестіи сіяющаго, яко славни и похвальни въ дѣлѣхъ ратныхъ явишась, отечество свое обороняюще, не единаго, не дважды, но многажды показашася нарочиты. Но впала сія повѣсть, мнитъмися, преизлишнѣ; а сего ради оставя сію, ко предреченнымъ возвратимся.

Преминувшу ми много о Лифляндской войнѣ, мало нѣчто вкратцѣ о битвахъ нѣкоторыхъ и взятью градовъ оныхъ воспомянемъ, ко сокращенію исторіи и къ концу зряще. И яко напреди воспомянухомъ оныхъ дву добрыхъ мужей, исповѣдника царскаго, другаго ложничаго, которые достойны нарещись друзи его и совѣтницы духовные, яко самъ Господь рече: *идѣже два или три собрани о имени моемъ, ту есмь азъ посреди ихъ;* и воистину былъ Господь посреди, сирѣчь многая помощь Божія, когда были сердца ихъ и душа тѣхъ едина, и къ тому совѣтницы оные мудрые и мужественные близъ царя со искусными и мужественными стратилаты, и храброе воинство цѣло и весело было: тогда, глаголю, царь всюду прославляемъ былъ, и земля Русская доброю славою

цвѣла, и грады претвердые Аламанскіе разбиваxуся, и предѣлы христіанскіе разширяхуся, и на дикихъ поляхъ древле плѣненные грады отъ Батыя безбожнаго паки воздвизахуся, и сопротивники царевы и врази креста Христова падаху, а другіе покоряхуся, нѣцыи же отъ нихъ и ко благочестію обращахуся, огласився и научився отъ клириковъ вѣрою, Христу присвояхуся, отъ лютыхъ варваровъ, аки отъ кровоядимыхъ звѣрей, въ кротость овчю прелагахуся и ко Христовѣ чредѣ присовокупляхуся.

Потомъ же, аки на четвертое лѣто по Деритскомъ взятью, послѣдняя власть Лифляндская разрушилася: понеже оставшая часть ихъ кролеви Польскому, ко великому княжеству Литовскому поддашеся: зане Кесь, столичный свой градъ, новозбранный майстръ отдалъ и забѣжалъ, подобно отъ страха, за Двину рѣку, упрося себѣ у кроля Курляндскую землю, и прочіе грады, яко рекохъ, сіе съ Кесью все оставилъ, еже обою страну отсюду Двины рѣки великія; а другіе Шведскому кролю поддашася, яко мѣсто великое Ревль; а другіе Датскому. А въ мѣстѣ, реченномъ Вильянѣ, а по-Нѣмецкому Филліе (Феллинъ), майстръ старый Фиштенъ-беркгъ осталъ, и при немъ кортуны великія, ихъ же многою цѣною изъ заморя съ Любка, мѣста великаго, отъ Германовъ своихъ достали было, и вся стрѣльба огненная многая.

На тотъ же Вильянъ князь великій войско свое съ нами великое послалъ; а первѣе, до того аки за два мѣсяца еще, въ самую весну, пришелъ азъ въ Деритъ, посланъ отъ царя, того ради: понеже было у воинства его зѣло сердце сокрушенно отъ Нѣмецъ, зане егда обращали искусныхъ воеводъ и стратилатовъ своихъ противъ царя Перекопскаго, хранящe предѣловъ своихъ, вмѣсто тѣхъ случилось посылати въ Лифляндскіе городы неискусныхъ и необыкновенныхъ въ полкоустроеніяхъ, и того ради, многажды были поражени отъ Нѣмецъ, не токмо отъ равныхъ полковъ, но уже и отъ малыхъ людей великіе бѣгали. Сего ради, введе мя царь въ ложницу свою и глагола ми словесами, милосердіемъ растворенными и

зѣло любовными, и къ тому со обѣщаньми многими: „При-„нужденъ быхъ, рече, отъ оныхъ прибѣгшихъ воеводъ моихъ, „або самъ итти сопротивъ Лифляндовъ, або тебя, любимаго „моего, послати, да охрабрится паки воинство мое, Богу по-„могающу ти; сего ради иди и послужи ми вѣрнѣ“. Азъ же съ потщаніемъ поидохъ; послушливъ былъ, яко вѣрный слуга, повелѣнію царя моего.

И тогда въ тѣ два мѣсяца, нежели пришли другіе стратиги, азъ ходилъ два кратъ: первѣе, подъ Бѣлый камень, отъ Дерпта осмьнадесять миль, на зѣло богатыя волости, и тамо поразихъ гуфецъ Нѣмецкій, подъ самымъ градомъ, иже былъ на стражѣ, и довѣдахся отъ тѣхъ вязней о майстрѣ и о другихъ ротмистрѣхъ Нѣмецкихъ, иже стояли во ополченію немаломъ, оттуду аки въ осми миляхъ, за великими блаты. Азъ же со плѣномъ отпустя къ Дерпту и избравъ войско, поидохомъ къ нимъ въ нощи и пріидохомъ во утріи ко онымъ великимъ блатамъ, и препровожахомся легкимъ войскомъ день цѣлый чрезъ нихъ. И аще бы ту встрѣтилисъ съ нами, поразили бы насъ, аще бы и трикратно было нашего войска, а со мною невеликое тогда было воинство: аки пять тысящъ было; но они, яко гордые, стояли на широкомъ полѣ отъ тѣхъ блатъ, ждуще насъ, аки двѣ мили, ко сраженію. Но мы, яко рѣхомъ, препроводясь тѣ нужныя мѣста, почивути дали, аки годину едину, конемъ; предъ солнечнымъ захожденіемъ, аки за годину, поидохомъ ко сраженію, и уже пріидохомъ къ нимъ аки въ половину нощи (нощь же бѣ лунна; а наипаче близу моря, тамо свѣтлы нощи бываютъ, нежели гдѣ индѣ), и сразихомся съ ними на широкомъ полѣ: первѣе предніе гуфцы сражахуся; и пребыла битва аки на полторы годины, и не такъ въ нощи возмогла имъ огненная стрѣльба, яко наши стрѣлы ко блистанію огней ихъ. Егдажъ пріиде помощь къ нашимъ отъ большаго полка, тогда сразишась съ ними вручь и сопроша ихъ наши; а потомъ на бѣгство Германи устремишась, и гнаша ихъ наши аки милю, до единыя рѣки, на ней же бѣ мостъ: егдаже прибѣгоша на мостъ, къ тому несчастію

ихъ, еще подъ ними мостъ подломился, и тамо погибоша до конца. Егдажъ возвратихомся отъ сѣчи, и уже возсіявшу солнцу, тогда на томъ предреченномъ полѣ, идѣже битва была, обрѣтохомъ пѣшихъ ихъ кнегтовъ, по житомъ и индѣ расховавшихся лежащихъ: бо было ихъ четыре полка конныхъ, а пять пѣшихъ: тогда, кромѣ побіенныхъ, взяхомъ ихъ живыхъ сто семдесятъ нарочитыхъ воиновъ; а нашихъ убіенныхъ особъ шляхты шестьнадесять, кромѣ служащихъ ихъ.

И оттуду возвратихомся паки къ Дерпту; и опочивавши войско аки 10 дней (къ тому, своею охотою непосланныхъ на то, къ намъ прибыло аки 2,000 войска, алибо и вяще), паки поидохомъ къ Феллину, идѣже бѣ майстръ старый предреченный. И укрывши все войско, послахомъ единъ полкъ Татарскій, аки предмѣстія жещи; онъ же, мняще малый людъ, выѣхалъ самъ бронити со всѣми людьми, яже бѣ во градѣ, и поразихомъ его засадою: едва самъ утече. И воевахъ потомъ тыждень цѣлый, и возвратихомся съ великими богатствы и користьми, и вкратцѣ рещи: седмь, алибо осемь кратъ того лѣта битвъ имѣхомъ великихъ и малыхъ, и вездѣ, за Божіею помощію, одолѣніе получихомъ. А срамъ бы ми было самому о своихъ дѣлѣхъ вся сія по ряду писати; а сего ради множайшее оставляю, яко о Татарскихъ битвахъ, яже во младости моей бываля съ Казанцы и Перекопцы, такъ и со другими языки: бо вѣмъ сіе добрѣ, иже подвиги христіанскихъ воиновъ не суть забвенни, а и малѣйшіе, предъ Богомъ, не токмо подвизи, по Бозѣ за правовѣріе со доброю ревностію производимые, или сопротивъ чувственныхъ враговъ или мысленныхъ, но и *власы на главахъ нашихъ изочтени суть*, яко самъ Господь рече.

Егдажъ пріидоша гетмани со другимъ великимъ войскомъ къ намъ, къ Дерпту, съ нами жъ было воинства вяще тридесять тысящъ коннаго, и пѣшихъ 10,000 стрѣльцовъ и казаковъ, и дѣлъ великихъ аки 40, також и другихъ дѣлъ аки 50, ими же огненный бой съ стѣнъ сбиваютъ, а и мнѣйшія по полторы сажени: и повелѣніе пріиде отъ царя намъ

итти подъ Феллинъ. Мы же, взявши вѣдомость, иже майстръ хощетъ выпроводити кортуны великія предреченныя и другія дѣла и скарбы свои во градъ Гапсалъ, иже на самомъ морѣ стоитъ, тогда абіе послахомъ 12,000 съ стратилаты, да обгонятъ Феллинъ; а сами пойдохомъ съ другою частію войска инымъ путемъ, а дѣла всѣ препроводихомъ Имбекомъ рѣкою вверхъ, и оттуды езеромъ, ажъ за двѣ мили отъ Феллина выкладахомъ ихъ на берегъ съ галій; а оные стратилаты, прежде посланные отъ насъ къ Феллину, идяху путемъ поблизу града Нѣмецка Армуса, аки за милю. Филиппъ же, ленсмаршалокъ, мужъ храбрый и въ военныхъ вещахъ искусный, мающе съ собою аки 500 человѣкъ райтаровъ Нѣмцевъ, и аки бы другіе 500 або 400 пѣшихъ, не вѣдаше о таковомъ великомъ люду, мняще мои посылки, яже не единъ кратъ посылахъ воевати подъ той градъ прежде, даже великое еще войско пришло со предреченными стратиги: и изыде на нихъ со дерзновеніемъ скоро, а наипаче, яко Нѣмцы мало бываютъ въ день трезвы, взявши отъ бѣгающихъ во осаду вѣдомость, а не вывѣдавшися совершеннѣ, яковое войско грядетъ. Нашижъ аще и вѣдали о немъ, но не надѣялись, иже такъ малымъ людомъ дерзнетъ ударити на такъ неравное собѣ войско. Предъ полуднемъ на опочиваніи, ударили на едину часть смѣшавшихся со стражею нашихъ, потомъ пришли до коней нашихъ, и битва сточися. Стратилаты же другіе вѣдавши (со полки своими имѣюще вожей добрыхъ, вѣдомыхъ) о мѣстѣхъ, обыдоша чрезъ лѣсы вкось, и поразиша ихъ такъ, иже едва колько ихъ убѣже съ битвы, и самого онаго храбраго мужа и славнаго въ ихъ языцѣхъ, иже воистину послѣдняго, и защитника и надежду Лифляндскаго народу, Алексѣя Адашева пахоликъ жива поималъ, и съ нимъ единнадцать кунторовъ живыхъ взято и его двадесять шляхтичей Нѣмецкихъ, кромѣ другихъ. Мы же, о семъ не вѣдавше, прійдохомъ подъ мѣсто Феллинъ и тамо обрѣтохомъ нашихъ стратилатовъ не токмо здравыхъ, но и пресвѣтлою побѣдою правыхъ, и славнаго начальника Лиф-

ляндскаго, храбраго мужа Филиппа ленсмаршалка со единнадцатьми кунторы и со другими въ рукахъ имущихъ.

Егдажъ повелѣхомъ привести его и поставити предъ нами, и начата о нѣкоторыхъ вещахъ вопрошати, яко есть обычай: тогда же онъ мужъ свѣтлымъ и веселымъ лицемъ, (мнился, яко пострадаше за отечество), нимало ужаснувся, началъ со дерзновеніемъ отвѣщати намъ: бѣ бо мужъ, яко разсмотрихомъ его добрѣ, не токмо мужественный и храбрый, но и словества полонъ, и остръ разумъ и добру память имущь Иные отвѣты къ намъ его, разумомъ растворенные, оставлю, но сіе точію едино, еже въ память ми приходитъ, оплаковательное его вѣщаніе о Лифляндской землѣ, воспомяну. Сѣдящу ему у насъ нѣкогда на обѣдѣ (бо аще и вязнемъ случилося ему быти, но обаче въ почести его имѣхомъ, яко достовло свѣтлаго рода мужу), и между иными бесѣдованьмы, яко обычай бываетъ при столѣхъ, началъ вѣщати намъ:

„Соглаcяся всѣ королеве западные вкупѣ съ самимъ папою Римскимъ и съ самимъ цесаремъ христіанскимъ, выправиши множество воиновъ крестоносныхъ, овыхъ въ земли „пустошенныя христіанскія, отъ нахожденія срацынскаго помощи ради, овыхъ въ земли варварскія, поеѣданія ради и „наученія для и познанія вѣры, яже во Христа, яко и нынѣ „содѣлываемо кролемъ Ишпанскимъ и Португальскимъ во „Индіи; тогда оное предреченное войско раздѣлиша по три „гетмана, и пустишася моремъ едино къ полудню, а два къ „полунощи. И яже къ полудню пловущіе, приплыша къ Родису, спустошенному отъ предреченныхъ Срацынъ, несогласія ради безумныхъ Грековъ: тогда, обрѣтше его въ конецъ „спустошенъ, обновиша его съ прочими грады и мѣсты другими, и укрѣпивъ ихъ и осадя, обладаша тамо со остальными живущими обладатели. А иже къ полунощи пловущіе, „приплыша едины, идѣже бѣ Пруссы, и тамо живущими обладали; а третьи въ тую землю; и обрѣтоша ту языцы зѣло „жестоки и непокорныхъ варваровъ, и заложиша градъ и „мѣсто первое Ригу, потомъ Ревль, и бишась много со жи-

„вущими ту оными предреченными варвары, и едва возмогоша „ими обладати, и наклонити ихъ немалыми лѣты ко познанію „христіанскія вѣры“.

„Егдаже усвоиша тую землю ко Христову наречепію, то„гда обѣщашася въ возложеніе Господеви и на похвалу имени „пречистыя его Богоматери. Внегда же пребываходомъ въ ка„толицкой вѣрѣ и жительствовахомъ мѣрнѣ и цѣломудреннѣ: „тогда Господь нашъ здѣ живущихъ вездѣ покрывалъ ото „враговъ нашихъ и помогалъ намъ во всемъ, яко отъ Рус„скихъ княжатъ, находящихъ на землю сію, такъ и отъ Ли„товскихъ. Другія оставя, единужъ исповѣмъ, яже зѣло „крѣпку битву имѣхомъ со великимъ княжатемъ Литовскимъ „Витовтомъ, иже у насъ во единъ день шесть майстровъ бы„ло поставлено, и единъ по единому побиты, и такъ крѣпцѣ „сражахомся, ажъ нощь темная развела битву. Такожъ, и „недавными лѣты, яко лучше, мню, вамъ вѣдомо есть сіе, „князь великій Іоаннъ Московскій, дѣдъ того настоящаго, „умыслилъ былъ тую землю взяти, и крѣпцѣ бронихомся, „яко и со гетманомъ его Даниломъ сведохомъ колько битвъ, „и двѣ одержахомъ. Но обаче, еликими нибудь обычаи убла„гахомъ оныхъ предреченныхъ. Богу, яко рѣхомъ, помогающу „праотцомъ нашимъ, и при своихъ отчинахъ устояли. Нынѣ „же, егда отступихомъ отъ вѣры церковныя, и дерзнухомъ, „и опровергохомъ законы и уставы святые, и пріяхомъ вѣру „новоизобрѣтенную, и за тѣмъ въ невоздержаніе, ко широ„кому и пространному пути вдахомся, вводящему въ поги„бель: и явственно нынѣ обличающе Господь грѣхи наши и „казняще насъ за беззаконія наши, предалъ насъ въ руки „вамъ, врагомъ нашимъ. И яже сооружили были прароди„тели наши намъ грады высокіе и мѣста твердыя, палаты и „дворы пресвѣтлые: вы, о томъ не трудившись, ни прото„ровъ многихъ налагающе, внидоша въ нихъ; садовъ же „и виноградовъ нашихъ, не насадивше, наслаждаетесь, и „другихъ таковыхъ устроеній нашихъ домовыхъ ко житію „потребныхъ“.

„А что глаголю о васъ, иже, аки бы мните, мечемъ по-„брасте? Другіежъ безъ меча въ наши богатства и стяжанія „туне внидоша, ни мало, ни въ чесомъ же трудившесь, обѣ-„щавающе намъ помощь и оброненіе. Се добра ихъ помощь, „иже стоимъ предъ враги связаны! О коль жалостно ми и „зѣло скорбно ко воспоминанію, иже предъ очима нашима „вся сія лютая быша, за грѣхи наши, наведены и милое оте-„чество разорено суще! И сего ради не мните, иже вы силою „своею намъ таковыя сотворяша: но вся сія Богу на насъ „попущающу, за преступленіе наше, иже предалъ васъ въ „руки врагомъ нашимъ!" И сіе, ему со текущими слезами, къ намъ глаголющу, яко и намъ всѣмъ слезъ исполнитися, на него зрящимъ и таковая отъ него слышащимъ. По семъ же, утерши слезы, радостнымъ лицемъ провѣща: „Но обаче „благодарю Бога и радуюся, иже связанъ бихъ и стражду за „любимое отечество; аще ми за него и умрети случится, во-„истину драга ми сія смерть будетъ и прелюбезна". Сіе ему изрекшу, умолчалъ; мы же всѣ удивишась разуму мужа и словеству, и держахомъ въ почести его за стражею; потомъ послахомъ его до царя нашего и со прочими властели Лифляндскими къ Москвѣ, и молихомъ царя много чрезъ эпистолію, да не кажетъ погубити его. И аще бы послушалъ насъ, моглъ бы всю землю Лифляндскую по немъ имѣти: понеже имяху его всѣ Лифлянты, яко отца. Но егдажъ приведенъ былъ предъ царя и вопрошаемъ жестоцѣ, отвѣщалъ: „иже, „рече, неправдою и кровопивствомъ отечество наше посяг-„даешь, а не яко достоитъ царю христіанскому". Онъ же, разгорѣвся гнѣвомъ, повелѣ абіе погубити его: понеже уже лютъ и безчеловѣченъ началъ быти.

И тогда подъ тѣмъ Феллиномъ стояхомъ, памятамись, три недѣли и вяще, заточа шанцы и біюще по граду изъ дѣлъ великихъ. И яко азъ тогда ходихъ къ Кеси и имѣхъ три битвы, и единаго поразихъ новаго ленсмаршалка, подъ Волмаромъ градомъ, на того мѣсто избраннаго, и яко пришедши подъ Кесь ротмистры, посланные на насъ отъ Еронима Хот-

.ѣвича, пораженџ, и яко стояше подъ Кесью, посылахомъ ..ъ Ризѣ войну, и яко слышачи Еронимъ о пораженіи своихъ, ужаснувся, пойде скоро изъ земли Лифляндскія, ажъ за ..вину рѣку великую отъ насъ, сіе премину и оставлю по ..яду писати, сокращенія ради исторіи; ко предреченномужъ .. Феллинскомъ взятью возвращаюся. Егда же уже разбихомъ ..ѣны мѣскія, еще крѣпцѣ сопротивляющесь намъ Нѣмцы; ..гда въ нощи стрѣляюще огненными кулями, и едина куля ..аде въ самое яблоко церковное, еже въ верху великія ..ркви ихъ бѣ, и другія кули индѣ, и абіе загорѣлося мѣсто: ..гда начаша сущіе во градѣ и майстръ просити времени о ..становленію, обѣщавающе градъ и мѣсто поддати, и про..аша вольнаго проѣзду со всѣми сущими во градѣ и съ ..арбы своими. Мы же такъ не поволяше, а на томъ стало: ..лнерей всѣхъ выпустили вольно и жителей градскихъ, ..лицы хотѣша, а его не выпущали и со скарбы, милость ему ..бѣщавающе отъ царя, яко и даде ему градъ на Москвѣ до ..ивота его, и скарбы оные его, елицы взяты, возвращены ..у потомъ. И сице взятъ градъ и мѣсто; и огнь въ мѣстѣ ..асихомъ. А къ тому тогда взяхомъ два, або три грады, въ ..ихъ же быша намѣстники того майстра Фиштенъ-беркга. Егдажъ внидохомъ въ мѣсто и во градъ Феллинъ, тогда ..рѣхомъ отъ мѣста стоящи еще три вышеграды, и такъ крѣпки и отъ претвердыхъ каменей сооружени, и рвы глу..оки у нихъ, иже вѣрѣ не подобно: бо и рвы оные, зѣло глубокіе, каменьми гладкими тесаными выведены; и обрѣтохомъ въ немъ великихъ дѣлъ стѣнобитныхъ осьмнадесять, а подъ тѣми великихъ и малыхъ всѣхъ полъ-пятаста на градѣ и мѣстѣ, и запасовъ и всѣхъ достатковъ множество; а въ самомъ градѣ вышнемъ, не токмо церковь, или палаты, или самъ градъ, но и кухня и стайня толстыми оловяными дщицами были крыты; и тую всю кровлю абіе князь великій повелѣлъ сняти, и въ то мѣсто кровлю отъ дерева сотворити.

ГЛАВА V.

НАЧАЛО ЗЛУ.

1560.

Клеветники. Удаленіе Сильвестра и Адашева. Ихъ винятъ въ смерти царицы Анастасіи. Новые любимцы. Опричники. Монахи. Ссылка Сильвестра въ монастырь Соловецкій. Смерть Адашева. Новый образъ жизни Іоанновой. Пиры. Бѣдствія Россіи. Сожженіе Москвы Татарами. Дѣла Іоанна III и сына его Василія. Смерть Іоанна Младого, царя Димитрія, матери его Елены, Андрея Углицкаго, Семена Ряполовскаго, Михаила Верейскаго, Василія Ярославича. Іоанновы слова о нихъ. Время, когда писалъ Курбскій свою исторію.

Чтожъ по семъ царь нашъ начинаетъ? Егда уже оборонился, Божіею помощію, храбрыми своими отъ окрестныхъ враговъ его, тогда воздастъ имъ! Тогда платитъ презлыми за предобрѣйшее, прелютыми за превозлюбленнѣйшее, лукавствы и хитролествы за простыя и вѣрныя ихъ службы. А якоже сіе начинаетъ? Сице: первѣе, отгоняетъ двy мужей оныхъ отъ себя предреченныхъ, Селивестра, глаголю, презвитера, и Алексѣя предреченнаго, Адашева, туне и ни въ чемъ же предъ нимъ согрѣшившихъ, отворивши оба ухи своимъ презлымъ ласкателемъ, (надъ ними же, уже яко многажды рѣхомъ, ни единъ прыщъ смертный во царствѣ повѣтреннѣйшъ быти можетъ), яже ему уже клеветаша и сикованціи во уши шептаху заочно на оныхъ святыхъ мужей, паче же шурья его и другіе съ ними нечестивые губители всего тамошняго царства. Чего же ради сіе творяху? Того ради воистину: да не будетъ обличена злость ихъ и да невозбранно будетъ имъ всѣми нами владѣти, и судъ превращающе, посулы грабити и другія злости плодити скверныя, пожитки свои умножающе. Что же клевещутъ и шепчутъ во ухо? Тогда царева жена умре: она же рѣша, аки бы счаровали ее оные мужи; (подобно, чему сами искусны и во что вѣруютъ, сіе на святыхъ мужей и добрыхъ возлагали). Царь же, буйства исполнився, абіе имъ вѣру ялъ. Услышавъ же сіе, Селивестръ и Алексѣй

начаша молити, ово эпистоліями посылающе, ово чрезъ митрополита Русскаго, да будетъ очевистное глаголаніе съ ними. Не отрицаемся, рече, аще повинни будемъ, смерти; но да будетъ судъ явственный предъ тобою и предо всѣмъ сенатомъ твоимъ."

Презлые же къ сему что умышляютъ? Эпистолій не допущаютъ до царя; епископу старому запрещаютъ и грозятъ; реви же глаголютъ: „Аще, рече, припустишь ихъ къ себѣ а они, очаруютъ тебя и дѣтей твоихъ; а къ тому, любяще ихъ все твое воинство и народъ, нежели тебя самого, побіютъ тебя и насъ каменіемъ. Аще ли и сего не будетъ: вяжутъ тя паки и покорятъ тя аки въ неволю себѣ. Такъ удые люди и ничему годные чаровницы тебя, государя, акъ великаго и славнаго и мудраго, боговѣнчаннаго царя, ержали предъ тѣмъ, аки въ оковахъ, повелѣвающе тебѣ ъ мѣру ясти и пити и со царицею жити, не дающе тебѣ и въ чесомъ же своей воли, а ни въ малѣ, а ни въ велицомъ, а ни людей своихъ миловати, а ни царствомъ твоимъ владѣти! И аще бы не они были при тебѣ, такъ при государѣ мужественномъ и храбромъ и пресильномъ, и тебя не держали аки уздою, уже бы еси мало не всею вселенною обладалъ: а то творили они своими чаровствы, аки очи „твои закрывающе, не дали ни на что зрѣти, хотяще сами „царствовати и нами всѣми владѣти. И аще на очи припустишь ихъ, паки тя очаровавши, ослѣпятъ. Нынѣ же, „егда отогналъ еси ихъ, воистину образумился еси, сирѣчь „во свой разумъ пришелъ, и отворилъ еси себѣ очи, зряще „уже свободно на все свое царство, яко помазанецъ Божій, „и никто же инъ, точію самъ единъ тое управляюще и имъ „владѣюще."

И иными таковыми множайшими и безчисленными лжесшиванцы, согласясь со отцемъ своимъ діаволомъ, (паче же рецы, воистину языкъ ему и уста самому глаголанію бываютъ на пагубу роду христіанскому), сице подходятъ ласкательными глаголы мужа, и сице опровергаютъ царя христіан-

*

скаго душу, добрѣ живущаго и въ покаянію сущаго, и сице растерзаютъ плепицу оную, Богомъ сплетенную въ любовь духовную, (якоже самъ Господь рече: *идѣже собрани два или три во имя мое, ту азъ посреди ихъ*); изъ посреди Бога отгоняютъ оные, проклятые, и паки реку: сицевыми прелестными глаголы царя христіанскаго губяще, добраго бывшаго много лѣтъ, покаяніемъ украшеннаго и къ Богу усвоеннаго, въ воздержанію всякомъ и въ чистотѣ пребывающа. О злые и всякія презлости и лукавства исполненные, своего отечества губители, паче же рещи, всего святорусскаго царства! Что вамъ принесетъ сіе за полезное? Вмалѣ узрите надъ собою дѣломъ исполнясмо и надъ чады своими, и услышите отъ грядущихъ родовъ проклятіе всегдашнее!

Царь же, напився отъ окаянныхъ, со сладостнымъ ласканіемъ смѣшаннаго, смертоноснаго яду, и самъ, лукавства, паче же глупости, наполнився, похваляетъ совѣтъ, и любитъ и усвояетъ ихъ въ дружбу и присягами себя и ихъ обвязуетъ, вооружающесь на святыхъ неповинныхъ, къ тому и на всѣхъ добрыхъ и добро хотящихъ ему и душу за него полагающихъ, аки на враговъ своихъ, и собравъ и учинивъ уже окрестъ себя яко пресильный и великій полкъ сатанинскій. И чтожъ еще къ тому первѣе начинаетъ и дѣлаетъ? Собираетъ соборище не токмо весь сенатъ свой мірскій, но и духовныхъ всѣхъ, сирѣчь митрополита и градскихъ епископовъ призываетъ, и къ тому присовокупляетъ прелукавыхъ нѣкоторыхъ мниховъ, Мисаила, глаголемаго Сукина, издавна преславпаго въ злостяхъ, и Васьяна Бѣснаго, воистинѣ реченнаго, неистоваго, и другихъ съ ними таковыхъ тѣмъ подобныхъ, исполненныхъ лицемѣрія и всякаго безстыдія діяволя и дерзости; и посаждаетъ ихъ близу себя, благодарнѣ послушающе ихъ, вѣщающихъ и клевещущихъ ложное на святыхъ и глаголющихъ на праведныхъ беззаконіе, со премногою гордынею и уничиженіемъ. Что же на томъ соборищѣ производятъ? Чтутъ написавши вины оныхъ мужей заочнѣ, яко и митрополитъ тогда предъ всѣми реклъ: „Подобаетъ, рече, приведеннымъ

ямъ быти здѣ предъ насъ, да очевистѣ на нихъ клеветы будутъ, и намъ убо слышати воистину достоитъ, что они на го отвѣщаютъ." И всѣмъ ему добрымъ согласующе, такожеживымъ; губительнѣйшіе же ласкатели вкупѣ со царемъ вопиша: „Не подобаетъ, рече, о епискупе! Понеже вѣдомые сіи злодѣи и чаровницы велицы, очаруютъ царя, и насъ погубятъ, аще пріидутъ!" И тако осудиша ихъ заочнѣ. О смѣху достойное, паче же бѣды исполненное, осужденіе прельщенного отъ ласкателей царя!

Заточенъ бываетъ отъ него Селивестръ презвитеръ, исповѣдникъ его, ажъ на островъ, иже на Студеномъ морѣ, въ монастырь Соловецкій, край Корелска языка, въ Лопя дикой лежащь. А Алексѣй отгонялся отъ очей его, безъ суда, въ новвзятый градъ отъ насъ, Феллинъ, и тамо антипатъ бываетъ на мало время. Егда же услышали презлые, иже и тамо Богъ помогаетъ ему: понеже не мало градовъ Лифляндскихъ, еще не взятыхъ, хотяще поддатись ему, его ради доброты, ибо, и въ бѣдѣ будуще положенъ, служаше царю своему вѣрнѣ; онижъ паки клеветы къ клеветамъ, шептаніе къ шептанію, лжесшиваніе ко лжесшиваніямъ цареви прилагаютъ, на мужа опаго и праведнаго и добраго. И абіе повелѣлъ оттуду свести въ Дерптъ и держанъ быти подъ стражею: и по дву мѣсяцѣхъ потомъ, въ недугъ огненный впалъ: исповѣдався и взявъ святыя Христа Бога нашего тайны, къ Нему отъиде. Егдажъ о смерти его услышавше, клеветницы возопиша цареви: „се твой измѣнникъ самъ себѣ задалъ ядъ „смертоносный и умре".

А той Селивестръ презвитеръ, еже прежъ, даже не изгнанъ былъ, видѣвъ его, иже не по Бозѣ всякія вещи начинаетъ, претивъ ему и наказуя много, да во страсѣ Божіи пребываетъ и въ воздержанію жительствуетъ, и иными множайшими словесы Божественными поучая и наказуя много,— онъ же отнюдь того не внимаше и ко ласкателемъ умъ свой и уши приклонилъ: разсмотрѣвъ же вся сія презвитеръ, иже уже лице свое отъ него отвратилъ, отшелъ бысть въ мона-

стырь; сто миль отъ Москвы лежащь, и тамо во мнишествѣ будуще, нарочитое и чистое свое жительство препровождалъ. Клеветницы жъ, слышавше, иже тамо въ чести имѣютъ оные мниси его, сего ради, завистію разсѣдаеми, ово завидяще мужу славы, ово боящеся, да не услышитъ царь о семъ и паки не возвратитъ его къ себѣ, и да не обличатся ихъ неправды и превращеніе судовъ, и много-взимательные, любимыя издавна обыкновенія ихъ, посулы, и новоначалныя піянства и нечистоты паки да не пресѣкутся отъ оного святаго: и оттуды похватиша его и заведоша на Соловки, яже прежъ рѣхомъ, идѣже бы и слухъ его не обрѣлся, похваляющись, аки бы то соборнѣ осудиша его, мужа нарочитаго и готоваго отвѣщати на клеветы.

Гдѣ таковъ судъ слышанъ подъ солнцемъ, безъ очевистнаго вѣщанія? Яко и Златоустый пишетъ во эпистоліи свой ко Иннокентію, папѣ Римскому, нарекающе на Ѳеофила и на царицу и на все сборище его о неправедномъ изгнаніи своемъ, емужъ начало: „Первѣе, нежели отданы суть эпистоліи наши, „мню, благочестіе твое слышавше, яковый здѣ мятежъ тво„рити дерзнула неправда;“ и паки при концѣ въ той же: „и „аще противники обрѣли, иже такъ презрѣніе сотворили, и „аще замышляютъ ложныя клеветы, понеже насъ безвиннѣ „изгнали, не давше намъ а ни преписей, а ни книжецъ, а ни „объявивши клеветниковъ имѣти и оброняти, и мы на судъ „будемъ и покажемъ оныхъ самихъ, а не насъ, быти вин„ными, что на насъ воскладаютъ: понеже неповинны есмы. „И сопротивъ еже они сотворили? сопротивъ всѣмъ правиломъ, „сопротивъ всѣмъ церковнымъ канономъ;—и что глаголю ка„нономъ церковнымъ? а не въ поганскихъ судѣхъ, а ни въ „варварскихъ престолѣхъ таковыя когда случились; а ни Ски„ѳы, а ни Сармацы когда судили судъ повелѣти единой сто„ронѣ заочнѣ на оклеветанныхъ,“ и прочія, тѣмъ подобныя, яко въ томъ его посланіи лучше, читаючи, разсмотрится. Се соборный царя нашего христіанскаго таковъ судъ! се декретъ, знаменитѣ произведенъ отъ вселукаваго сонмища ласкателей,

грядущимъ родомъ на срамоту вѣчныя памяти и уничиженіе Русскому языку! понеже у нихъ въ землѣ уродилися таковые лукавые, презлые, ехиднины отроды, иже у матери своей чрево прогрызли, сирѣчь земли святорусскія, яже породила ихъ и воспитала, воистину на свою бѣду и спустошеніе!

Чтожъ, по сихъ, за плодъ отъ преславныхъ ласкателей, паче жъ презлыхъ губителей, возрастаетъ? и во что вещи обращаются? и что царь отъ нихъ пріобрѣтаетъ и получаетъ? Абіе съ ними діаволъ умышляетъ первый входъ ко злости, сопротивъ узкаго и мѣрнаго пути Христова, по преславномъ и широкомъ пути свободное хожденіе. А якожъ сіе начинаютъ и яко царева житія прежнюю мѣрность разоряютъ, еже нарицали неволею обвязанна? Начинаютъ пиры частые со многими піянствы, отъ нихъ же всякія нечистоты родятся. И что еще къ тому прилагаютъ? чаши великія, воистину діаволу обѣщанныя, и чаши таковыя, положивши въ нихъ зѣло пьянаго питья, и совѣтуютъ первую цареви выпити, потомъ всѣмъ сущимъ пирующимъ съ нимъ! и аще ли тѣми до обумертвія, паче жъ до неистовства, не упіются, оны другія и третьи прилагаютъ, и не хотящихъ ихъ пити и таковая беззаконія творити заклинаютъ со великими прещеньми; цареви же вопіютъ: „Се! рече, онъ сице, и онъ сице (имя рекше), не хощетъ на „твоемъ пиру веселъ быти, подобно тебя и насъ осуждаетъ и „насмѣваетъ, аки пьяницъ, являющь праведный лицемѣріемъ! „И подобно твоя суть недоброхоты, иже съ тобою не согла„суютъ и тебя не слушаютъ, и еще Селивестровъ или Але„ксѣевъ духъ, (сирѣчь обычай), не вышелъ изъ нихъ!“ И иными словесы бѣсовскими множайшими, нежели тѣхъ, многихъ трезвыхъ мужей и мѣрныхъ во жительствѣ добромъ и во нравѣхъ наругаютъ и посрамощаютъ, льюще на нихъ чаши оныя проклятыя, ими же не хотяще упиватися, або отнюдь не могуще, и къ тому имъ смертьми и различными муками претяще, яко и мало послѣди, многихъ того ради погубиша. О! воистину новое идолослуженіе, и обѣщаніе и приношеніе не болвану Аполлонову и прочимъ, но самому Сатанѣ и бѣ-

сомъ его, не жертвы воловъ и козловъ приношаще, влекомыя насиліемъ на заколеніе, но самыя души свои и тѣлеса самовластною волею, сребролюбія ради и славы міра сего, ослѣпше, сіе творяще! И еще первѣе царское честное и воздержальное жительство разоряютъ, презлые и окаянные!

Се, царю! получилъ еси отъ шепчущихъ ти во уши любимыхъ твоихъ ласкателей: вмѣсто святаго поста твоего и воздержанія прежняго, піянство губительное со обѣщанными діаволамъ чашами; и вмѣсто цѣломудреннаго и святаго жительства твоего, нечистоты, всякихъ скверныхъ исполненныя; вмѣстожъ крѣпости и суда твоего царскаго, на лютость и безчеловѣчіе подвигоша тя; вмѣстожъ молитвъ тихихъ и кроткихъ, ими же ко Богу твоему бесѣдовалъ еси, лѣности и долгому спанію научиша тя, и по снѣ зіянію, главоболію съ похмѣлья и другимъ злостямъ неизмѣрнымъ и неисповѣдимымъ. А еже восхваляша тя, и возношаша и глаголаша тя царя велика, непобѣдима и храбра: и воистину таковъ былъ еси, егда во страсѣ Божіи жительствовалъ. Егдажъ падутъ отъ нихъ и прельщенъ, что получилъ еси? вмѣсто мужества твоего и храбрости, бѣгунъ предъ врагомъ и хороняка... царь великій христіанскій!... предъ бусурманскимъ волкомъ, иже прежде предъ нами мѣста не нашелъ и на дикомъ полѣ, бѣгая. А за совѣтомъ любимыхъ твоихъ ласкателей и за молитвами Чудовскаго Левки и прочихъ вселукавыхъ мниховъ, что добраго и полезнаго и похвальнаго и Богу угоднаго пріобрѣлъ еси? Развѣ спустошеніе земли твоея, ово отъ тебя самого съ кромѣшники твоими, ово отъ предреченнаго пса бусурманскаго,—и къ тому злую славу отъ окрестныхъ сусѣдовъ, и проклятіе и нареканіе слезное ото всего народу? И что еще прегоршаго и срамотнѣйшаго и ко слушанію претягчайшаго: самое отечество твое, превеликое мѣсто и многонародное, градъ Москва, во вселенной славный, сожженъ и потребленъ со безчисленными народы христіанскими внезапу... О бѣда претягчайшая и ко слышанію жалостная! Али не часъ было образумитися и покаятися къ Богу, яко Манасія, и отклонити волю естествен-

наго самовластія по естеству ко своему Сотворителю, искупившему насъ наидражайшею кровію своею, нежели то самовластіе со произволеніемъ самовольнымъ покоряти чрезъ естество супостату человѣческому и внимати вѣрнымъ слугамъ его, глаголю, презлымъ ласкателемъ его?

Еще ли ся не разсмотришь, о царю! къ чему тя привели человѣкоугодницы? и чѣмъ тя сотворили любимые маньяки твои? и яко опровергли и опроказили прежде святую и многоцѣнную, покаяніемъ украшенную, совѣсть души твоей? И аще намъ не вѣришь, парицающе насъ тупе измѣнниками прелукавыми, да прочтетъ величество твое во словѣ, златовѣщательными устами изреченномъ, о Иродѣ, ему жъ начало, (днесь намъ Іоанново преподобіе!): „Иродова лютость егда „возвѣщалась, смутились внутренныя, сердца вострепетали, „зракъ помрачился, разумъ притупился", или что твердо въ чувствахъ человѣческихъ, егда погубляетъ добродѣтели величество злостей множество, и паки мало пониже: „Достойнѣ „убо смущались внутренныя, сердца трепетали: понеже Иродъ „осквернилъ церковь, іерейство отнялъ", (яко ты аще не Іоанна Крестителя, но Филиппа архіепископа съ другими святыми смутилъ) „чинъ скверно содѣлалъ, царство сокрушилъ; „что было благочестія, что правилъ, что житія, что обычаевъ, „что вѣры, что наказанія — погубилъ и смѣсилъ". „Иродъ, „рече, мучитель гражданъ, воиновъ, разбойникъ, друговъ спустошитель:" твоего же величества преизобиліе злости! иже не токмо друговъ, но и всея святорусскія земли съ кромѣшники твоими спустошеніе, домовъ ихъ грабитель и убійца сыновъ... отъ чего, Боже! сохрани тебя и не попусти тому быти, Господи Царю вѣкомъ!... бо уже и то аки на острею сабли виситъ: понеже аще не сыновъ, но соплеменныхъ и ближнихъ въ роду братью уже погубилъ еси, наполняюще мѣру кровопивцевъ, отца своего и матери твоей и дѣда. Яко отецъ твой и мати, иже всѣмъ вѣдомо, колико погубили: тако жъ и дѣдъ твой, со Гречкою бабою твоею, сына предобраго Іоанна, отъ первыя жены своея, отъ Тверскія княжны свя-

тыя Маріи рожденна, наимужественнѣйшаго и преславнаго въ богатырскихъ исправленіяхъ, и отъ него рожденнаго, боговѣнчаннаго внука своего, царя Димитрія, съ матерію его святою Еленою, ового смертоносвымъ ядомъ, а того многолѣтнымъ заключеніемъ темничнымъ, послѣдиже удавленіемъ, погубиша, отрекшись и забывши любови сродства. И не удовлѣвся тѣмъ! Къ тому брата единоутробнаго, Андрея Углицкаго, мужа зѣло разумнаго и мудраго, тяжкими веригами въ темницѣ за малые дни удавилъ, и двухъ сыновъ его, отъ сосецъ материнхъ оторвавши... о умиленно ко услышанію и тяжко ко изреченію! человѣческая злость въ толикую презлость провозрастаема, пачежъ отъ христіанскихъ начальниковъ!... многолѣтнымъ заключеніемъ темничнымъ нещадно поморилъ. Князя Симеона жъ, глаголемаго Ряполовскаго, мужа зѣло пресильнаго и разумнаго, влекомаго отъ роду Владиміра, главнымъ посѣченіемъ убилъ. И другихъ братію свою, ближнихъ ему въ роду, овыхъ разогналъ до чуждыхъ земель, яко Верейскаго Михаила и Василія Ярославича; а другихъ, во отроческомъ вѣку еще сущихъ, такоже темничнымъ заключеніемъ, на скверной и проклятой завѣтной грамотѣ... о увы! о бѣда! ко слышанію тяжко!... заклинающе сына своего Василья, повелѣлъ неповинныхъ погубити неотрочнѣ. Такожъ сотворила и инымъ многимъ, ихъ же, долготы ради писанія, здѣ оставляется. Ко предреченному Златоустову возвращаюся, о Иродѣ пишущу: „окрестныхъ, рече, мужей убійца, напаяюще землю кровію, въ жаждѣ крове содержался". Сія Златоустый о Иродѣ во словѣ своемъ рече, и прочее.

О царю! прежде зѣло любимый отъ насъ! не хотѣлъ бы малыя сея части презлости твоей изрещи; но преодоленъ быхъ и принужденъ любовію Христа моего и ревностію любви распаляхся по мученицѣхъ, отъ тебя избіенныхъ неповиннѣ, братьяхъ нашихъ. Яко и отъ тебя самого не токмо слышахъ, но и видѣхъ и дѣломъ исполняемо, и о семъ, еще аки хвалющесь, глаголалъ еси: „Азъ, рече, избіенныхъ отъ отца и „дѣда моего одѣваю гробы ихъ драгоцѣнными аксамиты и

украшаю раки неповинне избіенныхъ праведныхъ" (се! Господне слово сбылось на тебя, къ Жидамъ реченное: *А сего ради*, рече, *согласуете и соблаговоляете, наполняюще мѣру, злы презлыми, убивство презлости отцевъ вашихъ, и показуете сами себя*, сирѣчь свидѣтельствуете сами о себѣ, *иже есте сынове убійцевъ исповѣдающеся:* а отъ тебя и отъ твоихъ громѣшниковъ, твоимъ повелѣніемъ, безчисленныхъ убіенныхъ мучениковъ, кто будетъ украшати гробы и позлащати раки ихъ? О! воистину смѣху достойно, со многимъ плачемъ смѣшенному, и непотребно сіе отнюдь, аще бы было то отъ сыновъ твоихъ дѣйствуемо, которые бы хотѣли, отъ чего Боже сохрани, мѣру твою сохраняти. Но яко, а ни Богъ, а ни тѣ избіенные отъ человѣкоубійцевъ древнихъ того не желали, иже бы неповиннѣ избіенни были, такъ и отъ сыновъ, произволеніемъ злымъ согласующихъ отцемъ своимъ, не желаютъ сего по смерти, не токмо гробомъ и ракамъ украшаемымъ и позлащаемымъ быти; но и самимъ величаемымъ и похваляемымъ: но праведные отъ праведныхъ, мученики отъ кроткихъ и по закону Божію жительствующихъ, похваляеми и почитаеми быти достоятъ.

А сему уже и конецъ положимъ: понеже и сіе краткое сего ради произволихомъ написати, да не отнюдь въ забвеніе придутъ: ибо того ради славныя и нарочитыя исправленія великихъ мужей отъ мудрыхъ человѣковъ исторіями описашася, да ревнуютъ имъ грядущіе роды; а презлыхъ и лукавыхъ пагубныя и скверныя дѣла того ради написаны, иже бы стреглись и соблюдались отъ нихъ человѣцы, яко отъ смертоносныхъ ядовъ, или повѣтрія, не токмо тѣлеснаго, но и душевнаго. Такожъ и мы вкратцѣ написахомъ малую часть, яко прежде многажды рѣхомъ, все оставляюще Божію суду нелицепріятному, хотящему воздати и *сокрушити главы враговъ своихъ, ажъ и до власъ приходящихъ во прегрѣшеніяхъ своихъ*, сирѣчь: отомстить и наималѣйшую обиду убогихъ своихъ отъ пресильныхъ; и паки той же: *озлобленія ради нищихъ и воздыханія убогихъ, нынѣ воскресну, глаголетъ*

Господь: положуся во спасеніе и не обинюся о немъ; яко индѣ тѣмъ же пророкомъ реклъ: *помыслилъ еси,* рече, *беззаконіе, аки былъ бы тебѣ подобенъ; обличю тя и поставлю предъ лицемъ твоимъ грѣхи твоя;* аки бы реклъ: аще не покажетеся о неправдахъ своихъ и о обидахъ убогихъ Закхеевымъ покаяніемъ. А къ тому до наилѣпшей памяти тамо живущимъ оставлю: понеже азъ, еще во среду бѣды тое презѣльныя, отъидохъ отъ отечества моего; а уже и тогда видѣннаго и слышаннаго о таковыхъ злостяхъ и гоненіяхъ, не могъ бы на цѣлую книгу написати, яко вмалѣ и вкратцѣ воспомянухъ о семъ въ предисловію, отъ насъ написанномъ на книгу словесъ Златоустовыхъ, глаголемую *Новый Маргаритъ,* емужъ начало: „Въ лѣто осмыя тысячи, вѣку звѣри„наго, яко глаголетъ во святой Апокалипсіи", и прочее. Но достоитъ мя убіенныхъ оныхъ безъ правды благородныхъ и свѣтлыхъ мужей, свѣтлыхъ, глаголю, не токмо въ родѣхъ, но и въ обычаяхъ, воспомянути, колико память ми снесетъ, паче же благодать Святаго Духа подастъ, уже во старости немощнымъ тѣломъ сущу, бывшу ми паче же бѣдами и напастьми отъ ту живущихъ человѣковъ всякими ненавистьми объяту. Аще что и забудется, да оставится ми, молю, отъ острозрительныхъ въ разумѣ, и въ памяти должайшей и неутружденной сущихъ. Се уже по возможности моей начну исчитати имена благородныхъ мужей и юношъ, паче же, (достоитъ со дерзновеніемъ нарицати ихъ), страдальцевъ и новыхъ мучениковъ, неповинныхъ сущихъ избіенныхъ.

ГЛАВА VI.

О ПОБІЕНІИ КНЯЖЕСКИХЪ РОДОВЪ.

1560—1573.

Неслыханное гоненіе. Первыя казни: друзья и родственники Адашевы. Гибель князей: Д. Овчинина, М. Рѣпнина, Ю. и П. Кашиныхъ, Д. Шевырева, Д. Курлетева съ семействомъ, П. Оболенскаго-Серебрянаго, А. Ярославова, В. Курлетева, А. Горбатаго-Суздальскаго съ сыномъ, П.

М. Ховриныхъ, Д. Ряполовскаго, С., А. и В. Ростовскихъ, В. Темкина съ сыномъ, И. Щенятева съ братомъ, Ѳ. Львова, И. Шаховскаго, В., А. и М. Прозоровскихъ, И. Пронскаго, В. Рыбина, царскаго брата князя Владиміра, съ матерью, женою и двумя младенцами, И. Одоевскаго и Михаила Воротынскаго.

Скоро по Алексѣевѣ смерти и по Селивестровѣ изгнанію, воскурилось гоненіе великое, и пожаръ лютости въ землѣ Русской возгорѣлся; и гоненіе воистину таковое неслыханное не токмо въ Русской землѣ никогда же бывало, а ни у древнихъ поганскихъ царей: бо и при нечестивыхъ мучителѣхъ христіане, исповѣдающіе вѣровати Христу и богомъ поганскимъ ругающіеся, имаемы и мучимы были, а неисповѣдающихъ и крыемыхъ внутрь себя вѣру, аще и ту стоящихъ, аще и знаемыхъ, аще и братію и сродниковъ, не имано, а ни мучено. А нашъ новоявленный звѣрь первѣе началъ сродниковъ Алексѣевыхъ и Селивестровыхъ писати имена, и не токмо сродныхъ, но о комъ послышалъ отъ тѣхъ же клеветниковъ своихъ, и друзей и сосѣдовъ знаемыхъ, аще и мало знаемыхъ, многихъ же отнюдь и не знаемыхъ, ихъ богатствъ ради и стяжанія, оклеветаемо отъ тѣхъ, многихъ имати повелѣлъ и мучити различными муками, а другихъ множайшихъ отъ имѣній ихъ и домовъ изгоняти въ дальные грады. А про чтожъ тѣхъ мучилъ неповинныхъ? Про то: понеже земля возопіяла о тѣхъ праведныхъ въ неповинномъ изгнанію, нарекающе и клепуще тѣхъ предреченныхъ ласкателей, соблазнившихъ царя; онъ же вкупѣ съ ними, ово аки оправдаяся предо всѣми, ово яко стрегущесь чаровства, не вѣмъ якого, мучити повелѣлъ оныхъ, не единаго, ни дву, но народъ цѣлъ, ихъ же именъ, тѣхъ неповинныхъ, яже въ тѣхъ мукахъ помроша, множества ради исписати невозможно.

Тогда-то убіенна Марія преподобная, нарицаемая Магдалина, съ пятьми сынами своими: понеже была родомъ Ляховица, потомъ исправилась въ правовѣріе, и была великая и превосходная постница, многажды въ годъ единаго въ седмицу вкушающи, и такъ во святомъ вдовствѣ провозсіявшая,

яко на преподобномъ тѣлѣ ея носити ей вериги тяжкія желѣзныя, тѣло порабощающе, да духу покоритъ его; и прочихъ святыхъ дѣлъ ея и добродѣтелей исписати тамо живущимъ оставлю. Оклеветана же предъ царемъ, аки бы то была чаровница и Алексѣева согласница, того ради ее погубити повелѣлъ и со чады ея, и многихъ съ нею: понеже той былъ Алексѣй не токмо самъ добродѣтеленъ, но и *другъ и причастникъ*, яко Давидъ рече, *всѣмъ боящимся Господа и сообщникъ всѣмъ хранящимъ заповѣди его*, и колько десять имѣлъ прокаженныхъ въ дому своемъ, тайне питающе и обмывающе ихъ, многаждыжъ самъ руками своими гной ихъ отирающе.

И тогдажъ убіенъ въ томъ гоненію единъ мужъ Іоаннъ, нареченный Шишкинъ, со женою и съ дѣтками: сродникъ былъ Алексѣевъ и мужъ воистину праведный и зѣло разумный, въ родѣ благороденъ и богатъ. Потомъ послѣ тѣхъ двухъ, або трехъ, убіенни благородніе мужіе: Данило, братъ единоутробный Алексѣевъ, и съ сыномъ Тархомъ, иже былъ еще во младенческомъ вѣку, лѣтъ аки двунадесяти, и тесть Данила онаго, Петръ Туровъ, и Өеодоръ, и Алексѣй и Андрей Сатины, ихъ же была сестра за Алексѣемъ предреченнымъ, и другихъ съ ними. А Петру оному, аки за мѣсяцъ предъ смертію, видѣніе божественное дивное явилось, проповѣдающе смерть мученическую, (онъ же мнѣ самъ исповѣдалъ), которое ту, краткости ради писанія, оставлю.

Паки убитъ отъ него тогда князь Дмитрій Овчининъ, его же отецъ здѣ много лѣтъ страдалъ за него и умре ту. Сіе выслужилъ на сына! бо еще во юношескомъ вѣку, аки лѣтъ двадесяти или мало болѣ, закланъ отъ самаго его руки.

Тогда же убіенъ отъ него князь Михайло, глаголемый Рѣпнинъ, уже въ сигклитскомъ сану сущь. А за чтожъ убіенъ и за якую вину? Началъ пити, съ нѣкоторыми любимыми ласкатели своими, оными предреченными великими, обѣщанными діаволу, чашами, идѣже и онъ по прилучаю призванъ былъ: хотяше бо его тѣмъ аки въ дружбу себѣ присвоити,

: упившись началъ со скоморохами въ машкарахъ плясати, і сущіе пирующіе съ нимъ; — видѣвъ же сіе безчиніе, онъ мужъ нарочитый и благородный началъ плакати и глаголати ему: „иже не достоитъ ти, о царю христіанскій! таковыхъ „творити“. Онъ же началъ нудити его, глаголюще: „веселись „играй съ нами“, и взявши машкару класти началъ на лице его; онъ же отверже ю и потопталъ, и рече: „не буди ми „се безуміе и безчиніе сотворити, въ совѣтническомъ чину „сущу мужу!“ Царь же, ярости исполнився, отогналъ его отъ очей своихъ, и по колицихъ дняхъ потомъ, въ день недѣльный, на всенощномъ бдѣнію стоящу ему въ церкви, въ часъ чтенія евангельскаго, повелѣлъ воинамъ безчеловѣчнымъ и лютымъ заклати его, близу самаго олтаря стояща, аки агнца Божія неповиннаго. И тое же нощи убити повелѣлъ сигклита своего князя Юрья, глаголемаго Кашина, также ко церкви грядуща на молитву утреннюю; и закланъ на самомъ празѣ церковномъ, и наполниша помостъ церковный весь кровію его святою.

Потомъ убіенъ того Юрья братъ, князь Іоаннъ. А сродникъ ихъ князь Дмитрій, глаголемый Шовыревъ, на колъ посаженъ; и глаголютъ, его день быти жива, и аки не чювши муки тоя лютыя, на колѣ, яко на престолѣ сѣдящь, воспѣвалъ канонъ изо устъ Господу нашему Іисусу Христу, а другій канонъ благодарственный пречистой Богородицѣ, съ ними же вкупѣ правило немалое, глаголемое акаѳистъ, еже въ немъ замыкается все плотское Божіе смотрѣніе: и по окончанію пѣнія онаго, духъ святый предалъ Господеви. И тогда же и другихъ княжатъ немало того же роду побито; а стрыя тѣхъ княжатъ Дмитрія, глаголемаго Курлетева, постричи во мнихи повелѣ.... неслыханное беззаконіе!... силою повелѣ всероднѣ, сирѣчь со женою и съ ссущими малыми дѣтками, плачющихъ, вопіющихъ. А полицихъ лѣтѣхъ, подавлено ихъ всѣхъ. А сей былъ князь Дмитрій мужъ совершенный и нарочитый въ разумѣ сигклитъ, избранный въ родѣ.

Потомъ убіенъ отъ него Петръ Оболенскій, глаголемый Сребряный, сигклитскимъ саномъ украшенъ и мужъ нарочитъ въ воинствѣ и богатъ. Потомъ того же роду княжатъ побіено: Александра Ярославова и князя Владиміра Курлетева, сыновца онаго Дмитрія; и были тѣ оба, паче же Александръ, мужіе воистину ангеломъ подобные жительствомъ и разумомъ: бо были такъ искусны въ книжномъ разумѣ православныхъ догматъ, иже всѣ священныя писанія во устахъ имѣли; къ тому и въ воинныхъ дѣлѣхъ свѣтлы и нарочиты, по роду влекомы отъ великаго Владиміра, отъ пленицы великаго князя Михаила Черниговскаго, яже убіенъ отъ безбожнаго Батыя за то, иже боги его насмѣвалъ и Христа Бога предъ мучителемъ, такъ сильнымъ и грознымъ, со дерзновеніемъ проповѣдалъ. Но и тѣ сродницы его, кровію вѣнчавшіеся, приложени суть, пострадавшіе неповиннѣ, къ пострадавшему за Христа, и преставлени мученики къ мученику.

Тогда же убіенъ отъ него княжа Суздальское Александръ, глаголемый Горбатый, со единочаднымъ своимъ сыномъ Петромъ, въ цвѣтѣ возраста, аки въ седминадесяти лѣтѣхъ. И тогожъ дня убіенъ съ нимъ шуринъ его Петръ Ховринъ, мужъ Грецкаго роду, зѣло благороднаго и богатаго, сынъ подскарбія земскаго; а потомъ и братъ его Михаилъ Петровичъ. О томъ то Александрѣ Горбатомъ воспомянухъ, пишучи повѣсть о взятью Казанскомъ: бо тѣ княжата Суздальскіе влекомы отъ роду великаго Владиміра, и была на нихъ власть старшая Русская, между всѣми княжаты, болѣе двусотъ лѣтъ, и владѣлъ отъ нихъ единъ Андрей, княжа Суздальское Волгою рѣкою, ажъ до моря Каспійскаго; тѣхъ же то былъ княжатъ Суздальскихъ сродичь, Нижняго Новагорода отчичь, славный богатырь въ земляхъ Русскихъ, князь Янъ Тугой-Лукъ: аще бы о немъ по ряду воспомянути, была бы цѣлая повѣсть рыцарства его; отъ него же, памятамись и великіе княжата Тверскіе изыдоша, яко лучше о семъ знаменуетъ въ лѣтописной книгѣ Русской. Но и той былъ, новоубіенный Александръ, мужъ глубокаго разума и искусный

ѣло въ военныхъ вещахъ, и къ тому послѣдователь тщали-вый священныхъ писаній, яко и при самой смерти ихъ радостны и надежны быша, и неповиннѣ отъ него посѣчени, яко агнцы Бога живаго. И глаголютъ о нихъ при томъ бывшіе и на то зрящіе: егда уже приведены къ самому посѣченію, тогда, глаголютъ, сына его, первѣе со потщаніемъ приклонивша выю къ мечу, отецъ же возбранивъ ему и рече: „О чадо превозлюбленное и единородный сыне мой! да не узрятъ очи мои отсѣченія главы твоея!“ И первѣе самъ княжа усѣченъ: младенецъ же оный храбрый, взявъ мученическую честную главу отца своего, и воззрѣвъ на ню, рече: „Благодарю тя, о царю вѣкомъ, Іисусе Христе Боже нашъ, царствующій со Отцемъ и со Святымъ Духомъ! иже сподобилъ еси насъ неповинным убіеннымъ быти, яко и самъ отъ богоборныхъ Жидовъ закланъ еси, неповинный агнче! А сего ради пріими души наша въ живодательныя руцѣ твои, Господи!“ И сіе изрекши, приклонився подъ оскордъ ко усѣченію главы своея святыя.... Съ таковымъ упованіемъ и со многою вѣрою ко Христу своему отойдоша.

Тогда, въ тѣ же лѣта, або предъ тѣмъ еще мало, убитъ, за повелѣніемъ его, княжа Рядоловское Дмитрій, мужъ въ разумѣ многъ и зѣло храбръ, искусенъ же и свидѣтельствованъ отъ младости своей въ богатырскихъ вещахъ: бо не мало, яко всѣмъ тамо вѣдомо, выигралъ битвъ надъ безбожными Измаильтяны, ажъ на дикое поле за ними далеко ходяще. Се выслужилъ! Главою заплатилъ; отъ жены и дѣтокъ оторвать и внезапу смерти предати повелѣлъ. Паки побіени отъ него того же лѣта княжата Ростовскіе Семенъ, Андрей и Василій и друзіи съ ними. Паки потомъ тѣхъ же княжатъ Ростовскихъ, иже и здѣсь страдалъ за него, Василій Темкинъ и со сыномъ своимъ разсѣканы отъ кромѣшниковъ его, католовъ избранныхъ, за повелѣніемъ его.

Паки убіенъ княжа Петръ, глаголемый Щенятевъ, внукъ княжати Литовскаго Патрикія: мужъ зѣло благородный былъ и богатый, и оставя все богатство и многое стяжаніе, мни-

шествовати былъ произволилъ, и нестяжательное, христоподражательное жительство возлюбилъ; но и тамо мучитель мучити его повелѣ, на желѣзной сковрадѣ огнемъ разженной жещи и за ногти иглы бити. И въ сицевыхъ мукахъ скончался. Тако же и единоколѣнныхъ братію его, Петра, Іоанна, княжатъ нарочитыхъ, погубилъ.

Въ тѣ же лѣта побиты братья мои княжата Ярославскіе, влекомые отъ роду княжати Смоленскаго, святаго Өеодора Ростиславича, правнука великаго Владиміра Мономаха; имена ихъ были: князь Өеодоръ Львовъ, мужъ зѣло храбрый и святаго жительства, и отъ младости своей, ажъ до четыредесятнаго лѣта, служилъ ему вѣрнѣ, многажды надъ поганскими языки свѣтлыя одолѣнія поставлялъ, крововодяще руку свою, паче же освящающе во крови бусурманской сущихъ враговъ креста Христова. Другаго князя Өеодора, внука славнаго князя Өеодора Романовича, иже прадѣду того царя, губителя нашего, въ ордѣ будучи, даже еще въ неволѣ были княжата Русскіе у ординскаго царя и отъ его руки власти пріимовали, потомъ, за его попеченіемъ, на царство свое возведенъ бысть.... Се такъ службы и доброхотствованія прародителей нашихъ ко своимъ прародителемъ воспомянулъ и заплатилъ! Княжата наши Ярославскіе никогдаже отъ его прародителей не бывали отступни въ бѣдахъ и въ напастехъ ихъ, яко вѣрные и доброхотные братія, сущіе по роду влекомы отъ единаго славнаго и блаженнаго Владиміра Мономаха. За тѣмъ-то княземъ Өеодоромъ была сестра его за двухъ рожденная, дщи князя Михаила Глинскаго, славнаго рыцаря, его же погубила неповиннѣ мати его, сущаго стрыя своего, обличающа ее за беззаконіе. Тако же и другихъ тое же племицы княжатъ не мало погубилъ: единаго отъ нихъ своею рукою булавою на смерть убилъ на Невлѣ мѣстѣ, идучи къ Полоцку, реченнаго Іоанна Шаховскаго; и потомъ Василья, Александра и Михаила княжатъ, глаголемыхъ Прозоровскихъ, и другихъ княжатъ того же роду, Ушатыхъ нареченныхъ, сродныхъ братій ихъ сущихъ, тѣхъ же княжатъ

рославскихъ роду, погубилъ всенародно: понеже имѣли отцы великія, мню, негли изъ того ихъ погубилъ. Потомъ Іванна княжа Пронское, отъ роду великихъ князей Рязанскихъ, мужа престарѣвшагося уже во днехъ, и отъ младости служаща не токмо ему, еще и отцу его много лѣтъ, многажды гетманомъ великимъ бывша и сигклитскимъ саномъ почтеннаго, (послѣди же мнишество возлюбилъ и въ монастырѣ единомъ остриже власы и отрекшися всея суеты міра сего, Христа своего ради), — онъ же такъ мужа престарѣвшаго во днехъ мнозѣхъ и во старости маститѣй отъ чреды лесенныя извлече и въ рѣцѣ утопити повелѣлъ. И другаго княжа Пронское Василія, глаголемаго Рыбина, погубилъ. Въ ти же день и иныхъ не мало благородныхъ мужей народныхъ воинъ, аки двѣсти, избіенно; а нѣцыи глаголютъ вящше.

Тогдаже убилъ Владиміра, стрыечнаго брата своего, съ матерью того Евфросиньею, княжною Хованскою, яже была отъ роду князя великаго Литовскаго Олгерда, отца Ягайла, короля Польскаго, и воистину святую и постницу великую во святомъ вдовствѣ и во мнишествѣ провозсіявшую. Тогдаже разстрѣляти съ ручницъ повелѣлъ жену брата своего Евдокію, княжну Одоевскую, такожъ воистину святую, и зѣло кроткую, и священныхъ писаній искусную, и пѣнія божественнаго пѣнего навыкшую, и дву младенцевъ, сыновъ брата своего, отъ тоя святыя рожденныхъ: единому было имя Василій, аки въ десяти лѣтѣхъ, а другій мнѣйшій... Запамятовахъ уже, яко было имя его; но лучше въ книгахъ животныхъ написанъ, присноламятныхъ, на небесѣхъ, у самого Христа Бога нашего... И иные мнози слуги ихъ вѣрные избіены, не токмо мужи и юноши благородные, но и жены и дѣвицы свѣтлыхъ родовъ и благородныхъ шляхетскихъ.

Потомъ убіенъ славный и между княжаты Русскими Михаилъ Воротынскій и Никита княжа Одоевскій, сродный его, со младенчики дѣтками своими — единъ аки седми лѣтъ, а другій мнѣйшій, и со женою его: всероднѣ погублено ихъ,

глаголютъ; его же была сестра, предреченная Евдокія святая, за братомъ царевымъ, Владиміромъ. А что же сему лавина была княжати Воротынскому? Негли тая точію: егда, по сожженію великаго славнаго мѣста Московскаго, многонароднаго, отъ Перекопскаго царя и по спустошенію, умиленномъ и жалостномъ ко слышанію, Русскія земли отъ безбожныхъ варваровъ, аки годъ единъ спустя, той же царь Перекопскій, хотяще уже до конца спустошити землю оную и самого того князя великаго выгнати изъ царства его, и пойде яко левъ кровоядецъ, рыкая, розвия лютую пащеку на пожреніе христіанъ, со всѣми силами своими бусурманскими: услышавъ же сіе, наше чудо забѣжалъ предъ нимъ сто и двадесять миль съ Москвы, ажъ въ Новгородѣ великій; а того Михаила Воротынскаго поставилъ съ войскомъ, яко могучи, земли оныя спустошенныя и окаянныя бронити повелѣлъ. Онъ же, яко мужъ крѣпкій и мужественный, въ полкоустроеніяхъ зѣло искусный, съ тѣмъ такъ сильнымъ звѣремъ бусурманскимъ битву великую сведе; не далъ ему распростертися, а ни на мнѣе воевати убогихъ христіанъ; но біяшеся крѣпцѣ зѣло съ нимъ, и глаголютъ, колько дней брань она пребывала. И поможе Богъ христіаномъ, благоумнаго мужа полкоустроеніемъ, и падоша отъ воинства христіанскаго бусурманскіе полки, и самого царя сынове два, глаголютъ, убіени, а единъ живъ изыманъ на той битвѣ; царь же самъ едва въ орду утече, а хоругвей великихъ бусурманскихъ и шатровъ своихъ отбѣжалъ въ нощи. На той же битвѣ и гетмана его славнаго, кровопійцу христіанскаго, Дивія Мурзу изымано жива; и всѣхъ тѣхъ, яко гетмана и сына царева, такъ и хоруговь царскую и шатры его, послалъ.

Что же воздалъ за сію ему службу? Послушай, молю, прилежно прегорчайшія тоя и жалостныя ко слышанію трагедіи. Аки лѣто едино потомъ спустя, онаго побѣдоносца и оборонителя своего и всея Русскія земли изымати и связанна привести и предъ собою поставити повелѣ; и обрѣтши единаго

раба его, окраднаго того господина своего (а мню, наученъ отъ него: бо еще тѣ княжата были на своихъ удѣлѣхъ, и великія отчины подъ собою имѣли; а колико тысящъ съ нихъ и ничту воинства было слугъ ихъ; имъ же онъ зазрѣчи, того ради губилъ ихъ) и рече ему: „Се! на тя свидѣтельствуетъ слуга твой, иже мя еси хотѣлъ счаровати и добывалъ еси на меня бабъ шепчущихъ.“ Онъ же, яко княжа отъ младости своея святый, отвѣщалъ: „Не научихся, о царю! и не навыкохъ отъ прародителей своихъ чаровать и въ бѣсовство вѣрити; но Бога единаго хвалити, въ Троицѣ славимаго, и тебѣ, цареви, государю своему, служити вѣрнѣ. А сей клеветникъ, мой есть рабъ, и утече отъ меня, окравши мя: не подобаетъ ти сему вѣрити и ни свидѣтельства отъ таковаго пріимати, яко отъ злодѣя и отъ предателя моего, ложеклевещущаго на мя.“

Онъ же абіе повелѣ, связанна положа на древо между двѣма огни, жецц мужа, въ роду паче же въ разумѣ и въ дѣлѣхъ, наисвѣтлѣйшаго; и притекша глаголютъ самого, яко начальнаго ката съ катомъ, мучившимъ побѣдоносца, и подгребающа угліе горящіе жезломъ своимъ проклятымъ подъ тѣло его святое. Такожде и предреченнаго Одоевскаго Никиту мучити различнѣ повелѣлъ, ово срачицу его пронзикнувши въ перси его, тамо и овамо торгати: той же въ таковыхъ абіе мученіяхъ скончался. Онаго жъ преодолѣтеля славнаго, смучена и изжена огнемъ неповиннѣ, наполы мертва и едва дышуща въ темницу на Бѣлое озеро повезти повелѣлъ; и отвезенъ аки три мили съ того прелютаго пути на путь прохладный и радостный небеснаго восхожденія: ко Христу своему отъиде.. .

О мужу нанлѣпшій и наикрѣпчайшій, и многаго разума исполненный! велія и преславная суть память твоя блаженная! Аще негли недостаточна во оной, глаголю, варварской землѣ, въ томъ нашемъ неблагодарномъ отечествѣ; но здѣ и вездѣ, мню въ чуждыхъ странахъ паче, нежели тамо, преславнѣйшая, не токмо въ христіанскихъ предѣлѣхъ, но и у

главныхъ бусурмановъ, сирѣчь у Турковъ: понеже немало отъ Турецкаго войска на той-то предреченной битвѣ тогда быша наипачеже отъ Магмета Баши великаго двора мнози быша на помощь послани Перекопскому цареви, и за твоимъ благоразуміемъ всѣ изчезоша и не возвратился, глаголютъ, ни единъ въ Константинополь.... И что глаголю о твоей славѣ на землѣ сущей! Но и на небеси, у ангельскаго царя, преславна быша память твоя, яко сущаго мученика и побѣдоносца; яко за оную пресвѣтлую побѣду надъ бусурманы, ее же произвелъ еси и поставилъ мужествомъ храбрости своея, обороняюще христіанскій родъ; наипачеже сподобился еси мзду премногую получити, еже пострадалъ еси неповиннѣ отъ онаго кровопійцы, и сподобился еси со всѣми оными великими мученики вѣнцовъ отъ Христа Бога нашего, во царствіи его, яже за его овцы, супротивъ полку бусурманскому, много отъ младости своей храбровствовалъ, ажъ безъ мала до шестьдесятаго лѣта!...

Тѣ два сице близко сродные между себя отъ мучителя вкупѣ пострадали: бо и тѣ княжата Воротынскіе и Одоевскіе отъ роду мученика князя Михаила Черниговскаго, закланнаго ото внѣшняго врага церковнаго, Батыя безбожнаго; тако же и сей Михайло, побѣдоносецъ тезоименитый и оному сродникъ, сожженъ ото внутренняго дракона церковнаго, губителя христіанскаго, боящагося чаровъ: бо отецъ его Василій со оною предреченною законопреступною женою, юною сущею, самъ старъ будущи, искалъ чаровниковъ презлыхъ отовсюду, да помогутъ ему ко плодотворенію, не хотяще бо властеля быти брата его по немъ: бо имѣлъ брата Юрья зѣло мужественнаго и добронравнаго, яко и повелѣлъ, заповѣдающе женѣ своей и окаяннымъ совѣтникомъ своимъ, скоро по смерти своей убити его, яко и убіенъ есть. О чаровникахъ же оныхъ такъ печашеся, посылающе по нихъ тамо и овамо, ажъ до Корелы, (еже есть Филя: сидитъ на великихъ горахъ, подлѣ Студенаго моря), и оттуду провожаху ихъ къ нему лехтущихъ

ныхъ и презлыхъ совѣтниковъ сатанинскихъ, и за помощію ихъ отъ прескверныхъ сѣменъ, по произволенію презлому, а не по естеству отъ Бога вложенному, уродилися ему два сына: одинъ таковый прелютый и кровопійца и погубитель отечества, иже не токмо въ Русской землѣ такого чуда и дива не слыхано, но воистину нигдѣже никогдаже, мню: заие и Нерона презлаго превзыде лютостію и различными и неисповѣдимыми скверпами; паче же, не внѣшній, непримирительный врагъ и гонитель церкви Божіей бысть, но внутренній змій ядовитый, жруще и разтерзающе рабовъ Божіихъ; а другій былъ безъ ума и безъ памяти и безсловесенъ, такожъ, аки дивы, якой родился. Ту ни зрите и прилежно созерцайте христіанскіе родове! яже дерзаютъ непреподобнѣ приводити себѣ на помощь и къ дѣткамъ своимъ мужей презлыхъ чаровниковъ и бабъ, смывалей и шептуней, и иными различными чары чарующихъ, общующе со діаволомъ и призывающе его на помощь, что за полезную и яковую помощь отъ того имѣете, въ предреченной неслыханной лютости разсмотрите! Мнози бо, яко слышахомъ многажды, за мало сіе себѣ важатъ и смѣющесь глаголютъ: „малъ сей грѣхъ, и удобнѣ покаяніемъ исправится“. Азъ же глаголю: не малъ! и воистину превеликъ зѣло, понеже тѣмъ Божію заповѣдь великую во обѣтованію раззоряете: бо Господь глаголетъ: *да не убоишися никого же, а ни послужиши*, сирѣчь: *ни у кого же помощи не имаши развѣ меня, а ни на небеси горѣ, а ни на земли низу, а ни подъ безднами;* и паки: *аще кто отвержется мене предъ человѣки, отвержуся и азъ его предъ отцемъ моимъ небеснымъ.* И вы, забывше таковыя страшныя заповѣди Господа нашего, течете къ діаволу, просяще его чрезъ чаровники! А чары, яко всѣмъ есть вѣдомо, безъ отверженія Божія и безъ согласія со діаволомъ, не бываютъ. Воистину, яко мню, и се неисцѣлимый грѣхъ есть тѣмъ, иже внимаютъ имъ, и ко покаянію неудобенъ: неисцѣльный и того ради, зане за малый его себѣ мните; неудобенъ же ко покаянію.

понеже безъ отверженія Іудина, чары и относы и смыванія, прежнія ради купѣли, и стиранія союзми ради святаго помазанія, шептанія же скверныя, явственныхъ ради обѣщаній ко Христу на святомъ крещенію, и относы, приношенія ради на святомъ жертовницѣ у пресвятаго агнца, и безъ согласія, сирѣчь, безъ обѣщанія діаволу и безъ отверженія Христова, яко рѣхомъ, чаровницы сихъ не могутъ дѣйствовать; но всяко діяволомъ, тѣхъ ради всѣхъ, отъ предреченныхъ презлыхъ человѣковъ согласниковъ діаволихъ умышлено. Господь Богъ нашъ, премногія ради благодати своея, да избавитъ всѣхъ правовѣрныхъ отъ таковыхъ! Аще же кто таковымъ не внимаетъ, тому и боятися не подобаетъ: понеже яко дымъ отъ знаменія честнаго креста исчезаетъ и отъ простыхъ людей вѣрующихъ во Христа, нетокмо отъ искусныхъ христіанъ, доброю совѣстію живущихъ, у которыхъ бываютъ на сердцахъ скрижалей плотяныхъ написаны заповѣдей Христовыхъ евангельскія слова: о семъ бо и самъ Богъ-Слово свидѣтельствуетъ въ молитвѣ оной, ею же поучалъ ученики свои молитися, при концѣ глаголюще: *яко есть твое царство и сила* и прочее. Блаженный же Златоустъ ясно толкуетъ въ бесѣдѣ 19, еже отъ Матвѣя евангеліе: „иже нѣсть царство, а ни сила иная, „а ни боятись кого достоитъ христіаномъ, развѣ единаго „Бога, аще и діаволъ нѣгдѣ на насъ возмогаетъ мученьми, „сіе Богу попущающу; а онъ безъ воли Божіей, аще и злорадный и прелютый и непримирительный врагъ нашъ, не „токмо на насъ человѣковъ не возмогаетъ, ни на свиніяхъ, „ни на воловыхъ стадахъ, ни на другихъ скотѣхъ безъ Божія воли“. Яково все свидѣтельствуется и во евангеліи. А днѣ, прочитаючи, узрите во ономъ священномъ толкованію златаго языка.

Сихъ, єликихъ памятью моглъ объяти, написахъ о княжецкихъ родѣхъ.

ГЛАВА VII.

О ПОБІЕНІИ БОЯРСКИХЪ И ДВОРЯНСКИХЪ РОДОВЪ.

1565—1573.

Казнь И. Петровича Челяднина съ женою, Ив. Шереметева, Семена Яковлевича, Х. Тютина съ женою и дѣтьми, И. Хабарова съ сыномъ, М. Ликова, Колычевыхъ, В. Разладина, Д. Пушкина, К. Тыртова, А. Шеина, В. Морозова, Л. Салтыкова съ пятью сыновьями, И. Б. и О. Заболоцкихъ, В. Бутурлина, И. Воронцова, З. Сабурова, А. Кашкарова съ братомъ, В. и Б. Тетериныхъ съ дѣтьми, Д. Чулкова, Басмановыхъ, С. Сидорова, Сабуровыхъ-Сарыхозиныхъ, И. Казаринова, М. Морозова съ сыномъ.

О великихъ наповъ родѣхъ, а по ихъ о боярскихъ, аще елико Господь памяти подастъ, покушусь написати. Убилъ мужа, въ роду свѣтла, Іоанна Петровича, уже въ совершенномъ вѣку бывша; и жену его Марію, воистину святую, поубилъ, у нея же прежде, еще во младости своей, единочадаго, возлюбленнаго сына отъ нѣдръ оторвавши усѣкнулъ,— Іоанна, княжа Дорогобужскаго, съ роду великихъ князей Тверскихъ, его же былъ отецъ отъ Татаръ Казанскихъ на битвѣ убитъ; а тотъ отрочатко остался у сосцу единъ у матери; онажъ во святомъ вдовствѣ своемъ питала его до осмнадесяти лѣтъ; о егожъ убіенію мало прежъ воспомянухъ въ кроницѣ пишучи, иже вкупѣ убіени суть съ нарочитымъ юношею стрыечнымъ братомъ своимъ, съ княземъ Ѳедоромъ Овчининымъ. И такъ на того Іоанна разгнѣвался, иже не токмо слугъ его, шляхетныхъ мужей, всенароднѣ погубилъ и различными муками мучилъ, но и мѣста и села (бо зѣло многи отчины имѣлъ)—все пожегъ, самъ ѣздя съ кромѣшники своими, елико гдѣ обрѣлись, со женами и дѣтками ихъ, ссущими отъ сосцевъ матернихъ, не пощадѣлъ; наконецъ, глаголютъ, а ни скота единаго живити повелѣлъ.

Въ началѣ же мучительства своего, мудраго совѣтника своего Іоанна, глаголю Шереметева, о немъ же многажды въ кроницѣ воспомянухъ, мучилъ такою презлою узкою темни-

цею, острымъ помостомъ приправленною, иже вѣрѣ неподобно, и оковалъ тяжкими веригами по выѣ, по рукамъ и по ногамъ, и къ тому еще и по чресламъ обручъ толстый желѣзный, и къ тому обручу десять пудовъ желѣза привѣсити повелѣлъ, и въ таковой бѣдѣ аки день и нощь мужа мучилъ. Потомъ пришелъ глаголати съ нимъ; ему же, наполы мертву сущу и едва дышущу, въ таковыхъ тяжкихъ оковахъ и на таковомъ остромъ помостѣ лежащу поверженну, началъ между иными вопросы о семъ пытати его: „Гдѣ, рече, многи скарбы твои? „скажи ми. Вѣмъ бо, яко богатъ еси зѣло: бо не обрѣтохъ „ихъ, ихъ же надѣялся въ сокровищницахъ твоихъ обрѣсти“. Отвѣщалъ Іоаннъ: „Цѣлы, рече, сокровенны лежатъ, идѣже „уже не можешь достати ихъ.“ Онъ же рече: „Скажи ми о „нихъ, аще ли не муки къ мукамъ приложу ти“. Іоаннъ же отвѣща: „Твори, еже хощеши! Уже бо ми близъ приста-„нище“. Царь же рече: „Повѣждь ми, прошу тя, о скарбѣхъ „твоихъ.“ Іоаннъ отвѣща: „Аще бы и исповѣдалъ ти о нихъ, „яко уже рекохъ, не можешь ихъ одержати: принесохъ бо „ихъ убогихъ руками въ небесное сокровище, — ко Христу „моему“. И другіе отвѣты зѣло премудрые, яко единъ премудрѣйшій философъ, или учитель великій, отвѣщалъ ему тогда. Онъ же, умилився мало, повелѣлъ отъ тѣхъ тяжкихъ узовъ разрѣшити его и отвесть въ легчайшую темницу; но обаче того дня повелѣлъ удавити брата его, Никиту, уже въ синклитскомъ сану почтенна суща, мужа храбраго и на тѣлеси отъ варварскихъ рукъ немало ранъ имуща. Іоаннъ же потомъ, сокрушенну уже тѣлу, насиліемъ колико лѣтъ поживъ при немъ, оставя послѣднее стяжаніе свое, наче же во убогихъ и въ странныхъ, въ духовную лихву и мздовоздаятелю Христу Богу вдавъ вся, во единъ отъ монастырей изыде, во святый и монашескій образъ облечеся. И не вѣмъ, аще и тамъ не повелѣлъ ли уморити его.

Потомъ убіенъ отъ него братъ стрыечный жены его, Семенъ Яковлевичъ, мужъ благородный и богатый, такожде и сынъ его: еще во отроческомъ вѣку, удавленъ. Паки убіени

отъ него мужа Грецка роду, имянемъ Хозяинъ, нареченный Тютинъ, мужъ зѣло богатый, иже былъ у него подскарбіемъ великимъ, и погубленъ всеродно, сирѣчь со женою и съ дѣтьми и со другими южики; такоже и другіе мужи нарочитые и богатые, ихъ же именъ невмѣстно писати, широкости ради: бо колико тысящей ихъ не токмо въ мѣстѣ Московскомъ великомъ, но и во другихъ великихъ мѣстахъ и во градѣхъ побито.

Потомъ разграбилъ сигклита своего скарбы великіе, отъ праотецъ его еще собранны, ему же было имя Іоаннъ, по нареченію Хабаровъ, роду старожитнаго, яже нарицалися Добрынскіе. Онъ же мужъ, мало радяще о тѣхъ своихъ сокровищахъ, утѣшашесь Богомъ: понеже былъ мужъ наполны въ книжномъ разумѣ искусенъ. По трехъ же лѣтѣхъ убити его повелѣлъ со единочаднымъ сыномъ, изъ отчины: понеже великія отчины имѣлъ во многихъ повѣтѣхъ. Въ тѣхъ же лѣтѣхъ убилъ свѣтлаго роду мужа, Михаила Матвѣевича Лыкова, и съ нимъ ближняго сродника его, юношу зѣло прекраснаго, въ самомъ наусію, иже посланъ былъ на науку за море, во Ерманію, и тамо навыкъ добрѣ Алеманскому языку и писанію: бо тамъ пребывалъ, учась, немало лѣтъ, и объѣздилъ всю землю Нѣмецкую, и возвратился былъ къ намъ во отечество, и по коликихъ лѣтѣхъ, смерти вкусилъ отъ мучителя неповиннѣ. А той то Матвѣй Лыковъ, отецъ его Михайловъ, блаженныя памяти, сожженъ: пострадалъ за отечество тогда, когда возвратишась отъ Стародуба войско Ляцкое и Литовское со гетманы своими: тогда немало градовъ Сѣверскихъ разориша; Матвѣй же той, видѣвъ, иже не можетъ избавленъ быти градъ его, первѣе выпустилъ жену и дѣтки свои во плѣнъ, потомъ не хотяще самъ видѣти взятье града отъ супостатовъ, и тако бросаше стѣнъ градскихъ вкупѣ съ народомъ, иже произволилъ сожженъ быти съ ними, нежели супостатомъ градъ сдати. Жена же и дѣти его отведены быша, яко плѣнники, до короля стараго Сигизмунда. Король же воистину, яко сущій святый христіанскій, повелѣлъ ихъ питати

не яко плѣнниковъ, но яко своихъ сущихъ, не токмо питати во своихъ царскихъ палатахъ, но и докторомъ своимъ повелѣлъ ихъ научити шляхетскихъ наукъ и языку Римскому. Потомъ по коликихъ лѣтѣхъ, послы Московскіе великіе, Василій Морозовъ и Ѳедоръ Воронцовъ, въ Краковѣ упросиша ихъ у короля во отечество... глаголю, воистину неблагодарное и недостойное ученыхъ мужей, въ землю лютыхъ варваровъ... идѣже единъ отъ нихъ, Іоаннъ именемъ, изыманъ живъ на битвѣ и уморенъ отъ майстра Лифлянскаго въ прелютой темницѣ: яко достояло мужу ученому, пострадалъ за отечество; а другій, предреченный Михаилъ, былъ остался, и былъ воеводою въ Ругодевѣ: тамъ убіенъ, яко рѣхомъ, отъ онаго мучителя, варварскаго царя. Такъ убо онъ, грубый и прелютый варваръ, не памятуючи отеческихъ и братскихъ служебъ, воздаетъ своимъ, свѣтлыми дѣлы украшеннымъ, вѣрнымъ служащимъ ему мужемъ!

Потомъ погубилъ родъ Колычевыхъ, такоже мужей свѣтлыхъ и нарочитыхъ въ родѣ, единоплеменныхъ сущихъ Шереметевымъ: бо прародитель ихъ, мужъ свѣтлый и знаменитый, отъ Нѣмецкія земли выѣхалъ, ему же имя было Михаилъ: глаголютъ его быти съ роду княжатъ Рецкихъ. А побилъ ихъ тое ради вины, иже разгнѣвался зѣло на стрыя ихъ, Филиппа архіепископа, обличающа его за презлыя беззаконія, о немъ же вкратцѣ послѣди повѣмъ. И бысть тогда знаменіе не худо отъ Бога явлено надъ единымъ отъ тѣхъ, емужъ имя было Іоаннъ Борисовичъ Колычевъ; чудо же воистину таково, яко слышахъ отъ самовидца, при томъ зрящаго: егда зѣло возъярился, паче же рещи, неистовился отъ непріятельскаго врага человѣческаго, отъ бѣсовскія сожительницы раздеженъ, яко прежде рекохъ, ѣздя палилъ мѣста и веси и дворы онаго Іоанна Петровича со живущими въ нихъ: тогда обрѣвъ храмину, глаголютъ, зѣло высоку, по ихъ же обыкновенному слову, нарицаютъ ее повалуша, въ самыхъ верхнихъ каморахъ привязати повелѣлъ крѣпко онаго предреченнаго мужа, и якъ подъ тую-то храмину, тако и подъ

другія, близу тое стоящія, въ нихъ же бяше полно человѣковъ нагнато и затворенно, нѣколико бочекъ пороховъ повелѣлъ поставить: а самъ сталъ издалеча въ полкоустроеніяхъ, же подъ супостатнымъ градомъ, ожидающе, егда взорветъ рамину. Егдаже уже взорвало и разметало не токмо тую рамину, но и другія близъ стоящія; тогда онъ со всѣми ромѣшники своими, яко воистину бѣсный съ неистовящимися, всѣмъ онымъ полкомъ діавольскимъ, всѣ велегласно возопиша, яко на брани супостатовъ, и аки пресвѣтлое одолѣніе олучиша, всѣми уздами конскою скоростію расторганныхъ лесъ христіанскихъ зрѣти поскочиша: бо бѣ множество въ ѣхъ храминахъ, подъ нихъ же порохи подставлены быша, овязани и затворены бяше. Тогда же потомъ, далече на по-ѣ, обрѣтено того Іоанна, единою рукою привязанна ко веикому бревну, на землѣ цѣла сѣдяща, а ничѣмъ же ни мало редима, прославляюще Господа, творяща чудеса; а тамо ылъ, ростягненный, связанъ рукама и ногама. Егда же сіе сповѣдано кромѣшникомъ его, тогда единъ безчеловѣчный и релютый устремился и прибѣже прытко на конѣ первѣе къ ему, и увидѣвъ его здрава и псалмы благодарные Господеви оюща, абіе отсѣче ему саблею главу и принесе ее, аки даръ многоцѣнный, подобному лютостію цареви своему. Онъ же абіе повелѣлъ въ кожаный мѣхъ зашити и послалъ ее ко сырю его, архіепископу предреченному, заточенному въ темницу, глаголюще: „Се сродпаго твоего глава! Не помогли ему твои чары!“ Тѣхъ же Колычевыхъ околько десять роду; въ нихъ же бѣша нѣцыи мужіе храбрые и нарочитые, и нѣкоторыежъ отъ нихъ и сигклатскимъ саномъ почтенны, а нѣцыи стратилаты быша;—а погублени суть всероднѣ.

Потомъ убіенъ отъ него мужъ зѣло храбрый и разумный, и къ тому священныхъ писавій послѣдователь, Василій, глаголемый Разладинъ, роду славнаго Іоанна Родіоновича, нареченнаго Квашни. А глаголютъ, и матерь его Ѳеодосію пострадавшу, отъ мучителя многими муками мучиму, вдовицу старую сущую, многолѣтную, неповиннѣ терпящу. Только три

сына у ней были, мужи зѣло храбрые: единъ, предреченный Василій, а другій Іоаннъ, третій Никифоръ, убіенный на битвахъ еще въ юношескомъ вѣку отъ Германовъ (но всяко, тогда поражены суть Германи); мужіе зѣло быша храбрые и мужественные, и не токмо тѣлесы благолѣпными, но воистину нравы благими преукрашены быша. Тогда же убіенъ отъ него Дмитрій, по нареченію Пушкинъ, также мужъ зѣло разумный и храбрый, и уже въ совершенныхъ лѣтѣхъ; единоплеменен же бѣ Челядинымъ.

Потомъ убіенъ отъ него стратилатъ славный, Крикъ Тыртовъ по нареченію, мужъ не токмо храбрый, мужественный и священныхъ писаній послѣдователь, но воистину и въ разумѣ многъ, къ тому кротокъ и тихъ былъ, зѣло всякими благими нравы преукрашенъ, и обычаями добрыми прелюбезенъ, и къ тому,—что еще наилѣпнѣйшаго и дивнаго,—отъ порожденія матери своей, чистъ и непороченъ; въ воинствѣ христіанскомъ знаменитъ и славимъ, понеже многія раны на тѣлеси имѣлъ, на многихъ битвахъ отъ различныхъ варваровъ; младужъ еще ему сущу, храбрѣ юношествовалъ въ Казанское взятіе, и ока единаго пострадалъ, презѣльнаго ради и крѣпкаго мужества... Но и таковаго мучитель кровопійственный не пощадилъ!

Тогдаже, або мало предъ тѣмъ, убіенъ отъ него мужъ благовѣрный, Андрей, внукъ славнаго и сильнаго рыцаря Дмитрія, глаголемаго Шеина, съ роду Морозовыхъ, яже еще вышли отъ Нѣмецъ, вкупѣ съ Рюрикомъ, прародителемъ Русскихъ княжатъ, седмь мужей храбрыхъ и благородныхъ. Той то былъ Михайло Морозовъ единъ отъ нихъ; а и Дмитрій оный вѣнецъ принялъ мученическій отъ Казанскаго царя Магмедъ-Амина, подвизающеся за правовѣріе. Въ тѣ же лѣта убіени отъ него мужіе, тогожъ роду Морозовыхъ, сигклитскимъ саномъ почтенные: Владиміръ единому имя было; много лѣтъ темницею отъ него мученъ, а потомъ и погубилъ его; а другому имя было Левъ, по нареченію Салтыковъ, съ четырьмя або съ пятьмя сынами, еще во юношескомъ вѣку цвѣтущими. Нынѣ, послѣди, слышахъ о Петрѣ Морозовѣ, аки

живъ есть; такожъ и Лыковы дѣти не всѣ погублены: нѣкоторыи остались живы, глаголютъ. Тогда же побіени Игнатій Заболацкій, Богданъ и Өеодосій и другіе братія ихъ, стратилаты нарочитые и юноши въ роду благородные; глаголютъ же и со единоплеменными ихъ всеродиѣ погублено. И паки побіени Василій и другіе братія его, со единоплеменными своими, Бутурлины глаголемые, мужіе свѣтлые въ родѣхъ своихъ; сродницыжъ бяше оному предреченному Іоанну Петровичу.

Паки убіенъ отъ него Іоаннъ Воронцовъ, онаго Өеодора сынъ, иже во младости своей еще убилъ отца своего Өеодора, со другими оными мужи, ихъ же въ кроницѣ пишучи воспомянухъ. Потомъ убіенъ отъ него мужъ велика роду и храбрый зѣло, со женою и со единочаднымъ сыномъ, еще въ отроческомъ вѣку, аки въ пяти или въ шести лѣтѣхъ младенческихъ; а былъ той человѣкъ роду великихъ Сабуровыхъ, а нареченіе ему было Замятня. Его то отца сестра единоутробная была за отцемъ его Соломонида, преподобная мученица, о ней же первѣе въ книжицѣ сей воспомянухъ.

Побіениж отъ него стратилаты, або ротмистры мнози, мужіе храбрые и искусные въ военныхъ вещахъ: Андрей, глаголемый Кашкаровъ, мужъ славный въ знаменитыхъ своихъ заслугахъ, и братъ его, Азарій именемъ, такожъ мужъ разумный и во священныхъ писаніяхъ искусный: съ дѣтками погубленъ и братіею ихъ (Василій и Григорій, глаголемые Тетерины); и другихъ стрыевъ и братій ихъ немало всеродиѣ погубити повелѣлъ со женами и съ дѣтками ихъ. Такожде и отъ Рязанскія шляхты благородныхъ мужей, зацныхъ въ родѣхъ, мужественныхъ же и храбрыхъ, и славными заслугами украшенныхъ, Данила Чулкова и другихъ нѣкоторыхъ искусныхъ поляницъ и воеводителей, вкратцѣ же рещи, пагубниковъ бусурманскихъ, а оборонителей крайнъ христіанскихъ, и ротмистра, нарочитаго въ мужествѣ, Өеодора Булгакова съ братіями ихъ и со другими многими единоплеменными, всеродиѣ погублено тогожъ лѣта и того единаго дня, въ ново-

ставленномъ градѣ на самомъ Танаисѣ, посланными отъ него прелютыми кромѣшники, у нихъ же былъ воевъ демонскихъ воевода, Ѳеодоръ Басмановъ: самъ же послѣди зарѣзалъ рукою своею отца своего Алексѣя, преславнаго похлѣбника, а по ихъ языку, маньяка и губителя своего и святорусскія земли... О Боже праведный! коль праведенъ еси, Господи! и праведны судьбы Твои! Что братіямъ готовалъ, то вскорѣ и самъ вкусилъ...

Тогдаже и того дня онъ убилъ предреченнаго, славнаго въ добротѣ и пресвѣтлаго княжа въ родѣ, Владиміра Курлетева; и тогдаже онъ вкупѣ заклалъ съ нимъ Григорія Степанова сына Сидорова, съ роду великихъ сигклитовъ Рязанскихъ. А той то былъ Степанъ, отецъ его, мужъ славный въ добродѣтеляхъ, и въ богатырскихъ вещахъ искусенъ; служаше много лѣтъ, ажъ до осмидесяти лѣтъ, вѣрнѣ и трудолюбнѣ зѣло имперіи святорусской. Потомъ же, аки седмица едина прейде, нападоша на той же новопоставленный градъ поганы Измаильтескіе со царевичи своими, аки въ десяти тысящахъ: христіанскіе же воины сопрошася съ ними крѣпцѣ, броняще ся града и убогихъ христіанъ, при томъ градѣ живущихъ, отъ наглаго нахожденія поганскаго, и въ томъ обронспію подвизающеся храбрѣ, овыи зѣло уранены, овыижъ, до смерти подвизающеся, посѣчени отъ погановъ. И абіе по той битвѣ, аки по трехъ днехъ, предивно и ужасно не токмо ко изреченію, но и ко слышанію случилося тяжко и изумленно нѣчто: абіе внезапу нападоша отъ толь прелютаго звѣря и святорусскія земли губителя, отъ того антихристова сына и стайника, предреченные кромѣшники его на оставшихъ христіанскихъ воиновъ, которые а ни непщеванни были еще остати отъ закланія ихъ и ото Измаильтеска избіенія; прибѣгшихъ ихъ, глаголютъ, во градъ вопіющихъ, яко бѣснующихся, по домохъ и лыстѣхъ рыщущихъ или обтекающихъ и пытающихъ: „гдѣ есть онъ?“ сирѣчь князь Андрей Мещерскій и князь Никита братъ его, и Григорій Іоанновъ сынъ Сидорова, предреченному стрыечный. Слугижъ ихъ, пока-

зующе имъ тѣлеса мученическія отъ Измаилтянъ новоизбіенныя: онижъ яко неистовые, уповающе еще ихъ живыхъ, вскочиша въ домы ихъ рѣзати съ мучительскими орудіи уготованными; видѣвше же уже ихъ мертвыхъ, абіе поскочиша со постыденіемъ ко звѣрю сеунчевати сіе.

Také также случишася подобно и брату моему единоплеменному, княжати Ярославскому, ему же имя было Андрей, по нареченію Аленкинъ, внукъ предреченнаго княжати преславнаго, Ѳеодора Романовича: ибо случилося ему бронити единаго мѣста или града Сѣверскихъ градовъ отъ нахожденія наглаго супостатовъ, и застрѣленъ бысть изъ праща огненнаго, и умре на завтрее: а по третьемъ днѣ, прискочиша отъ мучителя кромѣшники заклати его, и обрѣтоша уже его мертва, и поскочиша ко звѣрю сеунчевати. Звѣрь же кровоядный и ненасытный, по смерти святаго подвижника, отчину того и все стяжаніе отъ жены и дѣтокъ отнялъ, преселивши ихъ въ дальную землю отъ ихъ отечества, и тамо, глаголютъ, всероднѣ тоскою погубилъ всѣхъ. Сабуровыхъ же другихъ, глаголемыхъ Долгихъ, и воистину великихъ въ мужествѣ и храбрости, и другихъ, Сарыхозиныхъ, всероднѣ погубити повелѣлъ. Абіе ведено ихъ, глаголютъ, вкупѣ осмдесятъ душъ съ женами и съ дѣтьми, яко и младенцы, у сосцовъ сущіе, въ нѣмотующемъ еще вѣку, на матернихъ рукахъ играющеся, ко посѣченію носими.

Въ тѣхъ же лѣтѣхъ, или мало предъ тѣмъ, погубилъ защнаго землянина, именемъ Никиту, по нареченію Казаринова, и съ сыномъ единороднымъ Ѳедоромъ, въ цвѣтущемъ возрастѣ сущимъ, служащаго много лѣтъ вѣрнѣ имперіи святорусской. А погубилъ его таковымъ образомъ: егда избранныхъ катовъ послалъ изымати его, онъ же, видѣвъ ихъ, уѣхалъ былъ предъ ними во единъ монастырь, на Окѣ рѣкѣ лежащъ, и тамо принялъ на ся великій ангельскій образъ: егдажъ посланные отъ мучителя кромѣшники начаша пытатися о немъ, онъ же, послѣдующе Христу своему, уготовався, сирѣчь принявши святыя тайны, изыде во срѣтеніе симъ и

рече со дерзновеніемъ: „азъ есмь, егожъ ищете!“ Они же яша и приведоша его связанна предъ него въ кровопійственный градъ, глаголемый Слободу; звѣрь же словесный, егда узрѣлъ его во ангельскомъ чипу, абіе возопилъ, „Онъ, рече, ангелъ: „подобаетъ ему на небо возлетѣти.“ И абіе бочку пороху, або двѣ, подъ единъ срубецъ повелѣлъ поставить, и привязавши тамо мужа взорвати... Воистину злымъ произволеніемъ согласися со отцемъ своимъ, съ сатаною, неволею правду провѣщалъ еси прелукавыми усты! Яко древле Кайяфа, бѣсящеся па Христа, неволительнѣ пророчествующе, такожъ и ты здѣ, окаянный! реклъ еси, ко восхожденію небесному вѣрующимъ во Христа, паче же мученикомъ: понеже Христосъ страстію своею, излiяніемъ найдражайшія крови своей, небо вѣрнымъ отворилъ ко возлетѣнію или восхожденію небесному....

И что излишнѣ глаголю? Аще бы писалъ по родамъ и по именамъ ихъ, ихъ же памятую добрѣ, мужей оныхъ храбрыхъ и нарочитыхъ благородныхъ въ родѣхъ, и въ книгу пишучи, не вмѣстилъ бы. А что реку о тѣхъ, ихъ же памятью, немощи ради человѣческія, не объяхъ и забвеніе уже погрузило? Но имена ихъ въ книгахъ животныхъ лучше есть приснопамятны; а ни пампѣйшія ихъ страданія незабвенни предъ Богомъ, мздовоздаятелемъ благимъ и сердцевидцемъ, тайныхъ всѣхъ испытателемъ.

По тѣхъ же всѣхъ, уже предреченныхъ, убіенъ отъ негожъ мужъ въ родѣ славный, его же былъ синклитъ избранныя рады, Михаилъ Морозовъ съ сыномъ Іоанномъ, аки въ осминадесяти лѣтѣхъ съ младенцемъ, и со другимъ юнѣйшимъ, ему же имя забыхъ, и со женою его Евдокіею, яже была дщерь князя Дмитрія Бѣльскаго, ближняго сродника Ягайла короля. И воистину, глаголютъ ее во святомъ жительствѣ пребывающу, якоже послѣди и мученическимъ вѣнцемъ съ мужемъ своимъ и со возлюбленными своими вкупѣ украсилася: понеже вкупѣ пострадаша отъ мучителя.

———

ГЛАВА VIII.

О СТРАДАНІИ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКОВЪ.

...добродѣтели св. Филиппа, митрополита Московскаго. Упреки Іоанну. Па...ъ. Соборъ судитъ Филиппа; предаетъ мучителямъ; заключаетъ въ тем...ъ. Чудеса. Филиппъ заточенъ въ Отрочь монастырь. Мнѣніе современ...ъ о смерти его. Извѣстіе о св. Германѣ. Смерть архіепископа Нов...скаго Пимена. Казни въ Новѣгородѣ. Убіеніе Корнилія игумена Пе...скаго и Вассіана Муромцова. Уставъ опричниковъ. Житіе преподобнаго ...мандрита Феодорита. Благочестивыя странствованія его. Клевета и ...данія. Путешествіе въ Царьградъ. Милость Іоанна и гнѣвъ за ходатайство его о Курбскомъ.

Не не безбѣдно же ми, мню, умолчати о священномученикахъ, отъ него пострадавшихъ; но достоитъ, яко возможно, вкратцѣ претещи, оставляюще паче тамо живущимъ, свѣдомымъ и ближайшимъ, паче же мудрѣйшимъ и разумнѣйшимъ. В недостацѣхъ же или въ погрѣшенныхъ, молимся простити: и не моего недостатка грубство наполнити, и елико достоитъ исправленію отъ насъ написанныхъ о страдальцахъ, исправити и мученическіе подвиги преукрасити и облаголѣпити, нежели отъ насъ въ гоненію крыющихся въ дальнихъ земляхъ сущихъ.

По умертвіи митрополита Московскаго Аѳанасія, или по изшествію его волею отъ престола, возведенъ бысть Филиппъ, Соловецкаго острова игуменъ, на архіепископскій престолъ Руськія митрополія, мужъ, яко рѣхомъ, славна и велика рода, и отъ младости своея вольною мнишескою нищетою и священнолѣпнымъ жительствомъ украшенъ, въ разумѣхъ крѣпокъ и мужественнѣйшъ. Егда же епископомъ поставленъ, тогда епископскими дѣлы начатъ украшатися, паче же апостольски по Бозѣ ревновати. Видѣвъ онаго царя, не по Бозѣ ходяща, всяческими кровьми христіанскими невинными обливаема, всякія неподобныя и скверныя дѣла исполняюща, началъ первѣе *молити благовременнѣ*, яко апостолъ великій рече, и *безвременнѣ належати;* потомъ претити страшнымъ судомъ

Христовымъ, заклинающе, по данной ему отъ Бога епископской власти, и глаголати не стыдяся о свидѣніяхъ Господнихъ такъ прегордому и прелютому, безчеловѣчному царю. Онъ же многу съ нимъ брань воздвиже и на потвари презлые и сиковапцы абіе устремился. О неслыханныя вещи, ко изглаголанію тяжки! Посылаетъ по всей святорусской землѣ ласкателей своихъ скверныхъ, тамо и овамо рыщуще и обтичующе, аки волцы разтерзатели отъ прелютѣйшаго звѣря посланные, ищуще и набывающе на святаго епископа изметныхъ вещей; лжесвидѣтелей же многими дарами и великихъ властей обѣщаньми, гдѣ бы обрѣсти могли, тамо и овамо обзирающе, со прилежаніемъ изыскуютъ.

О бѣды превеликія! о неслыханныя и претягчайшія дерзости бѣсовскія! о замышленія человѣческія, безстудіемъ діаволимъ поджигаеми! Кто слыхалъ гдѣ епископа отъ мірскихъ судима и испытуема? яко пишетъ Григорій Богословъ въ словѣ о похвалѣ Аоанасія Великаго, нарекающе на соборъ безбожныхъ Агарянъ: „иже, рече, посаждаху мірскихъ люˏдей и привождаху предъ тѣхъ на испытаніе епископовъ и „пресвитеровъ, имъ же а ни края уха не достоило таковыхъ „послушати“, и прочее. Гдѣ законы священные? гдѣ правила седьмостолпныя? гдѣ уложенія и уставы апостольскіе? Всѣ попраны и поруганы отъ прескверныйшаго кровоядца звѣря и отъ безумнѣйшихъ человѣкоугодниковъ его, пагубниковъ отечества!

Чтожъ по сихъ начинаетъ? На святителя дерзающе, не посылаетъ до патріарха Константинопольскаго, подъ егожъ судомъ Русскіе митрополиты: аще бы были оклеветани отъ кого въ чемъ, нигдѣже индѣ, точію предъ нимъ достойны о себѣ отвѣтъ дати; а ни испрашаетъ отъ престола патріаршескаго ексарха на испытаніе епископское. И воистину, бѣсясь на святаго архіепископа, негли забылъ еси повѣсть свѣжую или не зѣло давную, устнами твоими часто произносимую, о святомъ Петрѣ сущую, Русскомъ митрополитѣ, на приключшуюся ему лжеклевету отъ Тверскаго епископа прегордаго?

тогда услышавше сіе, вся велицы княжата Русскіе не дерзнули разсмотрѣти между епископовъ, или судити священниковъ: бо абіе послали ко патріарху Константинопольскому о ексарха, да разсмотритъ или разсудитъ о семъ, яко пространнѣйше пишетъ въ лѣтописной книзѣ Русской о семъ. Або тебѣ не образъ сіе былъ, о звѣрю кровопійственный! аще ли еси христіанинъ хотѣлъ быти?...

Но собираетъ на святителя скверныя своя соборища жреевъ Вельзевулиныхъ и проклятое сонмище согласниковъ Кайяфиныхъ, и мируетъ съ ними, яко Иродъ со Пилатомъ, и приходятъ вкупѣ со звѣремъ въ великую церковь, и сядятся на мѣстѣ святѣ.... мерзость запустѣнія!... со главою окруженія ихъ и со трудомъ устенъ ихъ, и повелѣваютъ... о смрадящія и проклятыя власти!... привести предъ ся епископа преподобнаго, во священныхъ одеждахъ оболченна, и поставляютъ лжеклеветателей, мужей скверныхъ, предателей своего спасенія.. о! коль тяжко и умиленно ко изреченію!... И абіе обдираютъ святительскія одежды съ него, и катомъ отдаютъ въ руки святаго мужа, отъ младости въ добродѣтелехъ провозсіявшаго, и нага влекутъ изъ церкви, и посаждаютъ на вола... о! паки окаянный и скверный!... и бичуютъ лютѣ, нещадно, тѣло, многими лѣты удрученное отъ поста, водяще по позорищамъ града и мѣста. Онъ же, боритель храбрый, вся терпяще, яко не имущій тѣла, хвалами и пѣсньми, въ таковыхъ мученіяхъ, Бога благодаряше, безчисленныхъ же народовъ, плачущихъ горцѣ и рыдающихъ, священномученическою десницею своею благословяше.

Согласующій же во всемъ злостію прелютый звѣрь прелютѣйшему древнему дракону, губителю рода человѣческаго, еще не насытился крови священномученика, а ни удовлился неслыханнымъ отъ вѣковъ безчестіемъ онымъ надъ преподобнымъ епископомъ: къ тому повелѣваетъ его по рукамъ и ногамъ и по чресламъ претягчайшими веригами оковати, и воврещи въ узкую и мрачную темницу мужа смученнаго, престарѣвшагося, въ трудѣхъ многѣхъ удрученнаго и немощнаго

уже тѣла суща, и темницу оную повелѣлъ твердыми заклепы и замки заключити, и согласниковъ своихъ въ злости къ темницѣ стражей приставилъ. Потомъ, аки день или два спустя, совѣтниковъ своихъ нѣякихъ посылаетъ къ темницѣ видѣти, аще уже умеръ. И глаголютъ ихъ нѣцыи вшедшихъ въ темницу, аки бы обрѣли епископа отъ тѣхъ тяжкихъ оковъ избавленна, на псальмопѣніяхъ божественныхъ воздѣвша руки стояща, а оковы всѣ кромѣ лежаша. Видѣвшежъ сіе, посланные сигклитове плачуще, рыдающе и припадающе х' колѣномъ его; возвратившижесь скоро къ жестокой и непокоривой оной прегордой власти, паче же ко прелютому и ненасытному кровоядцу оному звѣрю, вся по ряду ему возвѣщая. Егожъ абіе возопивша, глаголютъ: „Чары, рече, чары онъ „сотворилъ! непріятель мой и измѣнникъ!" Тѣхъ же совѣтниковъ видѣвше умиливишихся о семъ, начатъ имъ претити и грозити различными муками и смертьми; потомъ медвѣдя лютаго, заморивши гладомъ, повелѣлъ ко епископу оному въ темницу пустити и затворити, (сіе воистину слышалъ отъ достовѣрнаго самовидца, на то зрящаго): потомъ на утріе самъ приде и повелѣлъ отомкнути темницу, уповающе съѣденна бити отъ звѣря епископа, и паки обрѣтоша его, благодати ради Божія, цѣла, а ни мало чѣмъ вреждениа, тако же, яко и прежде, на молитвѣ стояща; звѣряжъ въ кротость овчюю преложившася, во единомъ углѣ темничномъ лежаща. Оле чудо! Звѣріе, естествомъ люты бывше, чрезъ естество въ кротость прелагаются; человѣцыжъ, по естеству отъ Бога кротцы сотворенны, отъ кротости въ лютость и безчеловѣчіе сомовластно измѣняются! Егожъ глаголютъ абіе отходяща, глаголюща: „Чары, рече, творитъ епископъ!" Воистину нѣкогда тожъ и мучители древніе о творящихъ чудеса мученицѣхъ глаголали.

Потомъ, глаголютъ, епископа отъ мучителя заведенна во единъ монастырь, глаголемый Отрочь, во Тверской землѣ лежащій, и тамъ глаголютъ его нѣцыи, пребыша мало не годъ цѣлый, и аки бы посылалъ до него и просилъ благословенія

его, такожъ и о возвращеніи на престолъ его; онъ же, яко слышахомъ, отвѣщалъ ему: „Аще, рече, обѣщаешися покаятися о своихъ грѣсѣхъ и отгнати отъ себя оный полкъ сатанинскій, собранный тобою на пагубу христіанскую, сирѣчь „кромѣшниковъ, або опришницовъ нарицаемыхъ: азъ, рече, „благословлю тя и прощу, и на престолъ мой, послушавъ тя, „возвращуся. Аще ли же ни, да будеши проклятъ въ семъ „вѣцѣ и въ будущемъ и съ кромѣшники твоими кроволдными, „и со всѣми согласующими тебѣ во злостяхъ!“ И овии глаголютъ его въ томъ монастырѣ удавленна быти, за повелѣніемъ его, отъ единаго прелютаго и безчеловѣчнаго кромѣшника; а друзіи повѣдаютъ, аки бы во ономъ любимомъ его граду, глаголемомъ Слободѣ, еже кровьми христіанскими исполненъ, сожжена бысть на горящемъ углію. Аще лижъ сице, или сице: всяко священномученическимъ отъ Христа вѣнцемъ вѣнчанъ, его же измлада возлюбилъ, за негожъ и на старость пострадалъ. По убіеніи же митрополита, не токмо многихъ клириковъ, но и нехиротонисанныхъ мужей благородныхъ околько сотъ помучено различными муками и погублено: бо тамъ есть, въ той землѣ обычай: на церковной землѣ многи мужіе благородные свѣтлыхъ родовъ имѣнія маютъ, во время мирное архіепископомъ служатъ, а егда брань належитъ отъ супостатовъ окрестныхъ, тогда и въ войску христіанскомъ бываютъ которые нехиротонисанны.

И прежде, даже оному Филиппу на митрополію еще не возведенну, умоленъ былъ отъ князя великаго епископъ Казанскій, именемъ Германъ, да будетъ архіепископомъ Русскія митрополіи: онъ же аще и много возбраняшесь отъ тое вещи, такъ отъ него, яко и соборнѣ припужденъ къ сему. И уже аки двадцати въ палатахъ церковныхъ на митрополичьи дворѣ бывша его, глаголютъ, но обаче еще воспрещающася отъ оныя тяготы великаго пресвитерства, наипаче же подъ таковымъ лютымъ и неразсуднымъ царемъ быти въ томъ сану не хотяще: и вдался съ нимъ, глаголютъ, въ бесѣдованіе, тихими и кроткими словесы его наказующе. воспоминающе

ему оный страшный судъ Божій и истязаніе нелицепріятное каждаго человѣка о дѣлѣхъ, такъ царей, яко и простыхъ. По бесѣдованіи же ономъ, отойде царь отъ него во свои палаты, и абіе совѣтъ той духовный любимымъ своимъ ласкателемъ изъявилъ: уже бо слеташася къ нему отовсюду, вмѣсто оныя добрыя избранныя рады, не токмо навѣтники презлые и паразиты прелукавые и блазни, но и татіе, воистину, и разбойницы и всякихъ скверпъ нечистыхъ исполненные человѣцы. Они же, боящеся, аще бы епископа послушалъ совѣта, абіе бы паки были отогнани отъ лица его и изчезли въ свои пропасти и норы, егда услышавше сіе отъ царя, отвѣщали яко едиными усты: „Боже, рече, сохрани тебя отъ „такого совѣта! Паки ли хощеши, о царю! быти въ неволѣ „у того епископа еще горшей, нежели у Алексѣя и у Сели„вестра былъ еси предъ тѣмъ много лѣтъ?“ И моляша его со слезами, къ колѣномъ его припадающе, паче же единъ отъ нихъ, глаголемый Алексѣй Басмановъ, съ сыномъ своимъ. Онъ же, послушавъ ихъ, абіе епископа съ палатъ церковныхъ изгнати повелѣлъ, глаголюще: „Еще, рече, и на митрополію не „возведенъ еси, а уже мя неволею обвязуешь!...“ И по двою днехъ обрѣтенъ во дворѣ своемъ мертвъ епископъ онъ Казанскій: овы глаголютъ удушенна его тайнѣ, за повелѣніемъ его, овыжъ ядомъ смертоноснымъ уморенна. А былъ той Германъ свѣтла рода человѣкъ, яже Полевы нарицаются та шляхта по отчинѣ; и бѣ онъ яко тѣла великаго мужъ, такъ и разума многаго, и мужъ чистаго и воистину святаго жительства, и священныхъ писаній послѣдователь, и ревнитель по Бозѣ, и въ трудѣхъ духовныхъ многъ; къ тому и Максима философа мало нѣчто отчасти ученія причастенъ былъ; аще же и отъ Осифлянскихъ мниховъ четы произыде, но отнюдь обычая лукаваго и обыкновеннаго ихъ лицемѣрія непричастенъ былъ: но человѣкъ простый, истинный и непоколебимъ въ разумѣ, и великій помощникъ былъ въ напастехъ и въ бѣдахъ объятымъ, такожъ и къ убогимъ милостивъ зѣло.

Потомъ убилъ архіепископа великаго Новаграда, Пимена. Той-то былъ Пименъ чистаго и зѣло жестокаго жительства, но въ дивныхъ былъ обычаяхъ: бо глаголютъ его похлѣбовати мучителю, и гонитель былъ вкупѣ на Филиппа митрополита, а мало послѣди, и самъ смертную чашу испилъ отъ него: бо пріѣхавъ самъ въ Новгородъ великій, въ рѣцѣ его утопити повелѣлъ. И тогдажъ таковое гоненіе воздвигъ во ономъ мѣстѣ великомъ, иже, глаголютъ, единаго дня посѣщи, и потопити, и пожещи, и другими различными муками помучити больше пятинадесяти тысящь мужей единыхъ, кромѣ женъ и дѣтей, повелѣлъ. Въ томъ же тогда прелютомъ пожарѣ убіенъ отъ него Андрей, глаголемый Тулуповъ, съ роду княжатъ Стародубскихъ, мужъ кротокъ и благоправенъ, въ довольныхъ лѣтѣхъ былъ; и другій мужъ Цыплетевъ, нареченный Неудача, съ роду княжатъ Бѣлозерскихъ, со женою и со дѣтками погубленъ, такожъ былъ благонравенъ и искусенъ и богатъ зѣло; а были тые даны на послуженіе великія церкви Софіи, сирѣчь Премудрости Божіей; и другіе съ ними благородные шляхетные мужи и юноши различнѣ помучени и побіени. И слышахомъ, иже великія, проклятыя, кровавыя богатства тогда пріобрѣлъ: бо въ томъ великомъ старожительномъ мѣстѣ, въ Новѣградѣ, родъ живетъ куплелюбенъ: бо маютъ отъ самаго мѣста портъ къ морю; сего ради и богати зѣло бываютъ; подобно, яко мню, великихъ ради богатствъ губилъ ихъ. Потомъ поставлена другаго архіепископа въ того мѣсто, мужа, яко слышахомъ, нарочита и кротка; но аки по дву лѣтѣхъ, и того повелѣлъ убити со двѣма опаты, сирѣчь игумены великими, або архимандриты. Къ томужъ въ то время множество презвитеровъ и мниховъ различнѣ помучено и погублено.

Тогдажъ убіенъ отъ него Корнилій, игуменъ, Печерскаго монастыря начальникъ, мужъ святый и во преподобію многъ и славенъ: бо отъ младости своей во мнишескихъ трудѣхъ провозсіялъ, и монастырь онъ предреченный воздвиже со многими труды и молитвами къ Богу, идѣже и безчисленныя чудеса прежде истекали, благодатію Христа Бога нашего и пре-

чистыя его Матери молитвами, поколь было имѣній ко монастырю тому не взято, и нестяжательно мниси пребывали: егдажъ мниси стяжанія почали любити, паче же недвижимыя вещи, сирѣчь села и веси; тогда угасоша божественныя чудеса. И тогда вкупѣ убіенъ съ нимъ другій мнихъ, ученикъ того Корнилія, Васьянъ именемъ, по нареченію Муромцовъ: мужъ былъ ученый и искусный и во священныхъ писаніяхъ послѣдователь. И глаголютъ, ихъ вкупѣ во единъ день орудіемъ мучительскимъ нѣкакимъ раздавленныхъ: вкупѣ и тѣлеса ихъ преподобно-мученическія погребены. Потомъ мѣсто великое Иванягрода, еже близу моря стоитъ на рѣцѣ Нарвѣ, выграбивъ все, сожещи повелѣлъ. Такожъ и во Псковѣ великомъ и во иныхъ многихъ градѣхъ многія безчисленныя бѣды, и тщеты, и кровопролитія тогда быша, ихъ же поряду исписати невозможно. А всѣмъ тѣмъ служители быша ласкатели его, со онымъ прелютымъ варваровъ полкомъ, нарицаемыхъ кромѣшниковъ, яко и предъ тѣмъ уже многажды о нихъ рѣхомъ: вмѣсто нарочитыхъ, доброю совѣстію украшенныхъ мужей, собралъ себѣ со всея тамошнія Русскія земли человѣковъ скверныхъ и всякими злостьми исполненныхъ, и къ тому еще обвязалъ ихъ клятвами страшными, и принудилъ окаянныхъ не знатись не токмо со други и братіями, а ни съ самыми родители, но точію во всемъ ему угождати и скверное его и кровоядное повелѣніе исполняти и на таковыхъ и паче тѣхъ прелютыхъ, ко крестному цѣлованію принуждаше окаянныхъ и безумныхъ...

О вселукаваго супостата человѣческаго умышленія! о неслыханныя презлости и бѣды, паче всѣхъ преступленій человѣковъ въ пропасть порѣвающе! Кто слыхалъ отъ вѣка таковыя, иже Христовымъ знаменіемъ клянущесь на томъ, да Христосъ гонимъ будетъ и мучимъ? и на томъ крестное знаменіе цѣловати, да церковь Христова растерзается различными муками? и клятись клятвами страшными на томъ, да любовь естественная, отъ Сотворителя нашего въ насъ всажденная, къ родителемъ и ближнимъ и другомъ, расторгнется? Здѣ ми зри

ѣды неслыханныя! Здѣ заслѣпленіе человѣковъ оныхъ! Яко діаволъ навелъ ихъ хитролестнѣ Христа отрещись! Первѣе, прельстилъ царя, потомъ уже вкупѣ со царемъ тѣхъ окаянныхъ въ якую пропасть опровергль и навелъ отъ оныхъ обѣтовъ, яже бываютъ самому Христу на святомъ крещенью, говрещись сице: еже Христовымъ именемъ клянущись, евангельскихъ заповѣдей отрицатись! А что глаголю евангельскихъ естественныхъ: яко рѣхъ, которые въ поганскихъ языцѣхъ соблюдаеми и сохраняеми, и сохранитись будутъ и соблюдатись, по вноенному въ насъ прирожденію отъ Бога. Во евангеліи учатъ враговъ любити и гонящихъ благословляти и прочее; естественныя внутрь всѣхъ человѣковъ безъ гласа вопіютъ и безъ языка учатъ къ родителемъ покореніе, а ко сроднымъ и другомъ любовь имѣти: а діаволъ съ клевретомъ своимъ полкъ кромѣшниковъ сопротивъ всѣхъ тѣхъ вооружилъ, и клятвами очаровалъ; и воистину чары, всѣхъ чаровъ проклятые и сквернѣйшіе, надъ человѣческимъ бѣднымъ родомъ стались отъ чаровъ зачатаго царя. Господь заповѣдуетъ не пріимати имени своего туне, а ни малѣйшими отнюдь клятвами обязатись свободному естеству сущему, сирѣчь а ни небомъ, ни землею, ни главою своею, и прочими не клятись: а тѣ предреченные кромѣшники, аки забывши, отрекши всѣхъ тѣхъ, сопротивныя пострадаша.

Но что дивитеся, здѣ живущіе издавна подъ свободами христіанскихъ кролей, аки вѣрѣ не подобны бѣды наши, оныя предреченныя, мняще! Воистину, паче вѣрѣ не подобны бы обрѣлися, аще бы всѣ по ряду исписалъ. А сіе писалъ, къ сокращенію трагедіи тоя жалостныя зряще: понеже и такъ едва отъ великія жалости сердце ми не растерглося.

Въ тѣхъ же лѣтѣхъ мужа погубилъ славнаго во преподобіи, и воистину святаго и премудраго, архимандрита саномъ, Θеодорита именемъ, о немъ же и о жительствѣ его священномъ вкратцѣ достоитъ воспомянути. Былъ онъ мужъ родомъ отъ мѣста Ростова славнаго, отнюдужъ и святый Сергій провозрасте и изшелъ тотъ Θеодоритъ, въ третьенадесять лѣто

возрасту своего, отъ дому родителей своихъ, и пойде ажъ на Соловецкій островъ въ монастырь, иже лежитъ на Ледовомъ морѣ, и тамъ пребылъ аки лѣто едино; въ четвертоежъ-надесять лѣто возраста своего, принялъ на ся монашескій образъ и вдался во святое послушаніе, яко есть обычай монахомъ юнымъ, единому презвитеру святу и премудру и многолѣтну сущу, Зосимѣ именемъ, тезоименитому ученику самого святаго Зосимы Соловецкаго. И послуживъ ему въ послушаніи духовномъ неотступно пятьнадесять лѣтъ; тамъ же навыче всякой духовной премудрости, и взыде ко преподобію по степенемъ добродѣтелей; потомъ хиротонисанъ былъ отъ архіепископа Новгородскаго діакономъ, и потомъ пребывше аки лѣто едино у старца своего, изыде изъ того монастыря, за благословеніемъ его, на созерцаніе ко славному и великому мужу, чудотворцу сущу, Александру Свирскому, и пребывъ у него яко чистый у чистаго и непорочный у непорочнаго; онъ же принялъ его со провидѣніемъ, внѣ монастыря, во срѣтеніе его изшедше: ибо никогдаже знаяше его, а ни слышавъ о немъ, рече ему: „Сынъ Авраамль, пріиде къ намъ, Өеодоритъ діаконъ!" И зѣло любяше его, поколь поживе въ монастырѣ онемъ; потомъ отъ Александра иде ажъ за Волгу рѣку, въ тамо сущіе великіе монастыри, ищуще храбрыхъ воиновъ Христовыхъ, иже воюютъ сопротивъ началъ властей темныхъ, міродержцевъ вѣка сего; и обходивъ всѣ тѣ обители, вселился въ Кирилловъ великій монастырь: понеже обрѣлъ тамъ духовныхъ мниховъ, Сергія, глаголемаго Климина, и другихъ святыхъ мужей; и тамо пребывъ аки два лѣта, ревнующи ихъ жестокому и святому жительству, умучая и покоряя плоть свою въ порабощеніе и въ послушаніе духа, и оттуды изыде въ пустыни тамошнія и обрѣте тамо божественнаго Порфирія, исповѣдника и первомученика, бывша уже игумена Сергіевы обители, много страдавша мученьми и тяжкими оковами отъ князя великаго, отца того. А что тому страданію святаго Порфирія за вина была, достоитъ вкратцѣ воспомянути.

Былъ той Порфирій привлеченъ отъ пустыни насиліемъ, за повелѣніемъ князя великаго Московскаго Василія, на игуменство Сергіева монастыря, и случилась вещь въ то время такова: сродника своего ближняго той то прелютый князь Василій (яко обычай есть Московскимъ княземъ издавна желати братій своихъ крови и губити ихъ, убогихъ ради и окаянныхъ отчинъ, несытства ради своего), изымалъ тогда брата своего, во крови ближняго, княжа Сѣверскаго Василія, нареченнаго Шемятича, мужа славнаго и зѣло храбраго и искуснаго въ богатырскихъ вещахъ, и поистинѣ рещи, пагубу бусурмановъ, яже не токмо отчину свою Сѣверу отъ частаго нахожденія безбожныхъ Измаильтянъ обороняль, поражающе ихъ многажды зѣло часто, но и на дикое поле подъ самую орду Перекопскую ходяще многажды, и тамо пресвѣтлыя одолѣнія надъ ординскими цари поставляюще. Се толь преславнаго мужа, воистину побѣдоносца, той то князь Василій предреченный, отъ чародѣйцы Греческія рожденъ, заточилъ въ темницу и тяжкими оковами вскорѣ уморити повелѣлъ.

Въ то время случилося ему во оный Сергіевъ монастырь пріѣхати, на свято великаго пятикостія, яко тамъ есть обычай Московскимъ княземъ на каждое лѣто того праздника въ томъ монастырѣ торжествовати, аки бы то духовнѣ. Святый же игуменъ Порфирій, яко мужъ обычаевъ простыхъ и въ пустынѣ воспитанъ, началъ просити его и молити о предреченномъ Шемятичѣ, да свободитъ брата отъ темницы и отъ такъ тяжкихъ оковъ. Мучитель же началъ, дыхающе аки огнемъ, претити ему; старецъ же тихо отвѣщаваше и моляше: „Аще, „рече, пріѣхалъ еси ко храму безначальныя Троицы, отъ трисіяннаго Божества милости грѣховъ своихъ просити, самъ „буди милосердъ надъ гонимыми отъ тебя безъ правды; аще „ли яко глаголеши, срамотяще насъ, аки бы повинны были „тебѣ и согрѣшили предъ тобою: остави имъ долги малыхъ „динарій, по Христову словеси, якоже и самъ отъ него же„лаешь прощенія многихъ талантовъ". Мучитель же абіе изгнати его изъ монастыря повелѣлъ, о немъ же молилъ его,

удавити вскорѣ. Старецъ же, абіе съ радостію совлекшеся со одеждъ игуменскихъ и отрясши прахъ отъ ногъ своихъ, во свидѣтельство Божіе на него, и пріявши свои пустынныя одежды худы и раздранныя, пѣшъ, ажъ во оную пустыню потече, отъ младости ему вожделѣнную. Мучитель же, не преставая потомъ на святаго яростію неистоватися, за оклеветаніемъ нѣкоторыхъ любостяжательныхъ и вселукавыхъ монаховъ, сущихъ человѣкоугодниковъ прескверныхъ, паки святаго мужа изъ такъ дальныя пустыни, ажъ до Москвы, привлещи повелѣлъ и катомъ предавши, различными муками мучити.

Азъ же, бѣды его и мученія вс҄ѣ оставя, вкратцѣ едино воспомяну, къ концу исторіи тоя поспѣшающи, еже дивнаго сего мужа равноапостольское незлобіе въ память ми приходитъ. Егдажъ уже тогда святый зѣло былъ муками удрученъ, едва живъ отданъ подъ стражу Пашку нѣкоему, по ихъ истопнику или отдвернику, иже мучителю былъ вѣрный катъ или спекулаторъ надъ палачи; егожъ оковалъ онъ веригами тяжкими и къ тому змученнаго мужа гладомъ удручиша, угождающи и вѣренъ показующися мучителю, хотящему вскорѣ смерть навести: Христосъ же, нашъ царь премилосердый, не оставляше раба своего въ бѣдахъ, женою онаго спекулатора посѣщающе, яже къ нему немалое человѣколюбіе показывала, тайнѣ питаше и раны исцѣляваше, и по немалыхъ днехъ сохранила его на единомъ мѣстѣ, хотяще его отъ узъ свободити, яко да избѣгнути возможетъ отъ мучительскихъ рукъ юзникъ Христовъ. И пришедша тогда глаголютъ мужа ея, и вопросилъ жены своей о узнику, порученномъ ему подъ стражу отъ мучителя; она же отвѣщала: „избѣгнулъ, рече, вчера еще, и не вѣмъ о немъ.“ Мужъ же ея, убоявся князя прелютаго, иже поручилъ ему подъ стражу, извлече ножъ и хотяще самъ себя абіе заклати; святый же изъ сокровеннаго мѣста, яко Павелъ апостолъ древле стражу темничному, велегласно возопилъ: „Не убивай себя, о господине Павле! (тако бо оному спекулатору имя было). Здѣ бо „есмь цѣлъ, и твори со мною, еже хощешь!“ Егдаже пріиде

ія повѣсть къ мучителю во уши, и устыдѣвся преподобномученика, разрѣшивше отъ узъ, и отпустити его повелѣ. Святый же паки съ радостію, яко Христовъ побѣдоносецъ, раны мученическія, яко язвы Христовы, вмѣсто цвѣтовъ прекрасныхъ, на тѣлеси святѣмъ носяще, паки въ пустыню свою отойде, и тамо водворилея, по пророку Давыду, глаголющему: *удаляясь отъ мірскихъ мятежей, ждуще Бога спасающаго*... Яко рѣхъ, оставя другія страданія его тамо живущимъ житіи его и о преставленіи писати, а мы, яко здѣ страннін пришельцы, ко предреченной краткой повѣсти о преподобномъ Θеодоритѣ возвратимся.

И въ той же пустынѣ живщу ему съ Порфиріемъ, обрѣлъ ...темія, премудраго Іоасафа, глаголемаго Бѣлобаева, и другихъ немало пустынниковъ, мужей святыхъ, нѣкоторыхъ и престарѣвшихся уже во днехъ; и тамъ съ ними во трудѣхъ духовныхъ подвизающеся вкупѣ, поживе аки четыре лѣта. Когда же старецъ его, провидѣвъ свое отшествіе къ Богу, ...етъ къ нему эпистолію, просяще, да возвратится къ нему; онъ же съ радостію, яко елень, потече пѣшъ, шествуя такъ ближайшій путь, вяще нежели отъ триста миль, по великимъ и непроходимымъ пустынямъ. И пріиде болѣзненными ногами съ таковымъ тщаніемъ и съ охотою: ни во что же вмѣняше многихъ трудовъ и жестокаго и долгаго пути сопротивъ умышленному усердному желанію; и возвращается, творя послушаніе, яко Тимоθей къ Павлу, и объемлетъ многолѣтнаго святаго старца, лобызающе и цѣлующе пречестнѣйшія сѣдины презвитерскія, и пребываетъ при немъ, служаще ему въ немощахъ и въ недузѣхъ его, ажъ до смерти старца, аки лѣто едино или мнѣе.

По разлученіюжъ отъ тѣла святыя души его, тѣло презвитера погребаетъ. И вкусилъ и напился оныя сладости пустынныя, якожъ глаголетъ премудрый Метафрастъ, пишучи исторію о святомъ Николаю: „понеже пустыня покой и ума „почиваніе, наилучшая родительница и воспитательница, кле„ветъ и тишина мысли, и Божественнаго зрѣнія плодовитый

„корень, истинная содружебница съ Богомъ сопряженія ду„ховнаго.“ А сего ради, разжегся желаніемъ пустыннаго безмолвнаго жительства, отходитъ въ далечайшую пустыню, въ языкъ глубокихъ варваровъ, Лопарей дикихъ, пловуще великою Колою рѣкою, яже впадаетъ своимъ устьемъ въ Ледоватое море, и тамо исходитъ изъ кораблеца и восходитъ на горы высокія, ихъ же наречетъ святое писаніе *ребра Сѣверова*, и вселяется въ тѣхъ лѣсѣхъ пустынныхъ, непроходимыхъ; по коликихъ же мѣсяцѣхъ, обрѣтаетъ тамо единаго старца, пустынника (памятамися, Митрофанъ бѣ имя ему), пришедшаго во оную пустыню предъ нимъ аки за пять лѣтъ, и пребываютъ вкупѣ въ прегорчайшей пустынѣ, Богомъ хранимн, питающесь отъ жестокихъ зелій и кореній, ихъ же тамо производитъ пустыня оная. И пребывъ тамо со онымъ предреченнымъ старцемъ аки двадесять лѣтъ, во святомъ и непорочномъ жительствѣ, потомъ оба возвращаются во вселенную и приходятъ до великаго мѣста Новаграда, и поставлется отъ Макарія архіепископа Өеодоритъ презвитеромъ; потомъ бываетъ и самому архіепископу духовникомъ, и приводитъ тамо немало свѣтлыхъ и богатыхъ гражданъ къ пути спасенному, и не бывше епископомъ, воистину свѣтлаго епископа дѣло исправляетъ. И вкратцѣ рещи: цѣлитъ недужныхъ, очищаетъ прокаженныхъ, не тѣлесы, но душами, возвращаетъ заблужденныхъ, подъемлюще на рамена и приводяще ко Христу, первому пастырю, уловивше воистину отъ сѣтей діавольскихъ, и источивъ покаяніемъ, усвояетъ и приводитъ чистыхъ къ церкви Бога живаго.

Паки по дву лѣтѣхъ потомъ, пріемлетъ отъ богатыхъ нѣкоторыхъ немало сребра въ возложеніе Господеви, и возвращается ко оной пустынѣ, уже съ нѣкоторыми другими, и тамо на устію предреченныя Колы рѣки, созидаетъ монастырь и въ немъ поставляетъ церковь, во имя пребезначальныя Троицы. Собираетъ тамъ чреду мнишескую, и правило имъ священное уставляетъ, заповѣдающе имъ обще и отнюдь нестяжательно жительствовати, сирѣчь безъимѣнно, своими ру-

рами пищу набывающе, яко рече великій апостолъ: *аще кто не дѣлаетъ, да не ястъ;* и паки: *руцѣ мои послужиша ми и сущимъ со мною.* Потомъ приходящихъ къ нему оныхъ глубокихъ варваровъ наказуетъ помалу и нудитъ на вѣру Христову: понеже искусенъ уже былъ языку ихъ; произволившихъ же нѣкоторыхъ оглашаетъ къ пути спасенному и потомъ просвѣщаетъ святымъ крещеніемъ, яко самъ онъ повѣдалъ ми, яже той языкъ Лопскій, который просвѣтеся святымъ крещеніемъ, люди зѣло просты и кротцы и отнюдь всякаго лукавства неискусны, ко спасенномужъ пути тщаливы и охочи зѣло, яко послѣди множество отъ нихъ мнишеское житіе возлюбили, за благодатію Христа нашего и за того священными ученіи: понеже науча ихъ писанію, и молитвы нѣкоторыя превелъ имъ отъ Славенска въ ихъ языкъ.

Потомъ же по лѣтѣхъ немалѣхъ, егда распространяшесь въ томъ языцѣ проповѣдь евангельская, изъявлены бысть чудеса и знаменія нѣкоторыя, яко глаголетъ божественный Павелъ: *знаменіе*, рече, *не вѣрующимъ, но безвѣрниковъ ради.* Тогда наученныхъ отъ него и оглашенныхъ Лопянъ единаго дня крестишась яко двѣ тысячи со женами и дѣтьми. Сице онъ блаженный, апостоломъ подобный мужъ, исправилъ во глубокихъ варварѣхъ, за благодатію Христовою, труды своими!

Чтожъ по сихъ начинается? Не терпитъ древній супостатъ человѣческаго рода, очима завистными зряще, благочестіе возрастаемо: разсѣдашеся ненавистію,—и чтожъ творитъ? Подущаетъ на него новособранныхъ монастыря мниховъ, шепчуще невидимо во уши и глаголюще имъ въ сердце: „Тяжекъ, „рече, вамъ и неподъемлемъ! И никтоже можетъ отъ человѣ„ковъ претерпѣти уставомъ, вамъ преданнымъ отъ него: како „можете безъ имѣній жити, своими руками хлѣба добывающе?“ Понеже другую заповѣдь отецъ былъ Ѳеодоритъ предалъ имъ изъ уставу Соловецкихъ Зосимы и Савватія: „къ тому не токмо „женъ намъ, а ни скота единаго отнюдь женскаго полу не „имѣти тамо!“ Сего ради сложившеся со діаволомъ, мниси оные взнеистовишася: имаютъ старца святаго и бьютъ нещадно,

и не токмо изъ монастыря извлачаютъ, но и отъ страны тоя изгоняютъ, аки врага нѣкоего. Онъ же поиде отъ тѣхъ пустынь по неволѣ во вселенную, и бываетъ игуменомъ во едином маломъ монастырѣ, въ Новогородской землѣ лежащемъ, и тамо аки два лѣта пребылъ. Потомъ возвѣстилъ о немъ Артемій премудрый цареви: ибо тогда былъ игуменомъ великимъ Сергіева монастыря; царь же абіе призываетъ къ себѣ его, и поставляется отъ архіепископа архимандритомъ Евфиміеву монастырю, иже близу великаго мѣста Суздаля лежитъ. Тамъ оное достоинство того великаго монастыря управляетъ лѣтъ четыре, або пять. Понеже и тамъ обрѣлъ зѣло необузданныхъ мниховъ и своевольно, не по уставамъ и святымъ правиломъ, живущихъ, ихъ же уздаетъ и возтязаетъ страхомъ Божіимъ, наказующи по великому Васильеву уставу жительствовати; къ тому не токмо мниховъ, но и самого епископа Суздальскаго, за сребролюбіе и піянство, напоминаетъ и обличаетъ: понеже былъ мужъ не токмо въ разумѣ и премудрости многъ, но и отъ рожденія своего чистъ и непороченъ; къ тому и трезвость по вся дни живота своего храняше. И сихъ ради, яко глаголетъ Златоустый, сопротивяся правдѣ неправда, милосердію лютость, воздержанію невоздержаніе, трезвости піянство, и прочее; того ради ненавидяше его яко мниси, такъ епископъ градскій.

Въ тѣхъ же тогда лѣтѣхъ возрастоша плевелы между чистою пшеницею спасенія ради, отъ піянства многаго пастырей нашихъ, сирѣчь отроды ересей Люторскихъ: явишася ляфима (хулы) на церковные догматы; митрополитъ же Русскій, за повелѣніемъ царевымъ, повелѣлъ оныхъ ругателей вездѣ имати, хотяще изтязати ихъ о расколѣхъ ихъ, имижъ церковь возмущали, и гдѣ елико аще обрѣтено ихъ, вездѣ имано и провожено до мѣста главнаго Московскаго, паче же отъ пустынь Завольскихъ: бо и тамо прозябоша оная руганія. И началось было сіе дѣло исперва добрѣ, но въ конецъ злый проиде, сего ради: иже восторгающе плевелы, исторгали съ ними и чистую пшеницу, по Господню словеси; къ тому и тѣхъ раскольни-

ковъ, яже были достойни исправленію пастырскому, сотвориша надъ ними немилосердіе и прелютое мученіе сице, яко мало напреди нами слово изъявитъ.

Егда видѣвше любостяжательные, всякаго лукавства исполненные мнихи приводимыхъ отъ Заволъскихъ предреченныхъ пустынь и отъинуды раскольниковъ; тогда оклеветаютъ преподобнаго и премудраго Артемія, бывшаго игумена Сергіева монастыря (уже бо онъ отшелъ въ пустыню, и царя не послушавъ, отъ того великаго монастыря, многаго ради мятежу от любостяжательныхъ, издавна законопреступныхъ мниховъ), яко бы онъ причастенъ и согласникъ былъ въ нѣкоторыхъ Люторскихъ расколахъ; такожъ и на другихъ мниховъ, по великаго Василія уставу живущихъ нестяжательно, неповинпѣ лжеклевещутъ. Тогда абіе царь нашъ и съ преуродивыми епископы, отнюдь неискусными, увѣрилъ имъ и собралъ соборище, повсюду совлече духовнаго чину тамошнихъ, и повелѣлъ привести изъ пустыни, оковавши, преподобнаго мужа Артемія, яко честнаго и премудрости исполненнаго, не поставя очевиста, а ни на судѣ еще бывша, и другаго старца нарочита, въ жительствѣ нестяжательномъ провозсіявша и писаніямъ священнымъ искуснаго, Савву именемъ, по нареченію Шахъ. Егдаже собрано соборище оно и поставлены и изтязаны раскольницы о руганію ихъ на церковные догматы; тогда между ими Артемія изтязано и вопрошено; онъ же, яко неповинный, со всякою кротостію отвѣщаваше о своемъ правовѣрію; лжеклеветниковъ же, паче же реку сикованцовъ, вопрошено о доводѣ: онижъ подали свидѣтелей мужей скверныхъ и презлыхъ. Старецъ же Артемій отвѣщалъ, иже не суть достойны свидѣтельствовати; они же паки подали Ѳеодорита Соловецкаго, архимандрита суща Суздальскаго, и другаго старца славнаго во преподобію Іоасафа Бѣлобаева, аки бы тѣ слыхали хульныя словеса отъ Артемія. Егдаже тѣ нарочитые мужіе на свидѣтельство поставлены, тогда обличили навѣтника главнаго, Нектарія, мниха, ложнѣ клевещущаго, Артеміяжъ оправдаша, яко отнюдь неповиннаго, паче же во всякомъ преподобію про-

возсіявшаго. Тогда епископъ Суздальскій оный, пьяный и сребролюбивый, по ненависти первой, глагола: „Өеодоритъ, рече, давный согласникъ и товарищъ Артеміевъ; негли и самъ „еретикъ есть: понеже съ нимъ во единой пустынѣ немало „лѣтъ пребылъ.“ Царь же нашъ, напамятуючи, иже Артемій зѣло похваляетъ Өеодорита предъ нимъ, абіе увѣрилъ, яко пьяный пьяному и вредоумный вредоумному: понеже къ тому и ненависть на него имѣлъ, иже не послушалъ его и не хотѣлъ больше быти на игуменствѣ въ монастырѣ Сергіевѣ. Нѣцыи же епископи оправдавше его, вѣдуще его быти мужа нарочита. Тогда же царь съ митрополитомъ своимъ, угождающе ему во всемъ, и со другими, яко рѣхъ, неискусными и пьяными епископы, вмѣсто исправленія и духа кротости, яко оныхъ раскольниковъ не наказуютъ любезно, но со всякою яростію и лютостію звѣрскою, въ заточеніе въ дальніе грады, въ узкія и темныя темницы отсылаютъ окованныхъ; такожде и преподобнаго, оковавши вернгами желѣзными, бьютъ неповиннаго святаго мужа, и отсылаютъ ажъ на Соловецкій островъ, въ вѣчное заточеніе, на смерть; и того предреченнаго мниха Савву такожъ въ заточеніе на смерть отсылаютъ къ Ростовскому владыцѣ Никандру, въ піянствѣ погруженному. И запроводивши Артемія на Соловки, вмещутъ зѣло въ узкую келью, не повелѣвающе ему дати ни малаго утѣшенія отнюдь: гоняше бо на того епископы богатые и міролюбивые, такъ и оные вселукавые и любостяжательные мнисн, аиже бы не токмо не былъ въ Русской землѣ онъ мужъ, но иже бы и имя его не именовалось. А то сего ради: прежде бо его царь зѣло любяше и многажды бесѣдоваше, поучаяся отъ него; онижъ боящеся, да не паки въ любовь ко царю придетъ и укажетъ цареви, иже яко епископи, такъ и мнисн съ начальники своими законопреступно и любостяжательно, не по правиламъ апостольскимъ и святыхъ отецъ живутъ; сего ради вся сія творяху, дерзающе и исполняюще такъ презлыя дѣла своя на святыхъ, да покроютъ злость свою и законопреступленіе: понеже тогда и другихъ неповинныхъ мужей помучиша различ-

нными муками, научающе на Артемія клеветать: иже добровольнѣ не возмогоша навести ихъ, негли мукъ не претерпѣвши, сіето произнесутъ. Таковъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ, паче жъ въ сей земли презлый и любостяжательный лукавства исполненъ мнишескій родъ! Воистину всякихъ катовъ горши: понеже къ злотости вселукавъ зѣло. Но къ предреченной повѣсти о Ѳеодоритѣ возвратимся.

Тогдажъ онъ, блаженный, мужъ неповиннѣ пострадалъ отъ сребролюбивыхъ исполнителей, наипаче же отъ того-то епископа Суздальскаго, піянаго и сребролюбиваго, иже клеветаше вкупѣ нань мнихи монастыря Евфимьева, яко имуще нань ненависти, предреченныя ради вины. Но аще и многія замыкаяху нань оковапція, но не можаху ни единаго приткнути, но обаче, со они вселукавые мниси искусны тому, въ неволю отослаша его въ монастырь Кирилловъ, въ немъ же той епископъ Суздальскій прежде игуменомъ былъ, да тамъ ученицы его отомстятъ ему прежнюю ненависть епископа. Онъ же егда тамъ привезенъ былъ, и видяще его тамъ живущіе мниси, нарочитые и доброжительные мужіе, яже не суть вѣдомы о лукавомъ совѣтѣ и о презломъ дѣлѣ ихъ, вседушнѣ рады ему бывше: видяще бо его мужа издавна во преподобію и святынѣ многа; и о семъ паче лукавые мнихи завистію разсѣдаеми были, видѣвъ мужа отъ наилѣпшихъ и святыхъ мнихомъ почитаема, и вяще прилагаху ему руганіе и безчестіе. И пребылъ святый у нихъ аки полтора лѣта, въ таковыхъ бѣдахъ претерпѣвающе.

Потомъ пишетъ къ намъ, сыновомъ своимъ духовнымъ, изъявляющи намъ отъ тѣхъ вселукавыхъ мниховъ нестерпимую скорбь свою; мыжъ, колико насъ собравшеся, сигклитскимъ саномъ почтенныхъ, приходимъ съ тѣмъ къ архіепископу Макарію, сказующе ему сіе по ряду. Онъ же, услышавъ и устыдѣвся яко нашего сана, такъ и мужа святости, (понеже и ему былъ онъ духовникъ), и даетъ скоро эпистоліи свои во онъ монастырь, повелѣвающе отпустить мужа и жительствовати ему свободнѣ, идѣже хощетъ; онъ же, изъ

Кириллова изшедъ, вселися въ мѣстѣ въ Ярославлѣ, въ монастырѣ великомъ, идѣже лежитъ во своемъ мѣстѣ князь Өеодоръ Ростиславичъ Смоленскій, и тамо пребылъ аки лѣтъ едино или два.

И призываетъ его царь къ себѣ, яко мужа искуснаго и мудраго, посылающи его посломъ ко патріарху Константинопольскому, просяще благословенія о коронаціи и о таковомъ благословенію и о вѣнчанію, имъ же и яковымъ чиномъ цесари Римскіе сущіе христіанскіе отъ папы и отъ патріарховъ вѣнчаеми были; онъ же, повелѣнія царева послушавъ, уже во старости и въ немощномъ тѣлѣ, обаче поиде съ радостію на таковое посольство. И ходилъ тамо и сѣмо вяще, нежели годъ, многи на пути бѣды и труды подъялъ, таможе и огненнымъ недугомъ въ Константинополю аки два мѣсяца объятъ былъ; но и ото всѣхъ сихъ благодатію Божіею избавленъ, возвратився здравъ и принесе со благословеніемъ соборнымъ посланіе отъ патріарха ко царскаго сана возведенію великому князю нашему; а потомъ и книгу вскорѣ царскаго величества всю патріархъ прислалъ къ нему со своими послы до Москвы, съ митрополитомъ единымъ и со мнихомъ презвитеромъ Протиписаломъ, иже нынѣ митрополитомъ Адріанопольскимъ есть. Но и къ тому глаголютъ: святому мужу оному самъ патріархъ удивлялся, яко прислухался реченія и бесѣдованія его премудраго, такъ и жительства его умѣреннаго и священнолѣпнаго.

Князь же великій, обрадовавшеся патріаршескаго посланія благословенію, даритъ Өеодорита тремяста сребрянники великими и кожухомъ драгихъ соболей подъ аксамитомъ, и къ тому якою властію духовною, аще бы онъ хотѣлъ; онъ же, мало усмѣхнувся: „Вся, рече, азъ, царю! повелѣнія твоего „послушахъ и исполнихъ, еже заповѣдалъ ми еси, не вмѣнял „ни мало во старости моей трудовъ о семъ; но довольство „ми и се за мздовоздаяніе, иже отъ апостольскаго намѣст„ника, великаго архіепископа, сирѣчь патріарха вселенска, „благословеніе пріяхъ. А яко даровъ, такъ и власти не по-

ребую отъ твоего величества: даруй ихъ тѣмъ, иже просятъ отъ тебя и потребуютъ; азъ яко сребренники, такъ и драгоцѣнными одеждами не обыкохъ наслаждатися, а ни ими украшатися: паче же отрекохся всѣхъ таковыхъ въ началѣ постриженія власовъ моихъ; но доброту душевную, благодати духа внутрь украшатися тщуся. Но точію сего прошу, да въ покоемъ и со безмолвіемъ въ кельѣ до исшествія моего пребуду!" Царь же нача молити его, да не обезчеститъ ..у царскаго и да возьметъ сіе; онъ же, повинувся мало, ..лъ отъ трехъ сотъ сребренникъ точію двадесять и пять, поклонився по обычаю, и изыде отъ лица царева. Царь же ..елѣ и кожухъ оный послати за нимъ и положити во храмѣ, идѣже онъ обиталъ тогда; Ѳеодоритъ же кожухъ той одавъ, яко и пенязи нищимъ абіе разда; потомъ полюби ..ти въ монастырѣ, иже близу великаго града Вологды, ..къ создалъ святый Димитрій Прилуцкій. А то мѣсто Вологда отъ Москвы лежитъ сто миль, на пути ѣдучи ко Леловому морю на порту.

И забывши ненависть оныхъ нечеловѣколюбныхъ мниховъ, ..Вологды, такъ дальній путь, не лѣнився посѣщати ихъ ..монастырю, отъ него созданномъ, ажъ до дикія Лопи ..кратъ ѣздяше при мнѣ, отъ Вологды до Колмогоръ рѣками плавающе, о двѣсти миль, а отъ Колмогоръ Двиною рѣкою великою до моря, а моремъ до Печенги другія двѣсти миль, яже нарицается Мурманская земля, идѣже живетъ Лопскій языкъ, таможе и Кола, рѣка великая, въ море впадаетъ, въ ея же устьѣ монастырь оный созданъ отъ него. Воистину сіе удивленія достойно: въ такой старости и такіе неудобные и жестокіе пути претерпѣлъ, лѣтомъ плавающе ему по морю, зимою же на прыткошественныхъ еленяхъ ѣздяще по непроходимымъ пустынямъ, посѣщающе дѣтей своихъ духовныхъ, яко мниховъ оныхъ, такъ и Лоплановъ, наученныхъ и крещенныхъ отъ него, пекущеся о спасеніи душъ ихъ, въ невѣрныхъ сѣюще проповѣдь евангельскую и размножающе благочестіе, врученный ему отъ Христа Бога талантъ, во

языцѣ ономъ глубокихъ и грубыхъ варваровъ, не щадящ ни старости и немощнаго тѣла, сокрушеннаго многими лѣти и великими труды. Здѣ ми зри, полувѣрне! лицемѣрный христіанине! умягченный, раздроченный различными наслажденьми! яко храбри еще обрѣтаются старцы въ православной христіанской землѣ, во правовѣрныхъ догматѣхъ воспитанные: чѣмъ престарѣются и изнемогутъ тѣломъ, тѣмъ храбрше ревность по благочестію полагаютъ и острозрительнѣйшіе и пріятнѣйшіе ко Богу бываютъ.

А яковое было бы о томъ предреченномъ святомъ Өеодоритѣ удивленіе, аще бы вся по ряду исписалъ добродѣтельныя его дѣла и предивныя, ихъ же азъ единъ елико могу памятати! Что возглаголю о томъ, яковыя онъ имѣлъ дарованія отъ Бога, сирѣчь дары духа: силы исцѣленія, даръ пророчествія, даръ мудрости, яко грѣшники уловляти отъ презлыхъ дѣлъ діаволихъ и наводити на путь покаянія и приводити отъ нечестія и многолѣтнаго древняго невѣрія въ вѣру Христову поганскіе народы? А что бы реклъ и яко бы изглаголалъ о восхищенію его въ самыя обители небесныя, и о видѣніяхъ его неизреченныхъ, ими же Богъ посѣтилъ его? понеже еще въ тѣлеси тлѣнномъ суще, безтѣлесными и невещественными почтенъ достоинствы и аероплавательными хожденіи. А яковую той мужъ тихость и кротость многую имѣлъ, и яковыя наказанія премудрыя, и въ гощеніяхъ предивныя и насладчайшія бесѣдованія и пользовательныя апостоло-подобныя вѣщанія, егда случалось ему бесѣдовати къ сыновомъ духовнымъ, ихъ же нѣкогда и азъ недостойный многажды причастенъ былъ тѣхъ священныхъ ученій! Еще къ тому немало ко удивленію: яко умѣлъ онъ и искусенъ былъ цѣлить согнившія и остарѣвшія неисцѣльныя раны, сирѣчь презлыя дѣла въ человѣцѣхъ обыкновенныя многими лѣты! Яко премудрые глаголютъ, иже многолѣтныя обыкновенія, отъ младости утвердившіяся во человѣческихъ душахъ, во естество обращаются, и неплохо или неудобь заглажаеми бываютъ: таковыя онъ умѣлъ ветхія гнусности и нечистыя

мости расторгати и искореняти отъ душъ человѣческихъ, и нечистыхъ и скверныхъ сущихъ очищати и просвѣщати, и ко Господу усвояти многимъ покаяніемъ и слезами, и самымъ діаволомъ запрещати силою святаго Духа, по данной ему отъ Бога власти презвитерской, да къ тому ни наступитъ, а ни верзнетъ паки и оскверпитъ покаявшихся душъ человѣческихъ. Сіе воистину не токмо отъ достовѣрныхъ мужей слыхахъ, но и очима видѣхъ и надъ самимъ собою искусивъ бывшее и приключившееся мнѣ благодѣяніе многое отъ его святыни: понеже исповѣдникъ мнѣ былъ и премногу зѣло любовь ко мнѣ имѣлъ; такожъ и азъ къ нему многогрѣшный по силѣ моей любовію и службою простирался.... О мужу милѣйшій и наикрѣпчайшій! мнѣ превозлюбленнѣйшій и пресладчайшій! отче мой и родителю духовный! коль ми люто и скорбно отъ зрѣнія наичестнѣйшихъ сѣдинъ твоихъ разлученну бывшу!

Чтожъ таковый превосходный мужъ получилъ во отечествѣ своемъ неблагодарномъ, отъ того лютаго и безчеловѣчнаго царя? То: нѣцы глаголютъ, аки бы воспомянулъ нѣчто о мнѣ ему; онъ же, глаголютъ, восклехталъ яко дивій вепрь, и возскрежеталъ неистово зубами своими, и абіе повелѣлъ таковаго святаго мужа въ рѣцѣ утопити. И сице пріялъ мученичества вѣнецъ и получилъ второе крещеніе, его же и Господь нашъ Іисусъ Христосъ по крещенію Іоанновѣ возжелѣлъ, яко самъ рече: „Коль, рече, желаю чашу сію пити и „крещеніемъ симъ креститись!“ А нѣцыи глаголютъ о скончаніи его, приходящія ото оныя земли, аки бы тихою и спокойною смертію о Господѣ почилъ онъ святый мужъ. Азъ же истиннѣ не могъ достаточнѣе вывѣдатися о смерти его, аще и со прилежаніемъ о томъ вывѣдахся; яко слышахъ отъ нѣкоторыхъ, тако и написахъ, въ странствѣ будучи, и долгимъ разстояніемъ отлученный и туне отогнанный отъ оныя земли любимаго отечества моего.

А еже всѣхъ по ряду не написахъ о немъ: яко выше рекохъ, ово ко краткости исторіи зряще, ово здѣ живущихъ

грубыхъ и въ духовныхъ отнюдь неискусныхъ, къ тому же маловѣрныхъ ради человѣковъ; и аще Богъ поможетъ, и обрящемъ нѣкоторыхъ духовныхъ мужей, желающихъ сего, тогда мало нѣчто воспомянемъ о предивныхъ видѣніяхъ его и о пророчествіяхъ и о чудесѣхъ нѣкоторыхъ, яко духовные духовнымъ на пользу повѣдающе. „Тѣлесные бо, яко рече „апостолъ, не пріемлютъ еже отъ духа: понеже не вмѣщаютъ, „затворяюще волею утробы свои, и глупство видится имъ, „еже о духовныхъ глаголемое: понеже въ тѣлесныхъ вещахъ „со прилежаніемъ обращаются, а о духовныхъ не радятъ: „паче же а ни разумѣти хотятъ".

ГЛАВА IX.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Сравненіе Іоанна съ другими мучителями и новыхъ мучениковъ съ древними.

И нынѣ, скончавающе исторію новоизбіенныхъ мучениковъ, да похвалимъ по силѣ нашей, елико можемъ. И кто бы, умъ здравъ имѣюще, возбранялъ ихъ похвалити? Развѣ бы кто гнуснаго, и лѣниваго, и лютаго, и неистоваго ума былъ. Речетъ кто негли: „мученики царей нечестивыхъ, и идоломъ „не послужили, и предъ лютыми мучители единаго Бога „исповѣдали, и сего ради различныя муки претерпѣли и „смерти строгія подъяли, радующесь, за Христа Бога". Сіе воистину и азъ вѣмъ; но и тѣ новоизбіенные отъ лютаго и безчеловѣчнаго царя: аще онъ Богу мнится и вѣровати и служити въ Троицѣ славиму, и крещеніемъ просвѣщенъ былъ; но Бога единаго и діаволи вѣдятъ, въ Троицѣ же славимаго и икономахи и другіе мучители исповѣдали, но также и тѣ множество мучениковъ и исповѣдниковъ прелютыми мученьми помучили за Христа: бо былъ крещенъ и Фока мучитель и цесаремъ Римскимъ и Грецкимъ; но обаче, безчело-

мыя его ради, мучитель нареченъ есть. Азъ же реку нѣчто воистинѣ дерзостнѣйше: положилъ бы нѣкто два драконы ядовитыхъ и видѣлъ ихъ единаго внѣ, а другаго внутрь: которагожъ бы удобнѣе было устрещися, внѣшняго или внутренняго? Ктобы прѣлъ, иже внѣшняго! Тако царіе быша прежніе мучители нечестивые идолослужители, болваномъ глухимъ и нѣмымъ жертву приносяще и бояшесь тѣхъ боговъ ложныхъ, ихъ же не подобаше боятися, по реченному: *убояшась страха, идѣже не бѣ страха*, и быша оные церкви Христовы явственные и внѣшніе непріятели. По новый нашъ, не внѣшній, но воистину внутренній драконъ, не болваномъ служити повелѣлъ, а ни жертвы приносити имъ; но первѣе самого діавола волю исполнилъ, возненавидѣлъ узкій и прискорбный путь, покаяніемъ ко спасенію приводящь, и пошелъ съ радостію по широкому и пространному пути, водящему въ погибель, яко и самимъ намъ многажды слышащимъ отъ устъ его: егда уже былъ развратился, тогда во слухъ намъ глаголалъ: „едино, рече, предъ себя взяти, или здѣшнее или тамошнее!" сирѣчь или Христовъ прискорбный путь, или сатанинъ широкій.

О безумный и окаянный! забылъ еси прежде себя царей царствовавшихъ, и въ новомъ и въ ветхомъ завѣтѣ, паче же прародителей твоихъ, княжатъ Русскихъ святыхъ, ходящихъ по Христову узкому пути, сирѣчь мѣрнѣ и воздержнѣ живущихъ; но обаче царствующихъ блаженнѣ, яко и ты самъ въ покаяніи былъ немало лѣтъ и добрѣ царствовалъ. А нынѣ, егда развратился еси и прельстился отъ ласкателей; тогда таковыя словеса отрыгнулъ еси, избравши себѣ пространный антихристовъ путь, и отринулъ отъ себя всѣхъ предобрыхъ и разумныхъ мужей, и собравши войско діаволе, сирѣчь помлѣбниковъ, и отовсюду злодѣевъ, во всѣмъ согласующихъ злостемъ твоимъ, нарицающесь церковникомъ, погналъ церковь Божію... и яко погналъ! и коль страшно и прелюто! иже рещи и выписати не возможно! (Яко напреди мало рѣхомъ, но обаче мало нѣчто и отчасти о томъ гоненію въ пред-

реченныхъ изъявлено). Не нудилъ жертвы приносити болваномъ, но діаволомъ вкупѣ съ собою согласовати повелѣвалъ трезвыхъ во піянствѣ погружатися нудилъ, отъ негоже вся злыя возрастаютъ; не Крону жрети и дѣти закалати, но отрекшись естества, спрѣчь отца и матери и братій, рѣзати человѣковъ по составомъ повелѣлъ, яко и Басманова Өеодора принудилъ отца убити, и Никиту безумнаго Прозоровскаго— Василія, брата своего, и другихъ многихъ; не предъ Афродидовымъ болваномъ блудотворенія и нечистоты плодити, но на явственнѣйшихъ своихъ скверныхъ пированіяхъ прескверпѣйшіе глаголы со восклицаніемъ и со вопіяніемъ отрыгати; (а что по томъ послѣдовало, дѣлы исполняемыя скверности и нечистоты, сіе совѣсти ихъ пущаю лучше вѣдати); не въ Бахусову звѣзду поставленному болвану піянствующе и безчинствующе, ни праздникъ его во едино время и въ годъ сіе творя; но весь цѣлый вѣкъ свой,—егда возненавидѣлъ воздержательное житіе,—тысящу кратъ горше, нежели оные поганы, Бахуса почитающе, піянствующе и безчинствующе, крови христіянскія на проклятыхъ пированіяхъ проливающе нехотящихъ согласовати ему въ таковыхъ: яко единъ мужъ храбрый посреди пиру обличилъ его предо всѣми, емужъ было нареченіе Молчанъ Митновъ. Егда нудимъ былъ отъ него предреченными оными великими, діаволу обѣщальными, чашами пити: тогда велегласно возопивша глаголютъ его и рекша: „О царю! „воистину яко самъ піешь, такъ и насъ принуждаешь окаян-„ныхъ, медъ съ кровію смѣшанный братій нашихъ, правовѣрныхъ христіанъ, пити!“ Онъ же, абіе возгорѣвся гнѣвомъ великимъ, копьемъ, еже во проклятомъ жезлѣ своемъ носяше, абіе рукою своею пробилъ его и внѣ храмины лютымъ кромѣшникомъ повелѣлъ извлещи его, едва дышуща, и добити. И сице исполнилъ помостъ полаты кровію, посреди проклятаго пиру. Едали и сей мужъ не мученикъ, воистину свѣтлый и знаменитый побѣдоносецъ!

Христіанскій, речешь, царь? И еще православный, отвѣщаю ти: христіановъ губилъ и отъ православныхъ человѣковъ

рожденныхъ и ссущихъ младенцевъ не пощадилъ! Обѣщался, речешь, Христу на крещеніи, отрекшися діавола и всѣхъ дѣлъ и всѣхъ ангелъ его? Реку ти паки: поправши заповѣди Христа своего и отвергшися законоположенія евангельскаго, егда явственно обѣщался діаволу и ангеломъ его, собравши множество полковъ діавольскихъ и учинивши надъ ними стратилаты окаянныхъ своихъ ласкателей, и вѣдый волю Царя Небеснаго, произвелъ дѣломъ всю волю сатанинскую, показующе лютость неслыханную, никогда же бывшую въ Русіи, надъ церковью живаго Бога! Не боится, а ни ужасается новыхъ боговъ? Глаголю ти: аще не боится новыхъ, но боится старыхъ, сирѣчь стараго и древняго Веліара, научившися и вѣдуще, иже знаменіемъ честнаго креста всеужасіе попирается и изгоняется. Къ тому, не яко ли у мучителей древнихъ различныя орудія мученій, такожъ и у нашего новаго? не сковрады ли и пещи? не бичеваніе ли жестокое и ногти острые? не клещи ли разженныя, торганія ради тѣлесъ человѣческихъ? не иголъ ли за ногти біеніе и рѣзаніе по составомъ? не претренія ли вервми напоЛы не токмо мужей, но и женъ благородныхъ, и другіе безчисленные и неслыханные роды мукъ, къ неповинныхъ произведенные отъ него?... Еще ли не мучитель прелютый!...

Окаянные и вселукавые пагубники отечества, и тѣлесоядцы, и кровопивцы сродникъ своихъ и единоязычныхъ! доколь маете безстудствовати и оправдати такого человѣко-разтерзателя? О преблаженные и достохвальные святые мученики, новоизбіенные отъ внутренняго змія! за добрую совѣсть вашу пострадасте, и мало здѣ претерпѣвше и очистившеся прехвальнымъ симъ крещеніемъ, чисти къ пречистѣйшему Христу отойдосте мзды трудовъ восиріяти! Едали тѣ много не потрудишася? едали тѣ не добрѣ пострадаша, не токмо христіанъ убогихъ отъ варваровъ въ землѣ своей оброняюще, но и царства кровопивственныя бусурманскія цѣлыя мужествомъ храбрости своея разориша и съ самими цари ихъ безвѣрными, и предѣлы расшириша царства христіанскаго ажъ до Каспій-

скаго моря и окрестъ, и грады тамо христіанскіе поставиша, и святые олтари воздвигоша и многихъ невѣрныхъ къ вѣрѣ приведоша?

И что возглаголю о распространенію границъ на другія страны, служаще цареви своему и общей вещи христіанской вѣрнѣ, и яковую мзду здѣ получиша отъ того лютаго и безчеловѣчнаго царя! Едали Христосъ не воздастъ имъ и не украситъ вѣнцы мученическими таковыхъ, яже обѣщалъ и за чашу студеныя воды отдати мзду? А сего ради, воистину, будутъ ѣздити или плавати на облацѣхъ во срѣтеніе Господне въ первомъ воскресенію, яко рече Богословъ въ Апокалипсисѣ: *блаженъ*, рече, *иже получитъ часть въ первомъ воскресенію*, и Павелъ: *яко бо о Адамѣ вси умираютъ, тако и о Христѣ вси оживутъ; койждо во своемъ чину: начатокъ Христосъ*, сирѣчь пострадавшихъ: воскресе первый въ нетлѣнномъ тѣлеси, начальникъ воскресенію за него пострадавшихъ: *потомъ Христу вѣровавшіе во пришествіе его*, сирѣчь во второе, егда со ангелы явится, *потомъ кончина*, сирѣчь антихристово убіеніе и общее всѣхъ воскресеніе. „Тогда, рече Соломонъ, станетъ во дерзновеніи мнозѣ праведникъ предъ лицемъ мучителя", рекше, очевистѣ съ мучившимъ его, або со обидѣвшимъ, тогда, глаголю, и тѣ послѣдніе мученики, со древними страстотерпцы и побѣдоносцы, встрѣтятъ Христа своего, посреди аера отъ превыспреннихъ небесъ грядущаго со всѣми ангелы своими, на избавленіе ихъ: оніжъ отъ земли многими и великими полки, яко небопарный Павелъ глаголетъ, восхищены будутъ на облацѣхъ во срѣтеніе Господне на воздусѣ, и тамо всегда съ Господемъ будутъ. Ихъ же и насъ да сподобитъ, по премногой благодати своей, а не по нашимъ дѣламъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, истинный Богъ, емужъ слава со безначальнымъ Отцемъ и со пресвятымъ и благимъ и животворящимъ святымъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

II. ПЕРЕПИСКА
КНЯЗЯ А. М. КУРБСКАГО
СЪ
ЦАРЕМЪ ІОАННОМЪ ВАСИЛЬЕВИЧЕМЪ ГРОЗНЫМЪ.

I.
ЭПИСТОЛІЯ ПЕРВАЯ
КНЯЗЯ АНДРЕЯ КУРБСКАГО.
ПИСАНА
КЪ
ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ
МОСКОВСКОМУ,
ПРЕЛЮТАГО РАДИ ГОНЕНІЯ ЕГО.

Курбскій укоряетъ Іоанна въ побіеніи бояръ и воеводъ, въ оклеветаніи вѣрныхъ подданныхъ; спрашиваетъ, чѣмъ провинились они: говоритъ о своемъ собственномъ гоненіи, о необходимости покинуть отечество; упоминаетъ о своихъ побѣдахъ и ранахъ; грозитъ никогда не возвращаться въ Россію; намекаетъ на распутную жизнь царскихъ любимцевъ и совѣтуетъ удалить главнаго наушника.

Царю, отъ Бога препрославленному, паче же въ православіи пресвѣтлу явившуся, нынѣ же, грѣхъ ради нашихъ, сопротивъ симъ обрѣтшемуся. Разумѣваяй да разумѣетъ, совѣсть прокаженну имущій, якова же ни въ безбожныхъ языцѣхъ обрѣтается!... И больше сего о семъ всѣхъ по ряду глаголати не попустихъ моему языку; гоненія же ради пре-

горчайшаго отъ державы твоея, отъ многія горести сердца потщуся мало изрещи ти.

Про что, царю! сильныхъ во Израили побилъ еси? и воеводъ, отъ Бога данныхъ ти, различнымъ смертемъ предалъ еси? и побѣдоносную, святую кровь ихъ во церквахъ Божіихъ, во владыческихъ торжествахъ проліялъ еси? и мученическими ихъ кровьми праги церковные обагрилъ еси? и на доброхотныхъ твоихъ и душу за тя полагающихъ неслыханныя мученія, и гоненія и смерти умыслилъ еси, измѣнами и чародѣйствы и иными неподобными оболгающи православныхъ, и тщася со усердіемъ свѣтъ во тьму прелагати и сладкое горько прозывати? Что провинили предъ тобою, о царю! и чимъ прогнѣвали тя, христіанскій предстателю? Не прегордыя ли царства разорили и подручныхъ во всемъ тобѣ сотворили, мужествомъ храбрости ихъ, у нихъ же прежде въ работѣ быша праотцы наши? Не претвердые ли грады Германскіе тщаніемъ разума ихъ отъ Бога тобѣ даны бысть? Сія ли намъ бѣднымъ воздалъ еси, всеродно погубляя насъ? Или безсмертенъ, царю! мнишись? Или въ небытную ересь прельщенъ, аки не хотя уже предстати неумытному судіи, богоначальному Іисусу, хотящему судити вселеннѣй въ правду, паче же прегордымъ мучителемъ, и не обинуяся *истязати ихъ и до власъ прегрѣшенія*, яко же словеса глаголютъ? Онъ есть Христосъ мой, сѣдяшій на престолѣ херувимскомъ, одесную Силы владычествія во превысокихъ, судитель между тобою и мною.

Коего зла и гоненія отъ тебя не претерпѣхъ! и коихъ бѣдъ и напастей на мя не подвиглъ еси! и коихъ лжеплетеній презлыхъ на мя не возвелъ еси! А приключившіямися отъ тебя различныя бѣды по ряду, за множествомъ ихъ, не могу нынѣ изрещи: понеже горестію еще души моей объятъ быхъ. Но вкупѣ все реку конечнѣ: всего лишенъ быхъ, и отъ земли Божія туне отогнанъ быхъ, аки тобою понужденъ. Не испросихъ умиленными глаголы, ни умолихъ тя многослезнымъ рыданіемъ, и не исходатайствовахъ отъ тебя ни-

боехъ милости архіерейскими чинами; и воздалъ еси мнѣ злыя за благія, и за возлюбленіе мое непримирительную ненависть! Кровь моя, якоже вода пролитая за тя, вопіетъ на тя ко Господу моему! Богъ сердцамъ зритель: во умѣ моемъ прилежно смышляхъ и обличникъ совѣстный мой свидѣтеля на ся поставихъ, и искахъ и зрѣхъ мысленнѣ и обращаяся, и не вѣмъ себя и не найдохъ ни въ чемъ же предъ тобою согрѣшивша: предъ войскомъ твоимъ хождахъ и не исхождахъ, и никоего же тебѣ безчестія приведохъ; но токмо побѣды пресвѣтлы, помощію ангела Господня, во славу твою поставляхъ, и никогда же полковъ твоихъ хребтомъ къ чюжимъ обратихъ; но паче одолѣнія преславныя на похвалу тебѣ сотворихъ. И сіе ни во единомъ лѣтѣ, ни во дву, но въ довольныхъ лѣтѣхъ. Потрудихся со многими поты и терпѣніемъ; и всегда отечества своего отстояхъ, и мало родшія мя зрѣхъ и жены моея не познавахъ; но всегда въ дальноконечныхъ градѣхъ, противъ враговъ твоихъ, ополчахся и претерпѣвахъ нужды многія и естественныя болѣзни, имъ же Господь мой, Іисусъ Христосъ свидѣтель. Паче же учащенъ бяхъ ранами отъ варварскихъ рукъ на различныхъ битвахъ, и сокрушенно уже язвами все тѣло имѣю; но тебѣ, царю! вся сія аки ничто же бысть, но развѣе нестерпимую ярость и горчайшую ненависть, паче розженныя печи, являешь къ намъ.

И хотѣхъ рещи вся по ряду ратныя дѣла мои, ихъ же сотворихъ на похвалу твою, силою Христа моего; но сего ради не изрекохъ, зане лучше Богъ вѣсть, нежели человѣкъ: онъ бо есть за вся сія мздовоздаятель, и не токмо, но и за чашу студеныя воды; а вѣмъ, яко и самъ ихъ не не вѣси. И да будетъ ти, царю! вѣдомо къ тому: уже не узриши, мню, въ мірѣ лица моего до дня преславнаго явленія Христа моего. И да не мни мене молчаща ти о семъ: до скончанія моего буду непрестанно вопіяти со слезами на тя пребезначальной Троицѣ, въ нея же вѣрую, и призываю въ помощь херувимскаго владыки матерь, надежду мою и заступницу, владычицу

Богородицу, и всѣхъ святыхъ, избранныхъ Божіихъ, и государя моего праотца, князя Θеодора Ростиславича, иже цѣло купно тѣло имѣетъ, во множайшихъ лѣтѣхъ соблюдаемо, и благоуханія, паче ароматъ, отъ гроба испущающе и благодатію святаго Духа струи исцѣленія чудесъ источающе, яко же ты, царю! о семъ добрѣ вѣси.

Не мни, царю! не помышляй насъ суемудренными мысльми, аки уже погибшихъ избіенныхъ отъ тебя неповинно, и заточенныхъ и прогнанныхъ безъ правды; не радуйся о семъ, аки одолѣніемъ тощимъ хваляся: избіенные тобою, у престола Господня стояще, отомщенія на тя просятъ; заточенные же и прогнанные отъ тебя безъ правды отъ земли ко Богу вопіемъ день и нощь! Аще и тьмами хвалишися въ гордости своей, въ привременномъ семъ скоротекущемъ вѣцѣ, умышляючи на христіанскій родъ мучительные сосуды, паче же наругающе и попирающе ангельскій образъ, и согласующимъ ти ласкателемъ и товарищемъ трапезы, несогласнымъ твоимъ бояромъ, губителемъ души твоей и тѣлу, иже тя подвижутъ на Афротидскія дѣла и дѣтьми своими паче Кроновыхъ жерцовъ дѣйствуютъ. И о семъ, даже до сихъ, писаніе сіе, слезами измоченное, во гробъ съ собою повелю вложити, грядуще съ тобою на судъ Бога моего, Іисуса Христа. Аминь. Писано въ Волмерѣ, градѣ государя моего Августа Жигимонта короля, отъ него же надѣюся много пожалованъ и утѣшенъ быти ото всѣхъ скорбей моихъ, милостію его государскою, паче же Богу ми помогающу.

Слышахъ отъ священныхъ писаній, хотяща отъ діавола пущена быти на родъ христіанскій губителя, отъ блуда зачатаго, богоборнаго антихриста, и видѣхъ нынѣ сигклита, всѣмъ вѣдома, иже отъ прелюбодѣянія рожденъ есть, иже днесь шепчетъ ложное во уши царю и льетъ кровь христіанскую, яко воду, и выгубилъ уже сильныхъ и благородныхъ во Израили, аки согласникъ дѣломъ антихристу: не пригоже такимъ потакати, о царю!

Вольмаръ.

II.

ПОСЛАНІЕ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА ВСЕЯ РОССІИ КО КНЯЗЮ АНДРЕЮ КУРБСКОМУ,

ПРОТИВЪ ЕГО, КНЯЗЯ АНДРЕЕВА, ПИСЬМА, ЧТО ОНЪ ПИСАЛЪ ИЗЪ ГРАДА ВОЛМЕРА.

Изложивъ свои права на престолъ, Іоаннъ упрекаетъ Курбскаго въ намѣреніи быть Ярославскимъ государемъ, въ согласіи съ измѣнниками, въ ложномъ благочестіи, въ строптивости; стыдитъ его примѣромъ Шибанова. Разбираетъ въ посланіи его слова: a) *совѣсть прокаженная*; b) *православіе пресвѣтлое*; c) *сопротивный разумъ*; d) *пресвѣтлыя побѣды*. Объясняетъ права и обязанности государя, духовенства и вельможъ. Доказываетъ историческими примѣрами бѣдствія народовъ отъ безначалія. Укоряетъ своихъ бояръ; исчисляетъ измѣны Курбскихъ. Возражаетъ на обвиненіе въ казни воеводъ, въ мученіи невинныхъ, въ оболганіи вѣрныхъ. Разсказываетъ бѣдствія юности своей: a) измѣну Бѣльскаго, Ляцкаго, князя Андрея, Львова; b) погубленіе крамольниками вѣрныхъ бояръ; c) наглость Шуйскихъ; d) расхищеніе казны; e) междоусобныя войны; f) пожаръ Московскій; g) убіеніе Глинскаго; h) бунтъ черни. Исторія Алексѣя Адашева и іерея Сильвестра. Коварство ихъ и власть надъ царемъ. Вины ихъ: a) дружились съ измѣнниками; b) подстрекали бояръ къ самовольству; c) раздавали помѣстья боярскимъ дѣтямъ; d) ввели въ царскую думу князя Курлетева; e) не давали царю ни власти, ни воли; f) обходились съ нимъ надменно; g) награждали непослушныхъ царю; h) везли его, какъ плѣнника, въ Казанскую землю; i) хотѣли возвести на престолъ Владиміра Андреевича Старицкаго; k) ненавидѣли царицу Анастасію Романовну; l) защищали измѣнника князя Семена Ростовскаго; m) судили царя съ Сотрапомъ Сицкимъ; n) не хотѣли войны Ливонской; o) не радѣли о здравіи царицы Анастасіи. Удаленіе Адашева и Сильвестра. Милостивое наказаніе строптивыхъ.—Царь снова разбираетъ письмо Курбскаго: что значитъ *свѣтъ и тьма, горькое и сладкое?* Уличаетъ его свидѣтельствомъ св. Григорія. Излагаетъ свое православіе. Смѣется надъ *бранною храбростію* Курбскаго. Приписываетъ своей прозорливости и дѣятельности всѣ успѣхи Русскаго оружія. Обвиняетъ воеводъ и особенно Курбскаго въ лѣности, въ

намѣренія отступить отъ Казани при первой неудачѣ, въ опрометчивости и грабежѣ при взятіи сего города. Упоминаетъ о безуспѣшности Крымскихъ походовъ, о пораженіи Шереметева. Укоряетъ Курбскаго въ нерадивой войнѣ съ Ливонцами, въ строптивости, въ безразсудномъ желаніи быть царскимъ наставникомъ; уличаетъ въ ереси Саддукейской. Бесѣдуетъ съ нимъ о гордости. Снова винитъ бояръ: упрекаетъ ихъ въ самовольствѣ, въ смерти Ѳеодосія, епископа Коломенскаго, и казначея Фуникова. Смѣется надъ угрозами и укоризнами Курбскаго; доказываетъ, что его не гнали, а честили выше всѣхъ предковъ, что онъ напрасно хвалится *пролитіемъ крови*, что самъ царь проливалъ кровавыя слезы за себя, за царицу и за дѣтей. Спрашиваетъ, какими побѣдами хвастаетъ Курбскій? не въ Казанской ли землѣ, гдѣ вмѣсто виновныхъ, онъ губилъ невинныхъ, не подъ Тулою ли, гдѣ вмѣсто преслѣдованія Крымцевъ, обѣдалъ у воеводы, или подъ Невлемъ, свидѣтелемъ его пораженія Литовцами? Возражаетъ на угрозу не показывать царю лица своего до Страшнаго Суда; вѣруетъ, что Богъ не приметъ его жалобъ. Свидѣтельствуетъ, что въ Россіи нѣтъ ни гонимыхъ, ни мучимыхъ, ни Кровавыхъ жертвъ, и что Курбскій, намѣреніемъ взять съ собою въ гробъ свою грамоту, отступилъ отъ христіанства и лишился права на церковное отпѣваніе. Въ заключеніе, не хочетъ болѣе тратить словъ съ безумнымъ.

Богъ нашъ Троица, иже прежде вѣкъ сый, нынѣ есть Отецъ и Сынъ и святый Духъ, ниже начала имать, ниже конца, о немъ же живемъ и движемся есмы, имъ же царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду. Иже дана бысть единороднаго слова Божія Іисусъ Христомъ, Богомъ нашимъ, побѣдоносная херугвія и крестъ честный, и николи же побѣдима есть, первому во благочестіи царю Констянтину и всѣмъ православнымъ царемъ и содержителемъ православія, и понеже смотрѣнія Божія слова всюду исполняшеся, Божественнымъ слугамъ Божія слова всю вселенную, якоже орли летаніе отекше, даже искра благочестія дойде и до Русскаго царства: самодержавство Божіимъ изволеніемъ починъ отъ великаго князя Владиміра, просвѣтившаго всю Русскую землю святымъ крещеніемъ, и великаго царя Владиміра Мономаха, иже отъ Грекъ высокодостойнѣйшую честь воспріемшу, и храбраго великаго государя Александра Невскаго, иже надъ безбожными Нѣмцы побѣду показавшаго, и хваламъ достой-

наго великаго государя Дмитрія, иже за Дономъ надъ безбожными Агаряны велику побѣду показавшаго, даже и до мстителя неправдамъ, дѣда нашего, великаго государя Ивана, и въ закоснѣнныхъ прародительствіяхъ земли обрѣтателя, блаженныя памяти отца нашего, великаго государя Василія,— даже дойде и до насъ, смиренныхъ скипетродержанія Русскаго царствія. Мы же хвалимъ за премногую милость, произшедшую на насъ, еже не попусти доселѣ десницѣ нашей единоплемянною кровію обагритися: понеже не восхитихомъ ни подъ кимъ же царства, но Божіимъ изволеніемъ и прародителей и родителей своихъ благословеніемъ, яко же родихомся во царствіи, тако и возрастохомъ и воцарихомся Божіимъ велѣніемъ и родителей своихъ благословеніемъ свое взяхомъ, а не чюжее восхитихомъ; сего православнаго истиннаго христіанскаго самодержавства, многими владычествы владѣющаго, повелѣніе, нашъ же христіанскій смиренный отвѣтъ бывшему прежде православнаго истиннаго христіанства и нашего содержанія боярину и совѣтнику и воеводѣ, нынѣ же преступнику честнаго и животворящаго креста Господня, и губителю христіанскому, и ко врагомъ христіанскимъ слугатаю, отступльшимъ Божественнаго иконнаго поклоненія и поправшимъ вся священныя повелѣнія, и святые храмы разорившимъ, осквернившимъ и поправшимъ со священными сосуды и образы, яко же Исавръ, и Гноетезный, и Арменскій, симъ всѣмъ соединителю,—князю Андрею Михайловичу Курбскому, восхотѣвшему своимъ измѣннымъ обычаемъ быти Ярославскому владыцѣ, вѣдомо да есть.

Почто, о княже! аще мнишися благочестіе имѣти, единородную свою душу отверглъ еси? Что даси измѣну на ней въ день Страшнаго Суда? Аще и весь міръ пріобрящеши, послѣди смерть всяко восхитітъ тя! Чесо на тѣлѣ душу продалъ еси? Аще убоялся еси смерти, по своихъ бѣсѣхъ и вышнихъ друзей и назирателей ложному слову: и вси, якоже бѣси на весь міръ, такоже и ваши изволшіе быти друзи и служебники, насъ же отвергшеся, преступивше крестное цѣло-

ваніе, бѣсовъ подражающе, на многообразные мя воды всюду сѣти поляцающе, и бѣсовскимъ обычаемъ на всяческія назирающе, мняше насъ яко безплотныхъ быти, и отъ сего многія спивающи поношенія и укоризны на насъ, и весь міръ позорующихъ и къ вамъ приносящихъ,—вы же имъ воздаяніе много за сіе злодѣйство даровали есте нашею же землею и казною, лазываючи ихъ ложно слугами;—отъ сихъ бѣсовскихъ слуховъ наполнилися есте на мя ярости, яко же ехидна яда смертоносна, и возъярився на мя и душу свою погубивъ, и на церковное разореніе стали есте. Не мня праведно, на человѣка возъярився, Богу приразитися: ино бо человѣческо есть, аще и порфиру носитъ, ино же божественное. Или мниши, окаяние! яко убрежешися? Никакоже! Аще ти съ ними воевати: тогда и церкви ти разоряти, и иконы попирати, христіановъ погубляти; аще же гдѣ и руками не дерзнеши, но мыслію яда своего смертоноснаго много сея злобы сотворити. Помысли же, како браннымъ пришествіемъ мягкая младенцшная удеса конскими ногами стираема и растерзаема! Егда же убо зимѣ належати, сія наипаче злоба совершается. И сіе убо твое злобѣсное умышленіе, како не уподобится Иродову неистовству, еже о младенцахъ убивство показа! Сіе ли мниши благочестіе, еже сицевая зла творити? Аще множае насъ глаголеши воюющихъ на христіанъ, еже на Германы и Литаовы: ино нѣсть сіе. Аще бы христіане были въ тѣхъ странахъ, и мы воюемъ по прародителей своихъ обычаемъ, яко же и прежъ сего многажды случалося; нынѣ вѣмы, въ тѣхъ странахъ нѣсть христіанъ, развѣе малѣйшихъ служителей церковныхъ и сокровенныхъ рабъ Господнихъ. Къ семужъ и Литовская брань учинилася вашею же измѣною и недоброхотствомъ и нерадѣніемъ безсовѣстнымъ.

Ты же, тѣла ради, душу погубилъ еси, и славы ради мимотекущія, нелѣпотную славу пріобрѣлъ еси, и не на человѣка возъярився, но на Бога возсталъ еси. Разумѣй же, бѣдникъ, отъ каковы высоты и въ какову пропасть душею и тѣломъ снелъ еси! Сбыстся на тебѣ реченное: *и еже имъя*

чнится, взято будетъ отъ него! Се твое благочестіе, еже самолюбія ради, погубилъ еси, а не Бога ради! Могутъ же разумѣти тамо сущіи, разумъ имущіи, твой злобный ядъ, яко славы желая мимотекущія и богатства, сіе сотворилъ еси, а не отъ смерти бѣгая. Аще праведенъ и благочестивъ еси по твоему гласу, почто убоялся еси неповинныя смерти, еже нѣсть смерть, но пріобрѣтеніе? Послѣди всяко умрети же! Аще ли же убоялся еси ложнаго на тя отреченія смертнаго, по твоихъ друзей, сатанинскихъ слугъ, злодѣйственному же солганію: се убо явственно есть ваше измѣнное умышленіе отъ начала и донынѣ! Почто и апостола Павла презрѣлъ еси? яко же рече: *Всяка душа владыкамъ предвладующимъ да повинуется: никая же бо владычествія, еже не отъ Бога учинена есть; тѣмъ же противляйся власти, Божію повелѣнію противится.* Смотри же сего и разумѣвай, яко противляйся власти, Богу противится; и аще кто Богу противится, сіи отступникъ именуются, еже убо горчайшее согрѣшеніе. И сіе же убо реченно есть о всякой власти, еже убо кровьми и браньми пріемлютъ власть: разумѣй же вышереченное, яко не восхищеніемъ пріяхомъ царство, тѣмъ же наипаче, противляяся власти, Богу противится. Тако же, яко же индѣ рече апостолъ Павелъ, иже ты сія словеса презрѣлъ еси: *Раби! послушайте господей своихъ, не предъ очима точію работающе, яко человѣкоугодницы, но яко Богу, и не токмо благимъ, но и строптивымъ, не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть:* се бо есть воля Господня, еже благое творяще, пострадати!

И аще праведенъ еси и благочестивъ, почто не изволилъ еси отъ меня, строптиваго владыки, страдати и вѣнецъ жизни наслѣдити? Но ради привременныя славы, и сребролюбія, и сладости міра сего, все свое благочестіе душевное со христіанскою вѣрою и закономъ попралъ еси, уподобился еси къ сѣмени падающему на камени, и возростшему, и возсіявшу солнцу со зноемъ, абіе словесе ради ложнаго, соблазнился еси, и отпалъ еси и плода не сотворилъ еси; а по ложныхъ

словесѣхъ убо, подобно на путь падающему, сотворилъ еси; еже убо вѣру и врагъ изъ сердца твоего восхитилъ есть и сотворилъ тя во всей волѣ ходити. Тѣмъ же и вся Божественная писанія исповѣдуютъ, яко не повелѣваютъ чадомъ отцемъ противитися и рабомъ господемъ, кромѣ вѣры. И аще убо сіе отъ отца твоего, діавола, воспріемъ, много ложными словесы соплетеши, яко „вѣры ради живъ Господь Богъ мой, „жива душа моя“. яко не токмо ты, но и всѣ твои согласники и бѣсовскіе служители не могутъ въ насъ сего обрѣсти. На се же уповаемъ, Божія Слова воплощеніемъ и пресвятыя его матери, заступницы христіанскія, милостію и всѣхъ святыхъ молитвами, не токмо тебѣ сему отвѣтъ дати; но и противу поправшимъ святыя иконы, и всю христіанскую божественную тайну отвергшимъ и Бога отступльшимъ, къ нимъ же ты любително соединился еси, словесы ихъ нечестіе изобличити и благочестіе явити и воспроповѣдати, яко же благодать возсія.

Како же не усрамишися раба своего Васьки Шибанова? Еже бо онъ благочестіе свое соблюде, и предъ царемъ и предо всѣмъ народомъ, при смертныхъ вратѣхъ стоя, и ради крестнаго цѣлованія тебе не отвержеся, и похваляя и всячески за тя умрети тщашеся. Ты же убо сего благочестія не поревновалъ еси: единаго ради моего слова гнѣвна, не токмо свою едину душу, но и всѣхъ прародителей души погубилъ еси: понеже Божіимъ изволеніемъ, дѣду нашему, великому государю, Богъ ихъ поручилъ въ работу, и они, давъ свои души, и до смерти своей служили, и вамъ, своимъ дѣтемъ, приказали служити и дѣда нашего дѣтемъ и внучатомъ. И ты то все забылъ, собацкимъ измѣннымъ обычаемъ преступилъ крестное цѣлованіе, ко врагомъ христіанскимъ соединился еси, и къ тому, своея злобы не разсмотряя, сицевыми и скудоумными глаголы, яко на небо каменіемъ меща, нелѣпая глаголеши, и раба своего во благочестіи не стыдишися и подобная тому сотворити своему владыцѣ отвергся еси.

Писаніе же твое пріято бысть и вразумлено внятельно. И понеже убо положилъ еси ядъ аспидепъ подъ устами своими, наполнено меда и сота, по твоему разуму, горчайше же пелыня обрѣтающеся, по пророку, глаголющему: *умякнуша словеса ихъ паче елея, и та суть стрѣлы:* тако ли убо навыкъ еси, христіанинъ будучи, христіанскому государю подобно служити? и тако ли убо честь подобная воздаяти отъ Бога данному владыцѣ, яко же бѣсовскимъ обычаемъ ядъ отрыгаеши? Начало убо твоего писанія, яже убо не разумѣвая написалъ еси, навадское помышляя, еже бо не о покаяніи, но выше человѣческаго естества мниши человѣкомъ быти, яко же и навадъ, еже убо на насъ вся написалъ еси. И сіе убо тако есть: яко же тогда, тако и нынѣ вѣруемъ, вѣрою истинною, Богу живу и истинну. А еже убо „сопротивныхъ разумѣвая и совѣсть прокаженну имуще“: се убо навадское помышляеши и не разсуждаеши евангельскаго слова, еже речено есть: *Горе міру отъ соблазнъ! Нужно есть, иже не пріити соблазномъ; горе же человѣку тому, имъ же соблазнъ приходитъ! Уне бы было ему, дабы жерновъ осельскій обвязанъ былъ о выи его и потонетъ въ пучинѣ морстѣй.* И много слѣпотствующія твоея злобы, не можеши истины видѣти: како, мняйся и стояти у престола владычня и повсегда со ангелы служити, своими руками агнецъ жремый закалати за мірское спасеніе сподобяся, и сія вся поправши съ своими злобѣсовскими совѣтники, на насъ своими лукавыми умышленія многая томленія подвигосте? И сего ради, еже отъ юности моея благочестіе, бѣсомъ подобно, поколебасте, и еже отъ Бога державу данную мнѣ отъ прародителей нашихъ, подъ свою власть отторгосте: ино се ли *совѣсть прокаженная*, яко свое царство во своей руцѣ держати, а работнымъ своимъ владѣти не давати? и се ли *сопротивенъ разуму*, еже не хотѣти быти работными своими владѣнну? и се ли *православіе пресвѣтлое*, еже рабы обладаему и повелѣнну быти? Сіе убо о внѣшнихъ и одушевленныхъ и о церковномъ.

Аще есть малое согрѣшеніе, но сіе отъ вашегожъ соблазна и измѣны; паче же и человѣкъ есмь: нѣсть бо человѣка безъ грѣха, токмо единъ Богъ; а не яко же ты, яко мнишися быти выше человѣка со ангелы равенъ. А о безбожныхъ человѣцѣхъ что и глаголати! Понеже тіи всѣ царствіи своими не владѣютъ: како имъ повелятъ работные ихъ, тако и владѣютъ; а Россійское самодержавство изначала сами владѣютъ всѣми царствы, а не бояре и вельможи. И того въ своей злобѣ не могъ еси разсудити, нарицая благочестіе, еже подъ властію нарицаемаго попа и вашего злочестія повелѣнія самодержству быть! А се по твоему разуму нечестіе, еже отъ Бога данной намъ власти самимъ владѣти и не восхотѣхомъ подъ властію быти попа съ вашего злодѣянія! Се ли разумѣваемая *сопротивъ*, яко вашему злобѣсному умышленію тогда, Божіею милостію и пресвятыя Богородицы заступленіемъ, всѣхъ Святыхъ молитвами и родителей своихъ благословеніемъ, погубити себѣ не дали есми? А какова зла я отъ васъ тогда пострадахъ! Се убо пространнѣйши напреди слова извѣститъ.

Аще ли о семъ помышляеши, яко церковное преданіе не тако, и мы громъ бытія, се убо вашего же ради лукаваго умышленія: понеже мя исторгосте отъ духовнаго и покойнаго житія, и бремя, фарисейскимъ обычаемъ, бѣднѣ носимо на мя наложисте, сами же и ни единымъ перстомъ не прикоснустеся; и сего ради церковное предстояніе не твердо, ово убо царскихъ правленій, еже вами разрѣшенны, ово же вашихъ злолукавыхъ умышленій бѣгая. И громъ же сходяще немощи человѣчестѣй; понеже много народъ во слѣдъ своего пагубнаго умышленія отторгосте, и того ради, яко же мати дѣтей всяческія попущаетъ глумленія, ради младенчества, и егда совершени будутъ, тогда сіе отвергнутъ, или убо отъ родителей разумомъ на уншее возведутся, или яко же Израилю Богъ попусти, аще и жертвы приносити, токмо Богови, а не бѣсомъ: того ради и азъ сотворихъ, сходя къ немощи ихъ, точію дабы насъ, своихъ господарей, познали, а не васъ, измѣнниковъ. И чимъ у васъ извыкли прохлажатися?

И се ли вамъ супротивно явися, еже вамъ погубити себя не далъ есми? А ты о чемъ супротивно разума, души твоей крестнаго цѣлованія, сотворялъ еси, ложнаго ради страха смертнаго? Самъ убо сего не сотвориши, намъ же сіе совѣтуеши! Си убо навадское и фарисейское мудрствуеши: навадское убо, еже выше естеству человѣческаго велишь человѣкомъ быть; фарисейское же, еже самъ не творя, инымъ повелѣваеши творити. Паче же сія поносы и укоризны, яко же исперва начали есте, тако и нынѣ престасте, всяческимъ образомъ дивіяго звѣря распылаяся, измѣну свою совершаете: се ли ваша доброхотная, прямая служба, еже поношати и укоряти? Бѣсному подобящеся, колеблетеся, и Божій судъ восхищающе и прежъ Божія суда своимъ злолукавымъ самохотнымъ изложеніемъ, яко же съ своими начальники попомъ и Алексѣемъ изложили есте, собацки осуждающе. И сего ради, Богу противляющеся, яко же и святыхъ всѣхъ преподобныхъ, иже въ постѣ и въ подвизѣхъ провозсіявшихъ милованіемъ, еже грѣшнымъ, отвергосте: много бо въ нихъ обрящешь падшихъ и возставшихъ (возстаніе не бѣдно!) и страждущи руку помощи подавшихъ и отъ рова согрѣшенія миловательнѣ возведшихъ, по апостолу, *яко же братію, а не яко враговъ имуще*, еже ты отвергдъ еси! И якова отъ оныхъ бѣсовъ пострадаша, таковая и азъ отъ васъ пострадахъ.

Что же, собака! и пишешь и болѣзнуеши, совершивъ такую злобу? Къ чесому убо совѣтъ твой и подобенъ будетъ? Или мниши праведно быти, еже отъ единомысленниковъ твоихъ зловѣрныхъ учинено, еже иноческое одѣяніе свергше и на христіанъ воевати? Или се есть вамъ отвѣщаніе, яко невольное постриженіе? Ино, нѣсть сіе! нѣсть! Како убо Лѣствичникъ видѣхъ неволею ко иночеству пришедшихъ и паче вольныхъ исправившася? Чесо убо сему слову не подражасте, аще благочестиви есте? Многихъ же и не въ Тимохину версту обрящеши, тако же и святыхъ, и не поправшихъ иноческаго образа, глаголю же и до царей; аще ли

же кои дерзнуша сія сотворити, ничимъ же пользоваша, наипаче въ горшая тѣлесная и душевная погибели пріидоша, яко же князь великій Рюрикъ Ростиславичъ Смоленскій постриженъ отъ зятя своего Романа Галическаго. Смотри же благочестіе: и княгиню его восхотѣвши взяти изъ невольнаго постриженія, она же не восхотѣ мимотекущаго царствія, паче нетлѣнно пострижеся и во схиму; онъ же убо разстригши ее, многи крови христіанскія пролилъ и святыя церкви и монастыри пограбилъ, игуменовъ и поповъ и черноризцовъ умучилъ; почему и до конца княженія не возможе удержати; ино имя его безъ вѣсти бысть. Тако же во Царѣградѣ множайшихъ сего обрящеши: овѣмъ убо носы урѣзаны, инѣмъ же во мнишеская одѣянія бывшимъ и на царство паки наскочившимъ и здѣ убо горчайшая смерти пріяша, тамо же безконечныя муки пріяша: понеже самолюбія ради и гордости, сіе сотвориша. Сіе же отъ владычествующихъ, кольми же паче отъ работныхъ! Божій судъ ожидаетъ, иже ангельскій образъ поправшимъ! Многи же и не въ давныхъ лѣтѣхъ пострижены отъ сигклитовъ, превелика паче первыхъ сіе дерзнуша сотворити, аще и въ прежнюю паки пріидоша. Таково ли благочестіе держите, еже сіе злобѣснымъ своимъ обычаемъ нечестіе сотворяете? Или мнишися, яко ты еси Авениръ сынъ Нировъ, есть храбрѣйшій возрастомъ? Или, еже та сія посланія злобѣснымъ своимъ обычаемъ нечестія сотворяете, или мнишися гордостію дмяся писати? и отъ того да что бысть? Егда убо уби его Іоавъ, сынъ Саруй, тогда оскудѣля во Израили.

Не пресвѣтлыя ли побѣды съ Божіею помощію на противные показаша? Се убо, гордостію дмяся, всуе хвалишися! Смотри же и сего, еже подобно тебѣ сотворшаго, аще ветхословіе любиши, къ сему тя и приложимъ: что убо поможе ему бранная храбрость, еже господина своего нечестіемъ озлоби, еже убо поятъ подругу Саулю Ресфу, и рекшу ему о семъ сыну Саулю Мумфіосу, онъ же, разгнѣвався, отступи дому Сауля и тако погибе: ему же и ты уподобися злобѣс-

нымъ своимъ обычаемъ, желая гордостно излише чести и богатства. Яко же Авениръ на подружіе посягну господина своего, также убо и ты отъ Бога данные грады и села посягая, равно тому нечестіе, бѣсуяся, сотворяеши. Или убо предложимъ ти плачъ Давыдовъ. Не убо царь праведенъ сый? и не хотя убіеніе сотвори; нечестивый же въ своей погибели погибе. Смотри же, яко бранная храбрость не помогаетъ, аще кто господина не чествуетъ. Но и еще предложу ти Ахитофела, подобно тебѣ, лукавъ совѣтъ совѣщающе Авессалому на отца, и како потрясе? Но послѣдуя сія, единаго старца разумомъ совѣтъ его разсыпася, и весь Израиль побѣжденъ бысть малѣйшими людьми. Онъ же удавленія конецъ погибельный обрѣте. Яко же тогда, тако и нынѣ обычай: благодать Божія въ немощи совершатися, и ваша злобѣсная на церковь возстанія разсыпаетъ самъ Христосъ. Смотри же и древняго отступника Іеровоама сына Наваща како отступи со десятью колѣны Израилевыми, и сотвори царство въ Самаріи. и отступи отъ Бога жива и поклонися тельцу, и како убо смятеся царство Самаріи тое неудержаніемъ царей и вскорѣ погибе, Іюдино же, аще и мало бысть, но странно и пребысть до изволенія Божія, яко же рече пророкъ: *развирѣпѣне, яко юница, Ефремъ;* и паки индѣ реченно бысть: *сынове Ефремли налящающе и стрѣляюще луки, возвратишася въ день брани: зане не сохраниша повелѣнія Господня и въ законѣ его не изволиша ходити.* „Человѣче! останися рати; аще убо „со человѣкомъ борешися, то одолѣетъ тя, или одолѣеши, „аще съ церковію борешися, то всяко одолѣетъ тя: жестоко „бо ти есть противъ рожну прати: не бо и вступиши на нозѣ „свои окровавиши, да ся пѣнитъ море и бѣситъ; но Іисусова „корабля не можетъ потопити: на камени бо стоитъ; имамы „въ немъ кормчію Христа; вмѣсто же гребцы, апостоли; „вмѣсто кормникъ, пророки; вмѣсто правителей, мученики и „преподобные; и сія убо вся имущи, аще и весь міръ возмутится, но не убоимся погрязновенія: мене убо свѣтлѣйша „твориши; самъ же свою погибель содѣеваши.“

Како же и сего не моглъ еси разумѣти, яко подобаетъ властемъ не звѣрски яритися, ниже безсловесно смирятися? Яко же рече апостолъ: *овѣхъ убо милуйте разсуждающе, овѣхъ же страхомъ спасайте, отъ огня восхищающе:* видиши ли, яко апостолъ повелѣваетъ страхомъ спасати? Тако же и во благочестивыхъ царей временѣхъ много обрящется злѣйшее мученіе. Како же убо, по твоему безумному разуму, единако быти царю, а не по настоящему времени? То убо разбойницы и татіе мукамъ неповинни, паче же и злѣйшая сихъ лукавая умышленія, то убо вся царствія не въ строеніи и междоусобными браньми вся растлятся! И тако ли убо пастырю подобаетъ, еже не разсмотряти о нестроеніи отъ подвластныхъ своихъ?

Како же не стыдишися злодѣевъ мученики нарицати, не разсуждая, за что кто постражетъ? Апостолу вопіющу: *аще кто незаконно мученъ будетъ, сирѣчь не за вѣру, не вѣнчается;* божественному убо Златоусту и великому Аѳанасію во своемъ исповѣданіи глаголющимъ: *мучими убо суть татіе, и разбойницы, и злодѣи, и прелюбодѣи: таковы ли убо блаженніи? поне же грѣхъ ради своихъ мучими бысть, а не Бога ради;* божественному же апостолу Петру глаголющу: *лучше убо благотворяще пострадати, неже зло творящимъ мученія.* Вы же, злобѣснымъ своимъ обычаемъ подобящеся ехидниму отрыганію, ядъ изливающи, ничто же повиновенія, человѣкъ, и законопреступленія, и временъ разсуждающи, свою злолукавую измѣну, бѣсовскимъ умышленіемъ, лестію языка покрыти хотяще! Се ли убо сопротивно разуму, еже по настоящему времени жити? Воспомяни же и во царѣхъ великаго Констянтина: како, царствія ради, сына своего, рожденнаго отъ себе, убилъ есть! Князь Ѳеодоръ Ростиславичъ, прародитель вашъ, въ Смоленскѣ на Пасху колико крови проліялъ есть! И во святыхъ причитаются. Како же убо и Давыдъ, иже обрѣтеся Богу по сердцу и хотѣнію, како повелѣ и Да-
выдъ, иже обрѣтеся Богу по сердцу и хотѣнію, како повелѣ
и Давыдъ, *да всякъ убиваетъ Уевина: и хромые, и слѣпые и*

ненавидящихъ души Давыдовы, егда не пріяша его во Іерусалимъ, како убихъ причитательныхъ въ вотчинники, яко не восхотѣша отъ Бога даннаго имъ царя пріяти? Како же разсудиши и се, еже такого благочестія царь на немощнѣй чади силу свою и гнѣвъ показа, или убо нынѣшніе измѣнники неравно симъ злобу сотвориша? Наипаче и злѣйше! Они убо точію возбраниша приходъ и не успѣша ничто же; сія того, и ятого отъ нихъ, Богомъ имъ даннаго, и рождшагося у нихъ на царствѣ, царю преступивъ крестную клятву, отвергоша и елико возмогоша злая сотвориша, всячески, словомъ и дѣломъ, и тайными умышленіи; и чесому убо они сихъ неподобнѣе злѣйшимъ казнемъ? Аще ли речеши: „она явна есть, сія же не явна:“ по сему убо злѣйшій есть вашъ злобѣсныя обычай,—яко человѣкомъ видимо есть доброхотство и служба, отъ сердецъ вашихъ исходятъ помышленія и злодѣянія, пагуба смертная къ разоренію; усты своими убо благословляете, сердцемъ своимъ кленете. Многажъ и ина обрящеши во царствѣ царей своихъ: царства во всякихъ нестроеніяхъ исправиша и злобѣсныхъ человѣкъ разумы и злодѣянія возразиша. И повсегда убо царемъ подобаетъ обозрительнымъ быти: овогда кротчайшимъ, овогда же ярымъ; ко благимъ убо милость и кротость, къ злымъ же ярость и мученіе; аще ли же сего не имѣя, нѣсть царь: царь бо нѣсть боязнь дѣломъ благимъ, но злымъ; хощеши ли бо не боятися власти? благотвори; аще ли злое твориши, бойся: не бо туне мечъ носитъ, въ месть злодѣемъ, въ похвалу же добродѣемъ. Аще благъ еси, почто имѣя въ синклитѣ *пламени палящa*, не погасилъ еси, но паче разжеглъ еси? Гдѣ было ти совѣтомъ разума своего злодѣйственный совѣтъ исторгнути, ты же убо больми плевелъ наполнилъ еси! И сбыстся на тебѣ пророческое слово: *се вси вы огнь, сжете и ходите по свѣту пламени огня вашего, его же сами себѣ разжегосте.*

Како же убо ты не со Іюдою предателемъ равно причтеся? Яко же бо онъ на общаго владыку всѣхъ, богатства ради, возбѣсился и на убіеніе предастъ, со ученики водворяющеся,

со Іудеи же веселящеся: тако же убо и ты, съ нами пребывая, и хлѣбъ нашъ ядяше, и намъ служити соглашаше, на насъ злая въ сердцѣ собираше. Тако ли убо исправилъ еси крестное цѣлованіе, еже хотѣти добро во всемъ безо всякія хитрости? И что убо твоего злохитрія умышленія злѣе? яко же рече премудрый: *нѣсть главы, паче главы зміевы;* паче же иныя нѣсть злобы твоея. Почесому же и учитель еси души моей и тѣлу моему? Кто убо постави судію и властеля надъ нами? Или ты даси отвѣтъ за душу мою въ день страшнаго суда, апостолу Павлу глаголющу: *како убо вѣруютъ безъ проповѣдующаго, како же и проповѣдуютъ, а не послани будутъ?* И се убо бысть въ пришествіе Христово: ты же отъ кого посланъ еси? и кто тя рукополагателя постави, яко учительскій санъ восхищающи, апостолу Іякову сіе отрицающу: *Не мнози учители бывайте, братіе, вѣдяще, яко вящій грѣхъ пріемлемъ: много бо согрѣшаемъ вси: иже словомъ не грѣшитъ, сей совершенъ мужъ, силенъ обуздати и все тѣло. Се и конямъ бразды во уста влагаемъ, да повинуются намъ и все тѣло ихъ обращаемъ. Се и корабли велицы суще, отъ жестокихъ вѣтровъ заточаеми, обращаются малымъ кормильцемъ, яко же хощемъ: тако и языкъ малъ удъ есть, и велми хвалится. Се малъ огнь, колику вещь сожигаетъ! И языкъ лѣпота неправдъ; тако и языкъ водворяется во удѣхъ нашихъ, сквернящи все тѣло и опаляющи коло рождества, и опаляемъ отъ геенны: всяко убо естество звѣрей и птицъ, гадъ же и рыбъ мучится и умучится естествомъ человѣческимъ; языкъ же никто же отъ человѣкъ може умучити, неодержимо бо зло, исполнь яда смертоносна. Тѣмъ благословимъ Господа и отца, и тѣмъ кленемъ человѣки, иже по подобію Божію бывшіе; отъ тѣхъ же устъ исходитъ благословеніе и клятва. Не подобаетъ, братія моя возлюбленная, симъ тако бывати. Егда убо источникъ, отъ того же истицанія точитъ сладкое и горькое? Егда можетъ, братія моя, смоковница маслины творити, или лоза смоквы? Тако ни единъ же источникъ слану и сладку творитъ воду.*

Кто мудръ и худогъ въ васъ, да покажетъ отъ добраго жи-тія дѣла своя, въ кротости и въ премудрости. Аще ли за-вить горьку имате и вѣру въ сердцахъ вашихъ, не хвали-тися и не лжите на истину. Нѣсть премудрость свыше исходяще, но земна, душевна, бѣсовска. Идѣ же бо зависть и рвеніе, ту нестроенія, и всяка зла вещь; а вышняя прему-дрость первѣе убо чиста, потомъ же смирна и кротка, благопокорлива, исполнь милости и плодовъ благихъ, несу-мнѣнна и нелицемѣрна. Плодъ же правды во смиреніи сѣется творящимъ миръ. Откуду брани и свары въ васъ? Не от-суду ли, отъ сластей вашихъ? Желаете и не имате; уби-ваете и завидите, и не можете улучити; сваряется и бо-ретс, и не имате, зане не просите; просите и не пріем-лете, зане злѣ просите, да въ сластехъ изжевете... При-ближитеся Богу, и приближится вамъ; очистите руцѣ, грѣшницы, и очистите сердца двоедушніи... И не оклеве-тайте другъ друга, братіе: оклеветая или осуждая брата своего, оклеветаетъ законъ и осуждаетъ законъ: аще ли за-конъ осуждаеши, нѣси творецъ закону, но судія. Единъ есть законоположникъ и судія, могій спасати и погубити. Ты же кто еси, осуждаяй друга?

Или мниши сіе быти свѣтлость благочестивая, еже обла-датися царству отъ попа невѣжи, отъ злодѣйственныхъ, из-мѣнныхъ человѣкъ, и царю повелѣваему быти? И сіе ли *су-противно разуму и совѣсть прокаженна*, еже невѣжу взу-стити отъ Бога данному царю воцаритися? Нигдѣ же бо об-рящеши, иже не разорится царству, еже отъ поповъ вла-дому. Ты же убо по что ревнуеши? иже во Грецѣхъ царствіе погубившихъ и Туркомъ повинувшихся? сію убо погибель и намъ совѣтуеши? И сія убо погибель на твою главу паче да будетъ! Къ сему же и сему подобенъ еси, яко апостолъ пи-шетъ къ Тимофею, глаголя: *Чадо Тимофее! се же вѣждь: яко въ послѣдняя дни настанутъ времена люта; будутъ че-ловѣцы самолюбцы, сребролюбцы, облазнивы, горды, хульницы, родителемъ противляющеся, неблагодарни, непреподобны, не-*

любивы: неблагохранители, прелагатели, невоздержницы некротцы, неблаголюбцы; предателе, предерзливы, возносливы имущіи образъ благочестія, силы же его отвергшійся. И сихъ отвращайся... Водимые похотьми различными: всегда учащіися, и николи же въ разумъ истины пріити могущіе. Якоже Іоанній и Амврій противистася Моисею, тако и сіи противятся истинѣ, человѣцы растлѣвше умомъ, неискушены о вѣрѣ; но не преуспѣютъ паче о мнозѣ; безуміе бо ихъ явно будетъ всѣмъ, яко же и онѣхъ бысть.

Или убо сіе свѣтло, попу и прегордымъ, лукавымъ рабомъ владѣти, царю же токмо председаніемъ и царствія честію почтенну быти, властію же ни чимъ же лучше быти раба? А се ли тьма яко царю содержати повелѣнная? Како же и самодержецъ наречется, аще не самъ строитъ? яко же рече апостолъ Павелъ къ Галатомъ пиша: *Въ нѣсколько лѣтъ наслѣдникъ есть младенецъ, ни чимъ же есть лучше раба, но подъ повелительми и приставники есть, до нарока отча.* Мы же, благодатію Христовою, дойдохомъ лѣтъ нарока отча, и подъ повелительми и приставники быти намъ не пригоже.

Речеши же убо, яко едино слово обращая сѣмо и овамо, пишу? Понеже бо есть вина всѣмъ дѣломъ вашимъ злобѣснаго умышленія, понеже съ попомъ положисте совѣтъ, дабы азъ словомъ былъ государь, а вы бъ съ попомъ владѣли: сего ради вся сія сключишася, понеже и поднесь не престаете, умышляюще совѣты злые. Воспомяни же, егда Богъ, изводяще Израиля изъ работы, егда убо постави священника владати людьми, или многихъ рядниковъ? Но единаго Моисея, яко царя, постави владѣтеля надъ ними; священствовати же ему не повелѣ, но Аарону брату его повелѣ священствовати, людскаго же строенія ничего не творити; егда же Ааронъ сотвори людскіе строи, тогда и отъ Бога люди отведе. Смотри же сего, яко не подобаетъ священникомъ царская творити. Тако же Даѳанъ и Авиронъ хотѣша восхитити себѣ власть—и сами погибоша, и какову Израилю погибель

лаведоша? еже вамъ бояромъ прилично! Послѣ того же бысть судія Израилю Исусъ Навинъ, священникъ же Елеазаръ; оттолѣ, даже и до Илія жерца, обладаху судіи: Іюда, и Варакъ, и Iефѳае, и Гедеонъ и иніи многія, и каковы совѣты и побѣды на противные поставляху и Израиль спасаху! Егда же Илія жрецъ взя на ся священство и царство, аще самъ праведенъ бяше и благъ, но понеже обоюду прилпли богатству и славѣ, како сынове его Офни и Финеесъ заблудиша отъ истины, и како самъ и сынове его злою смертію погибоша и весь Израиль побѣжденъ бысть до дни Давыда царя! Видиши ли, яко священство и рядничество не прилично царскимъ владѣти? Се же убо въ ветхомъ; въ Римскомъ же царствія и въ новой благодати, и во Греческомъ же по вашему злобѣснаго хотѣнія разуму случися: како убо Августъ кесарь всею вселенною обладаше: Аламаніею, и Далматіею, сѣ Италійскія мѣста, и Готвы, и Савроматы, Кафинею, и Сиріею, и Киликіею, и Асiею, и Азонею, и Междорѣчіемъ, Каппадокическими странами, и Дамаскомъ градомъ, и Іеросалимомъ, и Александрея, и Египетская власть, даже и до Перcскія державы: вся сія подъ единою державою бяху много лѣтъ, даже и до перваго во благочестіи великаго царя Константина Влафла. И послѣ его, чада раздѣлиша власть: Константинъ убо во Царѣградѣ, Константинъ, иже въ Римѣ, Константинъ же въ Далматіи; и оттолѣ убо Греческая власть дѣлится и скудость пріимаетъ. И паки во царство Маркіяне, во Италіи мнози князи и мѣстоблюстители восташа, подобно вашему злобѣсному умышленію; во царство жъ Льва великаго, изобладаша койждо своими мѣсты, яко же во Африкіи Винзирихъ, Рига и ины, и оттолѣ убо всяко строеніе и царствія Греческая преста: токмо убо упражняхуся на власти и чести и богатства, и междоусобными браньми растлѣвахуся. Во царство Анастасія Дикотра Драчанина больми нача оскудѣвати.

Хотѣнію ублажиши ли людей сихъ, имъ же сія суть? Но како рече пророкъ Божій? *Людіе* (имъ же Господь Богъ ихъ

*

глаголалъ, яко же рече Исаія пророкъ) *что и еще уязвляетеся, прилагающе беззаконія? вежа глава въ болѣзнь, и всяко сердце въ печаль. Отъ ногу даже и до главы нѣсть цѣлости. на нихъ же рана паляща, нѣсть пластыря приложити ниже масла, ниже обязанія. Земля ваша пуста, гради ваши огнемъ сожжени, страны ваши предъ вами чужіе поядаютъ и запустѣ развращенно отъ людей чюжихъ. Оставится дщи Сіона, яко селеніе въ виноградѣ, яко овощное хранилище въ вертоградѣ. Како бысть блудница градъ вѣрныхъ, Сіонъ исполнь суда; въ немъ же правда успе; нынѣ убійца. Сребро ваше не искусно, корчемницы твои смѣшаютъ вино съ водою: князи твои не вѣруютъ, общницы татемъ, любяще мзды гоняще воздаяніе, сирымъ не судяще, и суду вдовицъ не внемлюще. Сего ради тако глаголетъ господь владыка Саваоѳ сильный Израилевъ: „О горе крѣпкимъ во Израили! Не престанетъ моя ярость на противныя, и судъ мой отъ врагъ „моихъ сотворю, и наведу руку мою на тя и разжегу тя „въ чистоту, невѣрующихъ же погублю, и отъиму всѣхъ без„законныхъ отъ тебе, и всѣхъ гордыхъ смирю; и положу су„дія твоя яко преже, совѣтники твоя, яко отъ начала; и „по сихъ наречешися градъ правый, мати градомъ, вѣрный „Сіонъ. Съ судомъ бо спасется и съ милостынею; и сотрутся „беззаконныи и грѣшныи вкупѣ, и оставившіи Господа скон„чаются: зане же постыдятся о дѣлѣхъ своихъ, ихъ же тіи „совѣтоваху, и посрамятся о истуканахъ своихъ, ихъ же „сотвориша, и постыдятся о вертоградѣхъ своихъ, ихъ же „тіи восхотѣша. Будутъ бо яко сади, отметнувшіе листвія „своя, и яко вертоградъ, неимый вина; и будетъ крѣпость „ихъ яко стебли изгребія, и дѣланія ихъ яко искры огненны, „и сожгутся беззаконіи и грѣшніи вкупѣ, и не будетъ по„гашаяй“.*

Потомъ же во царство Апсимарово, и Филиппиково и Ѳеодосія брады Адрамитческого, Персомъ Египетскую власть и Дамаскъ отъ Грекъ изобладавшимъ, такожде при Константинѣ Гноетезномъ, Скиѳомъ отложившимся, по семъ же во царство

Арменина, и Михаила Аморея и Феофила Римскаго со всею Италіею отъ Греческаго царства отторгшеся, избраша убо себѣ царя отъ Латинскаго отъ внутреннѣйшія Фрягіи; и тако убо во многихъ странахъ Италійскихъ поставиша себѣ краля и князя, властодержца и мѣстоблюстителя. И яко же Настрія, и Испанія, и Далматія, и Француги, и вышній Нѣмецкій языкъ, и Поляки, и Литаоцы, и Готеи, и Влахи и Мутьяны, яко же и Сербомъ и Болгаромъ, у себя власть держится, поставившимъ и отъ Греческаго царствія отторгшеся; и отъ сего Греческому царствію злѣ къ разоренію приходящу; во царство же Михаила и Феодоры царицы благочестивыхъ. Божій градъ Іерусалимъ и Палестинскую землю и страны Финическія Персы изобладаша; царствующіе грады отовсюду во утѣсненіи велицѣ начаша пребывати, и отовсюду частыми нахожденіи и браньми и ратьми часто колеблющеся, епархомъ и сигклиту всему не престающе отъ своего злаго перваго обычая никако же, осллице разорити царства помыслъ полагающе:—тако же и вы, сему подобно, своимъ злобѣснымъ хотѣніемъ, выше мѣры, славы и чести и богатства, къ разоренію христіанскому, желающе! Та же убо отселѣ Греки во многихъ странахъ дани взимаху; потомъ же, нестроенія ради, а не Бога ради, подобно и вашему злолукавому злому совѣту, сами дани даяти начаша, и тако убо царствующему граду во обтѣсненіи велицѣ пребывающу, даже до царства Алексѣя, нарицаемаго Дуки Мурцуфла, при немъ же взятъ бысть царствующій градъ отъ Фрягъ и плѣненъ бысть зѣльнѣйшимъ плѣненіемъ; и тако убо все благолѣпіе и красота Греческія власти погибе. Потомъ же Михаилъ первый Палеологъ изгна Латины изъ царствующаго града, и паки убожество царства воздвигъ, и даже до лѣтъ царя Константина, нарицаемаго Дрогмасъ: при немъ же, грѣхъ ради нашихъ, народа христіанскаго, безбожный Магметъ Греческую власть погаси, и яко же вѣтръ и буря зѣльна, вся безъ вѣсти сотвори.

Смотри же убо се и разумѣй, каково правленіе составляется въ разныхъ началѣхъ и властехъ, и понеже убо тамо

быша царіе послушны епархомъ и сигклитомъ, и въ какову погибель пріидоша! Сія ли убо намъ совѣтуеши, еже къ таковѣ погибели пріити? И се ли убо благочестіе, еже не строити царства, и злодѣйственныхъ человѣкъ не взустити и къ разоренію иноплеменныхъ подати? Или речеши ми, яко святительская поученія тако пріимаху? И благо, и прикладно! Иное же свою душу спасти, иное же многими душами и тѣлесами пещися: ино убо есть постническое пребываніе, инож во общемъ житіи сожитіе, инож святительская власть, инож царское правленіе. Постническое убо правленіе—подобно быти агнцу непротивну ничесомужъ, или яко птицѣ, еже не сѣявшу, ни жнущу, ни въ житницу собирающу; во общемъ же житіи, аще и міра отрекшися, но обаче строенія и попеченія имѣютъ, та же и наказанія; аще ли же сего невнимательны будутъ, то общее житіе разорится. Святительская власть требуетъ зѣльнаго запрещенія языкомъ, но благословеннѣй же въ ней ярости, и славы, и чести, и украшенія, и председанія, еже инокомъ неприлично; царское же правленіе—страха, и запрещенія, и обузданія и конечнѣйшаго запрещенія, по безумію злѣйшихъ человѣкъ лукавыхъ. Се же убо разумѣй разнствы постничеству и общежительству: очима видѣлъ еси, и отъ сего можеши разумѣти, что сіе есть. Къ сему же пророкъ рече: *Горе дому, имъ же домомъ жена обладаетъ; горе граду, имъ же мнози обладаютъ.* Видиши ли, яко подобно женскому безумію многихъ владѣніе: аще не подъ единою властію будутъ, аще и крѣпки, аще и храбры, аще и разумны, но обаче женскому безумію подобно есть. Се убо указахъ ти, како благо есть вамъ на грѣхъ сидѣти и мимо царей царствомъ владѣти: отъ сего убо мнози могутъ разумѣти имущіе разумъ. Воспомяни же: *къ хотьнію имьнія*, рекшаго злата, *аще ся ринетъ, не прилагайте сердца:* кто же убо сія глаголы глаголалъ? не до власти ли царей бѣ? не бѣ ли ему злата? не бо на злато взираше, но повсегда бо ему умъ къ Богу и строй воинскихъ. Понеже убо Гіезіеву прокаженію уподобился еси, яко же онъ благодать Божію на златѣ про-

даде, тако убо и ты, злата ради, на христіанъ воздвиглъ еси. Також апостолу Павлу вопіющу: *Блюдительнѣ блюдите злыдѣлателя! Яко многажды глаголалъ вамъ, нынѣ плача глаголю о вразѣхъ креста Господня, имъ же Богъ чрево, и слава въ студѣ ихъ, иже земная мудрствуютъ;* како же убо ты не наречешися врагъ креста Христова, яко славы ради, и чести мимотекущаго свѣта сего желая насладитися, будущая же присноттекущая презирая, своимъ крестопреступнымъ обычаемъ, извыкши отъ прародителей своихъ, измѣну во многи времена на сердцѣ своемъ злая избирая, ядый хлѣбъ мой, возвеличи на мя пяту свою, на христіанъ воевати вооружился еси? Но то убо самое побѣдоносное оружіе, крестъ Христовъ, силою Христа Бога нашего, вамъ сопротивникъ да будетъ!

Како же убо доброхотныхъ сихъ измѣнниковъ наречеши? Яко же убо во Израили, еже со Авимелехомъ отъ жены Гедеоновы, сирѣчь наложницы, лжею согласившеся и лесть сокрывше, во единъ день избиша семдесятъ сыновъ Гедеоновыхъ, еже убо отъ законныхъ женъ ему быша, и воцариша Авимелеха: тако же убо и вы собацкимъ своимъ, измѣннымъ обычаемъ хотѣсте во царствіи царей достойныхъ истребити, и аще не отъ наложницы и отъ царствія разстоящася колѣна хотѣсте воцарити. И се ли убо доброхотны есте и *душу за мя полагаете,* еже подобно Ироду ссущаго млеко младенца, смертію пагубною хотѣсте свѣта сего лишити, чюжаго же царствія воцарствити? Се ли убо за мя душу полагаете и доброхотствуете? И тако ли убо своимъ чадомъ хощете сотворити, егда убо въ яйца мѣсто подадите имъ скорпію, или въ рыбы мѣсто камень? Аще убо вы, злые суще, умѣете даяніе благодаяти чадомъ вашимъ, и аще убо доброхотны и благи наречетеся: почто убо такихъ благихъ даяній не приносите чадомъ нашимъ, яко же своимъ? Но понеже убо извыкосте отъ прародителей своихъ измѣну чинити,—яко же дѣдъ твой князь Михайло Карамышъ со княземъ Андреемъ Углецкимъ на дѣда нашего, великаго государя Ивана умышлялъ измѣнные обычаи; также и отецъ твой князь Михайло съ

великимъ княземъ Дмитріемъ внукомъ на отца нашего, блаженныя памяти великаго государя Василія, многи пагубныя смерти умышлялп; тако же и мати твоея дѣдъ Василій и Иванъ Тучко, многая поносная и укоризненная словеса дѣду нашему великому государю Ивану износили; тако же и дѣдъ твой Михайло Тучковъ, на преставленіе матери нашей, великія царицы Елены, дьяку нашему Елизару Цыплятеву многая надмѣнная словеса изрече,—и понеже еси рожденіе исчадія ехиднаго, посему тако и ядъ отрыгаеши. Се убо довольно указахъ, чесого убо ради по твоему злобѣсному разуму *сопротивнымъ обрѣтается: разумѣвая разумный! Совѣсть прокаженну имущаго* не мни, яже никакогожъ отъ державы моея нѣсть: а отцу твоему князю Михайлу гоненія зѣло много, да и убожества, а измѣны такой, что ты, не учинилъ.

А еже писалъ еси: „Прочто есмя сильныхъ во Израили „побили и воеводъ, отъ Бога данныхъ намъ на враги наша, „различными смертьми есмя уморили и побѣдоносную ихъ „святую кровь въ церквахъ Божіихъ пролили есмя, и муче„ническими кровьми праги церковные обагрили есмя, и на „доброхотныхъ своихъ, душу за насъ полагающихъ, неслы„ханныя муки, смерти и гоненія умыслили есмя, измѣнами „и чародѣйствы ихъ и иными неподобными обличая право„славныхъ:“ и то еси писалъ и лгалъ ложно, яко же отецъ твой діаволъ тя научилъ есть: понеже рече же Христосъ: *Вы отца вашего хощете творити, яко же онъ человѣкоубійца бѣ искони, и во истинѣ не стоитъ, яко истины въ немъ нѣсть, и егдажъ ложь глаголетъ, отъ своихъ глаголетъ: ложъ бо есть и отцу его.* А сильныхъ есмя во Израили не погубили, и не вѣмъ, кто есть сильнѣйшій во Израили, и не побили и не вѣмъ: земля правится Божіимъ милосердіемъ, и пречистыя Богородицы милостію, и всѣхъ святыхъ молитвами, и родителей нашихъ благословеніемъ, и послѣди нами, государи своими, а не судьями и воеводы, и еже ипаты и стратиги. И еже воеводъ своихъ различными смертьми растор-

гали есмя: а Божіею помощію имѣетъ у себя воеводъ множество, и опричь васъ, измѣнниковъ. А жаловати есмя своихъ холопей вольны, а и казнити вольны жъ есмя.

Крови же въ церквахъ никакія не проливали есмя; побѣдоносецъ же и святыя крови во своей землѣ въ нынѣшнее время, ничего си явленно, не вѣмы. *Праги же церковные:* елико сила наша и разумъ осязаетъ, и яко же подвластные наши къ намъ службу свою являютъ, сице украшеньми всякими церкви Божія свѣтятся, всякими благостынями, елико послѣ вашія бѣсовскія державы сотворихомъ, не токмо праги и помостъ, но и преддверія, елика всѣмъ видима есть иноплеменнымъ украшенія. Кровію же никакою праги церковные не обагряемъ; мучениковъ же въ сіе время за вѣру у насъ нѣтъ; доброхотныхъ же своихъ и душу свою за насъ полагающихъ истинно, а не лестію, не языкомъ глаголюще благая, а сердцемъ злая собирающе, и похваляюще, а не расточающе и укоряюще, подобно зерцалу, егда смотря, и тогда видитъ, каковъ бѣ. егда же отъидетъ, абіе забудетъ, каковъ бѣ,—и егда кого обрящемъ всѣхъ сихъ злыхъ свобожденна, а къ намъ прямую свою службу содѣвающе и не забывающе порученныя ему службы, яко въ зерцалѣ, и мы того жалуемъ великимъ всякимъ жалованьемъ; а иже обрящется въ супротивныхъ, еже выше рѣхомъ, то по своей винѣ и казнь пріемлютъ. А въ иныхъ земляхъ самъ узришь, елико содѣвается злымъ злая: тамъ не по здѣшнему! То вы своимъ злобѣснымъ обычаемъ утвердили измѣнниковъ любити; а въ иныхъ земляхъ изрядецъ не любятъ: казнятъ ихъ, да тѣмъ утверждаются. А мукъ и гоненія и смертей многообразныхъ ни на кого не умышливали есмя; а еже о измѣнахъ и чародѣйствѣ воспомянулъ еси: ино, такихъ собакъ вездѣ казнятъ. А еже нѣчто мы облыгаемъ православныхъ: ино, понеже убо уподобился еси аспиду глухому, по пророку глаголющему: *яко аспидъ глухій затыкаетъ уши свои, иже не слышитъ гласа обавающаго, обаче обаваемъ обавается отъ премудра: понеже зубы ихъ во устѣхъ ихъ сокрушилъ есть Господь, и членовныя*

львовъ сокрушилъ есть. И аще азъ облыгаю: о иномъ же истина о комъ явится? Ино-то, измѣнниче! *они* сотворятъ! Обличеніе нѣсть имъ! По твоему злобѣсному умышленію, чесо ради намъ сихъ облыгати? власти ли своихъ работныхъ желая, или рубища ихъ худа̀, или коли бы ихъ насыщатися како у кого? Не смѣху ли подлежитъ твой разумъ? Заецъ потреба множества исомъ, на враги жъ множество вои! Како убо безлѣпо казнити подвластныхъ разумъ!

Яко же выше рѣхъ, какова̀ злая пострадахъ отъ васъ отъ юности даже и доселѣ, пространнѣйше изобличу тя. Се убо являетъ (аще убо и юнъ еси сихъ лѣтъ, но обаче видѣти можеши): егда Божіими судьбами отецъ нашъ великіи государь царь Василій, премѣнивъ порфиру ангельскимъ премѣненіемъ, тлѣнное се и мимотекущее земное царство оставль, пріиде на небесная во онъ вѣкъ некончаемый, предстояти царю царемъ и господу господемъ, мнѣ жъ оставшу со единородныимъ братомъ, святопочившимъ Георгіемъ, мнѣ убо третію лѣту сущу, брату жъ моему лѣта единаго, родительницѣ жъ нашей благочестивѣй царицѣ Еленѣ въ сицевомъ бѣдна вдовствѣ оставльше, яко же въ плѣненіи отвсюду пребывающе, эво убо иноплеменныхъ языкъ отъ кругъ приседящихъ, брани непримирительныя пріемлюще отъ всѣхъ языкъ, Литаонска, и Поляковъ, и Перекопи, и отъ Читаръ Хана, и Нагай, и Казани, овожъ отъ васъ измѣнниковъ бѣды и скорби различными виды пріемлюще, яко же подобно тебѣ, бѣшеной собакѣ, князь Семенъ Бѣльскій, да Иванъ Лятцкій оттекоша въ Литву и тамо скакаше бѣсящеся и въ Царьградъ, и въ Крымъ, и въ Нагаи, и отвсюду на православіе рати воздвизающе; но ничто же успѣша: Богу заступающу, и пречистой Богородицѣ, и великимъ чудотворцемъ, и родителей нашихъ молитвами и благословеніемъ, вся сія яко же Ахитофель совѣтъ разсыпася. Тако же потомъ дядю нашего князя Андрея Ивановича измѣнники на насъ подъяша, и съ тѣми измѣнники пошелъ было къ Новуграду (ино которыхъ хвалиши! доброхотныхъ намъ и душу за насъ полагающихъ на-

хваешь!) и се въ тѣ поры были отъ насъ отступили, а къ дядѣ нашему князю Андрею приложилися, а въ головахъ твой братъ князь Иванъ княжъ Семеновъ сынъ княжа Петрова Львова Романовича, и иные многіе; и тако съ Божіею помощію тотъ совѣтъ не сотворися. Ино то ли тѣхъ доброхотство, которыхъ ты хвалишь? и тако ли душу свою за насъ полагають, еже насъ хотѣли погубити, а дядю нашего воцарити? Потомъ же, измѣннымъ обычаемъ, недругу нашему Литовскому почали отчину нашу отдавати грады Радогощь, Стародубъ, Гомей: и тако ли доброхотствуютъ? Егда нѣсть на всей землѣ кѣмъ погубити отъ земли и славу въ персть вселити, и тогда иноплеменнымъ примѣшаются любовію, точію да погубятъ безпамятно!

Тако же изволися судьбами Божіими бити, родительницѣ нашей благочестивѣй царицѣ Еленѣ прейти отъ земнаго царствія на небесное; намъ же со святопочившимъ братомъ Георгіемъ сиротствующимъ отставъ родителей своихъ, ни откуду промышленія уповающе, и на пресвятыя Богородицы милость и всѣхъ святыхъ молитвы и на родителей своихъ благословеніе упованіе положихомъ. Мнѣ же осмому лѣту отъ рожденія тогда преходящу, подвластнымъ нашимъ хотѣніе свое улучившимъ, еже царство безъ владѣтеля обрѣтоша, насъ убо государей своихъ ни коего промышленія добротнаго не сподобиша, сами же премѣсишася богатству и славѣ, и тако скачаша другъ на друга. И елико сотвориша! колико бояръ, и доброхотныхъ отца нашего и воеводъ избиша! и дворы и села и имѣнія дядь нашихъ восхитиша себѣ и водворишася въ нихъ! и казну матери нашея перенесли въ большую казну, неистово ногами пхающе и осны колюще; а иное жъ себѣ разъяша: а дѣдъ твой Михайло Тучковъ то сотворилъ. И тако князь Василій и князь Иванъ Шуйскіе самовольствомъ у меня въ бережепье учинилися, и тако воцаришася, а тѣхъ всѣхъ, которые отцу нашему и матери нашей главные измѣнники, изъ поиманія повыпускали и къ себѣ ихъ примирили. А князь Василій Шуйскій на дядей нашихъ княжъ Андреевѣ

дворѣ, сонмищемъ Іудейскимъ отца нашего и нашего дьяка ближняго, Ѳедора Мишурина изимавъ, позоровавши, убили; и князь Ивана Ѳедоровича Бѣльскаго и иныхъ многихъ въ разныя мѣста заточиша, и на царство вооружишася, и Даніила митрополита сведши съ митрополіи въ заточеніе послаша: и тако свое хотѣніе во всѣмъ улучиша, и сами убо царствовати начаша. Насъ же, со единороднымъ братомъ, святопочившимъ Георгіемъ, питати начаша яко иностранныхъ, или яко убожайшую чадь. Яковажъ пострадахъ во одѣяніи и во алканіи! во всемъ бо семъ воли нѣсть; но вся не по своей волѣ и не по времени юности. Едино воспомяну: намъ бо во юности дѣтства играюще, а князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій сѣдитъ на лавкѣ, локтемъ опершися отца нашего о постелю, ногу положивъ; къ намъ же не преклоняяся не токмо яко родительски, но еже властелински, яко рабскоежъ, ниже начало обрѣтеся: и таковая гордыня кто можетъ понести! Какожъ исчести таковыя бѣдне страданія многая, яже въ юности пострадахъ! многажды поздо ядохъ не по своей волѣ. Что же убо о казнѣ родительскаго ми достоянія? Вся восхитиша лукавымъ умышленіемъ, будто дѣтемъ боярскимъ жалованье, а все себѣ у нихъ поймаша во мздоиманіе: а ихъ не по дѣлу жалуючи, верстая не по достоинству; а казну дѣда и отца нашего безчисленную себѣ поймаша; и тако въ той нашей казнѣ исковавши себѣ сосуды злати и сребряни и имена на нихъ родителей своихъ подписаша, будто ихъ родительское стяжаніе; а всѣмъ людемъ вѣдомо: при матери нашей и у князя Ивана Шуйскаго шуба была мухояръ зеленъ на куницахъ, да и тѣ ветхи; и коли бы то ихъ была старина, и чѣмъ было сосуды ковати, ино лучше бы шуба перемѣнити, да во излишнемъ сосуды ковати. Чтожъ о казнѣ дядь нашихъ и глаголати? все себѣ восхитиша! По семъ на грады и села наскочиша, и тако горчайшимъ мученіемъ, многоразличныя бѣды, имѣнія ту живущихъ безъ милости пограбиша. Сосѣдствующимъ же отъ нихъ напасти, кто можетъ исчести? Подвластныхъ же всѣхъ аки рабы себѣ сотво-

реша, своя жъ рабы яко вельможи устроиша; правити же мнящесь и строити, и вмѣсто сего, неправды и нестроенія многая устроиша, мзду же безмѣрную отъ всякихъ избираюше, и вся по мздѣ творяще и глаголюще.

И тако имъ на много время жившимъ; мнѣ же въ возрастъ достигшу, не восхотѣхъ подъ рабскою властію быти, и того ради князя Ивана Васильевича Шуйскаго отъ себя отослалъ на службу, а у себя велѣлъ есми быть боярину князю Ивану Өедоровичу Бѣльскому. И князь Иванъ Шуйскій, присовокупя къ себѣ всѣхъ людей и къ цѣлованію приведе, пришедъ ратію къ Москвѣ, и боярина нашего князя Ивана Өедоровича Бѣльскаго и иныхъ бояръ и дворянъ переимали совѣтники его Кубенскій и иные, до его пріѣзду, да сославъ на Бѣлоозеро и убили; да и митрополита Іоасафа съ великимъ безчестіемъ съ митрополіи согнаша. Потомъ же князь Андрей Шуйскій со единомышленники своими пришедъ къ намъ въ столовую избу, неистовымъ обычаемъ и передъ нами боярина нашего Семена Өедоровича Воронцова восхитивше безчестно и оборвавши, вынесли изъ нашей столовой избы и хотѣли его убить. И мы послали къ нимъ митрополита Макарія, да бояръ своихъ Ивана, да Василья Григорьевича Морозовыхъ съ своимъ словомъ, чтобъ его не убили, и они едва нашего слова послушали, а сослали его на Кострому; а митрополита въ то время безчестно затѣснили и мантію на немъ со источники изодрали, а бояръ нашихъ такожъ безчестно толкали. Ино то ли ихъ къ намъ доброхотство, что бояръ нашихъ угодныхъ намъ, супротивяся намъ, велѣли ихъ перенмати и побили и различными муками и гоненіи мучили? То тако ли они душу свою за государей своихъ полагаютъ, что къ нашему государству ратьми приходити и передъ нами Іюдейскимъ сонмищемъ бояръ имати, и съ нами, государи, холопу ссылатися, или государю у своего холопа упрашивати? То ли къ намъ прямая ихъ служба? Воистину, сіе всѣмъ окрестнымъ въ посмѣяніе, слыша такое ихъ неистовство и гоненіе! Како могу изрещи, колики бѣды

случившамися отъ нихъ отъ преставленія матери нашея и до того лѣта? шесть лѣтъ и полъ не престаша сія злая содѣвающе!

Егда жъ достигохомъ лѣта пятагонадесять возраста нашего, тогда Богомъ наставляеми, сами яхомся царство свое строити, и за помощію всесильнаго Бога, начася строити царство наше мирно и немятежно по волѣ нашей. Но тогда случися, грѣхъ нашихъ ради, отъ произволенія Божія, распростершуся пламени огненному царствующій градъ Москву попалиша, наши жъ измѣнники бояре, иже отъ тебя нарицаеми мученики, ихъ же имена волею премину, аки благополучно время измѣнной своей злобѣ улучиша, наустиша скудожайшихъ умовъ народъ, что будто матери нашей мати, княгиня Анна Глинская, со своими дѣтьми и съ людьми сердца человѣческая вынимали и таковымъ чародѣйствомъ Москву попалили; да будто и мы тотъ ихъ совѣтъ вѣдали: и таковымъ ихъ измѣнниковъ нашихъ наущеніемъ, множество народа неистовыхъ воскричавъ Іудейскимъ обычаемъ, пріидоша соборныя и апостольскія церкви въ придѣлъ святаго великомученика Димитрія Селунскаго и изымавъ боярина нашего князя Юрья Васильевича Глинскаго, безчеловѣчнѣ выволокли въ соборную церковь Успенія пресвятыя Богородицы и убиша въ церкви безвинно, противъ митрополича мѣста, и кровію его помостъ церковный окрававивше, и вывлекше тѣло его въ предніи двери церковныя и положиша, яко осужденника, на торжищи: и сіе во церкви святой убійство его всѣмъ вѣдомо. Намъ же тогда живущимъ въ своемъ селѣ Воробьевѣ, да тѣ жъ наши измѣнники возмутили народъ, яко бы и насъ убити, за то, яко жъ ты, собака! лжеши, что будто мы князь Юрьеву матерь Глинскаго, княгиню Анну, и брата его князя Михайла у себя хоронимъ отъ нихъ: и сія суемудрствія како смѣху не подлежатъ! Чесо ради убо намъ царству своему запалители самимъ быти? Такова убо стяжавія прародителей нашихъ благословеніе у насъ погибе, еже отъ иныхъ вещей и во вселенніѣй обрѣстися не можетъ. Кто безумецъ или яръ

таковъ можетъ явитися, еже бы гнѣвался на своя рабы, да погубитъ стяжанія своя, моглъ бы ихъ погубити, а своя сохранити? Посему во всемъ ваша разумѣется собачья ваша измѣна, такожде на такую высоту, еже святый водою кропити: се убо безуміе явственно. И тако ли достоило служити намъ бояромъ нашимъ и воеводамъ, еже такимъ собацкимъ собраніемъ безчеловѣчнѣ бояръ нашихъ доброхотныхъ убивати, еще жъ въ чертѣ намъ кровной, не помышляя въ себѣ страха нашего? И тако ли душу свою за насъ полагаютъ, еже во всемъ намъ супротивная устрояютъ? намъ убо законъ полагающе во святыню, сами жъ съ нами путь шествовати не хотяще! Почто и хвалишися, собака! въ гордости, такожде и иныхъ собакъ и измѣнниковъ бранною храбростію? Господу нашему Інсусу Христу глаголющу: *аще царство на ся раздѣлитъ, не можетъ стати*; такожде кто можетъ бранная понести противу враговъ, аще растлится междоусобія браньми царство? Яко жъ убо древо како цвѣсти можетъ, аще корени сущу суху; тако жъ и сіе: аще не прежде строенія во царствѣ благая будутъ, како бранная храбрѣ поставятся. Яко жъ убо предводитель множае полкъ утверждаетъ, тогда множае побѣждатель паче бываетъ. Ты же, вся сія презрѣвъ, едину храбрость похваляешь; а о чесомъ же храбрости состоятися, сія ни во что полагаешь, и являяся не токмо утверждая храбрость, но паче разрушая, яко жъ ничто жъ: еси въ дому измѣнникъ, въ ратныхъ же пребываніи рузсужденія не имѣя, понеже хочешь междоусобными браньми, паче же самовольствомъ, храбрость утвердити: ему же быти не возможно.

До того же времени бывшу сему собакѣ Алексѣю, вашему начальнику въ нашего царствія дворѣ, въ юности нашей, не вѣмъ, какимъ обычаемъ изъ батожниковъ водворишуся, намъ же такія измѣны отъ вельможъ своихъ видѣвше, и тако взявъ сего отъ гноища и учинихъ съ вельможами, чающе отъ него прямыя службы. Какихъ же честей и богатствъ его не наполнихъ, не токмо его, но и родъ его! Кое жъ служеніе праведно отъ него за сіе пріяхъ? Слыши напреди. Посемъ

же, совѣта ради духовнаго и спасенія ради души своея, пріяхъ попа Селивестра, а чая того, что онъ, предстоянія ради у престола владычня, побережетъ души своей: а онъ, поправъ священные обѣты и хиротонію и иже у престола владычня предстоянія, идѣже желаютъ ангели приникнути, идѣже повсегда агнецъ Божій жремый за мірское спасеніе, и никогда же пожремый,—онъ же, во плоти сый, серафимскія службы своима рукама сподобися, и сія вся убо поправъ, лукавымъ обычаемъ, сперва убо яко благо нача, послѣдовавше божественному писанію; мнѣ видѣвшу въ божественномъ писаніи, како подобаетъ наставникомъ благимъ покарятися безъ всякаго разсужденія, и ему, совѣта ради духовнаго, повинухся въ колебаніи, въ невидѣніи; онъ же восхитихся властію, яко же Илія жрецъ, нача совокуплятися въ дружбу подобно мірскимъ. Потомъ же собрахомъ вся архіепископы и весь священническій соборъ Русскія митрополіи, и еже убо во юности нашей, еже намъ содѣянная, на васъ бояръ нашихъ наши опалы, та же и отъ васъ бояръ нашихъ еже намъ сопротивное и проступки, сами убо предъ отцемъ своимъ и богомольцемъ, предъ Макаріемъ митрополитомъ всея Русіи, во всемъ томъ соборнѣ простихомся; васъ же, бояръ нашихъ, и всѣхъ людей своихъ въ проступкахъ пожаловалъ и впредь того не воспоминати; и тако убо мы всѣхъ васъ яко благіи начахомъ держати. Вы же перваго своего лукаваго обычая не оставите, но паки на первое возвратистеся, и паки начасте лукавымъ совѣтомъ служити намъ, а не истиною, и вся съ умышленіемъ, а не простотою творити. Тако же Селивестръ и со Алексѣемъ сдружился и начаша совѣтовати отай насъ, мнѣвше насъ не разсудныхъ суща; и тако, вмѣсто духовныхъ, мірская начаша совѣтовати, и тако помалу всѣхъ васъ бояръ начаша въ самовольство приводити, нашу же власть съ насъ снимающе, и въ противословіе васъ приводяще, и честію мало васъ не съ нами равняюще, молодыхъ же дѣтей боярскихъ съ вами честію подобяще; и тако по-малу сотвердися сія злоба, и васъ почалъ причитати

къ вотчинамъ ко градомъ и къ селомъ, еже дѣда нашего великаго государя уложеніемъ, которыя вотчины у васъ взимали и которымъ вотчинамъ еже нѣсть потреба отъ васъ даятися, и тѣ вотчины вѣтру подобно роздалъ неподобно, и то дѣда нашего уложеніе разрушилъ, и тѣхъ многихъ людей къ себѣ примирилъ. И потомъ единомысленника своего, князя Дмитрія Курлятева, къ намъ въ сигклитію припустилъ; насъ же предходя лукавымъ обычаемъ, духовнаго ради совѣта, будто души ради, то творитъ, а не лукавствомъ; и тако съ тѣмъ своимъ единомысленникомъ начаша злый свой совѣтъ утверждати, ни единыя власти не оставиша, идѣже своя угодники не поставиша, и тако во всемъ свое хотѣніе улучиша. Посемъ же съ тѣмъ своимъ единомысленникомъ отъ прародителей нашихъ данную намъ власть отъ насъ отъяша, еже вамъ, бояромъ нашимъ, по нашему жалованью честію председанія почтеннымъ быти; сія убо вся во своей власти и въ вашей положиша, яко же вамъ годѣ, и яко же кто како восхощетъ: потому же утвердися дружбами, и вся властію во всей своей волѣ имый, ничто же отъ насъ пытая, аки нѣсть насъ, вся строенія и утвержденія по своей волѣ и своихъ совѣтниковъ хотѣнію творяше. Намъ же что аще и благо совѣтующе, сія вся не потребно имъ учинихомся; они же аще что и строптиво и развращенно совѣтоваху, но сія вся благо творяху! И тако убо во внѣшнихъ; во внутреннихъ же, ни въ малѣйшихъ и худѣйшихъ, глаголю же до обуща и спанія, вся не по своей волѣ бяху, но по ихъ хотѣнію творяхуся; намъ же аки младенцемъ пребывающимъ. Ино се ли противно разуму, еже не восхотѣхомъ въ совершенномъ возрастѣ младенцемъ быти? Та же по семъ и сіе утвердися: еже намъ сотворити словіе ни единому же отъ худѣйшихъ совѣтниковъ его тогда потреба рещи, но сія вся аки злочестива творяхуся, яко же въ твоей бѣсосоставной грамотѣ написано; отъ его же совѣтниковъ аще кто худѣйшихъ намъ не яко ко владыцѣ или яко къ брату, — яко къ худѣйшему чесому надмѣнная словеса неистовѣ изношаху, и

сія вся благочестивѣ измѣняхуся; кто убо мало послушаніе или покой намъ сотворитъ, тому убо гоненіе и мученіе; аще ли же кто раздражитъ насъ чѣмъ или кое принесетъ намъ утѣсненіе, тому богатство, слава и честь, а аще не тако, то души пагуба и царству разореніе! И тако убо намъ въ сицевомъ гоненіи и утѣсненіи пребывающимъ, и таковая злая не токмо отъ дни до дни, но отъ часу растяху, а еже убо намъ послушно и покойно; сія умаляхуся: таково убо тогда православія сіяніе! Кто же убо можетъ подробну исчести, еже убо въ житейскихъ пребываніяхъ, и хожденіяхъ, и въ покоѣ, и та же въ церковномъ предстояніи и во всякомъ своемъ житіи и гоненіи и утѣсненіи? И тако убо симъ бывающимъ: мняще убо, яко дивныя ради пользы сицевая убо утѣсненія творятъ намъ, а не лукавства ради.

Та же, по Божію изволенію, со крестоносною хоругвію всего православнаго христіанскаго воинства, православнаго ради христіанства заступленія, намъ двигшимся на безбожный языкъ Казанскій, и тако неизреченнымъ Божіимъ милосердіемъ, иже надъ тѣмъ бесерменскимъ языкомъ побѣду давше, со всѣмъ воинствомъ православнаго христіанства здраво во-своясп возвратихомся: что же убо изреку отъ тебе нарицаемыхъ мучениковъ доброхотство къ себѣ? Тако убо: аки плѣнника всадивъ въ судно, везяху съ малѣйшими людьми сквозѣ безбожную и невѣрную землю: аще не бы всемогущая десница Вышняго защитила мое смиреніе, то всячески живота гонзнулъ бы. Таково тѣхъ доброхотство къ намъ, за кого ты глаголеши, и какъ за насъ душу полагаютъ, еже нашу душу во иноплеменныхъ руки тщатся предати!

Та же, намъ пришедшимъ во царствующій градъ Москву, Божіе милосердіе къ намъ множащи я наслѣдника намъ тогда давша сына Димитрія,—малу же времени минувшу, еже убо владыкамъ быти случается, намъ немощію одержиму быти и зѣльнѣ изнемогшу: тогда убо еже отъ тебе нарицаемые доброхоты возшаташася, яко пьяніи, съ попомъ Селивестромъ и съ начальникомъ вашимъ Алексѣемъ, мнѣвше насъ въ небытію

быти, забывше благодѣяній нашихъ и еже и своихъ душъ, еже отцу нашему цѣловали крестъ и намъ, еже кромѣ нашихъ дѣтей, иного государя себѣ не искати: они же хотѣша воцарити, еже отъ насъ разстоящася въ колѣнѣ, князя Володиміра; младенца жъ нашего, еже отъ Бога даннаго намъ, хотѣша подобно Ироду погубити, воцаривъ князя Володиміра. Понеже бо аще и во внѣшнихъ писаніяхъ древнихъ речено но обаче прилично есть: „царь убо царю не кланяется; но единому умершему, другій обладаетъ.“ Се убо намъ живымъ сущимъ такова отъ своихъ подовластныхъ доброхотства насладихомся: что же убо по насъ будетъ! Та же Божіимъ милосердіемъ, намъ оздравѣвшимъ, и тако сей совѣтъ разсыпася; попу же Селивестру и Алексѣю оттолѣ не престающе, вся злая совѣтующе, и утѣсненіе горчайшее сотворити; на доброхотныхъ же намъ гоненія разными виды умышляюще, князю же Володиміру во всемъ убо хотѣнію удержающе; та же и на нашу царицу Анастасію ненависть зѣльную воздвигше и уподобляюще ко всѣмъ нечестивымъ царицамъ, чадъ же нашихъ ниже помянути могоша.

Та же по семъ собака и измѣнникъ старый, Ростовскій князь Семенъ, иже по нашей милости, а не по своему досужству, сподобенъ быти отъ насъ сигклитства, своимъ измѣннымъ обычаемъ Литовскимъ посломъ пану Станиславу, да Воину съ товарищи нашу душу взнесе, насъ укоряя и нашу царицу и нашихъ дѣтей; и мы то его злодѣйство сыскавши, и еще милостиво казнь свою надъ нимъ учинили. И послѣ того попъ Селивестръ и съ вами злыми своими совѣтники, того собаку почалъ въ великомъ береженіи держати и помогати ему всѣми благими, и не токмо ему, но и всему его роду. И тако убо оттолѣ всѣмъ измѣнникомъ благо время улучися; намъ же убо оттолѣ въ большемъ утѣсненіи пребывающимъ; отъ нихъ во единомъ и ты былъ еси: явлено, еже съ Курлятевымъ насъ хотѣсте судити про Сицкаго. Та же убо наченшася война, еже на Германы (о семъ же убо напреди слово пространнѣйши явитъ), попу же убо Селивестру

и съ вами своими совѣтники, о томъ на насъ лютѣ належаще, и еже убо, согрѣшеній нашихъ ради, приключающихся болѣзней на насъ и на царицѣ нашей и на чадѣхъ нашихъ, и сія убо вся вмѣняху, аки ради же нашего къ нимъ непослушанія сія бываху! Како же убо воспомяну, еже во царствующій градъ съ нашею царицею Анастасіею съ немощною отъ Можайска немилостивное путное прехожденіе? Единаго ради малаго слова непотребна. Молитвы же убо и прехожденія по святымъ мѣстамъ, и еже убо приношенія и обѣты ко святынѣ о душевномъ спасеніи, и о тѣлесномъ здравіи, и о своемъ благомъ пребываніи нашемъ и о царицѣ нашей и чадѣ нашихъ, и сія вся лукавымъ умышленіемъ вашимъ отъ насъ отнюдь взятася, въ врачевствѣ же и хитрости, своего ради здравія, ниже помянути тогда бяше.

И сице убо намъ въ таковыхъ зѣльныхъ скорбѣхъ пребывающимъ, и понеже убо такова отягченія: не могохомъ понести, еже не человѣчески сотвористе и сего ради сыскавъ измѣны собаки Алексѣя Адашева со всѣми его совѣтники, милостивный свой гнѣвъ учинили: смертныя казни не положили, но по разнымъ мѣстомъ разослали. Попу же Селивестру, видѣвше своихъ совѣтниковъ ни во что же бывше, сего ради своею волею отъиде, намъ же его благословеніе отпустившу, не яко устыдѣвшися, но яко не хотѣвши судити здѣсь, но въ будущемъ вѣцѣ, предъ Агнцемъ Божіимъ, еже онъ повсегда служа и презрѣвъ лукавымъ обычаемъ, злая сотвори ми: тамо хощу судъ пріяти, елико отъ него пострадахъ душевнѣ и тѣлеснѣ. Того ради и чаду его сотворихъ и по се время во благоденствіи пребывати; точію убо лица нашего не зря. И аще убо, подобно тебѣ, кто смѣху быти глаголетъ, еже попу повиноватися? И понеже убо до конца не вѣсте христіанскаго мнишескаго устава, како подобаетъ наставникомъ покаритися: понеже убо немощни бысте слуги, требующе учителя лѣта ради, и нынѣ же бысте требующе млека, а не крѣпкія пищи; сего ради тако сія глаголетъ; и того ради убо попу Селивестру ни чего зла не сотворихъ,

яко же выше рѣхъ. А еже убо мірскимъ, яже подъ властію нашею сущимъ, симъ убо по ихъ измѣнѣ, тако и сотворихомъ; исперва же убо казнію конечною ни единому коснухомся; всѣмъ же убо, иже къ нимъ не приставши, повелѣхомъ отъ нихъ отлучитися, и къ нимъ не пристояти, и сію убо заповѣдь положивый и крестнымъ цѣлованіемъ утвердихомъ: и понеже убо отъ нарицаемыхъ тобою мучениковъ и согласныхъ имъ наша заповѣдь ни во чтожъ положиша и крестное цѣлованіе преступивше, не токмо отсташа отъ тѣхъ измѣнниковъ, но и большими начаша имъ помогати и всячески промышлять, дабы ихъ на первый чинъ возвратити и на насъ лютѣйшее составити умышленіе, и понеже убо злоба неутолима явися и разумъ непреклоненъ облячися; сего ради повинные по своей винѣ таковъ судъ пріяли. Се убо по своему разуму *супротивно обрѣтеся, разумѣвая*, еже вашей волѣ не повинухомся? Понеже убо, сами имуще совѣсть непостоянную и клятвопреступну и малаго ради блистанія злата премѣненну, се убо и намъ совѣтуете! Сего ради реку: о Іюдино окаянство сіе хотѣніе! отъ него же азбави, Боже! душа наша и всѣхъ православныхъ христіанъ! Яко же убо Іюда, злата ради, предаде Христа, тако убо и вы, наслажденія ради міра сего, православное христіанство и насъ, своихъ государей, предали есте, свои души забывъ, крестное цѣлованіе преступивъ.

Въ церквахъ же, яко же ты лжеши, сія вѣсть было: се убо, яко же выше рѣхъ, сего ради повинные пріяша казнь по своимъ винамъ, а не яко ты лжеши, неподобнѣ измѣнниковъ и блудниковъ мученики нарицая и ихъ кровь, побѣдоносну и святу, и намъ сопротивныхъ, сильныхъ нарицая, и отступниковъ нашихъ воеводами нарицая, доброхотство же ихъ и души ихъ полагая за насъ: сія вся изъявлена есть, яко же выше рѣхомъ. И не можеши рещи, яко не оболганіе есть, но сія измѣны всей вселеннѣй вѣдомы, аще восхощеши, и отъ варварскихъ языкъ увѣси и самовидцевъ симъ злымъ дѣяніямъ можеши обрѣсти, иже куплю творящихъ въ нашемъ

царствіи и въ посолственныхъ прихожденіяхъ приходящемъ, но сія убо быша. Ино же бо всѣмъ, иже въ нашемъ согласіи бывшимъ: всякаго блага и свободы наслаждающимся и богатѣющимъ, и никая жъ злоба имъ первыя поминаются, но въ своемъ достояніи и чести суще.

И что еще? и на церкви возстаете и не престающе насъ всякими озлобленіи гонити, иноплеменныхъ языкъ на насъ присовокупляюще всякими виды, гоненія ради и разоренія на христіанство; яко же рѣхъ, на человѣка возъярився, на Бога вооружилися есте и на церковное разореніе; гоненіе же—яко же рече божественный Павелъ: *азъ же, братіе, аще обрѣзаніе единаче проповѣдую, почто еще гонимъ есмь? убо упразднися соблазнъ креста. Но да и содрогнутся развѣвающи сія!* И аще убо, яко же вмѣсто креста, обрѣзаніе тогда потребно быша; тако и вамъ вмѣсто царскаго владѣнія, потребно самовольство. Ино сподобно есть: почто и еще не престаете гонити? Се убо вся извѣстно ти есть пространнѣйши, что по твоему разуму сопротивнымъ обрѣтеся: разумѣвай, совѣсть прокаженна! О безбожныхъ что глаголати, яко ни во вселеннѣй обрящеши подобно согласно твоему бѣсовскому хотѣнію! И сія вся явлена суть, яже отъ тебе сильнымъ нарицаемыхъ и воеводамъ и мученикомъ, аще кая приличная имъ суть истиною, а не яко же ты, подобно Антенору съ Энеемъ, предателемъ Троянскимъ, много соткавъ, лжеши. Доброхотство же и души полаганіе ихъ выше речено есть; облыганіе же ихъ израды всѣмъ явлено есть во всей вселеннѣй.

Свѣта же во тьму прелагати не тщуся, и сладкое горькое не прозываю. А се ли убо свѣтъ, или сладко, еже рабомъ владѣти? А се ли тьма и горько, еже отъ Бога данному государю владѣти, о немъ же многа слова пространнѣйши напреди изъявлено? Все бо едино, обращая разными словесы, во своей бѣсосоставной грамотѣ, писалъ еси, похваляя, еже рабомъ мимо господей своихъ владѣти. Тщужеся со усердіемъ люди на истину и на свѣтъ наставити, да познаютъ единаго

истиннаго Бога, въ троицѣ славимаго, и отъ Бога даннаго имъ государя; а отъ междоусобныхъ браней и строптиваго житія да престанутъ, ими же царствія растлѣваются. Се ли убо горько и тьма, яко злыхъ престати и благая творити? По се есть сладко и свѣтъ! Аще убо царю не повинуются подовластные, никогда же отъ междоусобныхъ браней престанутъ. Се убо злоба обычна: сама себѣ хапати! Самъ не разумѣвая, что сладко и свѣтъ, и что горько и тьма, и иныхъ поучаешь! Или се сладко и свѣтъ, яко благихъ престати и злая творити междоусобными браньми и самовольствомъ? Всѣмъ явлена суть, яко нѣсть свѣтъ, но тьма, и нѣсть сладко, но горько.

О провиненіи же и прогнѣваніи подовластныхъ нашихъ передъ нами: доселѣ Русскіе владѣтели неизтязуеми были ни отъ кого же, но повольны были подовластныхъ своихъ жаловати и казнити, а не судилися съ ними ни передъ кѣмъ; и аще же и не подобаетъ рещи о винахъ ихъ, но выше реченно есть. Предстатели называешь тлѣнныхъ человѣкъ, яко же бо они Богу равно уподобляху Аполлона, и Дія, и Зевса и иныхъ множайшихъ прескверныхъ человѣкъ, яко же рече въ богословіи тезоименитый Григорій, во своихъ словесѣхъ торжественныхъ пиша въ недѣлю: „Сія таинства не рождества и крадснія Дія, Критомъ мучителя и юношамъ... гласы „и плища и плясанія вооруженная, Богу плачущася гласъ „покрывающе, яко да утаится отцу чадоненавидцу: люто бо „бяше яко младенцу плакатися, яко камени поглощенному; „не Фригійская рѣзанія и пискапія и плесканія... и елико о „Реи человѣцы бѣсятся... не Діонисія, не стегна боящеся о „безвременнѣ рожденіи, яко другойцы глаголя прежде... не „Ѳивеевъ безуміе, его почитающихъ, не Семелію моленія „поклоняема... и Лакидонскимъ юношамъ струженія ранами, „ими же почитается богиня... гдѣ Гекаты темныя и страш„ныя мечты и Трофоніевы по землѣ игранія и волшвенія... „ниже Осиридова томленія, другая напасть чтомы Египте„нами; ниже Исиды безчестія... Имъ же присно особія...

„комужъ потреба и торжество и общее на всѣхъ злочестіе...
„И не се убо точію люто, еже сотворено добрыми дѣлы во
„славу и хвалу Творцу и божественному подобію, елико
„мощно, стремленіе быти всякимъ страстемъ, жирующимъ
„внутренняго человѣка, но еже Боги поставити въ помощ-
„ники страстемъ, да не точію неповинно будетъ прегрѣшеніе,
„но божественно мнится, въ такіи притекающи, отъ всѣхъ
„поклоняемыя." Множайшая скверная Еллинская дѣянія, еже
отъ страстей отъ нихъ Боги почтошася, блуда и ярости, не-
держанія и похоти и желанія! И елико убо кто отъ нихъ
коею страстію одержимъ бяше, то подобно своей страсти и
Бога себѣ избираше, и въ онь вѣру яша, яко же Ираклія
блуда, Крона же ненависти и вражды, Ариса ярости и убій-
ства, Деониса же гуденія и плясанія, и иныя же отъ страс-
тей Боги почтошася. Симъ же и ты уподобляяся по своему
хотѣнію, тлѣнныхъ человѣкъ смѣя предстатели нарицати по-
дерзая и славы не трепещахуся. Яко же бо Еллини подобно
своимъ страстемъ Боги почитаху: тако же и ты, подобно
своей измѣнѣ, измѣнниковъ похваляеши: яко же убо онѣмъ
страсть прикровенна Богомъ почитаема: тако уже убо и ваша
измѣна покрываема равно правдѣ причитаема. Мы уже убо,
христіяне, вѣруемъ въ троицѣ славимаго Бога нашего Іисуса
Христа, яко же рече апостолъ Павелъ: *имамы бо нову за-
вѣту ходатая Христа, иже сѣде одесную престола величе-
ствія на высокихъ, иже открывъ завесу плоти нашей, всегда
прошѣдуетъ о насъ, о нихъ же волею пострада, очистивъ
кровію своею завѣта новаго.* Та же и Христосъ рече во еван-
геліи: *вы убо не нарицайтеся наставницы, единъ бо есть
наставникъ вашъ Христосъ.* Мы убо, христіане, знаемъ пред-
стателя тричисленно Божество, въ не же познаніе приведени
быхомъ Іисусъ Христомъ Богомъ нашимъ, тако же заступницу
христіанскую, сподобльшуюся быти мати Христа Бога, пречи-
стую Владычицу; и потомъ предстатели имѣемъ вся небесныя
силы, архангели и ангели, яко же Моисею предстатель бысть
Михаилъ архангелъ, Исусу Наввину и всему Израилю; та же во

благочестія, въ новой благодати первому христіанскому царю, Константину, невидимо предстатель Михаилъ архангелъ предъ полкомъ его хождаше и вся враги его побѣждаше, и оттолѣ даже и донынѣ всѣмъ благочестивымъ царемъ пособствуетъ. Се убо имѣемъ предстатели Михаила и Гавріила, и прочихъ всѣхъ безплотныхъ; молитвенники же къ Богу имамы пророцы и апостоли и святіи мученики, ликъ преподобныхъ и исповѣдникъ и безмолвникъ, мужей и женъ. Се убо имѣемъ предстатели христіанскіе! О тлѣнныхъ человѣцѣхъ: не вѣмы ихъ предстатели нарицати ихъ. Не токмо сія не подобаетъ подовластнымъ нашимъ, но и намъ царемъ неприлично есть нарицатися предстатели, аще убо и порфиру носимъ, златомъ и сребромъ украшенну, но обаче тлѣнни есми, и человѣческою немощію обложени. Ты же убо, не стыдишься тлѣнныхъ и измѣнныхъ человѣкъ предстатели нарицати, Христу глаголющу во святомъ евангеліи: *еже есть высоко въ человѣцѣхъ, мерзость есть предъ Богомъ*. Та же на измѣнныхъ и тлѣнныхъ человѣкъ, не токмо человѣческую высость восхищая, подкладаешь, но Божію слову восхищаеши! Подобенъ Еллиномъ и изступившимъ умамъ неистовишися, бѣсному подобяся: по своей страсти, тлѣнныхъ и измѣнныхъ человѣкъ избирая похваляеши. Яко же Еллини своихъ боговъ почтоша! Ови убо рѣжущеся и всякими пагубами себя погубляюще, въ почесть Богомъ; ови же всякимъ страстемъ вдашася, Богомъ подобящеся. Яко же рече божественный Григорій: „сіи убо „скверпительство почтоша и свирѣпству вѣроваша“; тако же убо и тебѣ подобаетъ. Яко же бо они прескверпымъ своимъ Богомъ послѣдоваша, тако и тебѣ своимъ измѣннымъ другомъ сострадати страсти ихъ подобаетъ и погибнути. Яко же убо Еллини, неподобно тлѣнныхъ человѣкъ мученики нарицаеши, и того ради подобаетъ тебѣ праздники, мучениковъ рѣзанія, и страданія, и плясаніа, и гуденія своихъ приносити. Яко же Еллини, тако же и тебѣ подобаетъ; якова же они пострадаша, и тебѣ праздники мучениковъ своихъ страдати!

А о немъ же писалъ еси, что будто тѣ „предстатели „прегордыя царства разорили и подручны намъ ихъ сотворили „во всемъ, у нихъ же прежде въ работѣ были праотцы „ваши:“ се убо разумно есть, еже едино царство Казанское; отъ Астрахани же, ниже близъ вашея милости было, не точію дѣло. О бранной же сей храбрости свыше начну ти обличати, безумне! Како убо, гордостію дмяся, хвалишися! Како бо прародителемъ вашимъ и отцемъ и дядьямъ, въ каковѣ разумѣ храбрость суще и помысла попеченія, яко вся ваша храбрость и мудрость ни къ единому ихъ сонному видѣнію подобно, и такіе храбрые и мудрые люди и ни кимъ же понуждаеми, но своими хотѣніи и бранной храбрости хотимы, а не яко же вы, еже понуждаеми на рать, и о семъ скорбяще,—и такіе храбрые тринадесять лѣтъ до нашего возраста не могоша отъ варваръ христіанъ защитити! По апостолу Павлу рѣхъ: *быхъ вамъ подобенъ, безумнъ хваляся: понеже вы мя понудисте, власть бо пріемлете, безумные... аще кто вы поядаетъ, аще кто въ лице біетъ, аще кто возличается; по досажденію глаголю:* всѣмъ убо явлена суть, какова тогда злая пострадаша отъ варваръ православные, и отъ Крыма, и отъ Казани: до полуземли пусто бяше! И егда начало воспріяхомъ, за Божією помощію, еже брани на варвары, егда первое посылахомъ на Казанскую землю воеводу своего, князя Семена Ивановича Микулинскаго съ товарищи, како вы глаголали? Се, яко мы въ опалѣ своей ихъ послали, казнить ихъ хотя, а не своего для дѣла! Ино, се ли храбрость, еже служба ставится во опалу? и тако ли покорити прегордыя царства? Та же, сколько хожденія не бывало въ Казанскую землю, когда не съ понужденіемъ, съ хотѣніемъ, ходите? Но и всегда аки на бѣдное хожденіе ходите! Егда же Богъ милосердіе свое яви намъ, и тотъ родъ варварскій христіанству покори, и тогда како не хотѣсте съ нами воеватися на варвары, яко болѣе пятинадесять тысячъ, вашего ради нехотѣнія, съ нами тогда не быша! И тако ли прегордыя царства разоряете, еже народъ безумными глаголы нау-

щати и отъ брани отвращати, подобно юношѣ Угорскому? Како же и въ тамошнемъ пребываніи всегда развращенная совѣтоваете, и егда запасы истопиша, како три дни стоявъ, хотѣсте во своя возвратитися! И повсегда не хотѣсте во многопребываніи надобна времени ждати, ниже главъ своихъ щадяще, ниже бранныя побѣды смотряюще, точію: или побѣдивъ, наискорѣйши побѣжденнымъ бывшимъ, скорѣйши во своя возвратитися. Та же и войны многоподобныя, возвращенія ради скораго, остависте, еже послѣди отъ сего много пролитія крови христіанскія бысть. Како, еже убо и въ самое взятіе города, аще бы не удержахъ васъ, како напрасно хотѣсте погубити православное воинство, не въ подобно время брань начати? Та же убо по взятіи града Божіимъ милосердіемъ, вы же убо, вмѣсто строенія, на грабленіе текосте! Тако ли убо прегордыя царства разоряти, еже убо ты, безуміемъ дмяся, хвалишися? иже ни единыя похвалы, аще истинно рещи, достойно есть: понеже вся, яко раби, съ понужденіемъ сотворити есте, а не хотѣніемъ, и паче съ ропганіемъ. Се убо похвально есть, еже хотѣніемъ желая, брани творити. Подручна же тако царствія сія сотвористе намъ, яко же множае седми лѣтъ мнѣ же сихъ царствъ и нашего государствія бранная лютость не престая! Егда же Алексѣева и ваша собацкая власть преста, тогда и тако нашему царствію государское во всемъ послушно учинишася, и множае третью надесять тысящъ бранныхъ исходитъ въ помощь православію. Тако вы прегордыя царства разоряли и подручны намъ сотворяли, талавии! И тако сопротивенъ разумъ, по твоему злобѣсному умышленію!

Се убо отъ Казани; отъ Крыма же и на пустыхъ мѣстѣхъ, идѣже звѣрія бяху, грады и села устроиша: что же убо и ваша побѣда, яже Хопромъ и Дономъ? Колико убо злая истощанія и пагуба христіаномъ содѣявше, супротивнымъ же ни малыя досады! О Иванѣ же Шереметевѣ что глаголати? Еже по вашему злосовѣтію, а не по нашему хотѣнію, случися таковая пагуба православному христіанству.

Се убо такова ваша доброхотная служба, и тако прегордыя царства разоряете и подручныя намъ сотворяете, яко же выше явихомъ! О Германскихъ же градѣхъ глаголешь: „тщаніе разума измѣнниковъ нашихъ отъ Бога намъ данны". Но яко же наученъ еси отъ отца своего діавола, все ложь глаголати! Брань, еже на Германы: тогда посылали есмя слугу своего царя Шигалея и бояриna своего и воеводу князя Михаила Васильевича Глинскаго съ товарищи, Германъ воевати, и отъ того времени отъ попа Селивестра и отъ Алексѣя и отъ васъ какова отягченія словесная пострадахъ, ихъ же нѣсть подробну глаголати! Еже какова скорбнаго ни сотворится намъ, то вся сія Германъ ради случися! Егда же васъ послахомъ на лѣто на Германскіе грады, тебѣ тогда сущу въ нашей отчинѣ, во Псковѣ, своея ради потребы, а не нашимъ посланіемъ, множае убо седмь посланій нашихъ къ боярину нашему и воеводѣ, ко князю Петру Ивановичу Шуйскому, и къ тебѣ послахомъ: вы же едва пойдосте съ малѣйшими людьми, и нашимъ многимъ поминаніемъ множае пятнадесять градовъ взясте. Ино, се ли убо тщаніе разума вашего, еже нашимъ посланіемъ и напоминаніемъ грады взяша, а не по своему разуму? Како убо воспомяну о Германскихъ градѣхъ? Супротивъ словія попа Селивестра восхищати можетъ, иже сиру вдовицу, суду не внемлюще, ихъ же вы желающе на христіанство злая составляете! Антихристажъ вѣмы, ему же вы подобная твористе, злая совѣтующе на церковь Божію. Отъ насъ *сильныхъ же во Израили и отъ разліянія крови вашей* писахъ; потаки жъ никакимъ не творимъ; паче же сами вы супротивословія не пріемлете, но обаче потаки любите. А еже *сиклита, отъ пробужденія рожденна,* не вѣмы: паче же въ васъ таковый; *Маовитинъ же и Амонитинъ* ты. Яко же убо они отъ Лота изшедши, отъ сыновца Авраамля, всегда на Израиль воеваху: тако же убо ты: еже убо отъ васкаго племени изшелъ еси, и на ны безпрестаннѣ совѣтуеши пагубу.

Что же убо писалъ еси, *хотя убо поставити судію или* учителя: ни къ чесому убо власть твоя, понеже претительно повелѣваеши. И яко же убо бѣсовскому злохитрію подобно! Ово убо лукаво и ласкательно, ово же гордо и страшительно: тако же убо и ты: ово убо гордостію дмяся, выше мѣры подобяся мѣстоблюстителемъ, яко извѣты творя, къ намъ писалъ еси; ово же худѣйшимъ рабомъ своимъ и скуднымъ умомъ подобяся. Яко же убо иже бѣжавши отъ рукъ нашихъ, яко же тіи нелѣпая глаголюще; тако же и ты по своему злобѣсному, измѣнному, собацкому хотѣнію и умышленію, изступивъ ума неистовяся, бѣсному подобяся, колебляся писалъ еси. Тѣмъ же подобно пророческое слово: *Се владыка Господь Саваоѳъ отъиметъ отъ Іудеи и отъ Іерусалима крѣпящаго, крѣпяща, крѣпость хлѣба, и крѣпость воды, исполина крѣпка, и человѣка ратника, и судію, и пророка, и смотрѣлива, и старца, и пятьдесятиначальника, и дивна совѣтника, и премудра художника, и разумна послушника. И поставлю юношу начальника ихъ, и ругатели обладаютъ ими. И спаднутъ людіе, человѣкъ къ человѣку, и человѣкъ къ ближнему своему: приразится отроча къ старцу, и безчестный къ честному. И яко имется человѣкъ брата своего или приснаго отца своего, глаголя: ризу имаши, началавождь намъ буди, и брашно мое во область твою да есть. И отвѣщаетъ въ день онъ, речетъ: не буду старъ, нѣсть бо въ дому моемъ ни хлѣба, ни ризы: не буду старый людемъ симъ. Яко оставленъ бысть Іерусалимъ, Іудея разорится, и языцы ихъ со беззаконіемъ, Господеви не покарятся. Зане же смирися слава ихъ, и студъ лица ихъ противится имъ; грѣхъ же свой, яко Содомскій, возвѣстиша и явиша. Горе душѣ ихъ! зане умыслиша совѣтъ лукавъ въ себѣ, рекше: свяжемъ праведна, яко не потребенъ намъ есть: убо плоды дѣлъ своихъ снѣдятъ. Горе беззаконному! злая бо приключаются ему по дѣломъ руку его. Людіе мои! приставницы ваши пожинаютъ васъ, истязающе и обладаютъ вами. Людіе мои! блажащіе васъ льстятъ вы, и стези ногъ вашихъ возмутятъ. Но нынѣ*

станетъ на судъ Господь и поставитъ люди своя. Самъ Господь на судъ пріидетъ со старцы людей и со князи своими. И яко же Ареопагитъ писа къ Димофилу иноку: „Димофилъ „же, и аще кто другій благія враждуя зѣло правдѣ, не за-„прещается, и навыцаетъ добрая и ублажается. Како бо не „подобаше ли, рече, благому о спасеніи остаія и погибшихъ „веселитися о животѣ умершихъ? Сего ради и на рамови „емлетъ еже едва отъ заблужденія возвращенное и благіе „ангелы на веселіе воздвижетъ, и благъ есть не о благодар-„ныхъ, и *возсіяваетъ солнечные луча на лукавые и благіе* и „самую душу свою полагаетъ за отбѣгающихъ. Ты же, яко „писмена твоя являютъ, и пришедшаго къ священнику, его „же реклъ еси нечестива и грѣшна, не вѣмъ како на себе „возставъ отринулъ еси; тажъ ово убо моляшеся и повѣдаше „ко врачеванію злыхъ пріити; ты же не ужасеся, но и бла-„гому священнику свирѣпствомъ досадилъ еси, помилованна „быти кающагося и нечестива судившу; и конецъ, *Изыди*, „реклъ еси священнику, съ подобными воскочилъ еси на кущу „праведно съ неходимымъ, и святая святыхъ скуталъ еси, и „пишеши къ намъ, яко хотящаго растлити священная про-„мыслителнѣ снабдѣхъ, и еще что сохраняя. Нынѣ убо слыши „нашихъ: нѣсть праведна священника, отбѣже отъ тебя слу-„житель или вкупочинныхъ тебѣ рабъ виновна творятъ, аще „и не чествовати въ божественная мнится, и аще ино что „отреченныхъ обличится содѣявъ. Аще убо неудобреннѣ и „безчиннѣ божественнѣйшихъ есть и предѣлъ и уставъ; ис-„шествія не имать, славы ради богопреданный разрушити „чинъ. Не бо въ себѣ Богъ раздѣлися, какъ бо станетъ цар-„ствіе его? И аще Божій есть, яко жъ словеса глаголютъ, „судъ, священницы же вѣстницы, и пророцы по священно-„начальницѣхъ суть божественныхъ судебъ, отъ тѣхъ, боже-„ственная, прикладъ, лѣть насредствомъ служитель, егда есть „время, навыкнуеши, ими же быти угодникъ сподобился еси. „Или не освященны образы сіе же вопіютъ? Ибо не простѣ „всѣхъ изби, изрядни суть святая святыхъ; приближаетъжеся

„вящимъ священно-совершительное удобреніе, тажъ священ-„никъ удобреніе. Послѣдуй, еже инѣмъ служительное; вчи-„неннымъ же угодникомъ, рекше инокомъ дверьми невходи-„мыхъ суть отлучены, на нихъ же совершаются и предстоятъ „не блюденію ихъ, но въ чину и разумѣнію своихъ, паче „людемъ, нежели священническимъ и приближающимся. Сего „ради священныхъ чиноначалія, причащатися имъ священно „полагаетъ божественныхъ, инымъ, рекше внутреннѣйшимъ, „ихъ припаденіе вручи: ибо иже о божественнемъ образѣ „присно предстояще жертвенницы, слышатъ и зрятъ боже-„ственная свѣтлѣй имъ открываемая, происходяще благовиднѣ, „называя божественныхъ и за все послушательнымъ и угод-„никомъ и священнымъ людемъ и чистящимся чиномъ и „изъявляютъ по достоянію священная, яже добрѣ пречистая „сохраненная, дондеже мучительски скончалъ еси; обличити „святая святыхъ понудилъ еси нехотящая; имѣти, реклъ еси, „священная соблюдати паче, и еже видѣлъ еси, и еже слы-„шалъ еси, ниже имѣлъ еси что о прикладнымъ священни-„комъ, якожъ ниже истину словесъ видѣлъ еси, на кійждо „день сія толкуя возвращеніе слышащимъ. И аще убо языка „начальство некако взяти начнетъ, неповелѣнно ему отъ „царя, праведно мучитися имате. И аще князь оправдая нѣ-„коего или осуждая, предстоя нѣкто, иже невчиненный судъ, „что дерзнетъ: ни убо, глаголю, досаждати вкупѣ и начала „изгоняти? Ты же, человѣче! сице смѣятеленъ еси на крот-„каго и благаго и на священноначальническіе его уставы. Но „сія подобаше рещи, егда паче достоянія кто начиная, обаче „лѣпотно дѣти мнящеся, ибо ниже се мощно снѣденному. „Что убо Іозія безмѣстно твориша, краде Бога? Что же Саулъ „подражая? Что же мучительные бѣсове Бога славяще и Гос-„пода? Но отриновени благословіемъ всякъ чуждъ епискупъ „и кійждо въ чину службы своея да не будетъ, и единъ „первосвященникъ внидетъ во святая святыхъ единого въ „лѣто, и сый во всякой священноначальнической чистотѣ. И „священницы скутываютъ святая, и Леввити аще прикоснутся

„святыхъ, да не умрутъ. Дерзнувше же Іозія, гнѣвъ Божій „наведе на ся, и Марія прокаженна бываетъ, законодавцу „уставъ полагати наченшеся. И на сыны наскочивше бѣсове, „*не послушахъ,* рече, и тіи течаху; и не глаголаху къ нимъ, „и тіи пророчествоваху, и *нечестивій пожираху тельца, яко „убивая и пса.* И просто рещи, не терпитъ беззаконныхъ „всесовершенная Божія правда; глаголющимъ же имъ: „о „имени твоемъ силы многи сотворихомъ,“—„*не вѣмъ васъ*, „отвѣщаетъ, *отъидите отъ мене, вси дѣлателіе беззаконія.*“ „Тѣмъ же нѣсть лзѣ, яко жъ глаголютъ словеса, ниже пра„ведная, не по достоянію гонити. Внемлити же комуждо „себѣ подобаетъ, а не высочайшая и глубочайшая смышляй, „разумѣвай же единая по достоянію тому повелѣнная.

„Что же убо, глаголеши, не подобаетъ священствуемая, „или о чесомъ иномъ безмѣстныхъ обличаемыя творити, еди„нымъ же лѣтъ хвалящимся законопреступленіемъ закона „Бога обезчествовати? и какъ священницы изъявили судъ „Божій? како бо возвѣстити имутъ людемъ божественныя „добродѣтели, не увѣдѣша ихъ силу? или како просвѣщати „имутъ потемненные? Како же божественнаго проповѣдятъ „духа, иже аще есть духъ святый истиною вѣроваша имъ? „Азъ же отвѣщати имамъ къ симъ: бо не врагъ Димофилъ, „ниже терплю тебя лихоимствуема. И убо коеждо сущихъ „при Бозѣ удобреніе, боговиднѣйше вящше отстоимаго есть, „и свѣтлѣйшая вкупѣ и просвѣщательная же паче истин„ному свѣту приближательнѣйшая. Да не вмѣстнѣ пріимеши, „но въ богопріятномъ прикладствѣ приближеніе. Аще убо „священникъ удобреніе есть просвѣщательно, весьма отпалъ „есть священническаго чина и силы, иже не просвѣщате„ленъ, кольми паче иже не просвѣщенный. Дерзостивъ мнѣ „мнится священникъ таковый начиная, не убояся, ниже усты„дѣся божественныя предстоянія, гоня и непщуя Богу видѣ„ти, яко той собою разуменъ есть, и прельстити непщуетъ, „иже лжеименіемъ того отца нарицаемаго имѣетъ скверная „своя злохуленія: (не бо имамъ рещи молитву), но въ боже-

„ственныхъ знаменныхъ и Христовидно глаголати. Нѣсть се „священникъ, нѣсть; но злый и льстивый поругатель себѣ и „волкъ на божественные люди, въ кожу овчую облеченный. „Не Димофилу сія праведно исправляти. Аще убо Богословъ „неправеднѣ праведная гонити повелѣваетъ (праведная же „гонити есть, егда воздати вамъ хочетъ что комуждо по до„стоянію), праведнѣ всѣмъ достоитъ гонити: понеже анге„ломъ праведно воздати, яже по достоянію, отлучати, обаче „не отъ насъ, Димофиле! тѣмъ же намъ отъ Бога, и тѣмъ „же еще преимущими ангелы. Просто рещи, во всѣхъ и су„щихъ первы имя вторымъ воздаются, яже по достоянію отъ „всѣхъ благочиннаго и праведнѣйшаго промышленія: еже убо „иные начальствовати отъ Бога вчиненные воздаютъ послѣд„нимъ себѣ и послушливымъ, яже по достоянію. Димофилъ „же слову ярости и похотѣнію, яже по достоянію, да отлу„чаетъ и да не обидитъ своего чина, но да начальствуетъ „меньшими.“

Первоходимое слово. Аще бо нажилищихъ видиши раба владыцѣ, и старцу юношу, и Алексѣя и всѣхъ васъ на всяко время, еже бы не ходити бранію, и како убо, лукаваго ради напоминанія, дастся до короля лѣто цѣло безлѣпо Лифлянгомъ сбиратись? Они жъ, пришедъ предъ зимнимъ временемъ, и колько тогда народу христіанскаго погубили! Се ли же тщаніе измѣнниковъ нашихъ? Да, и ваше благо, еже народъ тако христіанскій погубляти! Потомъ послахомъ васъ съ начальникомъ вашимъ Алексѣемъ и зѣло со многими людьми; вы же едва единъ Вильянъ взясте, и тутъ много нашего народу погубисте. Такожде убо тогда отъ Литовскія рати дѣтскими страшилы устрашистеся! Подъ Пайду же нашимъ повелѣніемъ неволею пойдосте, и какомъ трудъ воемъ нашимъ сотвористе и ничтожъ успѣсте! Таково ли убо тщаніе разума вашего, и тако ли претвердые грады Германскіе тщалися есте утверждати? И аще не бы ваше злобѣсное претыканіе было, то бы за Божіею помощію, едва не вся Германія была за православіемъ. Та же оттолѣ Литовскій языкъ и

ій и иные множайшіе воздвигосте на православіе. Се ли убо тщаніе разума вашего и тако ли хотѣніе утверждати православіе? А всеродно васъ не погубляемъ; а измѣнникамъ вездѣ казнь и опала бываетъ: въ кою поѣхалъ еси землю, и тамо о семъ пространнѣе увѣси. А за такія ваши послуги, еже выше рѣхомъ, достойны есте были многихъ опалъ и казней; но мы еще съ милостію къ вамъ опалу свою чинили: аще бы по твоему достоинству, и ты бъ къ недругу нашему не уѣхалъ, и въ такомъ дѣлѣ, въ коемъ бы нашемъ градѣ избылъ еси, и утеканія тебѣ сотворити было невозможно. Коли бы мы тебѣ въ томъ не вѣрили, и мы бы тебя въ ту свою вотчину не посылали, и ты такъ собацкимъ своимъ обычаемъ измѣну намъ учинилъ, безсмертенъ быти мняся, понеже смерть Адамскій грѣхъ, общежелательный долгъ всѣмъ человѣкомъ; аще бо и порфиру ношу, но обаче вѣмъ сіе, яко по всему, подобно всѣмъ человѣкомъ, обложенъ есмь по естеству, а не яко жъ вы мудрствуете, еже выше естества велите быти ми.

О ереси же всякой: яко жъ выше рѣхомъ, благодарю Бога моего, вѣмъ благочестіе отчасти утвердити по Божію дарованію, елико ми есть сила; сіе же мняху подлежитъ, еже человѣкомъ яко скотомъ быти: аще ли же тако, то уже въ человѣцѣхъ пара, а души нѣсть: се убо ересь Саддукейская! Сице убо ты неистовившися, безъ ума пиша! Азъ же вѣрую Спасову страшному судищу, хотящу пріяти душамъ человѣческимъ съ тѣлесы ихъ, съ ними жъ содѣяша, каждо противу дѣлу ихъ вси вкупѣ во единомъ лику разлуча надвое: царіе и худѣйшая чадь, яко братія изтязани будутъ, каждо противу дѣлу своему. А еже писалъ еси: „аки не хотя ужъ „неумытному судищу предстати:“ ты жъ убо на человѣки ересь полагаеши, самъ подобенъ Манихейстѣй злобной ереси, пиша! Яко же они, еже небомъ обладати Христу, землею же самовластнымъ быти человѣкомъ, преисподними же діаволу; такожъ и ты будущее судище здѣ проповѣдуешь, и еже Божіихъ наказаній, приходящихъ согрѣшеній ради че-

ловѣческихъ, презираеши. Азъ же исповѣдую и вѣмъ, яко не токмо тамо мученія иже здѣ живущимъ и преступающимъ заповѣди Божія, но и здѣ Божіяго гнѣва праведнаго, по своимъ злымъ дѣломъ, чашу ярости Господния испиваютъ и многообразными наказаніи мучатся, а по отшествіи свѣта сего, горчайшее осужденіе пріемлюще. Сице азъ вѣрую страшному судищу Спасову! Та жъ и се вѣмъ: обладающу Христу небесными и земными и преисподними, яко живыми и мертвыми обладая, и вся на небеси и на землѣ и преисподняя состоится его хотѣніемъ, совѣта отча и благоволеніемъ святаго духа; аще ли жъ не тако, сія мученіе пріемлютъ, а не яко же Манихеи, яко же о неумытномъ судищѣ Спасовѣ, аще не хощемъ предстати Христу Богу отвѣтъ дати о своемъ согрѣшеніи, вся вѣдущему сокровенная тайная. Азъ убо вѣрую, яко о всѣхъ согрѣшеніяхъ вольныхъ и невольныхъ судъ пріяти ми, яко рабу, и не токмо о своихъ, но и о подвластныхъ мнѣ дати отвѣтъ, аще моимъ несмотрѣніемъ погрѣшатъ: како жъ твой разумъ смѣху не подлежитъ, яко аще тлѣнныи власти множицею на судище неволею привлачаютъ! Царю же царемъ и господу господемъ всѣми владѣющему, како не повинутися? и аще кто и не хощетъ безуменъ, то отъ Божія гнѣва гдѣ укрытися можетъ? иже неодержимую тяготу на воздусѣ держаще, воду и моря востязающе Божія мудрость, ему же дыханія въ руцѣ всѣхъ сущихъ, яко же рече пророкъ: *Аще взыду на небо, ты тамо еси; аще сниду во адъ, тамо еси; аще возму крылѣ мои рано и вселюся въ послѣднихъ моря, и тамо бо рука твоя наставитъ мя и удержитъ мя десница твоя. Не утаися кость моя отъ тебя, юже сотворилъ еси втайнѣ, и составъ мой въ преисподнихъ земли.* Сице убо азъ вѣрую неумытному судищу Спасову! И отъ Божія всемогущія десницы живымъ и мертвымъ кому возможно гдѣ скрытися? вся нага и отверста! Прегордымъ же гонителемъ всѣмъ и всѣмъ Христа Бога нашего истиннаго противникомъ, яко жъ рече писаніе: *Господь гордымъ противится, смиреннымъ же дастъ благодать.*

*

Станемъ же убо о семъ разсужденіе имѣти, кто прегордъ: азъ ли, отъ Бога только повиннымъ рабомъ вамъ повелѣваю хотѣніе свое сотворити; или вы, противяся Божія повелѣнія, моего владычества и своего работнаго ига отметаетеся, и яко господіе повелѣваете мнѣ вашу волю творити, и поучаете, обличаете и учительскій санъ на ся восхищаете? яко же рече божественный Григорій къ надѣющимся юности и во все время держащимъ быти учителемъ: „Ты прежде брады учиши „старца: или учити вѣруешь ни отъ возраста, ни отъ права, „и ниже какой имый честь? Посему Даніилъ Іонъ сицею и „изсуди я и притча на языцѣ: всякъ убо обидяй, въ отвѣтъ „готовъ, но не закономъ церкви скудно.“ Яко же не едина ластовица весну творитъ, ниже писмо единаго землемѣрца или корабль единъ въ морѣ; такожде и ты, ни отъ кого же рукоположенъ, учительскій санъ восхищаеши. Се ли гордо, яко владыцѣ рабу учити? или се гордо, яко владыцѣ повелѣвати рабу? И можетъ ли сіе невѣжда разумѣти, яко жъ ты, собака, и того не разсудишь, како тріе патріарси собрашася со множествомъ святителей къ нечестивому Ѳеофилу царю, и многосложный свитокъ написаша, таковая жъ хуленія, яко жъ ты, не написаша, аще и нечестивъ бяше царь Ѳеофилъ: благочестивымъ же наипаче подобаетъ смиреннѣйше вѣщати, да отъ Бога самъ милость обрящешь; азъ же вѣрую Христу Богу моему, яко жъ ни движеніемъ сердечнымъ таковая согрѣшенія имѣю; и аще убо они, власть имѣя, и нечестивому не хулиша: ты же кто еси, санъ восхищая, неистовясь хулиши? И хощете законъ Божій нуждою утвердити и своимъ злобѣснымъ обычаемъ вся апостольская преданія попираете; апостолу бо Петру глаголющу:... *ни яко обладающе ряду, но образъ бывающе стаду; не нуждою, но волею, не мшеломъ:* вы же вся сія презираете. Гоненія жъ на люди воскладаете: вы ли убо съ попомъ и со Алексѣемъ не гонили? Како убо епископа Коломенскаго Ѳеодосія, намъ совѣтна, народу града Коломны повелѣсте каменіемъ побити? Но Богъ соблюде его, и вы согнали его со престола его. Что жъ о казначеѣ на-

шемъ Никитѣ Аѳанасьевичѣ? почто животъ его раздробисте, самого жъ въ заточеніи много лѣтъ, въ дальныхъ странахъ, во алчбѣ и наготѣ держасте? И кто можетъ довольно вся гоненія ваша исчести за множествомъ ихъ! Аще кто мало намъ послушенъ явится, вси тіи отъ васъ гоними быша неправедно. Сіе убо праведно? Ни: по бѣсомъ подобно твористе, спивая и полящая сѣти, уловляюще неправедно. Сіе же убо паче беззаконно твористе, подобно Фарисейскому киченію: внѣ уду являющесь праведни, внутрь же уду полни лицемѣрія и беззаконія, тако и вы являющеся человѣкомъ, яко исправленія ради гонисте, внутрь же уду свое неправедное хотѣніе гнѣва исполняете; и сіе ваше гоненіе всѣмъ разумно есть. Истязаніе жъ не токмо до власъ, но и движеніе сердечное, яко же рече, не содѣланное мое видѣсте очи Господни, и въ книзѣ твоей вси напишутся, яко жъ речено бысть въ *Старчествъ* о Иванѣ Калосѣ: егда возстѣна о нѣкоемъ братѣ, живущемъ въ велицѣй лаврѣ во всякомъ небреженіи, и въ піянствѣ и въ блудѣ, и тако за сіе видѣ себя восхищенна въ видѣніи и поставленна у страшнаго престола предъ нелицемѣрнаго судію, Господа нашего Іисуса Христа, предстояще жъ окрестъ множество ангелъ, како за сіе пострада и отвѣтъ воспріи! Се есть: *Антихристъ, восхищая судъ Мой*, и тако видитъ себе изгонима отъ престола славы, и воспріи лишеніе мантіи, еже есть покровъ Божій, и пятьнадесять лѣтъ страдавшу ему въ пустынѣ, едва сподобися мантію и прощеніе пріяти. Смотри же сего, бѣдникъ! Понеже не осуди, но токмо возстѣна, и за сіе пострада страшно, аще и праведникъ; кольми же паче постраждутъ, иже нечестія много сотворяющіе и Божій судъ на ся восхищающе, гордящеся, съ прещеніемъ ужасающе, а не сѣтующе съ милованіемъ. И аще о сѣтованіи пострада таковая, кольми же паче осуждаяй постраждетъ!

Судителя жъ приводишь Христа Бога нашего между мною и тобою: и азъ убо сего судища не отметаюся: онъ бо господь Богъ нашъ, судитель праведенъ, испытаяй сердца и

утробы, и вся наша помышленія во мгновеніе ока нага и явственна предъ нимъ, и нѣсть иже укрыется отъ очію его, вся вѣдущему тайная сокровенія: и се убо вѣсть, за кое дѣло возстасте на мя и что пострадасте отъ мене, аще и послѣди, по вашему безумію, съ милостію месть вамъ воздахъ. Но обаче вы есте соблазнъ всему и начало злу: понеже, по пророку, *мнясте мя червя, а не человѣка, и о мнѣ глаголете, сѣдяще во вратѣхъ, и о мнѣ поясте, піюще вино* съ другими измѣнники; сему убо, всѣмъ лукавымъ вашимъ совѣтамъ и умышленіямъ, судитель истинный Христосъ и Богъ нашъ. И ты убо судію Христа приводишь, дѣлъ же его отметаешися: оному убо глаголющу: *солнце да не зайдетъ во гнѣвѣ вашемъ, безъ прощенія, и молитесь за творящихъ напасть*, отрицаешися. Зла же и гоненія безлѣпа отъ мене не пріялъ еси, и бѣдъ и напастей на тебя не подвигли есмя; а кое и наказаніе мало бывало на тебѣ, и то за твое преступленіе: понеже согласился еси съ нашими измѣнники. А лжей и измѣнъ, ихъ же не сотворилъ еси, на тебя не взваживали есмя; а которые еси свои проступки дѣлалъ, и мы по тѣмъ твоимъ винамъ по тому и наказаніе чинили. Аще ты нашихъ опалъ, за множествомъ ихъ, не можешь счести, како убо можетъ вся вселенная исписать вашихъ измѣнъ и утѣсненій земскихъ и особныхъ, еже вы злобѣснымъ своимъ умышленіемъ сотвористе намъ? И мы всего того есмя не памятовали, и отъ Божія земли тебя не отгоняли, но самъ еси отъ всѣхъ лишися, и на церковь Божію возсталъ еси, подобно Евтропію: яко не церковь бо его предаде, и онъ самъ отъ церкви Божія отторжеся; тако жъ убо и ты: не Божія земля тебя отъ себя отгнала, но ты самъ себя отъ нея отторгнулъ еси. Злую жъ и непримирительную ненависть кую воздалъ тебѣ и до нынѣшней твоей измѣны? Всячески бо дыхалъ еси на пагубу нашу, и достойныхъ мукъ по твоему злоумію не воздахомъ тебѣ, видящи тя о главѣ нашей злая совѣтующа, и въ таковѣй ближней чести держахомъ тя выше отецъ твоихъ: вси бо вѣдятъ, въ каковой чести родители твои жиша, и како убо

отецъ твой, князь Михайло въ каковѣ жалованьѣ и въ богатствѣ и чести былъ; каковъ же былъ еси и ты предъ ними, и сколько у отца твоего начальниковъ поселянъ, и былъ отецъ твой боляриномъ князя Михайла Кубенскаго: ты же тоя чести отъ насъ сподобленъ былъ еси. Но и сія ли тебѣ отъ насъ не довольно бысть? Всѣмъ еси лучше былъ отца своего по нашей къ тебѣ превысочайшей милости; храброваніемъ же множайше хуже отца своего, измѣною же прешелъ еси. И се ли убо благое твое возлюбленіе къ намъ, еже повсегда сѣти претыканія полагалъ еси намъ и подобяся Іудѣ на пагубу души поучалъ еси?

А что речеши: „кровь твоя пролитая отъ иноплеменныхъ „за насъ," по твоему мнимому безумію, „вопіетъ на насъ „къ Богу:" тѣмъ же убо смѣху подлежитъ сіе! Еже убо отъ иного пролитая, на иного же вопіетъ. Аще бы и тако, еже отъ сопротивныхъ супостатъ пролитая кровь твоя, то должная отечеству сія сотворилъ еси; аще бы не сотворилъ еси, то нѣси бы еси былъ христіанинъ, но варваръ:—и сіе къ намъ неприлично. Кольми же паче наша кровь на васъ вопіетъ къ Богу, отъ васъ самѣхъ пролитая: не ранами, ниже кровными капли, но многими поты и трудовъ множествомъ отъ васъ отягченъ быхъ безлѣпотно; яко же по премногу отъ васъ отяготихся паче силы! И отъ многаго вашего озлобленія и утѣсненія, вмѣсто кровей, много изліяся слезъ нашихъ, паче жъ и воздыханія и стѣнанія сердечная; и отъ сего убо предчресліе пріяхъ: понеже убо конечному любленію не сподобисте мя. А еже о царицѣ нашей и о чадѣхъ нашихъ, ни мало убо внимасте. Сицевое убо мое моленіе на вы вопіетъ къ Богу моему, паче вашего безумія: понеже бо иное проліяніе крови вашея за православіе,—ино жъ, чести и богатства желая. И сіе убо Богови непріятно есть; паче же и удавленіе вмѣняетъ, да еже славы ради умрети; мое жъ утѣсненіе и вмѣсто крови пролитыя отъ васъ самѣхъ пріяхъ всякое оскорбленіе и озлобленіе, еже вашимъ злымъ сѣяніемъ озлобленія жихъ, строптивая не престаетъ убо,—се наипаче

на васъ непрестанно къ Богу вопіетъ! Совѣсть же свою испыталъ еси не истиною, по лестію; сего ради и не обрѣлъ еси истины: понеже едино воинственное испыталъ еси, а еже убо о нашей главѣ твоего нечестія, — сіе презрѣлъ еси; посему мнишися и неповиненъ быти.

Побѣды жъ пресвѣтлы и одолѣніе преславно когда показалъ еси? Егда убо послахомъ тя въ нашу отчину, въ Казань, непослушныхъ нашихъ повинути намъ; ты жъ, въ повинныхъ мѣсто, къ намъ неповинныхъ нашихъ привелъ еси, измѣну на нихъ туне возлагая; а на нихъ же послахомъ тя, ни коего жъ зла имъ сотворилъ еси. Егдажъ въ нашу отчину, на Тулу, недругъ нашъ приходилъ, Крымскій царь, и мы тогда васъ послахомъ противу его: оному жъ устрашшуся и во своя возвратившуся, Агметъ улану жъ, воеводѣ его, не со многими людьми оставшуся, вы же тогда поѣхасте на обѣдъ къ воеводѣ нашему, ко князю Григорью Темкину, и ядше, пойдосте за ними, и ничто жъ имъ сотворше: они бо въ то время въ далечайшее разстояніе отъ васъ отъидоша. Аще убо вы и раны многи претерпѣсте, но побѣды никоея же не сотвористе. Тако жъ убо и подъ градомъ Невлемъ: пятьюнадесять тысящъ четыре тысящи не могосте побити, и не токмо убо побѣдисте, но и сами отъ нихъ, ничто же успѣвше, едва возвратишася. Се ли убо пресвѣтлая побѣда и одолѣніе преславно? Иная убо не твоей милости бяху, сіе убо тебѣ на похвалу написуется!

А еже убо речеши, яко „ратныхъ ради отлученій, мало „зрѣхъ рождьшія тя, и жены своея, отлученія ради, не по-„знахъ, и отечество оставляхъ, но всегда въ дальнихъ и „окольныхъ градѣхъ нашихъ противъ враговъ нашихъ опол-„чахся, претерпѣвалъ еси естественныя болѣзни, и ранами „учащенъ еси отъ варварскихъ рукъ, въ различныхъ бра-„нѣхъ, и сокрушенно уже ранами все тѣло имѣешь:“ — и сія тебѣ вся сотвориша тогда, егда вы съ попомъ и Алексѣемъ владѣсте. И аще не годно, почто тако творили есте? Аще жъ творили есте, то почто, сами своею властію сотворивъ, на

насъ воскладаете? Аще бы и мы сіе сотворили, нѣсть дивно: но понеже бо сіе должно нашему повелѣнію въ вашемъ служеніи быти. Аще бы мужъ браненосецъ былъ еси, не бы еси исчиталъ бранные труды, но паче на предняя простиралъбыся; аще же исчитаеши бранные труды, то сего ради и бѣгунъ явился еси, яко не хотя бранныхъ трудовъ понести, и сего ради во упокоеніи пребывати. Сія же твоя худѣйшая браненосія намъ ни во что же поставлена, еже вѣдомыя измѣны твоея и еже претыканія о нашей главѣ тебя презрѣнна бывша, и яко единъ отъ вѣрнѣйшихъ слугъ нашихъ, былъ еси и славою и честію и богатствомъ почтенъ. И аще бы не тако, то какихъ казней за свою злобу былъ еси достоинъ? И аще бы не было на тебѣ нашего милосердія, не бы возможно было тебѣ угонзнути къ нашему недругу, аще бы наше къ тебѣ гоненіе было, яко жъ по твоему злобѣсному разуму писалъ еси. Бранныя же дѣла твоя вся намъ вѣдома. Не мни мя неразумна суща или разумомъ младенчествующа, яко жъ начальницы ваши попъ Селивестръ и Алексѣй неподобно глаголаху; ниже мните мя дѣтскими страшилы устрашити, якожъ прежде сего съ попомъ Селивестромъ и со Алексѣемъ лукавымъ совѣтомъ прельстисте; или мните нынѣ таковая сотворити? Въ притчахъ бо речено бысть: „его же не можеши „яти, того не покушайся имати.“ Мздовоздаятеляжъ Бога призываеши: воистину, онъ праведный воздатель всякимъ дѣламъ, благимъ же и злымъ; но токмо подобаетъ разсужденіе имѣти всякому человѣку, како и противъ какихъ дѣлъ своихъ кто мздовоздаянія пріиметъ. „Лице жъ свое, пишешь, не явити намъ „до дне страшнаго суда Божія:“ кто же убо восхощетъ таковаго Еѳіопскаго лица видѣти!

А еже речеши, глаголя: „возсылати Богу о отмщеніи „своемъ:“ и сія или не вѣси, како преподобный Поликарпъ моляше праведнѣ на развращающіе церковь Божію о нанесенію суда съ прещеніемъ; щедрый же въ милости схождаше щедротами своими, изъ пропасти зміевы сихъ свободи и прочее, рече Поликарпови: „готовъ есмь человѣки страдавшіе

„спасати, аще ми покаются.“ И аще убо такого праведна мужа и праведнѣ молящася на погибель не послуша ангельскій владыка: кольми же паче тебя, пса смердяща, бѣснаго измѣнника и неправедника, на зло молящася, послушаетъ! Яко же рече божественный Іаковъ: *Просите и не пріемлете, зане злѣ просите, да въ сластехъ вашихъ изживете.* Обаче вѣрую Богу моему, болѣзнь моя обратится на главу твою. А еже пишешь, возлагая судъ праведному князю Ѳеодору Ростиславичу: сего азъ судію желательнѣ пріемлю, аще и сродникъ ти есть, понеже святіи вѣдятъ, паче и по смерти, праведная творити и видятъ между нами и вами лжъ отъ начала и до днесь, и праведнѣ убо да разсудятъ. А яже бо нашу царицу Анастасію, вами уподобляемую Евдокіи: како супротивъ злаго вашего немилосердаго умышленія, сей святый князь Ѳедоръ Ростиславичъ молитвами своими, по дѣйствію святаго духа, отъ вратъ смертныхъ воздвигъ ее,—и се убо наипаче явлено есть, яко не вамъ способствуетъ, но намъ недостойнымъ милость свою простираетъ: такожде и нынѣ уповаемъ его способника быти намъ, паче, нежели вамъ. Понеже аще бы чада Авраамля бысте были, дѣла Авраамля бысте творили: можетъ бо Богъ и отъ каменія воздвигнути чада Аврааму. Не вси бо, изшедшіе изъ Авраама, сѣмя Авраамле причитаются; но живущіе въ вѣрѣ Авраамовѣ; сія суть сѣмя Авраамле. Суемудрыми же мысльми ничтожъ помышленія творимъ и на такой степени ногъ своихъ не утверждаемъ, но елнкажъ сила наша крѣпчайша, тогда, на твердемъ степени утвердивъ ноги своя, стоимъ неподвижно.

Прогнанныхъ же отъ насъ нѣсть никого, развѣ сами злодѣйственнѣ отторгошася; избіенныежъ и заточенные вси пріяша по своимъ винностемъ, яко же выше рѣхъ, по тому тако и пріяша. Но обаче о семъ вамъ скорбѣти подобаетъ, еже во всемъ вамъ богоданному владыцѣ сопротивистеся! Убіенныхъ же по своимъ измѣнамъ мните, пишуще, у престола владычня предстояще: и сіе убо суемудренно твое помышленіе, по апостолу: *Бога никто же нигдѣ же видѣ.*

Вы же, измѣнники, аще и вопіете безъ правды, ничтоже убо пріимете: понеже сластей ради просите. Азъ же убо ни о чесомъ хвалюсь въ гордости и никакожъ гордепія желатель: понеже убо свое царское содѣлаю, и выше себя ничто же творю. Паче же вы убо гордитеся, дмящеся: понеже раби суще церкви и святительскій санъ на ся восхищающе, учаще и запрещающе и повелѣвающе. На христіанскій же родъ никакихъ мучительныхъ сосудовъ не умышляемъ; но паче за нихъ желаемъ противу всѣхъ враговъ ихъ не токмо до крови, но и до смерти пострадати. Подвластнымъ же своимъ благимъ убо благая подаемъ, такожде и злымъ злая, по притчнику: „благимъ убо исперва создано бысть благо, такожде „и грѣшникомъ зло;“ не хотѣніемъ убо сія творя, ни желая, но по нуждѣ: злаго ради ихъ преступленія и наказаніе имъ бываетъ. Вѣси ли, яко многажды и не хотяще случается по нуждѣ законопреступнымъ наказаніе? „Ругающіежеся и попирающіе Ангельскій образъ, согласующеся ласкателемъ своимъ нѣкіимъ:“ развѣ останкомъ вашего злаго совѣта! Въ болярѣхъ же нашихъ несогласія нѣсть: развѣ друговъ и совѣтниковъ вашихъ, яже нынѣ, подобно бѣсомъ, вся совѣты своя лукавые не престающи въ нощи содѣвающе, яко же рече пророкъ: *Горе совѣщавающимъ совѣтъ золъ до заутріи, и гонящимъ свѣтъ, да въ совѣтѣ своемъ скрыютъ праведнаго!* И сего убо ради, яко не хотѣхъ въ дѣтствѣ быти въ волѣ вашей, гоненіе нарицаете! Вы же владѣтели и учители повсегда хощете быти яко младенцу! Мы же уповаемъ милостію Божіею, понеже дойдохомъ въ мѣру возраста, исполненія Христова, и кромѣ Божія милости и пресвятыя Богородицы и всѣхъ святыхъ, отъ человѣкъ ученія не требуемъ, ниже подобно есть, еже владѣти множествомъ народа, онѣхъ разума требовати. Отъ Кроновыхъ же убо жрецъ, еже подобно псу лаеши, ядъ ехидный отрыгая, — сіе неподобно писалъ еси: еже убо како рождшимъ своимъ чадомъ сицевая неудобствія творити, паче жъ и намъ царемъ, разумъ имущимъ, како

уклонитися на сіе безлѣпотство? Сія убо вся злобѣснымъ своимъ собацкимъ умышленіемъ писалъ еси.

А еже свое писаніе хощешь съ собою во гробъ вложити: се убо послѣднее свое христіанство отложилъ еси! Еже бо Господу повелѣвшу не противитися злу, тыжъ убо и обычное, еже невѣжды имутъ, конечное прощеніе отверглъ еси; и по сему убо нѣсть подобно и пѣнію надъ тобою быти. Въ нашей же отчинѣ, въ Вифляндской землѣ, градъ Волмеръ недруга нашего Жигимонта короля нарицаешь: се убо свою злобѣсную собацкую измѣну до конца совершаешь! А еже отъ него надѣешися много жалованъ быти,—се убо подобно есть: понеже не восхотѣ подъ властію быти Божія десницы, и отъ Бога даннымъ владыкамъ своимъ послушнымъ и повиннымъ быти, но самовольствомъ самовластно жити: сего ради такова государя искалъ еси по своему злобѣсному хотѣнію, еже ни чимъ же собою владѣюща, но паче худѣйша отъ худѣйшихъ рабъ суща, понеже отъ всѣхъ повелѣваемъ есть, а не самъ повелѣвая. Но что еще глаголю ти много? по премудрому Соломону: *Съ безумнымъ не множи словесъ; обличенія бо ему о правдѣ злоба слышати.* Аще бы еси имѣлъ смыслъ цѣлъ и разумъ здравъ, то по притчнику сему уподобился бы еси: *Разумъ премудраго яко потокъ умножится и совѣти его яко животенъ источникъ.* Ты же яко изгнившій сосудъ; ничто жъ удержано имъ суть; такожде и ты разума стяжати не возможе.—Писана нашея великія Россіи, преименитаго, царствующаго, престольнаго града Москвы, степеней нашего царскаго порога, отъ лѣта міросозданія 7072, Іулія мѣсяца въ 5 день.

III.

КРАТКОЕ ОТВѢЩАНІЕ
КНЯЗЯ АНДРЕЯ КУРБСКАГО,
НА ЗѢЛО ШИРОКУЮ ЭПИСТОЛІЮ
ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
МОСКОВСКАГО.

Курбскій отвѣчаетъ на предыдущее посланіе, что царь постыдился бы писать такъ нескладно, подобно *неистовой бабѣ*, въ чужую, просвѣщенную страну, и что онъ, злополучный изгнанникъ, заслуживаетъ не укоризнъ, а утѣшенія. Не знаетъ, чего хочетъ Іоаннъ, погубивъ всѣхъ потомковъ Владиміра святого, и отнявъ у бояръ все, до послѣдней рубахи. Думалъ отвѣчать на каждое слово царское, но не рѣшился, отдавая все суду Божію, и считая рыцарю неприличнымъ ругаться, подобно рабу.

Широковѣщательное и многошумящее твое писаніе пріяхъ, и выразумѣхъ и познахъ, иже отъ неукротимаго гнѣва, съ ядовитыми словесы отрыгано, еже не токмо цареви, такъ великому и во вселеннѣй славимому, но и простому, убогому воину сіе было не достойно; а наипаче такъ отъ многихъ священныхъ словесъ хватано, и тѣ со многою яростію и лютостію, ни строками, а ни стихами, яко обычай искуснымъ и ученымъ, аще о чемъ случится кому будетъ писати, въ краткихъ словесѣхъ многъ разумъ замыкающе; но зѣло паче мѣры преизлишно и звязливо, цѣлыми книгами, и паремьями цѣлыми, и посланьми! Туто же о постеляхъ, о тѣлогрѣяхъ, и иныя безчисленныя, воистину, яко бы неистовыхъ бабъ басни; и такъ варварско, яко не токмо ученымъ и искуснымъ мужемъ, но и простымъ, и дѣтемъ со удивленіемъ и смѣхомъ, наипаче же въ чужую землю, идѣже нѣкоторые человѣцы обрѣтаются, не токмо въ грамматическихъ и риторскихъ, но и въ діалектическихъ и философскихъ ученіяхъ искусные.

Но еще къ тому, и ко мнѣ человѣку смирившемуся уже до зѣла, во странствѣ, много оскорбленному и безъ правды

изгнанному, аще и многогрѣшному, но очи сердечныя, и языкъ ненаученный имущу, такъ претительнѣ и многошумяще, прежде суда Божія, претити и грозити! И вмѣсто утѣшенія, въ скорбѣхъ мнозѣхъ бывшему, аки забывъ и отступивши пророка (*не оскорбляй*, рече, *мужа въ бѣдѣ сущ, довольно бо таковому*), яко твое величество меня неповиннаго въ странствѣ таковыми, во утѣшенія мѣсто, посѣщаешь!.. Да будетъ о семъ Богъ тебѣ судьею!... И сице грызти кусательнѣ за очи неповиннаго мя мужа, отъ юности нѣкогда бывшаго вѣрнаго слугу твоего! Не вѣрую, иже бы сіе было Богу угодно.

И уже не разумѣю, чего уже у насъ хощеши? Уже не токмо единоплемянныхъ княжатъ, влекомыхъ отъ роду великаго Владиміра, различными смертьми поморилъ еси, и движимыя стяжанія и недвижимыя, чего еще былъ дѣдъ твой и отецъ не разграбилъ; но и послѣднихъ срачицъ, могу рещи со дерзновеніемъ, по евангельскому словеси, твоему прегордому и царскому величеству не возбранихомъ. А хотѣхъ на каждое слово твое отписати, царю и могъ бы избраннѣ: понеже, за благодатію Христа моего, и языкъ маю отеческій, по силѣ моей наказанъ, аще уже и во старости моей здѣ пріучихся сему; но удержахъ руку со тростію, сего ради: яко и въ прежнемъ посланію своемъ написахъ ти, возлагаючи все сіе на Божій судъ, и умыслихъ и лучше разсудихъ здѣ въ молчаніи пребыти, и тамо глаголати, предъ маестатомъ Христа моего со дерзновеніемъ, вкупѣ со всѣми избіенными, и гонимыми отъ тебя, яко и Соломонъ рече: *тогда*, рече, *станутъ праведніи предъ лицемъ мучащихъ*, тогда, егда Христосъ пріидетъ судити, и возглаголютъ со многимъ дерзновеніемъ со мучащими или обидящими ихъ, идѣже, яко и самъ вѣси, не будетъ лицепріятія, на судѣ оном, но каждому человѣку правость сердечная и лукавство изъявляемо будетъ; вмѣсто же свидѣтелей, самого каждаго свойственно совѣсти вопіюще и свидѣтельствующе. А къ тому еще и то, иже не достоитъ мужемъ рыцарскимъ сва-

рится, аки рабомъ, паче же и зѣло срамно самимъ христіаномъ отрыгати глаголы изъ устъ нечистые и кусательные, яко многажды рѣхъ и прежде: лучше умыслихъ возложити уповапье мое на всемогущаго Бога, въ трехъ лицѣхъ славимаго и поклоняемаго: ибо онъ есть свидѣтель на мою душу, иже не чую ся предъ тобою винна ни въ чесомъ же. А сего ради, пождемъ мало: понеже вѣрую, иже близъ, на самомъ прагѣ предверія надежды нашея христіанскія, Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа пришествіе. Аминь.

IV.

ГРАМОТА,

ПОСЛАННАЯ

ОТЪ ГОСУДАРЯ

ИЗЪ ВОЛОДИМІРА ЛИВОНСКАГО

КО

КНЯЗЮ АНДРЕЮ КУРБСКОМУ,

СО КНЯЗЕМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ ПОЛУБЕНСКИМЪ.

Прописавъ весь титулъ свой и со *смиреніемъ* напомнивъ Курбскому о дарованныхъ Богомъ побѣдахъ надъ Нѣмцами, Литвою и Татарами, царь снова разбираетъ первое письмо его: разсматриваетъ въ особенности выраженіе *растлѣнный умомъ*, и доказываетъ, что оно прилично не ему, царю, а боярамъ, кои а) предпочли царевичу Ѳеодору князя Прозоровскаго; b) судили сего послѣдняго съ Сицкимъ, въ укоризну самому Іоанну; c) чествили дочерей Курлятевыхъ, а царевенъ проклинали: d) погубили царицу Анастасію Романовну; е) довели царя до *Кроновыхъ жертвъ*: f) наконецъ хотѣли избрать на царство Владиміра Андреевича. — Сознается въ строгости мѣръ, вынужденныхъ строптивостію бояръ; говоритъ, что вся *матерь* измѣнниковъ тщетна, что и безъ нихъ Русское оружіе торжествуетъ, что грады Германскіе падаютъ силою креста животворящаго, и что Богъ принесъ его, царя, въ самый Вольмаръ, гдѣ думалъ укрыться

Курбскій. Смѣется надъ бѣгствомъ его. Въ заключеніе совѣтуетъ одуматься и увѣряетъ, что сіе письмо писано не изъ гордости, а къ воспоминанію исправленія его.

Всемогущія и вседержащія десницы дѣланію держащаго всея земли концы Господа Бога и спаса нашего Іисуса Христа, иже со отцемъ и святымъ духомъ, во единствѣ покланяема и славима, милостію своею благоволили намъ скипетры Россійскаго царствія смиреннымъ и недостойнымъ рабомъ воимъ, и отъ его вседержавныя десницы христоносныя хоругви, — сице пишемъ мы, великій государь царь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ всея Русія, Владимірскій, Московскій, Новгородскій, царь Казанскій, царь Астраханскій, государь Псковскій и великій князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ, государь и великій князь Новагорода Низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Полоцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, государь отчинный и обладатель земли Лифляндскія Нѣмецкаго чину, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій и всея Сибирскія земли и Сѣверныя страны повелитель—бывшему нашему боярину и воеводѣ, князю Андрею Михайловичу Курбскому.

Воспоминаю ти, о княже! со смиреніемъ: смотри Божія смотрѣнія величество, еже о нашихъ согрѣшеніяхъ, паче жъ о моемъ беззаконіи, ждый моего обращенія, иже паче Манасіи беззаконовахъ, кромѣ отступленія, но не отчаяваюся создателева милосердія, во еже спасену быти ми, яко жъ рече во святомъ своемъ евангеліи, иже *радуется о единомъ грѣшницѣ кающемся, нежели о девяти десять и девяти праведнихъ,* такожде, *о овцахъ и о драхмахъ* притчи. Аще бо и паче песка морскаго беззаконія моя, но надѣюсь на милость благоутробія Божія: можетъ пучиною милости своея потопити беззаконія моя, яко же и нынѣ грѣшника мя суща, и блудника, и мучителя помилова, и животворящимъ своимъ крестомъ иже издревле Амалика и Максентія низложи, крестоносной преходящей херугви, и никая же бранная хитрость

непотребна бысть, яко не едина Русь, но и Нѣмцы, и Литва, и Татарове и многіе языцы свѣдятъ: самъ вопрося ихъ, увѣдай; азъ же сія писати не хощу, понеже не моя побѣда. но Божія. Тебѣ жъ отъ многихъ мало воспомяну вся досады, яже писалъ еси ко мнѣ, прежъ сего вописалъ ти о семъ подлинно; нынѣ же отъ многа малая воспоминаю ти. Помяни реченное во Іовѣ: *обшедъ землю и прошедъ поднебесную.* тако и вы хотѣсте съ попомъ Селивестромъ и съ Алексѣемъ Адашевымъ и со всѣми своими семьями подъ ногами своими всю Русскую землю видѣти; Богъ же даетъ власть, ему жъ хощетъ.

Писалъ еси, что азъ „растлѣненъ умомъ, яко ни въ языцѣхъ имянуема:" и я паки тебя судію и поставлю съ собою: вы ль растлѣнны, или азъ? что азъ хотѣлъ вами владѣти, а вы не хотѣли подъ моею властію быти, и азъ за то на васъ опалялся? И паче вы растлѣнны, что не токмо повинны хотѣсте мнѣ быти и послушны, но и мною владѣсте, и всю власть съ меня сняете, и сами государилися, какъ хотѣли, а съ меня все государство сняли: словомъ азъ быхъ государь, а дѣломъ ни чего не владѣлъ. Коликія напасти азъ отъ васъ пріялъ, колико оскорбленіе, коликія досады и укоризны! И за что? Что моя предъ вами исперва вина? Кого чимъ оскорбилъ? То ли моя вина, что Прозоровскаго полтораста четп Θеодора сына дороже? По памяти и косу: съ какою есть укоризною ко мнѣ судили Сицкаго съ Прозоровскими, и какъ обыскивали, кабы злодѣя! Ино та земля нашихъ головъ дороже? И сами Прозоровскіе каковы передъ нами? Ино то ужъ мы въ ногу ихъ не судны! А у батюшки, за Божіимъ милосердіемъ, и пречистыя Богородицы милостію, и великихъ чудотворцевъ молитвами, и Сергіевою милостію, и батюшковымъ благословеніемъ, и у меня Прозоровскихъ было не одно сто. А Курлятевъ былъ почему меня лучше? Его дочерямъ всякое узорочье покупай благословно и здорово, а моимъ дочерямъ проклято и за упокой! Да много того; и такихъ мнѣ отъ васъ бѣдъ всего того не исписати.

А и съ женою меня вы прочто разлучили? Только бы у меня не отняли юницы моея: ино бы Кроновы жертвы не было. А будетъ молвишь: „что язъ о томъ не терпѣлъ „и что ты не сохранилъ:“ ино вси есмя человѣцы. Ты чего для понялъ стрѣлецкую жену? Только бъ есте на меня съ попомъ не стали: ино бъ того ничего не было: все то учинилося отъ вашего самовольства. А князя Володиміра на царство для чего есте хотѣли посадити, а меня и съ дѣтьми извести? А азъ восхищеньемъ ли, или ратью, или кровью сѣлъ на государство? Народился есми, Божіимъ изволеніемъ, на царствѣ; и не помню того, какъ меня батюшка пожаловалъ благословилъ государствомъ, и взросъ есми на государствѣ. А князю Володиміру почему было быти на государствѣ? Отъ четвертаго удѣльнаго родился. Что его достоинство къ государству? Которое его поколѣнье? Развѣе вашея измѣны къ нему, да его дурости? Что вина моя передъ нимъ? Что ваши жъ дяди и господа отца его уморили въ тюрмѣ, а его и съ матерью также держали въ тюрмѣ. И я его и матерь отъ того свободи и держалъ въ чести и въ дружествѣ, а онъ было уже отъ того и отшелъ. — И язъ такія досады стерпѣти не могъ: за себя есми сталъ! И вы почали противъ меня больше стояти, да измѣняти; и я потому жесточайше почалъ противъ васъ стояти: язъ хотѣлъ васъ покорити въ свою волю, и вы за то какъ святыню Господню осквернили и поругали! Осердяся на человѣка, да Богу ся приразили. Колико церквей и монастырей и святыхъ мѣстъ испоругали есте и осквернили! Сами о томъ Богу отвѣтъ воздадите. О семъ же паки умолчу; а нынѣ о настоящемъ воспишу ти. Смотри, о княже! Божія судьбы, яко Богъ дастъ власть, ему жъ хощетъ: вы убо, яко діаволъ, съ Селивестромъ попомъ и съ Алексѣемъ Адашевымъ рекосте, яко же онъ во Іовѣ хваляся: *обыдохъ землю и прошедъ поднебесную, вся подъ ногами учинилъ; и рече ему Господь: внялъ ли на моего Іова?* тако убо и вы мнѣ хотѣсте подъ ногами у

васъ быти и всю Русскую землю: но вся *матеръ* ваша ни во что жъ бысть, Божіимъ изволеніемъ. Сего ради трость наша наострѣся къ тебѣ писати. Яко же рекосте: *нѣтъ людей на Русіи! некому стояти!* — и нынѣ васъ нѣтъ: кто же нынѣ претвердые грады Германскіе взимаетъ? Сила животворящаго креста, побѣдившая Амалика и Максентія, грады взимаетъ! Не дожидаются грады Германскіе браннаго бою, но явленіемъ животворящаго креста поклоняютъ главы своя. А гдѣ по грѣхомъ, по случаю, животворящаго креста явленія не было, ту и бой былъ. Много отпущено всякихъ людей: спроси ихъ, увѣдай.

А писалъ себѣ въ досаду, что мы тебя въ дальноконечные грады, кабы опаляючися, посылали: ино нынѣ мы, Божіею волею, своею сѣдиною и далѣ твоихъ дальноконечныхъ градовъ прошли, и коней нашихъ ногами переѣхали всѣ ваши дороги, изъ Литвы и въ Литву, и пѣши ходили, и воду во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ пили: ино ужъ ли нельзя говорить, что не вездѣ коня нашего ноги были? И гдѣ еси хотѣлъ успокоенъ быти отъ всѣхъ трудовъ твоихъ, въ Волмерѣ, и тутъ на покой твой Богъ насъ принесъ; и гдѣ чаялъ ушелъ, а мы тутъ, за Божіею волею: съугнали! И ты тогда дальноконечнѣе поѣхалъ. И сія мы тебѣ отъ многа мало написахомъ. Самъ себѣ разсуди, что ты, и каково дѣлалъ, и за что? и Божія смотрѣнія величества о насъ милости разсуди, и что ты сотворилъ? Сія въ себѣ разсмотри, и самъ себѣ раствори сія вся. А мы тебѣ написахомъ сія вся, не гордяся, ни дмяся: Богъ вѣсть; но къ воспоминанію твоего исправленія, чтобъ ты о спасеніи души своея помыслилъ. — Писанъ въ нашей отчинѣ Лифляндскія земли, во градѣ Волмерѣ, лѣта 7086 года, государствія нашего 43, а царствъ нашихъ: Россійскаго 31, Казанскаго 25, Астраханскаго 24.

---

*

V.

НА ВТОРУЮ ЭПИСТОЛІЮ ОТВѢЩАНІЕ ЦАРЕВИ МОСКОВСКОМУ УБОГАГО АНДРЕЯ КУРБСКАГО, КНЯЗЯ КОВЕЛЬСКАГО.

Курбскій считаетъ себя недостойнымъ быть царскимъ исповѣдникомъ. Не вѣритъ смиренію и покаянію Іоанна. Укоряетъ его въ оклеветаніи благочестивыхъ мужей, въ неблагодарности къ Сильвестру, исцѣлившему во время царскую душу. Исчисляетъ бѣдствія Россіи, по изгнаніи и побіеніи доблестныхъ синклитовъ: а) голодъ; b) сожженіе врагами Москвы; c) опустошеніе Россіи; d) срамное бѣгство царя отъ Крымскихъ Татаръ. Оправдывается себя отъ приписываемыхъ ему Іоанномъ преступленіяхъ: а) въ удаленіи изъ Россіи; b) въ разореніи Великолуцкой области; c) въ связи съ Татарами; d) въ смерти царицы Анастасіи; e) въ намѣреніи возвести на престолъ князя Владиміра Андреевича. Не вѣритъ успѣхамъ царскаго оружія въ Ливоніи; не понимаетъ, о какихъ узорочьяхъ, Кроновыхъ дѣлахъ и стрѣлецкихъ желахъ писалъ Іоаннъ. Считаетъ излишнимъ оправдывать себя въ замыслѣ овладѣть Ярославлемъ. Въ доказательство же, что невольное бѣгство не есть измѣна, приводитъ два отрывка изъ Цицерона. Исчисляетъ пагубные плоды ласкателей: а) срамныя побѣды враговъ надъ Русскимъ воинствомъ; b) сожженіе Москвы Татарами; c) паденіе Полоцка; d) непонятное ослѣпленіе царя, который при всеобщихъ бѣдствіяхъ отечества, при непрестанномъ пораженіи воеводъ, думаетъ, будто бы сила животворящаго креста ему помогаетъ. Убѣждаетъ вспомнить первые дни царствованія и смириться. Въ заключеніе не совѣтуетъ писать въ чужія земли къ чужимъ слугамъ.

Во странствѣ пребывающе и во убожествѣ отъ твоего гоненія, титулъ твой величайшій и должайшій оставя, (зане ото убогихъ тебѣ, великому царю, сіе не потребно; но негли отъ царей царемъ сіе прилично таковыя пмянованія, со преизлишнимъ продолженіемъ исчитати);—а еже исповѣдь твою ко мнѣ, яко ко единому презвитеру, исчитаеши по ряду, сего азъ недостоинъ, яко простый человѣкъ, въ военномъ чину

сущь, и краемъ уха послушати, а наипаче же многими и безчисленными грѣхи обтягченъ. А всяко, воистину достойно было радоватися и зѣло веселитися не токмо мнѣ, нѣкогда рабу твоему вѣрному бывшу, но и всѣмъ царемъ и народомъ христіанскимъ, аще бы твое было истинное, яко въ ветхомъ Манасіино, покаяніе: ибо глаголютъ его, по кровопійствахъ и неправдахъ, покаявшаго, и въ законѣ Господнѣ живуща, аже до смерти кротко и праведно, и ни много же, а ни мало къ тому обидѣвша; въ новомъ же, яко Закхеино прехвальное покаяніе и возвращеніе четверосугубное изобиженнымъ отъ него. И аще бы согласовало твое покаяніе тымъ священнымъ узрокомъ, ихъ же отъ священнаго писанія пріемлющи, приводяхъ яко отъ ветхаго, такъ и отъ новаго! Тѣ же потомъ, во эпистоліи твоей, въ послѣдующихъ, является не токмо не согласно, но изумительно и удивленія достойно, и зѣло на обѣ бедры храмлющее и исхожденіе неблагочинно являющее внутренняго человѣка, наипаче же въ земляхъ твоихъ супостатовъ, идѣже мужіе многіе обрѣтаются, не токмо въ внѣшной философіи искусные, но и во священныхъ писаніяхъ сильны: ово превзлишнѣ уничижаешися, ово преизобильнѣ и паче мѣры возносишися! Господь глаголетъ ко своимъ апостоломъ: *аще и вся заповѣди исполните, глаголите: раби непотребны есми;* а діаволъ подущаетъ насъ, грѣшныхъ, усты точію каятися, а въ сердцѣ превысоцѣ о себѣ держати и святымъ преславнымъ мужемъ ровнятися. Господь повелѣваетъ! *никого же прежде суда осуждати и берно изъ своего ока первѣе отъимати, и потомъ сучецъ изъ братня ока изымати;* а діаволъ подущаетъ точію словомъ проблесковати, аки бы то покаяніе, дѣломъ же не токмо возноситися и гордитися по безчисленныхъ беззаконіяхъ и кровопролитіяхъ; но и нарочитыхъ святыхъ мужей не токмо проклинати учитъ тя, но и діаволомъ нарицати, яко Христа древле Жидово ово льстецомъ и бѣснующимъ, ово, о Веелзаулѣ князѣ бѣсовстѣмъ, изгонящемъ бѣсы: яко во эпистоліи твоего величества зрится, иже правовѣрныхъ и святыхъ му-

жей діаволомъ нарицаешь, и духомъ Божіимъ водимыхъ, духомъ бѣсовскимъ не срамляешися потворати, аки отступивши великаго апостола: *никто же бо,* рече, *нарицаетъ Іисуса Господомъ, токмо духомъ святымъ.* А кто христіанина правовѣрнаго оклеветуетъ, не его оклеветуетъ, но самого духа святаго, пребывающаго въ немъ, и грѣхъ неисцѣлимый на главу свою самъ привлачитъ, яко Господь рече: *аще кто хулитъ на духа святаго, не оставится ему ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій.* И къ тому еще,—что наигнушательнѣйшаго и пресквернѣйшаго, еже исповѣдника твоего потваряти и сикованціи на него умышляти, который душу твою царскую къ покаянію привелъ, грѣхи твои на своей выи носилъ, и взявши тя отъ преязвственнѣйшихъ скверпъ, яко чиста, предъ наичистѣйшимъ царемъ, Христомъ Богомъ нашимъ, исчистя покаяніемъ поставилъ! Се тако ли воздаешь ему и по смерти? О чудо! яко зависть, отъ презлыхъ и прелукавыхъ маньяковъ твоихъ спитая, и по смерти, на святыхъ и преподобныхъ мужей не угаснетъ! Не ужасаешилися, о царю! притчи Хамовы, иже насмѣвался наготѣ отчей? Како снесено бысть о томъ на исчадіи его проклятіе! И аще таковая притча отъ тѣлесныхъ отцѣхъ случилась, кольми паче отъ духовныхъ должны есмя покрывати, аще бы нѣчто и случилося, человѣческія ради немощи, яко то и ласкатели твои клеветали на онаго презвитера, иже бы тя устрашалъ не истинными, но льстивыми видѣніи! Воистину, и азъ глаголю: льстецъ онъ былъ, коварецъ, и благокозненъ: понеже ялъ тя, исторгнувши, отъ сѣтей діавольскихъ и отъ челюстей мысленнаго льва, и привелъ было тя ко Христу Богу нашему. То же воистину и врачеве премудрые творятъ, дикія мяса и неудобь цѣлимыя гагрины бритвами рѣжутъ, ажъ до живаго тѣла, и потомъ наводятъ по малу и исцѣляютъ недужныхъ: такожъ и онъ творилъ презвитеръ, блаженный Селивестръ, видяще недуги твои душевные, многими лѣты застарѣвшіеся и неудобные ко исцѣленію. Яко нѣцы премудрые глаголютъ, „застарѣвшіеся, „рече, злые обычаи въ душахъ человѣческихъ многими лѣты,

„во естество прелагаются и неудобь исцѣльны бываютъ,“ такожъ и онъ, преподобный, неудобь исцѣльнаго ради твоего недуга, прилагалъ пластыри, ово кусательными словесы нападающе на тя и порицающе, яко бритвою непреподобные правы наказаніемъ жестокимъ рѣжуще (негли онъ памяталъ пророческое слово: *да претерпишь лучше*, рече, *раны пріятеля, нежели ласкательныя цѣлованія вражія;* ты же не воспомянулъ того, или забылъ, прельщенъ будучи отъ презлыхъ и прелукавыхъ, отогналъ еси его отъ себя, и Христа нашего съ нимъ), ово, яко уздою крѣпкою со браздами, невоздержаніе и преизлишнюю похоть и ярость твою востязающе. Но сбыстся на немъ Соломоново слово: *Накажи*, рече, *праведники и приложитъ со благодареніемъ пріимати*, и паки: *обличай премудра, и возлюбитъ тя;* прочіе же, послѣдующіе стихи умолчу, возлагающе ихъ царской совѣсти твоей, вѣдуще тя священнаго писанія искуснаго; а къ тому да не зѣло приражуся кусательными словесы ко твоей царской высотѣ, азъ, убогій, яко могучи вмѣщая, да укроюся отъ свары: понеже зѣло не достоитъ намъ воиновъ, ако рабомъ, сваритися. А могъ еси и воспомянути на то, яко во время благочестивыхъ твоихъ дней, вещи тобѣ, по волѣ благодати ради Божія, обращались, за молитвами святыхъ и за молитвами святыхъ и за избраннымъ совѣтомъ нарочитыхъ сигклитовъ твоихъ; и яко, потомъ, егда прельстили тя презлые и прелукавые человѣкоугодники, (о нихъ же вси мудрые согласуютъ, яко въ царствѣ, идѣже любятъ ихъ, ничто же можетъ смертоноснѣйшія язвы быти, паче ихъ)—ластатели, пагубники твои и отечества своего, яко и что приключилося и яковые, отъ Бога попущенные, глады, глаголю, и стрѣлы повѣтренныя, и послѣди мечъ варварскій, мститель закона Божія, и пресловутаго града Москвы внезапное сожженіе, и всея Россійскія земли спустошеніе! и—что наигоршаго и срамотнѣйшаго—царскія души опроверженіе и въ бѣгство плещъ царскихъ, прежде храбрыхъ бывшихъ, обращеніе, яко нѣцыи здѣ намъ повѣдаютъ, аки бы, хоронящися тогда отъ Татаръ,

по лѣсомъ со кромѣшники твоими вмалѣ гладомъ не погибъ еси! А той же Измаильтескій песъ прежде, когда богоугодно пребывалъ еси, предъ нами, наимнѣйшими слугами твоими, и на полѣ дикомъ бѣгая, мѣста не нашелъ, и вмѣсто нынѣшнихъ превеликихъ и тяжкихъ даней твоихъ, ими же накупаешь его на христіанскую кровь, нашими саблями воиновъ твоихъ въ бусурманскія головы было плачено, или дань давано ему... А еже пишеши, имянующе насъ измѣнники для того, иже есмя принуждены были отъ тебя по неволѣ крестъ цѣловати, яко тамо есть у васъ обычай, аще бы кто не присягнулъ, горчайшею смертію да умретъ; на сіе тебѣ отвѣтъ мой: всѣ премудрые о семъ сгажаются, аще кто по неволѣ присягаетъ или клянется, не тому бываетъ грѣхъ, кто цѣлуетъ, но паче тому, кто принуждаетъ, аще бы и гоненія не было; аще ли же кто, прелютаго ради гоненія, не бѣгаетъ, аки бы самъ себѣ убойца, противящеся Господню словеси: *аще*, рече, *гонятъ васъ во градѣ, бѣгайте во другій*; а къ тому и образъ Господь Богъ нашъ показалъ вѣрнымъ своимъ, бѣгающе не токмо отъ смерти, но и отъ зависти богоборныхъ Жидовъ.

А еже реклъ еси, иже аки бы азъ разгнѣвався на человѣка, а приразися Богу, сирѣчь церкви Божіи разорилъ и попалилъ; на сіе отвѣщаю ти: или насъ туне не оклеветуй, или выгляди, царю! письмо: иже и Давыдъ принужденъ былъ, гоненія ради Саулова, со поганскимъ царемъ на землю Израилеву воевати; азъ же не отъ поганскихъ, но отъ христіанскихъ царей заповѣданіе исполняхъ, заповѣданіемъ ихъ хождахъ. Но исповѣдую ти грѣхъ мой: иже принужденъ быхъ, за твоимъ повелѣніемъ, Витебское великое мѣсто и въ немъ двадесять четыре церкви христіанскихъ сожещи; тако же и отъ короля Сигизмунда Августа принужденъ быхъ Луцкія волости воевати, и тамо зѣло стрегли есмы, вкупѣ со Корецкимъ княземъ, иже бы невѣрные церквей Божіихъ не жгли и не разоряли; и воистину не возмогохъ, множества ради воинства, устрещи: понеже пятьнадесять тысящей тогда

съ нами было войска, между которыми не мало было ово варваровъ Измаильтескихъ, ово другихъ еретиковъ, обновителей древнихъ ересей, враговъ креста Христова, и безъ нашего вѣдома, по исхожденію нашему, закрадшеся, нечестивые сожгли едину церковь и съ монастыремъ: да свидѣтельствуютъ о семъ мнихи, яже пущени были отъ насъ изъ плѣненія! А потомъ, аки по лѣтѣ единомъ, непріятель твой главный, царь Перекопскій, присылалъ яко кролеви моляся, такъ и насъ просячи, иже бы пошелъ есть съ нимъ на тую часть Русскія земли, яжъ подъ державою твоею; азъ же, повелѣвающу ми и кролеви, отрекохся: не восхотѣхъ и помыслити сего безумія, еже бы шелъ подъ бусурманскими херунгами на землю христіанскую съ чужимъ царемъ, безвѣрникомъ. Потомъ и самъ кроль тому удивился и похвалилъ мя, иже самъ не уподобился азъ безумнымъ, прежде мене на сіе дерзнувшимъ.

А еже пишеши, аки бы царицу твою счаровано и тебя съ ней разлучено отъ тѣхъ предреченныхъ мужей и отъ меня: азъ ти за оныхъ святыхъ не отвѣщаю: бо вещи вопіютъ, трубы явленнѣйше гласъ испущающе, о святынѣ ихъ добродѣтели; о мнѣ же вкратцѣ отвѣщаю ти, (срѣчь по великой неволѣ: принужденъ бо быхъ отъ тебя; аще бы ти не отвѣщахъ правды, и былъ бы яко безсловесенъ, или повиненъ тому, чимъ мя напрасно оклеветуешь): аще и зѣло многогрѣшенъ есмь и недостоинъ, но обаче рожденъ быхъ отъ благородныхъ родителей, отъ племени жъ великаго князя Смоленскаго Ѳеодора Ростиславича, яко и твоя царская высота добрѣ вѣси отъ лѣтописцевъ Русскихъ, иже тое плѣмяницы княжата не обыкли тѣла своего ясти и крове братіи своей пити, яко есть нѣкоторымъ издавна обычай, яко нервѣе дерзнулъ Юрій Московскій въ ордѣ на святаго великаго князя Михайла Тверскаго, а потомъ и прочіе, сущіе во свѣжей еже памяти и предъ очима, что Углицкимъ учинено и Ярославичемъ и прочимъ единыя крови, и како ихъ всеродне заглажено и потреблено... еже ко слышанію тяжко, ужасно!..

отъ сосцовъ матернихъ оторвавши, во премрачныхъ темницахъ затворенно и многими лѣты поморенно, и внуку оному блаженному и присно Боговѣнчанному? А тая твоя царица, мнѣ, убогому, ближняя сродница, яко узришь сродство оно на странѣ того листа написано. А о Володимерѣ братѣ воспоминаешь, аки бы есть мы его хотѣли на царство: воистину, о семъ не мыслихъ: понеже и не достоинъ былъ того. А тогды жъ есмь угадалъ грядущее мнѣніе твое на мя, когда еще сестру мою насиліемъ отъ меня взялъ еси за того-то брата твоего, наипаче же, могу воистинѣ рещи со дерзновеніемъ, въ тотъ вашъ издавна кровопивственный родъ. А еже хвалишися и величаешися горѣ и долу, иже Лифлянтовъ окаянныхъ поработилъ еси, аки бы животворящаго креста силою: не вѣмъ и не разумѣю, аще бы то вѣрѣ было подобно: подобнѣйше, съ разбойническихъ крестовъ хоругвями! Иже еще кролеви нашему, отъ маестата своего не двигшуся, и вся шляхта въ домѣхъ своихъ пребывающе и все воинство кролево при кролѣ на мѣстѣхъ было, а уже кресты тые во многихъ мѣстѣхъ поломались отъ нѣякаго жабки, а въ Кеси, стольномъ градѣ, отъ Латышей; а сего ради воистинѣ, не Христовы кресты, но погибшаго разбойника, яко предъ разбойникомъ ношено. Гетманижъ Ляцкіе и Литовскіе еще и не начинали готовитися сопротивъ тебѣ, а твои окаянные воеводишки, а праведнѣйши калика рекше, изъ подъ крестовъ твоихъ влачими въ чимбурѣхъ эдѣ, на великомъ сонмѣ, идѣже различные народы бываютъ, ото всѣхъ подсмѣваеми и наругаемя, окаяннія, на прескверное и вѣчное твое постыденіе и всеа святорусскія земли, и на посрамощеніе народовъ, сыновъ Русскихъ!

А еже пишеши о Курлетевѣ, о Прозоровскихъ и о Сицкихъ, и не вѣмъ о якихъ узорочьяхъ и за упокой, предпоминающи Кроновы и Афродитовы дѣла, и стрѣлецкихъ женъ, аки бы нѣчто смѣху достойно и піяныхъ бабъ басни: на сіе отвѣту не потреба, по премудрому Соломону: *глупающему*, рече, *отвѣщати не подобаетъ*: понеже уже всѣхъ тѣхъ пред-

реченныхъ, не токмо Прозоровскихъ и Курлетевыхъ, но и безчисленныхъ благородныхъ лютость мучительская пожерла, а въ то мѣсто осталися калики, ихъ же воеводами поставляти усильствуешь, или любо пришься упрямѣ сопротивъ разума и Бога; а того ради скоро и со грады изчезаютъ, не токмо отъ единаго воина ужасающеся, и отъ листу вѣтромъ вѣющаго пропадающе и съ грады, яко жъ во второноміи пишетъ святый пророкъ Моисей: *Единъ*, рече, *поженетъ за беззаконія ваша тысящу, а два двигнутъ тмы*. Въ той же эпистоліи припаменено, иже на мой листъ уже отписано: но и азъ давно уже на широковѣщательный листъ твой отписахъ ти, да не возмогохъ послати, непохвальнаго ради обыкновенія земель тѣхъ, иже затворилъ еси царство Русское, сирѣчь свободное естество человѣческое, аки во адовѣ твердынѣ; и кто бы изъ земли твоей поѣхалъ, по пророку до чужихъ земель, яко Іисусъ Сираховъ глаголетъ: ты называешь того измѣнникомъ; а если изымаютъ на предѣлѣ, и ты казнишь различными смертьми (тако жъ и здѣ, тобѣ уподобяся, жестоцѣ творятъ). И того ради такъ долго не послахъ ти его; а нынѣ яко сію отпись на нынѣшнюю эпистолію твою, такъ и оную, на широковѣщательный листъ твой прежній, посылаю ко величеству высоты твоея. И аще будеши мудръ, въ тишинѣ духа, безъ гнѣва, да прочтеши ихъ! И къ тому молю ти ся: не дерзай уже писати до чужихъ слугъ, паче же, идѣже умѣютъ отписати, яко нѣкоторый мудрый рече: *Возглаголеши хотяще, да услышиши не хотяще*, сирѣчь отвѣтъ на твое глаголаніе.

А еже пишеши, аки бы тебѣ не покорихся и землею твоею хотѣхъ владѣти, измѣнникомъ и изгнанцемъ нарицающе мене: сіе отвѣщаніе оставляю, явственнаго ради отъ тебе навѣту, или потвару; тако же и другія отвѣщанія оставляю, того ради, иже достоило отвѣщати тебѣ и отписати на твою эпистолію, ово сокращая эпистолію мою, къ тебѣ писанную, да не явится варварско, преизлишнихъ ради глаголовъ, ово возлагающе на судъ нелицемѣрнаго судіи Господа Бога на-

шего, яко и во первыхъ моихъ эпистоліяхъ о семъ многажды уже воспомянухъ, и къ тому не хотячи съ твоею царскою высотою азъ, убогій, вяще сваритися.

А всяко посылаю ти двѣ главы, выписавъ отъ книги премудраго Цицерона, Римскаго наилѣпшаго сигклита, яже еще тогда владѣли Римляне всею вселенною. А писалъ тотъ отвѣтъ къ недругомъ своимъ, иже укоряше его изогнанцемъ и измѣнникомъ, тому подобво, яко твое величество насъ убогихъ, не могуще воздержати лютости твоего гоненія, стрѣляюще насъ издалече стрѣлами огненными сиковавцы твоея тупе и всуе.

Андрей Курбскій княжа на Ковню.

Въ коемъ преподобіе есть, тому ничесо же убываетъ ко блаженному житію.

Отъ премудрыя книги Цицеровы, глаголемыя Парадоксы, сопротивъ Антонію отвѣтъ.

„А ни азъ Марка Регулуса сокрушеннаго, а ни несчаст-„ливаго, а ни окаяннаго, никогда быти неищевахъ: ибо „вѣмъ, а ни великоуміе его умучено было отъ Картагеновъ, „ни сановитость, ни вѣра, а ни непоколебимость, а ни „всякое преподобіе, ни смыслъ его самый, который вели-„кихъ добротъ помощьми вооруженъ и такъ великими собра-„ніи преподобій огражденъ, егда тѣло его торгано было, „растерганъ самъ заисте не моглъ быти. Яко и я Маріуса „видѣхомъ, который мнѣ, въ счастливыхъ вещахъ, единъ „отъ счастливыхъ людей, а въ противныхъ единъ з' наивыс-„шихъ мужей видѣлся быти; наипаче же смертному ни-„чесожъ быти можетъ благословеннѣйшаго. Не вѣси, не-„истовниче! не вѣси, яковыя силы преподобіе маетъ; имя „себѣ толико преподобія привлачаешь: а что само до-„стоитъ, не разумѣешь. Никто же можетъ преблагословен-„нѣйшій быти, который есть всесовершенъ въ себѣ, и иже въ

„себѣ единомъ вся своя полагаетъ. А коему надежда, разумъ „и мышленіе виситъ счастья, тому ничто же быти можетъ „извѣстнаго, ни чесо же твердаго, что бы вѣдомо мѣлъ, а „ни единаго дня воистину. Тому ты человѣку грози смертей, „або изгнаній прещеньми, если котораго будешь таковаго „обрящешь. А мнѣ что ни буди прилучится въ томъ небла-„годарномъ отечествѣ, ни отмовяющему воистину прилучи-„тися, не токмо возбраняющему. А что и труждахся, что „дѣлахъ, або въ чемъ бодрствовали труды и мышленія моя, „аще воистину ни чесо же породилъ таковаго, ни чесо же „постигохъ, да на томъ престолѣ былъ бы, котораго а ни „счастья упрямство, а ни недруговъ неправда не поколе-б „летъ. Смерть ли мнѣ грозишь? Иже бы емъ воистину отъ „людей! Або изгнаніе? Да отъ злыхъ отшествіе будетъ ми! „Смерть страшна есть тѣмъ, ихъ же со животомъ вся уга-„саютъ, а не тѣмъ, которымъ слава умрети не можетъ; а „изгнаніе есть страшно тѣмъ, имъ же яко бы описано есть „мѣсто обиталища, а не тѣмъ, которые всея земля округъ „мѣсто едино мнятъ. Тебя окаянство, тебя изчезновеніе да-„вятъ, вси, яже тебя блаженнаго, яже тебя цвѣтущаго „мнишь. Твоя похоти тебя торгаютъ; ты днемъ и ночію му-„чишися; ему же не довольно есть, что есть, и то самое, „что маешь, боишися, иже бы не долго было; тебя совѣсти „щиплютъ злостей твоихъ; тебя страхи страшатъ судовъ, „законовъ: куды нибуди воззришь, якобы грозательницы, такъ „твои тебя окружаютъ неправды, ажъ тебѣ а ни отдохнути „допущаютъ. Того ради, яко злому и глупому и гнусному „никому жъ добрѣ быти можетъ; такъ добрый мужъ, мудрый „и храбрый, убогій быти не можетъ. А ни коего преподобіе „и обычаи похвальны суть, того бы житіе не похвально было: „воистину а ни блюстися житія потребно, яже похвально. А „потреба блюстися, аще бы было окаянно.... Того ради, что „ни есть похвально, то благословенно и цвѣтуще и вожде-„лѣнно быти подобаетъ.

Сопротивъ Клодіуса, иже изгналъ былъ Цицерона изъ града Римскаго туне. Глава 17.

„Вси глупыи неистовятся; а азъ тебя не глупымъ, яко „часто, не злымъ, яко всегда, но безумнымъ и неистовымъ „вещьми доведу истинными. Мудраго разумъ величествомъ „совѣта, претерпѣваніемъ вещей человѣческихъ, презрѣніемъ „счастія, добротами всякими, яко муромъ огражденъ; побѣж-„денъ и преодоленъ ли будетъ, иже а ни изъ града заисте „выгнатися можетъ. Ибо который есть градъ? Всяко ли со-„шествіе лютыхъ и нечеловѣколюбныхъ? Всяко ли лотровъ „и бѣгуновъ собранное на едино мѣсто множество? Заисте „прѣти будешь. Ибо не былъ онъ въ то время градъ, егда „законы въ немъ ничесо же возмогали; егда суда попраны; „егда обычай отеческій загашенъ былъ; егды, мечемъ изгнан-„нымъ властямъ, сенату имя вещи общей не было. Разбой-„никовъ оное стеченіе и тобою возженное разбойничество на „торжищу поставлено, и остатки соприсяжниковъ отъ Кати-„линова запаленія до твоей злости и звѣрообразія обратилися: „градъ ли былъ? Сего ради изъ града изгнанъ не былъ, „иже бѣ никако же; тогда призванъ быхъ во градъ, егда „былъ въ вещи общей той бурмистръ, иже во оно время „опровержен былъ; было произволеніе люду вольнаго, были „законы управленія, яже столпы суть граду, возвращенна „память. Но зри, яко тыя твоего лотрованія стрѣлы пре-„зрѣлъ. Вверженную и впущенную отъ тебя злостливую на „мя напасть всегда разумѣлъ; а меня коснутися, никогда жъ „непщевалъ; развѣ убо, егда стѣны ломалъ еси, або егда „презлые огни по кровомъ подклалъ еси, моихъ нѣчто упасти, „алибо сгорѣти мнилъ еси. Ничто же, а ни мое есть, а ни „всякому, что отнятись, что выдратись, что погубитися мо-„жетъ. Если бы мнѣ выдралъ ума моего вѣчную неподвиж-„ность, мои труды, бодрости, совѣты, ими жъ община не-„преодолима стоитъ; — если того вѣчнаго добродства без-„смертную память потребилъ бы еси, а далеко больше, аще

„оный умъ, откуды тые совѣты произыдоша, мнѣ исторглъ „бы еси: тогда азъ пріяти мене исповѣдалъ быхъ обиду. Но „аще что не сотворилъ еси, а ни сотворити моглъ еси: воз„вращеніе мнѣ похвальнѣйше твоя сотворила обида, а не из„гнаніе преломное. Того ради, азъ всегда гражданиномъ „быхъ, и тогда наиболье, егда мое здравіе совѣтницы „окрестнымъ народомъ, яко гражданина, яко наилѣпшаго „вручали; ты а ни нынѣ воистину гражданиномъ нѣсть еси; „аще же убо кто супостатомъ быти и гражданиномъ можетъ, „Али ты гражданина отъ супостата естествомъ и мѣстомъ? „а не умомъ и дѣломъ раздѣляешь? Забойство на торжищу „сотворилъ еси; вооруженными злодѣи церкви держалъ еси; „окромныхъ домы, церкви святыя запалилъ еси. Чего ради „врагомъ Спартакусъ, аще ты гражданиномъ? Можешь ли „быти гражданиномъ, его же ради никогда градъ не былъ: „И меня измѣнникомъ, твоимъ именемъ, нарицаешь, егда „всѣ въ моемъ отшествіи изгнанну вещь общую непщевали? „Не престанеши ли бѣситися, себя не разсмотришь? Никогда „ли, что творишь, не будеши зрѣти, а ни что глаголешь? „Не вѣси ли, изгнаніе злодѣянію бысть казнь? Мой же оный „путь подъяхъ не свѣтлѣйшихъ ли ради вещей, отъ меня „предъ тѣмъ управляемыхъ? Всѣ злые и безбожные, ихъ же „тебя вождемъ быти исповѣдуешь, ихъ же законы изгнаніемъ „казненныхъ быти хотятъ, изгнанцы суть, аще елико земли „не премѣнили. Или егда всѣ уставы тебя изгнанцемъ суща „показуютъ, не будеши ли ты измѣнникомъ? Егда не нари„цаешься супостатомъ яже съ бороженіемъ былъ? Предъ Сена„томъ твой мечъ обрѣтенъ есть. Иже человѣка убилъ? По„губилъ еси. Иже запаленіе сотворилъ? Домъ Дѣвичь отъ „твоея руки сгорѣлъ. Иже церковь Боговъ обладалъ? На „торжищу полки положилъ еси. Но что азъ общіе законы „исповѣдую, ими же всѣми еси измѣнникомъ! Корнифиціусъ, „другъ твой, о тебѣ законъ уставилъ: аще бы подъ кровъ „богини Бона вшелъ еси, да будешь измѣнникомъ. Но тебѣ „убо, тое сотворивши, возноситися обыклъ еси! Убо како же

„толиками законы во изгнаніе изринен, имени измѣнника не „гнушаешися? „Въ Римѣ есмь,“ речешь? И ты воистину во „пристанищу странномъ есть! Сего ради, не тамъ, гдѣ кто „будетъ, онаго мѣста законы содержати будетъ, аще тамъ „ему закономъ повиноватися не подобаетъ.“

— —

Зри, о царю! со прилежаніемъ: аще поганскіе философы, по естественному закону, достигли таковую правду и разумность, со дивною мудростію между себя (апостолъ рече: *помысломъ осуждающимъ или оставляющимъ*), и того ради и всею вселенною попустилъ Богъ имъ владѣти, а мы христіане нарицаемся, и не токмо достигаемъ книжниковъ и фарисеевъ правды, но ни вѣковъ естественнымъ закономъ живущихъ! О горе намъ! Что Христу нашему отвѣщаемъ на судѣ? и чѣмъ оправдимся?... Аки по лѣтѣ единомъ или дву писанія перваго моего къ тебѣ, видѣхъ сбывшееся отъ Бога, по дѣломъ твоимъ и по начинанію рукъ твоихъ: прескверную и зѣло паче мѣры срамотную побѣду надъ тобою и надъ воинствомъ твоимъ, что погубилъ еси славу божественныя памяти великихъ княжатъ Русскихъ, прародителей твоихъ и нашихъ, въ великой Руси царствующихъ блаженнѣ и преславнѣ. И мало того, яко не постыдился еси и не усрамился отъ Господа наказанія и обличенія, яко и во первыхъ эпистоліяхъ воспомянухомъ ти, сирѣчь казней праведныхъ различныхъ, беззаконія ради твоего, еже въ Русіи никогда же не бывали, и отечества твоего, преславнаго града Москвы сожженія отъ безбожныхъ Измаильтянъ; — и взялъ еси на ся, прескверным произволеніемъ, Фараонницкое непокореніе и ожесточеніе сопротивъ Бога и совѣсти, отнюдь поправши совѣсть чистую, во всякаго человѣка отъ Бога вложенную, и яко недреманное око неусыпнаго стража, всякому человѣку душѣ и уму безсмертному поданную и поставленную, стражи ради и храненія. И что еще безумнѣйшаго творишь и дерзаешь: не срамляешися писати къ намъ,

акп бы ти, воинствующу сопротивъ враговъ своихъ, сила животворящаго креста помогала! И тако непщуеши или мнивши?... О безуміе человѣческое, наипаче же развращенныя души отъ похлѣбниковъ, или отъ любимыхъ маньяковъ твоихъ!... Зѣло азъ о семъ удивляюся и вси сущіе имущіе разумъ, наипаче же тѣ, которые предъ тѣмъ знали тя, когда въ заповѣдѣхъ Господнихъ пребывалъ еси, избранныхъ мужей нарочитыхъ окрестъ себя имѣлъ еси, и не токмо былъ еси храбрый, мужественный подвижникъ и врагомъ твоимъ страшенъ, но и священнаго писанія преполонъ и святынею чистою освященъ. А нынѣ... во якую бездну глупства и безумія развращенія, ради прескверныхъ маньяковъ твоихъ, вовлеченъ еси! И памяти здравы лишенъ! Како не воспомянеши во священныхъ книгахъ, лежащихъ къ наказанію нашему писанныхъ, иже прескверпымъ и прелукавымъ Богъ всемогущій и святыня его не помогаетъ? яко речено во ветхомъ: *иже отъ лица Бога Іаковля Ердань въ водополье уступился*, сирѣчь отъ кіота завѣта Господня и другихъ у нихъ тамо вещей, во славу Божію сотворенныхъ, яже нарицалися *Святая святыхъ*, Ерихонскія стѣны падаху, непреоборимыя, а неодолѣнные царіе со многи языки и волоты отъ лица ихъ изчезаху; единого жъ ради грѣха Ахарова, егда Господь прогнѣвался на весь Израиль, пятьдесятъ мужей поганскихъ явилось на горѣ, сопротивъ стража Израилева: абіе тогда все войско Израилево, шесть сотъ тысящей мужей пресильныхъ, считаемыхъ отъ двадесяти лѣтъ до шестьдесятъ, вси разбѣгошася, и весь Израиль яко вода разліялся: сіе при Моисеѣ и Іисусѣ. А что возглаголю, еже дѣялося при другихъ пророцѣхъ, при Самуилѣ и Давидѣ? И како падоша весь Израиль предъ враги скверпы, ради прелукавства сыновъ Иліи презвитера, и како во плѣнъ предана бысть поганомъ вся святыня Господня: сіе по ряду оставляю въ той эпистоліи, преизлишнія ради долготы; а къ тому вѣдаю тя во священныхъ писаніяхъ искусна. Сіе въ ветхомъ вкратцѣ воспомянено, иже святыня Господня на помощь пребываетъ

преподобнымъ и богоугождающимъ, а прескверннымъ и презлымъ кровопійцамъ сопротивъ обрѣтается. А въ новомъ, вмѣсто оныхъ всѣхъ, крестная сила намъ христіаномъ дана на помощь, яко Констянтину великому, еще погану сущу и непросвѣщенну, знаменіе явилось животворящаго креста, и небеси звѣздами написано, руководяще его и наставляюще ко благочестію, и одолѣніе свѣтлое указующе на прегордаго Максентія. А тому жъ великому Констянтину, уже давно правовѣріемъ просвященну и утвержденну сущу, егда преклонилъ ухо къ похлѣбникомъ, или ко ласкателемъ прескверннымъ, и повелѣлъ неповиннѣ оковати трехъ пословъ, посланныхъ бывшихъ отъ него въ вышнюю Фригію, усмиренія ради, за навѣтомъ или ложною клеветою прельщеннаго златомъ епарха, егда жъ уже въ нощи той усѣщи ихъ повелѣлъ, связанныхъ въ темницѣ: тогда убо, тогда глаголю, скорый въ бѣдахъ помощникъ, въ тѣлеси еще живъ сущи, святый Николай, призываемый отъ нихъ и подвизаемый къ Богу на молитву и на помощь бѣдѣ ихъ, абіе скоро пріиде въ ложницу цесарскую, затворенными дверьми, яко Христосъ нашъ ко учеником ъ и апостоломъ его, и рече ему со прещеніемъ: „о цесарю! Непотіяна, Урса и Ерпиліона, неповиннѣ отъ тебе осужденныхъ и окованныхъ, скоро разрѣшити повеля; аще ли сего не сотворишь, нестерпимую тебѣ брань являю, и еще къ тому срамотное пораженіе и прескверпѣйшую погибель тебѣ и дому твоему!“ Яко о семъ ширѣй святый Симеонъ Метафрастъ во исторіи о немъ, житіе его пишуще, воспоминаетъ, еже, мню, въ Русіи у васъ еще не преведено тое то истинное житіе всемірнаго онаго святильника.

А твоего величества лютость не единаго Непотіяна и прочихъ дву неповинныхъ, но безчисленныхъ воеводъ, стратилатовъ благородныхъ и великихъ въ родѣ, и пресвѣтлыхъ въ тѣлесѣхъ и въ разумѣ, и въ военныхъ вещахъ искусившихся отъ самыя юности своея, и въ полкоустроеніяхъ свидѣтельствованныхъ сущихъ мужей, еже бываетъ наилѣпшее и наи-

крѣпчайшее въ бореніяхъ, ко преодолѣніямъ супостатовъ, различными смертьми разтерзалъ еси и всеродне погубилъ, безъ суда и безъ права, приклонивый ухо ко единой странѣ, сирѣчь презлымъ ласкателямъ, пагубникомъ отечества. И бывши въ таковыхъ скверпахъ и кровопролитіяхъ, *посылаеши въ чужую землю армату великую христіанскую подъ чужіе грады, безъ искусныхъ и свидѣтельствованпыхъ стратилатовъ, и къ тому отнюдь не имущихъ мудраго и храбраго простатора или гетмана великаго,—что бываетъ войску паче всего погибельнѣйшее и повѣтреннѣйшее, — сирѣчь вкратцѣ рещи: безъ людей, съ овцами или съ зайцы, неимущи добраго пастыря, которые отъ вѣтру листа вѣющаго боятся, яко во первой моей эпистоліи воспомянухомъ о каликахъ твоихъ, ихъ же воеводишками усильствуешь безстыднѣ творити, вмѣсто оныхъ предреченныхъ храбрыхъ и парочитыхъ мужей, избіенныхъ и разгнанныхъ отъ тебя. А нынѣ къ тому приложилъ еси и другую срамоту прародителемъ своимъ срамотнѣйшую и тысяща кратъ бѣднѣйшую: градъ великій Полоцкъ со всею цѣлою церковью, сирѣчь со епископомъ, и клиросомъ, и воинствомъ, и съ народомъ, предалъ еси, преобличіемъ твоимъ, его же было досталъ еси персьми своими... уже не глаголю, тѣшачи тебя, нашими вѣрными службами и многими труды: бо еще тогда не всѣхъ былъ еси до конца погубилъ еси и разогналъ, егда Полоцка досталъ было еси. Собравшися со всѣмъ твоимъ воинствомъ, за лѣсы забившися, яко единъ хороняка и бѣгунъ, трепещешь и изчезаешь, никому же гонящу тя: токмо совѣсть твоя внутрь вопіюща на тя, обличающе за прескверныя твои дѣла и безчисленныя крови. Только ти негли оставаетъ сваритися, яко рабѣ пьяной; а что воистину сану царскому належитъ или достоитъ, сирѣчь судъ праведный и оборона, се уже подобно изчезло, за молитвою и совѣтомъ прелукавыя четы Осифлянскія Васьяна Топоркова, (иже ти совѣтовалъ и шепталъ во ухо не держати мудрѣйшіе роды при себѣ), и другихъ таковыхъ совѣтниковъ твоихъ вселукавыхъ мниховъ и мірскихъ. Славу таковую отъ

ннхъ получилъ еси! И свѣтлую побѣду изобрѣли тебѣ, яко пророчествовалъ Констянтину великому святый Николай за трехъ мужей, и тебѣ множество блаженный Селивестръ, исповѣдникъ твой, и казнящъ тя, наказующе о непреподобныхъ твоихъ дѣлѣхъ и прелукавыхъ нравѣхъ, нань же и по смерти непримирительнѣ враждуешь! Або не читалъ еси въ Исаів пророцѣ лежащаго: *лучше*, рече, *лоза и жезлъ пріятеля, нежели ласкательныя цълованія вражіи.* Помяни первые дни, и возвратися паки! Нагою главою безстудствуешь сопротивъ Господа своего! Або еще не часъ образумятися и покаятися и возвратитися ко Христу паки? Еще есми не распряглися отъ тѣла: понеже есть до смерти покаяніе всяко. И мудръ бывалъ еси, и нынѣ вѣдаешь о тричастномъ души, како порабощаются смертныя части безсмертной; аще ли же не вѣдаешь, и ты научися у мудрѣйшихъ и покори и поработи звѣриую часть Божію образу и подобію: всѣ бо отъ вѣка такъ спасаются, покоряюще худшее лучшему. (Зри о семъ въ книзѣ блаженнаго Исаака Сирина и въ книзѣ премудраго Іоанна Дамаскина. Мню, иже въ твоей землѣ не преложена сполна съ Грецка языка; а у насъ здѣ благодатію Христовою, вся есть цѣла преведена и съ великимъ тщаніемъ исправлена.

А еже отъ преизлишняго надменія и гордости, мнящеся о себѣ мудръ всеа вселенныя и учитель быти, пишеши до чужія земли и чуждыхъ слугъ, аки научающе ихъ и наказующе, яже паче здѣ смѣются ти о семъ и поругаются, аки не слышалъ еси великаго апостола Павла: *ты кто еси, судяй или повелѣвай чуждому слузѣ?* и прочее. Усмиритися уже достоитъ и укротитися твоему величеству, и войти въ чувство: уже время! Уже есмя ближайши ко гробу тѣломъ, а душею безсмертною и умомъ къ отвѣту Божію, нежели къ суетному сему житію, простиратися. Аминь.

Писано во преславномъ градѣ Полоцку государя нашего, свѣтлаго короля Стефана, паче же преславна суща въ богатырскихъ вещахъ, въ третій день по взятію града.

Андрей Курбскій, княжа на Ковлю.

VI.

ВТОРОЕ ПОСЛАНІЕ

ИЗЪ

ПОЛОЦКА.

Курбскій сокрушается о перемѣнѣ Іоанна, о бѣдствіяхъ Россіи. Сравниваетъ время Сильвестрово съ временемъ наушниковъ: прежде побѣды, покоренія царствъ, трепетъ враговъ; теперь: a) вмѣсто мудрыхъ совѣтниковъ, тунеядцы и шуты; b) вмѣсто доблестныхъ стратиговъ, гнусные Бѣльскіе; c) вмѣсто храбраго воинства, опричники; d) вмѣсто чтенія Св. книгъ, пляски и скверныя пѣсни; e) вмѣсто Сильвестра, колдуны и чародѣи; f) вмѣсто прежней чистоты, развратъ. Курбскій кладетъ перстъ на уста, и плачетъ. Убѣдительно проситъ царя опомниться, предвѣщая гибель его дому.

Аще пророцы плакали и рыдали о градѣ Іерусалимѣ и о церкви преукрашенной, отъ каменія прекраснѣйша созданной, и о сущихъ живущихъ въ немъ погибающихъ: како недостоитъ намъ зѣло восплакати о разореніи града Бога живаго, или церкви твоей тѣлесной, юже создалъ Господь, а не человѣкъ, въ ней же нѣкогда духъ святый пребывалъ, яже по прехвальномъ покаянію была вычищена и чистыми слезами измыта, отъ нея же чистая молитва, яко благоуханія миро, или фиміамъ, ко престолу Господню восходила, въ ней же, яко на твердомъ основанію правовѣрныя вѣры, благочестивыя дѣла созидашася, и царская душа въ той церкви, яко голубица крилы посеребренными между рамія ея блисталася, пречестнѣйша и пресвѣтлѣйша злата, благодатію духа святаго преукрашенна дѣлами, укрѣпленія ради и освященія тѣла Христа, и наидражайшею его кровію, сю же насъ откупилъ отъ работы діаволи! Се такова твоя прежде бывала церковь тѣлесная! А за тѣмъ, того ради, вcѣ добрые послѣдовали хоругвіямъ крестоносны мъ христіанскимъ. Языцы различные варварскіе, не токмо со грады, но и со цѣлыми царствы ихъ, покоряхуся тебѣ, и предъ полками христіанскими

архангелъ хранитель хождаше со ополченіемъ его, осѣняюще и заступающе окрестъ боящихся Бога, *по положенію предѣловъ языка нашего,* яко реклъ святый пророкъ Моисей, враговъ же устрашающе, и низлагающе супостатовъ. Тогда было, тогда, глаголю, егда со избранными мужи избраненъ бывалъ еси, и со преподобными преподобенъ и со неповинными неповиненъ, яко рече блаженный Давидъ, и животворящаго креста сила помогаше ти и воинству твоему.

Егда же, развращенный и прелукавый, развратился, сопротивъ обрѣлся еси, и по таковомъ покаяніи, возвратился еси на первую блевотину, за совѣтомъ и думою любимыхъ твоихъ ласкателей, егда церковь твою тѣлесную осквернилъ различными нечистотами, и иными безчисленными и неизреченными злодѣйствы напроказили, ими же всегубитель нашъ, діаволъ, родъ человѣческій издавна гнусенъ творитъ и мерзокъ предъ Богомъ, и въ послѣднюю погибель вреваетъ, яко нынѣ и твоему величеству отъ него случилося: вмѣсто избранныхъ и преподобныхъ мужей, правду ти глаголющихъ не стыдяся, прескверныхъ паразитовъ и маньяковъ поднесъ тебѣ; вмѣсто крѣпкихъ стратиговъ и стратилатовъ—прегнуснодѣйныхъ и богомерзкихъ Бѣльскихъ съ товарищи, и вмѣсто храбраго воинства—кромѣшниковъ или опришницовъ кровоядныхъ, тмы тмами горшихъ, нежели палачей; вмѣсто богодухновенныхъ книгъ и молитвъ священныхъ, ими же душа твоя безсмертная наслаждалася, и слухи твои царскіе освящалися,—скомороховъ со различными дудами и богоненавистными бѣсовскими пѣсньми, ко оскверненію и затворенію слуха входу ко ѳеологіи; вмѣсто блаженнаго онаго презвитера, иже было тя примирилъ къ Богу покаяніемъ чистымъ, и другихъ совѣтниковъ духовныхъ, часто бесѣдующихъ съ тобою, — яко намъ здѣ повѣдаютъ (не вѣмъ, есть ли правда), чаровниковъ и волхвовъ отъ далечайшихъ странъ собираешь, пытающе ихъ о счастливыхъ дняхъ, яко скверный и богомерзкій Саулъ творилъ, оставя пророковъ Божіихъ, ко матронѣ или ко ватуніи, женѣ, чаровницѣ, притекалъ, пытающе ея о

сраженію настоящемъ, яже ему, по хотѣнію его, мечтаніемъ бѣсовскимъ, Самуила пророка, аки возставшаго отъ мертвыхъ, въ мѣстѣ показала, яко о томъ толкуетъ свѣтлѣ святый Августинъ во своихъ книгахъ. А что же тому за конецъ случился? Сіе самъ добрѣ вѣдаешь: погибель ему и дому его царскому, яко блаженный Давыдъ рече: *не пребудутъ долго предъ Богомъ, которые созидаютъ престолъ беззаконія*, сирѣчь трудныя повелѣнія, или декретъ неудобь терпимый.

И аще погибаютъ царіе или властели, иже созидаютъ трудные декреты и неудобь подъемлемые номоканоны, кольми паче, не токмо созидающе неудобь подъемлемыя повелѣнія или уставы съ домы погибнути должны: но во яковыхъ сіи обрящутся, еже пустошатъ землю свою и губятъ подручныхъ всеродне, ни ссущихъ младенцевъ не щадяще, за нихъ же должны суть властели, каждый за подручныхъ своихъ, кровь свою противъ враговъ изліявати, и дѣвицъ, глаголютъ, чистыхъ четы собирающе, за собою ихъ подводами волочаще О бѣда! о горе! Въ каковую пропасть глубочайшую діаволъ, супостатъ нашъ, самовластіе и волю нашу низвлачаетъ и вреваетъ!

Еще другое и другое, яко намъ здѣ отъ твоея земли приходящіе повѣдаютъ, тмы тмами кратъ гнуснѣйшее и богомерзкое, оставляю писати, ово сокращенія ради писанейца сего, ово ждуще суда Христова, и положа перстъ на уста, преудивляюся зѣло и плачу сего ради... Еще ли мниши, таковыхъ ради и ко слуху тяжкихъ и нестерпимыхъ, еже бы ти помогала и воинству твоему сила животворящаго креста? О споспѣшниче перваго звѣря и самаго великаго дракона, иже искони сопротивляется Богу и ангеломъ его, погубити хотяще всю тварь Божію и все человѣческое естество! доколѣ такъ долго не насытишися крови христіанскія, попирающе совѣсть свою? и прочто такъ долго отъ такъ тяжкаго лежанія или сна не воспрянешь, и не приложися въ часть ко Богу и ко человѣколюбивымъ ангеломъ его?

Воспомяни дни своя первія, въ нихъ же блаженнѣ царствовалъ еси!

Не губи къ тому себя и дому твоего!

Аще рече Давыдъ: *любяй неправду, ненавидитъ свою душу*: кольми паче кровьми христіанскими оплывающіи изчезнутъ вскорѣ со всѣмъ домомъ! Вскую такъ долго лежишь простертъ и храпиши на одрѣ, зѣло болѣзненномъ объятъ будучи аки летаргицкимъ сномъ?

Очутися и воспряни! Нѣкогда поздно: понеже самовластіе наше и воля, ажъ до распряженія души отъ тѣла, ко покаянію данная и вложенная въ насъ отъ Бога, не отъемлется, исправленія ради нашего на лучшее.

Пріими божественный антидоръ, имъ же, глаголю, цѣлятся неисцѣльные яды смертоносные, ими жъ отъ похлѣбниковъ и отъ самого отца ихъ, прелютаго дракона, подобно уже напоенъ еси. Егда же кто того лекарства внутреннимъ человѣкомъ вкуситъ, яко рече Златоустый, пишучи во первомъ словѣ страстномъ, о Петра апостола покаяніи: „по вкушенію того, посылаются молитвы къ Богу, умиленныя, чрезъ „послы слезные.“ Мудрому довлѣетъ! Аминь.

Писано въ Полоцку государя нашего короля Стефана, по сущему преодолѣнію подъ Соколомъ въ 4 день.

Андрей Курбавскій, княжа на Ковлю.

Объяснительныя статьи.

1. Любовь Курбскаго къ научному образованію.

Не сохранилось никакихъ преданій о томъ, гдѣ и какъ провелъ Курбскій свою молодость, а потому съ осторожностью должно произносить приговоръ о его воспитаніи. Мы не знали бы даже, въ какомъ году онъ родился, если бы онъ самъ объ этомъ не намекнулъ въ одномъ мѣстѣ, да и то случайно. Я совершенно согласенъ съ Горскимъ, что природа

не отказала Курбскому въ гибкомъ, замѣчательномъ умѣ и въ блестящихъ дарованіяхъ. Его сочиненія вполнѣ подтверждаютъ эту мысль. Но справедливость требуетъ сказать о Курбскомъ гораздо болѣе.

Съ молодыхъ лѣтъ и до самой глубокой старости онъ обнаруживалъ удивительную наклонность къ научному образованію. Этихъ двухъ качествъ совершенно достаточно для того, чтобы поставить Курбскаго на ряду съ лучшими людьми своего времени. Воспитаніе Курбскаго совершалось при иныхъ, исключительныхъ условіяхъ. Отечественные учители, конечно, не могли удовлетворить пытливость его ума. Самъ Курбскій передаетъ одинъ такой случай. Когда ему понадобилось отыскать человѣка, болѣе или менѣе отчетливо знающаго славянскій языкъ, то монахи, представители всей учености въ свое время, „отрекошася... отъ того достохвальнаго дѣла; мірстіи не восхотѣша, объяты будучи суетными міра сего“. Но на этотъ разъ судьба пожалѣла Курбскаго: онъ встрѣтился съ единственнымъ представителемъ тогдашней образованности, около котораго группировались всѣ лучшія силы того времени—Максимомъ Грекомъ; сразу почуялъ отъ него вѣяніе какой-то высшей плодотворной силы и съ раннихъ лѣтъ возблагоговѣлъ предъ его умомъ и образованіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Максимъ Грекъ если не былъ учителемъ Курбскаго въ подлинномъ смыслѣ слова, то былъ для него руководителемъ вообще и имѣлъ на него громадное вліяніе. И дѣйствительно, Курбскій даетъ намъ замѣтить, что Максимъ былъ для него авторитетомъ во всю жизнь, онъ (Курбскій) всегда дорожилъ каждымъ его наставленіемъ, каждымъ его словомъ. Максимъ первый внушилъ ему мысль о переводной литературѣ,—и Курбскій привязался къ ней всею душою. Онъ очень хорошо видѣлъ, на какой низкой степени умственнаго развитія стоятъ его соотечественники, чувствовалъ, что они „гладомъ духовнымъ таютъ“. Вслѣдствіе этого онъ постоянно считаетъ своею главною задачей переводить на славянскій языкъ тѣхъ „великихъ восточныхъ учителей“, которые еще

не были переведены. Живя въ Россіи, онъ не могъ этимъ заниматься, „понежъ безпрестанно обращахъся и лѣта изнуряхъ повелѣніемъ царевымъ“. Но вотъ въ преклонныхъ лѣтахъ онъ нашелъ себѣ какого-то юношу „Амброжія“ и подъ его руководствомъ, пользуясь минутами досуга, изучалъ латинскій языкъ со всѣми его грамматическими и діалектическими тонкостями, и принялся за переводы греческихъ писателей. Такимъ образомъ личность Курбскаго имѣла всѣ данныя для того, чтобы стать въ числѣ передовыхъ двигателей общественнаго образованія. Вліяніе Максима Грека дало лучшее направленіе его умственнымъ силамъ. Оно помогло ему стать во многихъ отношеніяхъ значительно выше своего вѣка. Достаточно указать на тотъ фактъ, что Курбскій свободенъ былъ отъ того предразсудка, которому поголовно было подвержено все русское дворянство, изъ котораго постоянно происходили между боярами ссоры и распри. Я хочу сказать, что Курбскій переросъ давнишній обычай мѣстничества; по крайней мѣрѣ мы не имѣемъ никакихъ основаній предполагать противное. Далѣе, уже и то весьма говоритъ въ пользу Курбскаго, что онъ не ограничился изученіемъ однихъ церковныхъ писателей, языческую мудрость не считалъ бѣсовскою; напротивъ, внимательно изучалъ „естественную философію“ Аристотеля и считалъ ее образцовымъ произведеніемъ, „роду человѣческому наипаче зело потребнѣйшимъ“. Не гнушался латинизма до такой степени, какъ его соотечественники, которые питали глубокое отвращеніе ко всему нерусскому вообще и къ латинству по-преимуществу. Напротивъ, Курбскій предполагалъ и внѣ предѣловъ своей націи хорошія стороны. Получивши первое письмо отъ Іоанна Грознаго, Курбскій отвѣчалъ, что царь постыдился бы писать такъ нескладно, подобно неистовой бабѣ, въ чужую страну, идѣже „нѣкоторые человѣцы обрѣтаются, не только въ грамматическихъ и риторскихъ, но и въ діалектическихъ и философскихъ ученіяхъ искусные“. Если Курбскій, занимаясь литературою,

какъ дѣломъ побочнымъ, да и то лишь въ минуты досуга, оставилъ потомству произведенія, которыя ставятъ его на ряду съ лучшими людьми своего времени; то чего же должно было ожидать отъ него въ томъ случаѣ, если бы онъ всецѣло посвятилъ себя наукѣ?

(Изъ Кіевск. Унив. Извѣстій).

2. Записки Курбскаго о Грозномъ.

(Изъ ст. проф. Лашнюкова).

Въ лѣтописяхъ и лѣтописныхъ сборникахъ XV и XVI столѣтій находимъ мало извѣстій, относящихся къ изображенію быта современнаго общества, его нравовъ, обычаевъ и вѣрованій. Эта сторона нашей исторіи осталась бы весьма неполной, если бы не было современныхъ записокъ русскихъ людей и иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію. Изъ записокъ русскихъ людей особенно замѣчательны записки князя Курбскаго и Котошихина. Первый оставилъ подробную исторію царствованія Грознаго, послѣдній—повѣствованіе о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

Записки Курбскаго изданы Устряловымъ въ двухъ томахъ: въ первомъ помѣщена исторія царствованія Грознаго до 1578 года; во-второмъ переписка Курбскаго съ царемъ и письма его къ разнымъ лицамъ. Сочиненіе Курбскаго „Исторія князя великаго московскаго, о дѣлѣхъ, яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ“ содержитъ исторію Грознаго отъ самаго его дѣтства до 1578 года. Сказавъ кратко о характерѣ великаго князя Василія Ивановича, о разводѣ его съ первою супругою, Саломонидою, Курбскій описываетъ воспитаніе Іоанна и крамолы бояръ. Далѣе Курбскій разсказываетъ о мятежахъ московскихъ и о чудесномъ исправленіи Іоанна подъ вліяніемъ Сильвестра и Адашева, потомъ подробно повѣствуетъ о покореніи Казани, о походѣ на Крымскихъ татаръ и о войнѣ ливонской; наконецъ, приступаетъ

къ главному предмету: къ описанію тиранства Грознаго. Записки Курбскаго имѣютъ важное значеніе, какъ произведеніе современное очевидца, близкаго къ лицу, котораго дѣянія онъ изображаетъ; но онѣ не имѣютъ главнаго достоинства историческаго сочиненія, именно. безпристрастія. Курбскій является какъ бы адвокатомъ партіи, къ которой самъ принадлежалъ, защитникомъ боярства, подавленнаго Грознымъ. Основная его мысль та, что всѣ главныя дѣла Грознаго принадлежатъ не ему, а его совѣтникамъ, и что Грозный до тѣхъ поръ царствовалъ мудро и счастливо, пока руководствовался совѣтами Сильвестра, Адашева и ихъ друзей. Руководясь этою мыслью, Курбскій изображаетъ царствованіе Грознаго въ двухъ эпохахъ: въ первой онъ изображаетъ Грознаго образцомъ монарха и описываетъ его славные подвиги (покореніе Казани, Астрахани, побѣды въ Крыму и Ливоніи); вторая же эпоха представляетъ мрачную картину бѣдствій и униженій Россіи отъ страшнаго тирана царя; начинается она съ тѣхъ поръ, когда Іоаннъ удалилъ Сильвестра и Адашева, началъ царствовать самовластно, окруженный новыми любимцами, подъ вліяніемъ которыхъ онъ палъ нравственно и сдѣлался тираномъ. Переписка Курбскаго съ Грознымъ представляетъ большой матеріалъ для исторіи послѣдняго. Въ ней рѣзко высказывается задушевная мысль царя, отстаивавшаго свои священныя права: быть независимымъ въ своихъ дѣйствіяхъ отъ бояръ и казнить ихъ за измѣну и крамолу. Курбскій, напротивъ, въ своихъ письмахъ является горячимъ защитникомъ боярства и оправдываетъ свою измѣну жестокостью царя, укоряетъ его въ неблагодарности къ Сильвестру и Адашеву, въ изгнаніи и избіеніи доблестныхъ синклитовъ и въ бѣдствіяхъ Россіи, которыя накликалъ царь своимъ тиранствомъ и несправедливостію къ мудрымъ совѣтникамъ: и Грозный, и Курбскій горячо отстаиваютъ свои права и убѣжденія, а потому въ перепискѣ много пристрастія.

3. Грозный въ своей перепискѣ съ Курбскимъ и въ его Исторіи.

(С. Соловьевъ).

Явилось мнѣніе, по которому у Іоанна должна быть отнята вся слава важныхъ дѣлъ, совершонныхъ въ его царствованіе, ибо, при ихъ совершеніи, царь былъ только слѣпымъ, безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ мудрыхъ совѣтниковъ своихъ — Сильвестра и Адашева. Мнѣніе это основывается на тѣхъ мѣстахъ въ перепискѣ съ Курбскимъ, гдѣ Іоаннъ, повидимому, самъ признается, что при Сильвестрѣ онъ не имѣлъ никакой власти. Но, читая эту знаменитую переписку, мы не должны забывать, что оба, какъ Іоаннъ, такъ и Курбскій пишутъ подъ вліяніемъ страсти, и потому оба преувеличиваютъ, впадаютъ въ противорѣчія. Если основная мысль Курбскаго состоитъ въ томъ, что царь долженъ слушаться совѣтниковъ, то основная мысль Іоанна состоитъ въ томъ, что подданные должны повиноваться царю, а не стремиться къ подчиненію царской воли волѣ собственной; такое стремленіе въ глазахъ Іоанна есть величайшее изъ преступленій, и всею тяжестію его онъ хочетъ обременить Сильвестра и его приверженцевъ: вотъ почему онъ приписываетъ имъ самое преступное злоупотребленіе его довѣренностію, самовольство, самоуправство, говоритъ, что вмѣсто него они владѣли царствомъ, тогда какъ онъ самъ облекъ ихъ неограниченною своею довѣренностію; вотъ эти знаменитыя мѣста: „Вы ль растлѣнны, или я? что я хотѣлъ вами владѣть, а вы не хотѣли подъ моею властію быти, и я за то на васъ гнѣвался? Больше вы растлѣнны, что не только не хотѣли быть мнѣ повинны и послушны, но и мною владѣли и всю власть съ меня сняли: я былъ государь только на словахъ, а на дѣлѣ ничего не владѣлъ“. Въ другомъ мѣстѣ Іоаннъ, щеголявшій остроуміемъ, ловкостію въ словопреніи, низлагаетъ Курбскаго слѣдующею увerткою, не думая, что послѣ можно будетъ употребить его адвокатскую тонкость противъ него же самого: „Ты гово-

ришь, что для военныхъ отлучекъ мало видалъ мать свою, мало жилъ съ женою, отечество покидалъ, всегда въ городахъ противъ враговъ ополчался, претерпѣвалъ естественныя болѣзни и ранами покрывался отъ варварскихъ рукъ, и сокрушенно уже ранами все тѣло имѣешь: но все это случилось съ тобою тогда, когда вы съ попомъ и Алексѣемъ владѣли. Если это вамъ было не угодно, то зачѣмъ же такъ дѣлали? Если же дѣлали, то зачѣмъ, своею властію сдѣлавши, на насъ вину вкладываете!" Приводятъ еще третье мѣсто въ доказательство, что походъ на Казань предпринятъ не Іоанномъ, что приверженцы Сильвестра везли туда насильно царя: „Когда мы съ крестоносною хоругвіею всего православнаго христіанскаго воинства двинулись на безбожный языкъ Казанскій и получивъ, неизрѣченнымъ Божіимъ милосердіемъ, побѣду, возвращались домой: то какое доброхотство къ себѣ испытали мы отъ людей, которыхъ ты называешь мучениками? Какъ плѣнника посадивши въ судно, везли съ ничтожнымъ отрядомъ чрезъ безбожную и невѣрную землю". Но здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго указанія на невольный походъ, ибо Іоаннъ прямо говоритъ: „Когда мы двинулись"; потомъ Іоаннъ говоритъ ясно, что не заботились о его безопасности, везли какъ плѣнника уже на возвратномъ пути, по взятіи Казани. Курбскій обвиняетъ Іоанна въ недостаткѣ храбрости во время Казанскаго похода, въ желаніи поскорѣе возвратиться въ Москву; Іоаннъ возвращаетъ ему всѣ эти обвиненія и такъ описываетъ свое поведеніе и поведеніе бояръ въ казанскихъ войнахъ: „Когда мы посылали на Казанскую землю воеводу своего, князя Сем. Ив. Микулинскаго съ товарищами, то что вы говорили? Вы говорили, что мы послали ихъ въ опалѣ своей, желая ихъ казнить, а не для своего дѣла! Неужели это храбрость службу ставить въ опалу? такъ ли покоряются прегордыя царства? Сколько потомъ ни было походовъ въ Казанскую землю, когда вы ходили безъ понужденія, охотно? Когда Богъ покорилъ христіанству этотъ варварскій народъ, и тогда вы не хотѣли воевать, и тогда съ нами не было

больше пятнадцати тысячъ по вашему нехотѣнію. Во время осады всегда вы подавали дурные совѣты; когда запасы перетонули, то вы, простоявши три дня, хотѣли домой возвратиться! Никогда не хотѣли вы подождать благопріятнаго времени; вамъ и головъ своихъ не было жаль и о побѣдѣ мало заботились; побѣдить или потерпѣть пораженіе, только бы поскорѣе домой возвратиться! Для этого скораго возвращенія войну вы оставили, и отъ этого послѣ было много пролитія христіанской крови. На приступѣ, если бъ я васъ не удержалъ, то вы хотѣли погубить православное воинство, начавши дѣло не во-время". Какъ согласить эти слова: „я посылалъ, если бъ я васъ не удержалъ" съ словами: „вы государились, а я ничѣмъ не владѣлъ?" Эти несогласія показываютъ намъ ясно, съ какого рода памятникомъ мы имѣемъ дѣло, и какъ мы имъ должны пользоваться.

Важное значеніе Сильвестра и Адашева, проистекавшее изъ полной довѣренности къ нимъ Іоанна въ извѣстное время, безспорно, явственно изъ всѣхъ источниковъ; но вмѣстѣ явно также, что Іоаннъ никогда не былъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ этихъ близкихъ къ нему людей. Война Ливонская была предпринята вопреки ихъ совѣтамъ, они совѣтовали покорить Крымъ. Послѣ взятія Казани, говоритъ Курбскій, всѣ мудрые и разумные (т.-е. сторона Сильвестра) совѣтовали царю остаться еще нѣсколько времени въ Казани, дабы совершенно окончить покореніе страны; но царь „совѣта мудрыхъ воеводъ своихъ не послушалъ, послушалъ совѣта шурей своихъ". Слѣдовательно, Іоаннъ имѣлъ полную свободу поступать по совѣту тѣхъ или другихъ, не находясь подъ исключительнымъ вліяніемъ какой-нибудь одной стороны. Когда въ 1555 году царь выступилъ противъ крымскаго хана и пришла къ нему вѣсть, что одинъ русскій отрядъ уже разбитъ татарами, то многіе совѣтовали ему возвратиться, но храбрые настаивали на томъ, чтобы встрѣтить татаръ: и царь склонился на совѣтъ послѣднихъ, т.-е. на совѣтъ приверженцевъ Сильвестра, потому что когда Курбскій хвалитъ, то хвалитъ своихъ. Такимъ образомъ

мы видимъ, что Іоаннъ въ одномъ случаѣ дѣйствуетъ по совѣту однихъ, въ другомъ другихъ, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ слѣдуетъ независимо своей мысли, выдерживая за нее борьбу съ совѣтниками. О могущественномъ вліяніи Сильвестра говорятъ единогласно всѣ источники; но мы имѣемъ возможность не преувеличивать этого вліянія, установить для него настоящую мѣру, ибо до насъ дошелъ любопытный памятникъ, въ которомъ очень ясно можно видѣть отношенія Сильвестра къ митрополиту Макарію по поводу дѣла о ереси Башкина: „Государю преосвященному Макарію, митрополиту всея Русіи, и всему освященному собору, Благовѣщенскій попъ Селиверстришко челомъ бьетъ. Писалъ тебѣ, государю, Иванъ Висковатый: Башкинъ съ Артемьемъ и Семеномъ въ совѣтѣ, а попъ Семенъ Башкину отецъ духовный и дѣла ихъ хвалитъ; да писалъ, что я, Сильвестръ, изъ Благовѣщенья образа старинные выносилъ, а новые своего мудрованія поставилъ: государь святый митрополитъ! Священникъ Семенъ про Матюшу мнѣ сказывалъ въ Петровъ постъ на заутренѣ: пришелъ на меня сынъ духовный необыченъ, и многіе вопросы мнѣ предлагаетъ недоумѣнные. И какъ государь изъ Кириллова пріѣхалъ, то я съ Семеномъ царю государю все сказали про Башкина. Андрей протопопъ и Алексѣй Адашевъ то слышали жъ. Да Семенъ же сказывалъ, что Матюша спрашиваетъ толкованья многихъ вещей въ Апостолѣ, а самъ толкуетъ, только не по существу, развратно, и мы то государю сказали жъ. И государь велѣлъ Семену говорить Матюшѣ, чтобы онъ всѣ свои рѣчи въ Апостолѣ измѣтилъ, но тогда царь и государь въ Коломну поѣхалъ и то дѣло позалеглось. А про Артемья, бывшаго Троицкаго игумена, сказываетъ Иванъ, что мнѣ съ нимъ совѣтъ былъ: но до Троицкаго игуменства я его вовсе не зналъ; а какъ избирали къ Троицѣ игумена, то Артемья привезли изъ пустыни; государь велѣлъ ему побыть въ Чудовѣ, а мнѣ велѣлъ къ нему приходить и къ себѣ велѣлъ его призывать и смотрѣть въ немъ всякаго нрава и духовной пользы. Въ то же время ученикъ его Порфирій при-

ходилъ къ Благовѣщенскому священнику Семену и велъ съ нимъ многія бесѣды пользы ради; Семенъ мнѣ пересказывалъ все, что съ нимъ говорилъ Порфирій; я усумнился, позвалъ Порфирія въ себѣ, дважды, трижды бесѣдовалъ съ нимъ довольно о пользѣ духовной, и все пересказалъ царю государю. Тогда царь государь, Богомъ дарованнымъ своимъ разумомъ и благоразсуднымъ смысломъ, ошибочное Порфиріево ученіе и въ учителѣ его Артеміи началъ примѣчать". Здѣсь, съ одной стороны, видна высокая степень довѣрія, которою пользовался Сильвестръ: его посылалъ царь къ Артемію испытать, годится ли послѣдній занять мѣсто Троицкаго игумена; но, съ другой стороны, ясно видно, что Сильвестръ долженъ былъ обо всемъ докладывать Іоанну, и тотъ самъ распоряжался, какъ вести дѣло, самъ вникалъ въ него и своимъ разумомъ и смысломъ подмѣчалъ то, чего не могъ замѣтить Сильвестръ; когда Іоаннъ уѣзжалъ изъ Москвы—дѣла останавливались. Какъ же послѣ этого можно буквально принимать слова Іоанна и думать, что Сильвестръ владѣлъ государствомъ, оставляя ему одно имя царя? Всего страннѣе предполагать, чтобы человѣка съ такимъ характеромъ, какой былъ у Іоанна, можно было держать въ удаленіи отъ дѣлъ! Наконецъ мы считаемъ за нужное сказать нѣсколько словъ о поведеніи Іоанна относительно крымскаго хана послѣ сожженія Москвы Девлетъ-Гиреемъ, потомъ относительно короля шведскаго и особенно относительно Баторія: непріятно поражаетъ насъ этотъ скорый переходъ отъ гордости къ униженію; мы готовы и, по своимъ понятіямъ, имѣемъ право видѣть здѣсь робость. Но мы не должны забывать разности понятій, въ какихъ воспитываемся мы и въ какихъ воспитывались предки наши XVI вѣка; мы не должны забывать, какъ воспитаніе въ извѣстныхъ правилахъ, образованность укрѣпляютъ насъ теперь, не позволяютъ намъ обнаруживать этихъ рѣзкихъ переходовъ, хотя бы они и происходили внутри насъ. Но люди вѣковъ предшествовавшихъ не знали этихъ искусственныхъ укрѣпленій и сдерживаній, и потому не стыдились рѣзкихъ перехо-

довъ отъ одного чувства къ другому противоположному; эту рѣзкость переходовъ мы легко можемъ подмѣтить и теперь въ людяхъ, которые по степени образованія всего болѣе приближаются къ предкамъ. Притомъ, относительно Іоанна IV мы не должны забывать, что это былъ внукъ Іоанна III, потомокъ Всеволода III; если нѣкоторые историки заблагоразсудили представить его вначалѣ героемъ, покорителемъ царствъ, а потомъ человѣкомъ постыдно робкимъ, то онъ нисколько въ этомъ не виноватъ. Онъ предпринялъ походъ подъ Казань по убѣжденію въ его необходимости, подкрѣплялся въ своемъ намѣреніи религіознымъ одушевленіемъ, сознаніемъ, что походъ предпринятъ для избавленія христіанъ отъ невѣрныхъ; но вовсе не велъ себя Ахиллесомъ: сцена въ церкви на разсвѣтѣ, когда уже войска пошли на приступъ, сцена такъ просто и подробно разсказанная лѣтописцемъ, даетъ самое вѣрное понятіе объ Іоаннѣ, который является здѣсь вовсе не героемъ. Іоаннъ самъ предпринималъ походъ подъ Казань, потомъ подъ Полоцкъ, въ Ливонію, по убѣжденію въ необходимости этихъ походовъ, въ возможности счастливаго ихъ окончанія, и тотъ же самый Іоаннъ спѣшилъ какъ можно скорѣе прекратить войну съ Баторіемъ, ибо видѣлъ недостаточность своихъ средствъ для ея успѣшнаго веденія: точно такъ, какъ дѣдъ его, Іоаннъ III самъ ходилъ съ войскомъ подъ Новгородъ, подъ Тверь, разсчитывая на успѣхъ предпріятія, и обнаружилъ сильное нежеланіе сразиться съ Ахматомъ, потому что успѣхъ былъ вовсе невѣренъ.

4. Форма изложенія писемъ Іоанна Грознаго и Курбскаго.

(С. Соловьевъ).

Скажемъ нѣсколько словъ о формѣ, ибо послѣдняя послужитъ намъ объясненіемъ характера этого знаменитаго историческаго лица, и средствъ, которыми владѣлъ Іоаннъ. По тогдашнимъ средствамъ къ умственному образованію, Іоаннъ былъ

начетчикъ, самоучка, и съ нимъ случилось то же самое, что можно видѣть и теперь на подобныхъ начетчикахъ: формы языка, на которомъ читалъ онъ, формы, имѣвшія для него важное, священное значеніе, эти формы густо столпились въ его памяти, и когда онъ хотѣлъ употреблять ихъ, то, безъ изученія особенностей этихъ формъ, руководясь только одною памятью, онъ часто не могъ совладѣть съ ними, съ постройкой рѣчи, накидывалъ слова, предложенія безъ всякой связи, бросался отъ одного предмета къ другому, не окончивши одного, начиналъ другое. Сюда же должно присоединить еще страстность Іоанна, которая препятствовала ему спокойно обдумывать то, что онъ писалъ.

Что читалъ Іоаннъ, это ясно видно изъ его писемъ: священное Писаніе, переведенныя сочиненія отцовъ Церкви, русскія лѣтописи, хронографы, изъ которыхъ бралъ свѣдѣнія о римской и византійской исторіи; но преимущественно онъ находился подъ вліяніемъ двухъ первыхъ, такъ что посланія его наполнены мѣстами изъ св. Писаній и сочиненій св. отцовъ. Талантъ Іоанна виденъ въ искусномъ употребленіи средствъ: въ перепискѣ съ Курбскимъ онъ ловко обращается къ религіозному чувству послѣдняго и выставляетъ ему на видъ ту сторону его поступка, противъ которой это чувство особенно должно было вопіять: „Князь! зачѣмъ ты продалъ душу за тѣло, ты озлобился на меня, и душу свою погубилъ, потому что поднялъ руки на церковное разореніе. Не думаешь ли, что убережешься отъ этого? никакъ. Если ты пойдешь вмѣстѣ съ ними (литовцами) воевать, то непремѣнно будешь церкви разорять, иконы попирать, христіанъ губить. Представь себѣ, какъ нѣжныя тѣла младенцевъ будутъ попираемы и терзаемы конскими ногами. Такимъ образомъ, твое злобѣсное умышленіе развѣ не уподобляется Иродову неистовству, направленному противъ младенцевъ? Неужели ты назовешь это благочестіемъ? Итакъ, ты ради тѣла погубилъ душу, ради славы мимотекущія иріобрѣлъ безславіе, и не на человѣка озлобился, а на Бога возсталъ. Разумѣй, несчастный,

съ какой высоты и въ какую пропасть ты низвергнулся душою и тѣломъ! Могутъ понять и тамъ, кто поумнѣе, что ты отъѣхалъ, желая славы мимотекущія и богатства, а не отъ смерти бѣгалъ. Если ты праведенъ и благочестивъ, то зачѣмъ испугался неповинной смерти, которая не есть смерть, но пріобрѣтеніе". Потомъ Іоаннъ словами Писанія доказываетъ, что и самый отъѣздъ Курбскаго, даже и безъ войны противъ православнаго отечества есть грѣхъ. „Зачѣмъ ты презрѣлъ апостола Павла, который говоритъ: „противящійся власти, Божію повелѣнію противится". Смотри и разумѣй: кто Богу противится, тотъ называется отступникомъ, и это величайшій грѣхъ". Курбскій указываетъ на происхожденіе свое отъ святого князя Θеодора Ростиславича Смоленскаго-Ярославскаго и отдаетъ свое дѣло на судъ этому предку своему. Но Іоаннъ низлагаетъ его и здѣсь: „Съ охотою принимаю въ судьи святого Θеодора Ростиславича, хотя онъ тебѣ и родственникъ; потому что кто былъ праведенъ здѣсь, въ земной жизни, тотъ тѣмъ болѣе творитъ праведное по смерти, и праведно разсудитъ онъ между нами и вами. Этотъ самый святый князь Θеодоръ исцѣлилъ царицу нашу Анастасію, которую вы уподобляли Евдокіи: ясно, что онъ не вамъ, но намъ недостойнымъ милость свою простираетъ; такъ и теперь надѣемся, что онъ будетъ помогать болѣе намъ, чѣмъ вамъ. Если бъ вы были чада Авраама къ сѣмени Авраамову причитаются, но живущіе въ вѣрѣ Авраамовой. Ты пишешь, что хочешь письмо свое въ гробъ съ собою положить: значитъ, ты отложилъ уже и послѣднее свое христіанство. Господь повелѣлъ не противиться злу, а ты и конечное прощеніе отвергаешь: такъ не слѣдуетъ тебя и погребать по-христіански". Изъ св. Писанія заимствуетъ Іоаннъ уподобленія свои: „Ради временной славы (пишетъ онъ къ Курбскому), и сребролюбія, и сладости міра сего, ты все свое благочестіе душевное съ христіанскою вѣрою и закономъ попралъ; ты уподобился сѣмени, падающему на камень

и выросшему при жарѣ солнечномъ, но вдругъ ради слова ложнаго ты соблазнился, отпалъ и плода не сотворилъ".

Понятно, что, при томъ недостаточномъ состояніи просвѣщенія, въ какомъ находилось русское общество въ описываемое время, грамотей, начетчикъ тѣмъ большимъ пользовался уваженіемъ, чѣмъ больше выказывалъ свою ученость, начитанность въ рѣчахъ и посланіяхъ; понятно, что Іоаннъ любилъ выказывать свою ученость, помѣщая въ письмахъ своихъ обширныя историческія выписки: любятъ обыкновенно хвастаться тѣмъ, что̀ рѣдко и ново; толпа увлекается количесвомъ, обиліемъ; законность вопроса о приличіи, о мѣрѣ признается еще очень немногими, умственно возмужалыми; Іоаннъ же по природѣ своей не могъ принадлежать къ этимъ немногимъ, ибо менѣе другихъ былъ способенъ удовлетворять требованіямъ приличія и мѣры. Плодовитость рѣчи, неумѣнье сдержаться, умѣрить себя, происткая вообще отъ страстности его природы, зависѣли также болѣе или менѣе и отъ особеннаго состоянія его духа: такъ первое посланіе къ Курбскому, написанное въ сильномъ волненіи и гнѣвѣ, отличается особеннымъ многорѣчіемъ; второе посланіе кратко: между другими причинами этой краткости нельзя не признать и ту что второе посланіе написано при большемъ спокойствіи духа, при большемъ довольствѣ своимъ положеніемъ, отъ военныхъ удачъ происшедшихъ.

Болѣзненное нравственное состояніе въ Іоаннѣ всего болѣе выражается въ этой насмѣшливости, въ этомъ желаніи поймать человѣка на словѣ, поставить его въ трудное положеніе и наслаждаться этимъ, въ отсутствіи уваженія, снисхожденія къ несчастному положенію человѣка, въ желаніи не утѣшить человѣка въ бѣдѣ, но возложить на него вину бѣды, показать ему, что онъ не имѣетъ права жаловаться. Неудивительно, что онъ не щадитъ въ своихъ насмѣшкахъ Курбскаго: „Писалъ ты себѣ въ досаду, отвѣчаетъ онъ ему, что мы тебя въ дальніе города, какъ бы въ опалѣ держа, посылали; теперь мы, по волѣ Божіей, и дальше твоихъ далекихъ городовъ

прошли, и кони наши переѣхали всѣ ваши дороги изъ Литвы и въ Литву, и пѣши мы ходили и воду во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ пили: такъ теперь уже нельзя говорить, что не вездѣ коня нашего ноги были. И гдѣ ты хотѣлъ успокоиться отъ всѣхъ трудовъ твоихъ, въ Вольмарѣ, и тутъ на покой твой Богъ насъ принесъ; и гдѣ ты думалъ, что ушелъ, а мы тутъ, по волѣ Божіей, догнали. И ты дальше поѣхалъ".

Письма Курбскаго относительно изложенія носятъ иной характеръ, чѣмъ письма къ нему Іоанновы, по разнымъ причинамъ. Во-первыхъ, Іоаннъ былъ начетчикъ, самоучка; Курбскій былъ ученикомъ Максима Грека, и поэтому долженъ былъ уже имѣть другія, высшія понятія о риторствѣ въ словесной премудрости, долженъ былъ пріобрѣсти большее умѣнье разбираться въ словесномъ матеріалѣ и давать своей рѣчи большую стройность. Въ отвѣтѣ Іоанну Курбскій укоряетъ его за неприличное многословіе, за нестройность рѣчи, за слишкомъ обширныя выписки изъ св. Писанія и отеческихъ твореній: „Широковѣщательное и многошумящее твое писаніе я получилъ, выразумѣлъ и понялъ, что оно отрыгнуто отъ неукротимаго гнѣва съ ядовитыми словами, что̀ не только царю, столь великому и во вселенной славимому, но и простому, убогому воину было бы неприлично; особенно въ немъ много изъ священныхъ Писаній нахватано, и приведены эти слова со многою яростью и лютостью, не строками и не стихами, какъ обычай искуснымъ и ученымъ, которые въ краткихъ словахъ многій разумъ замыкаютъ, но сверхъ всякой мѣры, и перепутано, цѣлыми книгами, и паремьями и посланіями! Тутъ же говорится и о постеляхъ, и о тѣлогрѣяхъ, и о всякой всячинѣ, точно басни бабъ неистовыхъ, и такъ все варварски, что не только ученымъ и искуснымъ мужамъ, но и простымъ, даже дѣтямъ въ удивленіе и смѣхъ, особенно въ чужой землѣ, гдѣ находятся люди, не только въ грамматическихъ и риторскихъ, но и въ діалектическихъ и философскихъ ученіяхъ искусны". Дѣйствительно, если сравнимъ

по формѣ письма Іоанна съ письмами Курбскаго, то не можемъ не отдать преимущества послѣднему; вотъ, напримѣръ, начало одного изъ писемъ его къ царю: „Если пророки плакали и рыдали о градѣ Іерусалимѣ и о церкви преукрашенной, изъ камня прекраснѣйшаго созданной, и о гибели живущихъ въ немъ: то какъ намъ не восплакать о разореніи града Бога живаго, или церкви твоей тѣлесной, которую создалъ Господь, а не человѣкъ, въ которой нѣкогда Духъ Святый пребывалъ, которая послѣ прехвальнаго покаянія была вычищена и чистыми слезами измыта, отъ которой чистая молитва, какъ благоуханное муро или ѳиміамъ, ко престолу Господню восходили, въ которой, на твердомъ основаніи правовѣрной вѣры, благочестивыя дѣла созидались, и въ этой церкви царская душа, какъ голубица съ посеребренными крылами, блисталась, честнѣе и свѣтлѣе золота, благодатью Духа Святаго преукрашенная дѣлами, укрѣпленная и освѣщенная тѣломъ и кровію Христовою. Такова твоя прежде бывала церковь тѣлесная!“

Большей стройности, большему изяществу и спокойствію рѣчи Курбскаго содѣйствовало еще то, что онъ былъ способнѣе сохранять спокойствіе, не былъ такъ раздражителенъ и страстенъ, не былъ такъ испорченъ въ молодости, какъ Грозный. Наконецъ на форму рѣчи Курбскаго должно было имѣть сильное вліяніе то положеніе, въ которомъ онъ явился писателемъ, положеніе изгнанника. Чувство ненависти къ гонителю, побуждавшее его къ рѣчи гнѣвной, умѣрялось другимъ чувствомъ, чувствомъ глубокой скорби о потерѣ отечества, о безотрадности положенія своего. Это особенно ощутительно въ первомъ посланіи, которое состоитъ изъ одного болѣзненнаго вопля: „Зачѣмъ, о царь! ты побилъ сильныхъ во Израили, и воеводъ, отъ Бога тебѣ данныхъ, различнымъ смертямъ предалъ, и побѣдоносную и святую кровь ихъ въ церквахъ Божіихъ и на торжествахъ владычнихъ пролилъ, и мученическою кровью ихъ праги церковные обагрилъ! на доброхотовъ твоихъ, душу за тебя полагающихъ, неслыханныя

мученія, гоненія и смерти умыслилъ, измѣнами, чародѣйствами и другими неподобными поступками облыгая православныхъ, стараясь усердно свѣтъ въ тьму переложить и сладкое прозвать горькимъ? Чѣмъ провинились они предъ тобою, о царь! или чѣмъ прогнѣвали тебя, христіанскій предстатель! Не прегордыя ли царства храбростью своею разорили и сдѣлали тебѣ подручниками тѣхъ, у которыхъ прежде въ рабствѣ были праотцы наши? Не претвердые ли города германскіе тщаніемъ разума ихъ отъ Бога тебѣ даны были? И вотъ твое намъ воздаяніе за это: всеродно губишь насъ! Или думаешь, что ты безсмертенъ, или прельщенъ ересью и думаешь, что не будетъ суда Іисусова? Онъ, Христосъ мой, сѣдящій на престолѣ херувимскомъ, судья между тобою и мною. Какого зла и гоненія отъ тебя я не претерпѣлъ? какихъ бѣдъ и напастей на меня ты не подвигнулъ? какихъ ожесточеній презлыхъ на меня не взвелъ? Приключившіяся мнѣ отъ тебя различныя бѣды по порядку, за множествомъ ихъ, не могу теперь исчислить: потому что объятъ еще горестью души моей. Но скажу все вмѣстѣ: всего я лишенъ и отъ земли Божіей понапрасну отогнанъ!"

5. Борьба Грознаго съ боярствомъ.

(Проф. Ключевскаго).

Разсорившись съ своимъ боярствомъ, царь Иванъ покинулъ въ 1564 году Кремль, Москву, всѣ свои „государства" и самый титулъ царя, учредилъ себѣ новый дворъ съ особыми боярами, дворянами, приказными и другими людьми, оставивъ прежній правительственный и придворный штатъ при его должностяхъ, отобралъ для этого новаго двора нѣсколько улицъ въ Москвѣ и нѣсколько областей въ государствѣ, оставивъ другія улицы и области подъ властью боярской думы и подчиненныхъ ей приказовъ, началъ скромно зваться Иванцомъ Васильевымъ, княземъ московскимъ, ходить и ѣздить въ „смирномъ" черномъ платьѣ и немилостиво казнить

тѣхъ, кого считалъ измѣнниками. Государь, потратившій столько усилій мысли, чтобъ усвоить себѣ понятіе о единствѣ верховной власти, ввелъ „раздѣленіе земли и градовъ“; объявивъ предъ лицомъ земли, что всѣ боярe измѣнники, и что на простыхъ людей царской опалы и гнѣва нѣтъ, онъ оставилъ этихъ вѣрныхъ ему простыхъ людей земли подъ властью боярской думы, наполненной измѣнниками.

Въ опричнинѣ надобно различать двѣ стороны: ея политическую форму и ея политическую цѣль. Первая вовсе не была новостью въ русскомъ государственномъ устройствѣ, введенной царемъ Иваномъ. Это знакомый намъ удѣлъ. Самый терминъ *опричнина* былъ заимствованъ изъ удѣльнаго языка: такъ назывались особыя выдѣленныя владѣнія, преимущественно тѣ, которыя отдавались въ полную собственность княгинямъ-вдовамъ, въ отличіе отъ данныхъ въ пожизненное пользованіе, отъ *прожитковъ*. Въ актахъ XVI вѣка *опричный* значитъ чужой, сторонній, не принадлежащій къ извѣстному обществу или уѣзду. Князь Курбскій подыскалъ мѣткій этимологическій синонимъ этого термина, но только этимологическій, назвавъ опричниковъ „кромѣшниками“, удачно играя буквальнымъ и переноснымъ смысломъ этого слова. Никогда прежде не существовало удѣла, состоявшаго изъ тѣхъ именно городовъ, какіе взяты царемъ въ опричнину. Но Иванъ поступалъ согласно съ преданіемъ удѣльныхъ вѣковъ, составивъ свой новый удѣлъ частію изъ городовъ, принадлежавшихъ къ старинной вотчинѣ московскихъ князей, каковы были Можайскъ, Устюгъ, Медынь, Ярославецъ, частію изъ недавнихъ сравнительно пріобрѣтеній московскихъ государей, какими были Двина, Волга, Вязьма, Бѣлевъ, наконецъ, изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ сельскихъ волостей, разбросанныхъ въ московскомъ и другихъ уѣздахъ, которые не были взяты въ опричнину. Изъ такихъ именно разрядовъ земель и съ такой же черезполосицей предки Грознаго составляли удѣлы своимъ дѣтямъ въ духовныхъ грамотахъ. Самое управленіе въ опричнинѣ было устроено по старому удѣльному образцу, сколько можно

судить о томъ по скуднымъ слѣдамъ дѣятельности опричной администраціи. Какъ въ удѣльное время привилегированное лицо получало право судиться у самого князя или его боярина введеннаго, такъ и теперь въ жалованной грамотѣ игумену Махрищскаго монастыря 1571 г. царь писалъ объ искахъ стороннихъ людей на игуменѣ съ братіей или на ихъ слугахъ и крестьянахъ: „а сужу ихъ язъ, царь и великій князь, или мой бояринъ введенный *у насъ въ опричнинѣ*". Какъ въ удѣльное время все центральное управленіе заключалось въ предѣлахъ дворцоваго вѣдомства, дворъ князя составлялъ собственно княжеское правительство; такъ и опричнина нѣсколько лѣтъ спустя послѣ ея учрежденія была переименована *во дворъ*, а бояре и дворяне опричные въ бояръ и дворянъ *дворовыхъ*. Наконецъ самымъ опричнымъ своимъ титуломъ царь противополагалъ опричнину землѣ, какъ удѣльную часть всему національному и государственному, земскому цѣлому; нѣкоторое время онъ офиціально назывался просто „княземъ *московскимъ*", даже не великимъ, предоставивъ титулъ „великаго князя *всея Руси*", поставленному имъ во главѣ земщины крещенному хану касимовскому Симеону.

Но, возстановляя старую форму, уже отжившую, повидимому, свое время, царь указалъ ей цѣль, для которой прежде не существовало особаго учрежденія: установляя опричнину, онъ задумалъ вывести измѣну изъ русской земли. По челобитью духовенства царь воротился на покинутое имъ государство, но съ тѣмъ, чтобы ему на своихъ измѣнниковъ и ослушниковъ опалу класть, а иныхъ казнить, имѣніе ихъ брать на себя, чтобы духовенство, бояре и приказные люди все это положили на его государской волѣ, ему въ томъ не мѣшали. Такимъ образомъ учреждалась высшая полиція по дѣламъ государственной измѣны; назначенный по уставу новаго учрежденія опричный отрядъ въ 1000 человѣкъ становился корпусомъ дозорщиковъ внутренней крамолы. Но направленная противъ людей правительственнаго класса, опричнина не касалась политическаго положенія всего этого класса.

Высшее управленіе оставалось аристократическимъ попрежнему; боярская дума продолжала руководить землей посредствомъ подчиненныхъ ей приказовъ; теперь, поставленная во главѣ земщины, она какъ будто даже стала самостоятельнѣе прежняго. Къ сожалѣнію, остается неизвѣстенъ хранившійся въ одномъ изъ ящиковъ царскаго архива подлинный „указъ объ опричнинѣ", и мы знаемъ его содержаніе только по изложенію лѣтописца. Послѣдній пишетъ, что учреждая опричнину, царь приказалъ вѣдать государство свое московское, воинство, судъ и управу и всякія земскія дѣла дѣлать своимъ земскимъ боярамъ, къ которымъ должны приходить съ докладомъ о „большихъ дѣлахъ" управляющіе отдѣльными приказами, а сами бояре обязаны приходить къ государю, когда будутъ какія „ратныя вѣсти или земскія великія дѣла". И прежде бояре иногда судили въ думѣ о дѣлахъ безъ государя; но это было отступленіемъ отъ заведеннаго порядка, которое допускалось въ исключительныхъ случаяхъ. Теперь, повидимому, такія засѣданія становились обычными, и докладъ государю ограничивался лишь наиболѣе важными государственными дѣлами; слѣдовательно, боярскіе приговоры по всѣмъ прочимъ вопросамъ получили силу закона и безъ этого доклада.

Такое странное сочетаніе старой, уже отжившей политической формы съ новой, еще небывалой правительственной задачей и сочетаніе ихъ обѣихъ съ существующимъ правительственнымъ порядкомъ, которому была чужда та и другая, вызвано было однимъ любопытнымъ эпизодомъ нашей политической исторіи XV и XVI вѣка. Этотъ эпизодъ принято называть борьбой московскихъ государей съ своимъ боярствомъ. Не только люди послѣдующихъ поколѣній, но и современники, даже сами участники борьбы расположены были видѣть источникъ ея въ непримиримости политическихъ притязаній тогдашняго боярства съ политическими понятіями и стремленіями государей, преимущественно Грознаго. Но извѣстны привычки бойцовъ въ пылу боя забывать происхожде-

ніе и первоначальную цѣль борьбы и останавливаться въ оцѣнкѣ ея на послѣднемъ пережитомъ моментѣ. Этимъ объясняется, какимъ образомъ малыя причины иногда рождають великія ссоры и наоборотъ важныя разногласія разрѣшаются мелкими распрями. Обѣ стороны, боровшіяся въ Москвѣ XVI вѣка, даютъ поводъ сомнѣваться въ такомъ происхожденіи ихъ борьбы, какое онѣ сами ей приписывали. Во-первыхъ, притязанія боярства далеко не были такъ рѣшительны и радикальны, чтобы не оставалось никакой возможности примиренія. Они шли немного дальше дѣйствительности; притомъ важнѣйшія изъ нихъ были признаны государями. Боярская программа состояла не столько въ требованіи политическихъ нововведеній, сколько въ защитѣ дѣйствовавшихъ правительственныхъ обычаевъ. Былъ важный недостатокъ въ политическомъ положеніи боярства—отсутствіе надежныхъ обезпеченій этого положенія: но требованія такихъ обезпеченій не находимъ и въ боярской программѣ. Съ другой стороны, если бы споръ шелъ о политическомъ порядкѣ и выходилъ изъ несогласимыхъ между собою плановъ государственнаго устройства, отъ царя прежде всего можно было бы ожидать прямого отвѣта на вопросъ, какого онъ хочетъ порядка, того ли, какой тогда складывался и дѣйствовалъ, или какого-нибудь другого. Письма Ивана къ Курбскому наиболѣе полная его политическая исповѣдь. Онѣ рѣшительно подкупаютъ читателя своей задушевностью, жаромъ рѣчи, иногда доходящимъ до ораторскаго блеска. Подъ первымъ впечатлѣніемъ этой корреспонденціи, въ которой каждая страница кипитъ и пѣнится, читатель готовъ признать у царя самыя широкія и возвышенныя политическія воззрѣнія. Но снявъ эту пѣну, находимъ подъ нею скудный запасъ идей и довольно много противорѣчій. Онъ, пользуясь его же выраженіемъ, собственно „едино слово пишетъ, обращая сѣмо и овамо", діалектически развиваетъ одну идею, которую противопоставляетъ притязаніямъ своихъ политическихъ противниковъ: это идея самодержавія, которое Иванъ старается утвердить на историческихъ и по-

литическихъ основаніяхъ. Самодержавіе для него исконный фактъ нашей исторіи, который онъ ведетъ отъ Владиміра Святого, прибавляя, что русскіе самодержцы изначала сами владѣютъ своими царствами, а не бояре и вельможи. Единая и полная власть, сосредоточенная въ рукахъ царя, необходима для водворенія внутренняго порядка, для прекращенія междоусобныхъ браней и самовольства. Но боярство, по крайней мѣрѣ, его литературные представители, возставали не противъ того самодержавія, которое шло отъ Владиміра Святого, а противъ самодержавія, окруженнаго кромѣшниками, жертвой котораго палъ св. Филиппъ, и въ которомъ царь Алексѣй, также самодержавный, принесъ торжественное покаяніе за своего предшественника, за „прадѣда“ своего царя Ивана. Съ особенной горечью жалуется царь на бояръ во имя своего самодержавія, вспня ихъ въ тѣхъ стѣсненіяхъ, какія онъ терпѣлъ отъ „попа невѣжи“ и „собаки“ А. Адашева съ ихъ совѣтниками: они сняли съ царя всю власть, оставили ему только честь предсѣдательства и званіе царя, а на дѣлѣ сталъ онъ ничѣмъ не лучше холопа; они совѣтовались обо всемъ тайкомъ отъ царя, всѣ дѣла рѣшали, какъ хотѣли, ни въ чемъ его не спрашиваясь, какъ будто его и не было, или былъ онъ младенцемъ неразумнымъ. Но если дѣйствительно таково было значеніе Сильвестра, какимъ изобразилъ его Иванъ, если и по словамъ лѣтописца этотъ іерей былъ „аки все мога“, неограниченно распоряжался всѣми церковными и государственными дѣлами, только что не имѣлъ званія и сѣдалища царскаго и святительскаго, то въ этомъ вовсе не были виноваты бояре. Точно также не боярами, а скорѣе на зло боярамъ Адашевъ взятъ былъ „отъ гноища“ и изъ батожниковъ пожалованъ въ вельможи. Прежде всего на самого себя долженъ былъ царь пенять за то, что оба избранника не оправдали его довѣрія. Политическое значеніе боярства, его притязанія не были виной того, что эти люди, не принадлежавшіе къ боярскому кругу, стали временщиками, подобрали царю непочтительныхъ къ нему совѣтниковъ и па-

чали „всѣхъ бояръ въ самовольство приводити"; царь самъ отдался имъ въ руки, испуганный событіями 1547 года. Иванъ какъ будто не замѣчалъ, что обвиняетъ противниковъ въ собственныхъ ошибкахъ и слабостяхъ и самъ выдаетъ имъ свое самодержавіе. И это самодержавіе для него не политическій порядокъ, а простая личная власть или голая отвлеченная идея: не безъ искусства развивая ее діалектически, онъ не выводитъ изъ нея всѣхъ практическихъ послѣдствій, она не облекается у него въ опредѣленный планъ государственнаго устройства. Вся его философія самодержавія сводится къ одному простому заключенію: „жаловать своихъ холопей мы вольны, и казнить ихъ вольны же". Но это заключеніе вовсе не отличалось новизною: оно такъ легко давалось уже князьямъ удѣльнаго времени безъ помощи возвышенныхъ теорій самодержавія, безъ той начитанности и тѣхъ усилій мысли, какія потрачены были царемъ Иваномъ въ полемикѣ съ бѣглымъ бояриномъ. Въ актахъ удѣльнаго времени оно и выражалось почти тѣми же словами: „я, князь великій Борисъ Александровичъ (тверской) воленъ, кого жалую, кого казню, а другому въ то не вступаться", читаемъ мы въ договорной грамотѣ одного изъ этихъ князей, писанной лѣтъ за 170 до полемики Грознаго съ Курбскимъ. Такое простое пониманіе самодержавія выработано удѣльнымъ порядкомъ, который зналъ не государя-правителя съ его подданными, а хозяина-вотчинника съ его холопами, въ которомъ вольные люди были политическою случайностью, временными обывателями на наемной землѣ или службѣ. На такомъ основаніи можно было построить не государственный порядокъ въ объединенной Великой Руси, а запоздалую пародію удѣла, чѣмъ и были опричники царя Ивана. Не вопросомъ объ основаніяхъ государственнаго порядка вызвана была вражда, литературнымъ памятникомъ которой осталась полемическая корреспонденція царя съ бояриномъ. Этотъ вопросъ затрогивается въ корреспонденціи лишь кстати, къ слову; Курбскій даже почти вовсе не затрогиваетъ его въ своихъ письмахъ. Не

противоположные политическіе принципы, а личные счеты и взаимныя огорченія раздѣляютъ обоихъ корреспондентовъ. Потому въ своей перепискѣ они не столько полемизируютъ другъ съ другомъ, сколько жалуются другъ на друга и исповѣдуются одинъ другому. Курбскій, вообще болѣе противника владѣвшій собою, самъ замѣтилъ это и прямо назвалъ посланіе царя исповѣдью, съ ироніей прибавивъ, что будучи не пресвитеромъ, а военнымъ и къ тому же очень грѣшнымъ человѣкомъ, не считаетъ себя достойнымъ и краемъ уха послушать царской исповѣди. У обоихъ корреспондентовъ есть свои больныя мѣста, о которыхъ каждый усердно твердитъ другому, плохо вслушиваясь въ рѣчь противника. — За что ты бьешь насъ, вѣрныхъ слугъ своихъ? спрашиваетъ Ивана Курбскій. — „Нѣтъ, отвѣчаетъ Иванъ Курбскому, русскіе самодержцы изначала сами владѣютъ своими царствами, а не бояре и вельможи“. Такимъ короткимъ діалогомъ можно выразить сущность знаменитой переписки.

Дѣйствительная причина вражды была проще и понятнѣе общихъ политическихъ принциповъ, и всегда не въ мѣру откровенный Иванъ не скрылъ ея въ своей исповѣди. Съ половины XV в. эта вражда дважды обнаружилась съ особенною силой и каждый разъ по одинаковому поводу, по вопросу о престолонаслѣдіи, о преемникѣ. Въ первый разъ, когда вел. кн. Иванъ III развѣнчалъ внука и назначилъ сына, первостепенное боярство стояло за перваго, а его противодѣйствіе великому князю въ этомъ дѣлѣ сопровождалось казнями и насильственными постриженіями. Нерасположеніе великаго князя Василія къ боярству было естественнымъ чувствомъ государя къ людямъ, которые не желали видѣть его на престолѣ и неохотно терпѣли на немъ. Первыя сильныя столкновенія при московскомъ дворѣ, какія помнилъ Иванъ IV, были связаны съ этимъ вопросомъ о престолонаслѣдіи: онъ напоминалъ Курбскому, что отецъ его кн. Михаилъ съ вел. кн. Димитріемъ внукомъ на его государева отца „многія пагубныя смерти умышляли“. Другой случай былъ при самомъ Иванѣ IV въ 1553

году, когда царь опасно занемогъ и потребовалъ отъ бояръ присяги своему новорожденному сыну, а его двоюродный братъ, удѣльный князь Владимиръ, заявилъ притязанія на престолъ, Сильвестръ и Адашевъ вели себя двусмысленно въ этомъ дѣлѣ, а ихъ совѣтники, большинство бояръ, не хотѣли цѣловать креста младенцу, говоря, что его именемъ будутъ править родственники царицы Захарьины. Больной царь на совѣтѣ долженъ былъ черезъ силу уговаривать непокорныхъ бояръ и между прочимъ сказалъ имъ: „вы намъ и дѣтямъ нашимъ служить не хотите, не помните, на чемъ намъ крестъ цѣловали; такъ если *мы вамъ ненадобны*, то это на вашихъ душахъ". Съ тѣхъ поръ и пошла вражда, замѣчаетъ лѣтописецъ, и самъ Иванъ подтверждаетъ это замѣчаніе, отвѣчая Курбскому на обвиненія въ жестокостяхъ: „только бы на меня съ попомъ не стали вы, такъ ничего бы этого и не было". А бояре стали съ попомъ противъ царя, прежде всего въ этомъ несчастномъ дѣлѣ 1553 г. благопріятствуя Владиміру. Воображеніе, всегда господствовавшее надъ нервнымъ царемъ и теперь еще усиленное болѣзнью, нарисовало ему всѣ ужасы, ожидающіе его семью въ случаѣ его смерти. „Не дайте жены моей на поруганіе боярамъ, говорилъ онъ Захарьинымъ и другимъ вѣрнымъ своимъ совѣтникамъ, не дайте боярамъ извести моего сына, возьмите его и бѣгите съ нимъ въ чужую землю". Имъ опять, какъ послѣ московскихъ пожаровъ и волненій 1547 года, овладѣло чувство, которому онъ всегда легко поддавался, чувство страха. Въ немъ заговорилъ инстинктъ самосохраненія убѣдительнѣе всякихъ книжныхъ политическихъ доктринъ: „за себя есми сталъ", пишетъ онъ Курбскому, напоминая, какъ они, бояре, хотѣли посадить на царство Владиміра, а его, „и съ дѣтьми извести". Мы имъ ненадобны, такъ надо бѣжать отъ нихъ или обороняться: это представленіе, несомнѣнно преувеличивавшее опасность, съ тѣхъ поръ, кажется, всю жизнь не покидало царя. Достаточно просмотрѣть его знаменитые синодики опальныхъ, чтобы видѣть, что во время опричнины Иванъ дѣйствовалъ, какъ не въ мѣру

испугавшійся человѣкъ, который, закрывъ глаза, билъ направо и налѣво, не разбирая своихъ и чужихъ. Шла борьба съ измѣнническимъ боярствомъ, а въ помянапье заносились перебитые десятками по разнымъ городамъ и селамъ боярскіе люди, подъячіе, псари, монахи, мастеровые. „скончавшіеся христіане мужского, женскаго и дѣтскаго чина", которыхъ имена, да и политическія вины, прибавить можно, „Ты Самъ, Господи, вѣси", какъ причитаетъ помянникъ послѣ каждой статьи избитыхъ массами.

Такъ борьба московскихъ государей съ боярствомъ имѣла не политическое, а династическое происхожденіе. Несомнѣнно, что въ обоихъ указанныхъ случаяхъ не остались безъ вліянія на образъ дѣйствій бояръ старыя боярскія привычки удѣльнаго времени. Тогда бояринъ считалъ себя въ правѣ выбирать себѣ мѣсто службы, переѣзжая отъ одного князя къ другому. Теперь, когда уѣхать изъ Москвы стало некуда или неудобно, бояре считали возможнымъ выбирать между кандидатами на престолъ. „Чѣмъ намъ служить государю молодому, мы лучше станемъ служить старому князю Владиміру, говорили они въ 1553 году: „какъ служить малому мимо стараго?" Выборъ облегчался отсутствіемъ закона о престолонаслѣдіи. Руководясь правомъ, дѣйствовавшимъ въ частной гражданской средѣ, удѣльные князья не хотѣли стѣснять себя въ распоряженіи своими вотчинами передъ смертью: имъ не приходила мысль о возможности и пользѣ ограниченія личной воли завѣщателя. Этотъ обычай продолжалъ дѣйствовать и въ Московскомъ государствѣ: „кому хочу, тому и дамъ княжество", говорилъ Иванъ III. Цѣну этой личной воли, простой и понятной, московскіе государи почувствовали раньше, чѣмъ стали думать о болѣе сложныхъ политическихъ своихъ прерогативахъ, и дорожили ей больше, чѣмъ послѣдними, когда стали объ нихъ думать. Потому стороннее вмѣшательство въ эту область трогало ихъ больше, чѣмъ могъ трогать общій вопросъ о политическомъ значеніи боярства и его отношеніи къ государевой власти. Едва ли и сами бояре смотрѣли на свое вмѣшатель-

ство въ распоряженія обоихъ Ивановъ о престолонаслѣдіи, какъ на свое право опредѣлять порядокъ преемства верховной власти; они просто хотѣли воспользоваться случаемъ вмѣшаться въ это дѣло, чтобъ устранить непріятнаго преемника. Но легко понять, что династическій случай долженъ былъ поднять и общій политическій вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ обѣихъ сторонъ, о прерогативахъ верховной власти и правахъ аристократіи. Только ни та, ни другая сторона не была приготовлена къ разрѣшенію этого вопроса ни при Иванѣ III, ни при его внукѣ. Страннымъ можетъ показаться, что русское общество инстинктомъ или сознательною мыслью глубже своего правительства проникало въ смыслъ совершившихся событій, лучше понимало политическое положеніе, какое ими создавалось. Писатели XVI вѣка говорили уже „о единомъ существѣ русской земли" и о соединеніи „во едино существо міра всего Божіимъ милосердіемъ и царской добродѣтелью", на чемъ настаиваетъ валаамская *Бесѣда;* еще раньше старецъ Филоѳей въ посланіи къ великому князю Василію писалъ, т.-е. мечталъ о томъ, что уже всѣ христіанскія царства собрались въ одно царство русскаго царя. Политическое единство свободной извнѣ земли неразрывно съ ея національнымъ и церковнымъ единствомъ было для русскаго общества фактомъ, который оно почувствовало живо, съ отрадой и гордостью, почувствовало впервые послѣ ряда вѣковъ внѣшняго порабощенія и внутренняго разъединенія. Офиціальный языкъ, кажется намъ, можетъ служить нѣкоторымъ отраженіемъ политическихъ понятій правителей, которые имъ пользуются. Судя по нему, московское правительство и во второй половинѣ XVI вѣка какъ будто слабо сознавало указанный фактъ и его послѣдствія. Сохранились крестоцѣловальныя записи, по которымъ присягали царю Ивану и его царевичамъ Ивану и Ѳедору областные судьи и таможенные головы: чиновники присягали царю, царицѣ, царевичамъ и ихъ *землямъ*. Ужъ съ конца XV в. московскіе государи не разъ заявляли польскому правительству, что всю русскую

землю считаютъ своей исконной прародительской отчиной; однако и въ XVI и даже въ XVII вѣкѣ они продолжали называться въ торжественныхъ случаяхъ не государями единаго государства Всероссійскаго, а государями Владимірскаго и Московскаго и „всѣхъ великихъ государствъ“ россійскаго царства. Отдѣльная земля, присоединенная къ старой вотчинѣ московскаго государя, долго считалась еще особымъ *государствомъ*, т.-е. особымъ благопріобрѣтеннымъ хозяйствомъ государя, и эта личная связь новаго пріобрѣтенія съ старой вотчиной, состоявшая въ томъ, что у нихъ являлся общій хозяинъ, кажется, чувствовалась яснѣе всякой другой, политической или народной. И царь Иванъ въ письмѣ къ Курбскому писалъ, что русскіе самодержцы изначала сами владѣютъ „всѣми царствы“ своими. Всѣ владѣнія государя составляли единую отчину *государеву*; но правительственное сознаніе долго не могло освоиться съ мыслью, что эта вотчина есть и цѣлое *государственное*. Самъ Иванъ, несмотря на высоту, до которой поднялся его взглядъ на значеніе государя, еще смутно понималъ недѣлимость верховной власти и въ своей духовной далъ удѣлъ младшему сыну, только съ неясной оговоркой, что этотъ удѣлъ „ему же (старшему сыну, царю) къ великому государству“. Московскимъ государямъ, кажется, легче давалась идея самодержавія, чѣмъ идея единодержавія; извѣстны случаи двоегосударія и въ XVII вѣкѣ. Изъ такихъ остатковъ удѣльныхъ отношеній и понятій, признанныхъ или еще не брошенныхъ московскимъ правительствомъ, главнымъ образомъ и слагалось политическое положеніе московскаго боярства въ его новомъ составѣ, ими и питались его аристократическія притязанія. Сопоставляя политическія воззрѣнія обѣихъ сторонъ, высказывавшіяся въ XVI вѣкѣ, находимъ, что они не расходились между собою до невозможности соглашенія. Мы видѣли, что боярство почти не требовало ничего такого, что не было бы допущено государями въ правительственной практикѣ, и не настаивало на многомъ, что тогда еще могло быть допущено въ его пользу.

*

Его литературные представители признавали власть государя, какой она была тогда, со всѣми ея обширными, практически выработавшимися полномочіями, дают государю значеніе главы правительственнаго тѣла, но при этомъ желаютъ, чтобъ и бояре, какъ мудрые совѣтники, были членами того же тѣла, а не отрѣзанными ногтями. Иванъ жаловался на бояръ съ ихъ „начальниками" Сильвестромъ и Адашевымъ, будто они добивались того, чтобъ онъ, царь, только „словомъ былъ государь", а сами хотѣли всѣмъ владѣть и „всю землю русскую подъ ногами своими видѣть". Но это было преувеличеніемъ боярскихъ притязаній со стороны совѣтниковъ, подобранныхъ царю его же любимцами, если только не было преувеличеніемъ со стороны самого Ивана, котораго страхъ, обладавшій слишкомъ великими глазами, заставлялъ давать невѣроятные размѣры своимъ бѣдамъ и опасностямъ. Правда, тотъ же Иванъ непримиримо рѣзко, самымъ остріемъ поставилъ противъ боярства идею неограниченной власти. Но эта идея явилась довольно искусственно, не вышла послѣдовательно изъ органическаго роста привычнаго, отъ предковъ унаслѣдованнаго политическаго сознанія, а была, такъ сказать, наростомъ на этомъ сознаніи, натертымъ уже во время борьбы. Царь пользовался этой идеей, какъ политическимъ оружіемъ противъ бояръ, для оправданія своихъ жестокостей; но она осталась у него безъ практическаго употребленія, ничего не измѣнивъ въ основаніяхъ государственнаго порядка и только увеличивъ существовавшія въ немъ противорѣчія. Итакъ, у обѣихъ сторонъ не было ни готовыхъ противоположныхъ плановъ государственнаго устройства, ни даже непримиримыхъ стремленій, изъ которыхъ могли бы выработаться такіе планы. Но при сходствѣ политическихъ понятій или, лучше сказать, политическихъ привычекъ онѣ еще связаны были одна съ другой важными практическими интересами и очень нуждались другъ въ другѣ. Бояринъ былъ нуженъ и полезенъ государю и внѣ своей правительственной дѣятельности, какъ крупный землевладѣлецъ. О князьяхъ

М. Воротынскомъ и Н. Одоевскомъ Курбскій пишетъ, что они и при Иванѣ IV „велія отчины подъ собою имѣли, а колико тысящъ съ нихъ не чту воинства было слугъ ихъ“; изъ зависти будто бы къ этому воинству царь и погубилъ обоихъ. Значитъ, они выставляли въ поле цѣлые полки ратныхъ людей, которыхъ сами вербовали, вооружали и содержали, избавляя правительство отъ хлопотъ объ этомъ. Въ дѣлѣ обороны страны одинъ такой князь стоилъ цѣлаго уѣзда, наполненнаго мелкими вотчинниками и помѣщиками. Общій интересъ связывалъ обѣ стороны и въ дѣлѣ поземельнаго устройства крестьянскаго труда. Обоюдная выгода ихъ состояла въ томъ, чтобъ этотъ бродячій и безкапитальный трудъ привязать къ мѣсту и расширить его производство. Есть признаки, указывающіе на то, что крупнымъ землевладѣльцамъ это удавалось тогда лучше, чѣмъ мелкимъ и даже чѣмъ обществамъ черныхъ государственныхъ крестьянъ. Различіе интересовъ крупной земельной собственности и государства въ этомъ отношеніи чувствовалось еще слабо въ XVI в. Наконецъ боярство и правительство въ XVI в. вмѣстѣ боролись съ успѣхами монастырскаго землевладѣнія и его послѣдствіями, вредными для обоихъ.

Значитъ, безъ особаго жгучаго повода не отъ чего было возгорѣться пожару лютости въ землѣ русской, воскуряться гоненію великому, на что жалуется кн. Курбскій. Такимъ жгучимъ поводомъ послужило при царѣ Иванѣ повторившееся столкновеніе по вопросу о престолонаслѣдіи. Вызванный этимъ случаемъ споръ продолжался и послѣ него; династическая распря перенесена была въ область высшей политики. Въ странное положеніе ставила эта распря обѣ разсорившіяся стороны: объявили другъ друга врагами, заспорили о власти, о политическихъ принципахъ люди, политически нуждавшіеся другъ въ другѣ, воспитанные въ сходныхъ политическихъ понятіяхъ и привычкахъ, привыкшіе дѣйствовать вмѣстѣ. Не слѣдуетъ однако думать, что вражда продолжалась только по недоразумѣнію, потому что враги не умѣли или не имѣли случая сго-

вориться между собою. Несчастный династическій случай далъ почувствовать обѣимъ сторонамъ, можетъ быть, даже усилилъ существовавшее въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ противорѣчіе, которое безъ того не помѣшало бы имъ мирно ужиться другъ съ другомъ, какъ онѣ уживались во времена Димитрія Донского. Московское государство въ XVI в. представляло монархію съ государемъ во главѣ, власть котораго ничѣмъ формально не была ограничена, кромѣ практической необходимости дѣлиться ею съ знатными недругами. Правительственный обычай и общіе интересы заставляли обѣ стороны дѣйствовать вмѣстѣ, дѣлали ихъ необходимыми другъ для друга, и эта необходимость только обостряла вражду, усиливала столкновенія. Обѣ стороны увидѣли себя въ чрезвычайно неловкомъ положеніи и не знали какъ изъ него выйти. Ни боярство не умѣло устроиться и устроить государственный порядокъ безъ государевой власти, какой она была тогда, ни государь не зналъ, какъ управиться безъ боярскаго содѣйствія съ своимъ царствомъ въ его новыхъ предѣлахъ; ни та, ни другая сторона не знала, какъ ужиться одной съ другой и какъ обойтись другъ безъ друга. Онѣ попытались раздѣлиться, жить рядомъ, но не вмѣстѣ. Попыткой устроить такое политическое сожительство и было раздѣленіе государства на земщину и опричнину. Форма послѣдней была указана или подсказана Ивану московскимъ правительственнымъ преданіемъ. Когда старое удѣльное зданіе Московскаго княжества, такъ сказать, со всѣхъ сторонъ заставилось новыми государственными пристройками, ближняя государева дума послужила одной изъ связей перваго съ послѣдними. Но ближняя дума была реставраціей боярскаго совѣта удѣльнаго времени, когда послѣдній превратился въ постоянный правительственный корпусъ съ опредѣленнымъ многосложнымъ вѣдомствомъ и составомъ, основаннымъ на новомъ складѣ боярства. Не устраняя дѣятельности боярской думы и составляясь обыкновенно изъ ея же членовъ, ближній совѣтъ былъ со стороны государя косвеннымъ признаніемъ этой думы въ значеніи такого правительственнаго

корпуса и, слѣдовательно, признаніемъ боярства въ значеніи правительственнаго класса. Къ ближнимъ думнымъ людямъ примыкали ближніе постельничіе, стольники и нѣкоторые другіе дворцовые чины, которые подъ общимъ названіемъ *ближнихъ людей* слѣдовали въ придворной іерархіи непосредственно за думными и вмѣстѣ съ ближними людьми думныхъ чиновъ составляли государеву *комнату*. Выдѣленіе этой комнаты изъ большого двора было слѣдствіемъ желанія государей сохранить около себя привычную тѣсную обстановку удѣльнаго времени среди придворнаго штата, принимавшаго все бо̀льшіе размѣры: такъ точно, построивъ себѣ большія каменныя палаты, они долго еще продолжали жить въ тѣсныхъ деревянныхъ хоромахъ, напоминавшихъ имъ удѣльныя избы ихъ предковъ. Опричнина была развитіемъ этой комнаты, только доведеннымъ до крайности, получавшимъ ненормальные размѣры согласно съ характеромъ ея учредителя, что еще болѣе дѣлало ее похожей на реставрацію удѣла: въ ней были не только особые ближніе бояре, окольничіе и другіе чины, но и весь дворовый штатъ ближній, полный дворъ, даже съ особой ближней гвардіей, конной и пѣшей. Поэтому на учрежденіе опричнины можно смотрѣть какъ на завершеніе того, чѣмъ была ближняя дума: имъ завершалось признаніе политическаго значенія боярства и боярской думы со стороны государя. Специальной, полицейской цѣлью опричнины не ослаблялось, а только рѣзче обозначалось это признаніе. Опричнина боролась не съ порядкомъ, а съ лицами, провозглашала неблагонадежность послѣднихъ и подтверждала удовлетворительность перваго, была направлена не противъ положенія цѣлаго правительственнаго класса въ государствѣ, а противъ отдѣльныхъ людей этого и даже не одного этого класса, навлекавшихъ на себя полицейское подозрѣніе или попадавшихъ подъ руку царя въ дурную минуту. Такъ въ опричнинѣ сказалось одно изъ главныхъ основаній московскаго государственнаго порядка, создавшагося въ XV—XVI вѣкахъ; надъ *лицами* государь былъ воленъ,

могъ казнить ихъ за вины и опалы на нихъ класть, но не могъ устранить отъ власти правительственнаго *класса*, обойтись безъ его содѣйствія. Того же взгляда держалось само боярство. По наказу, данному боярской думой, московскіе послы кн. И. М. Воротынскій съ товарищами, въ 1615 г. переговариваясь съ поляками, должны были при случаѣ сказать имъ отъ имени „природныхъ“ бояръ: „видали мы отъ прежнихъ государей опалы себѣ, *только во всемъ государствѣ справа всякая была на насъ*, а худыми людьми насъ не безчестили и чести нашей природной не отнимали“. Въ такомъ исходѣ политической борьбы, разрѣшившейся личною враждой, даже не удержавшейся въ предѣлахъ борьбы съ классомъ, и сказалась существенная особенность власти московскаго государя, безграничной по отношенію къ лицамъ, но сдержанной и скромной въ отношеніи къ порядку. Это признаніе выразилось въ болѣе самостоятельной постановкѣ думы, въ томъ, что ей предоставлено было вести текущія дѣла управленія безъ участія царя, который, живя внѣ Москвы, пріѣзжалъ въ столицу „не на великое время“. Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что царь совсѣмъ пересталъ являться въ совѣтъ земскихъ бояръ. Сохранилось нѣсколько приговоровъ думы, изданныхъ во времена опричнины отъ имени первоприсутствующаго боярина съ товарищами, даже съ участіемъ духовенства, но состоявшихся безъ царя, только по царскому приказу или слову. Но извѣстны и законы, начинающіеся обычною формулой приговоровъ царя „со всѣми бояры“, согласно съ указомъ объ опричнинѣ, по которому земскіе бояре должны были приходить къ царю въ случаѣ особо важныхъ земскихъ дѣлъ и ратныхъ вѣстей.

Соединяя черты, которыми обозначились взаимныя отношенія государя и боярства въ XVI в., находимъ, что обѣ стороны признавали другъ за другомъ государственное значеніе, какое для каждой изъ нихъ создалось практически, ходомъ исторіи. Государь признавалъ бояръ прямыми и необходимыми своими сотрудниками въ земскомъ строеніи и рат-

ныхъ дѣлахъ, правящимъ классомъ въ предѣлахъ существующаго порядка. Отецъ и дѣдъ Грознаго признавали это и въ теоріи, и на практикѣ; Грозный въ разгарѣ борьбы попытался отвергнуть это въ теоріи, но продолжалъ признавать на практикѣ. Боярство, съ своей стороны, видѣло въ государѣ необходимаго носителя верховной власти, какъ тогда ее понимало, и не простирало своихъ политическихъ желаній далеко за предѣлы существующаго порядка. Коренного измѣненія послѣдняго, новаго государственнаго строя не добивается ни та, ни другая сторона: обѣ стоятъ на исторической дѣйствительности, на существующихъ фактахъ, не углубляясь въ ихъ внутреннее противорѣчіе другъ другу. Этимъ и парализовалась та доля боярскаго вниманія къ вопросамъ высшей политики, какая оставалась отъ заботъ, возбуждавшихся ходомъ народнаго хозяйства. Правда, со стороны царя обнаруживаются нѣкоторые признаки неяснаго предчувствія этого противорѣчія, смутные помыслы о томъ, что дѣйствующій соціальный составъ управленія въ государствѣ неудобенъ для государя и долженъ быть замѣненъ другими административными орудіями, болѣе соотвѣтствующими политической натурѣ московскаго монарха, какъ онъ начиналъ сознавать себя. Въ извѣстномъ юмористическомъ письмѣ Грознаго къ Васюткѣ Грязному читаемъ откровенное признаніе царя: „по грѣхамъ нашимъ учинилось, и намъ того какъ утаити, что отца нашего бояре учали намъ измѣняти, и мы васъ страдниковъ приближили, хотячи отъ васъ службы и правды“. Этой мысли царь не скрываетъ и въ письмахъ къ Курбскому; она, разумѣется, встрѣчала полное сочувствіе въ обществѣ худородныхъ „кромѣшниковъ“. Здѣсь также роились неясныя идеи дворянской демократіи. Презирая мѣстническое преданіе, упомянутый сейчасъ Васюкъ Грязный отвѣчалъ царю на его признаніе: „ты, государь, какъ Богъ, и малаго дѣлаешь великимъ“. Извѣстно, какъ не любила опричнина мѣстничества. Послѣ спорившіе о мѣстахъ, желая показать, что извѣстный служебный случай былъ неправиленъ и не имѣетъ

цѣны, говорили: „то дѣялось въ опричинѣ". Но и Грозный и Грязные, ему понадобившіеся, оставались пока при однихъ помыслахъ о новомъ порядкѣ, безъ средствъ и рѣшительныхъ попытокъ осуществить ихъ. И въ противной сторонѣ борьба вызвала нѣкоторыя новыя ощущенія, которыя облекшись въ политическія формы, въ опредѣленные планы государственнаго устройства уже въ поколѣніи, слѣдовавшемъ за сверстниками Грознаго. Такъ обѣ стороны до самаго исполненія боярскаго пророчества, до пресѣченія династіи, не нашли выхода изъ неловкаго положенія, въ какомъ себя почувствовали, хотя на одной сторонѣ стоялъ „мужъ чуднаго разсужденія, мужъ толико славенъ и толико многоразсуденъ", какъ отзывались современники о царѣ Иванѣ, да и у противниковъ его не было недостатка ни въ напряженіи мысли, ни въ талантахъ. Это потому, что надъ талантами, идеями, капризами и страхами обѣихъ сторонъ висѣлся порядокъ державшійся на обычаѣ, преданіи, поколебать который онѣ были безсильны, пока онъ самъ не поколебался подъ дѣйствіемъ новыхъ обстоятельствъ.

СЛОВАРЬ.

Абіе. Скоро, тотчасъ, потомъ.

Або, альбо. Или.

Аероплавательный. Воздухоплавательный.

Аеръ. Воздухъ.

Ажъ, аже. Даже.

Аки. Какъ, будто.

Аксамитъ. Бархатъ золотой.

Алавастръ. Алебастръ, кувшинъ алебастровый безъ ручекъ; склянка съ водою.

Аламанскій. Нѣмецкій, германскій.

Анжебы. Чтобы, даже бы.

Антипатъ. Намѣстникъ.

Аргументъ. Доказательство, свидѣтельство.

Армата. Вооруженіе, оружіе; войско.

Асперъ (польск.-лат.). Векша; куны, мордки куньи.

Безвѣстно. Неожиданно, нечаянно.

Бискупъ. Епископъ.

Блазенъ. Шутъ, балясникъ, фигляръ.

Блазенство. Шутовство, фиглярство.

Боккаляръ. Бакалавръ, учитель.

Браться. Сражаться, воевать.

Брашно. Пища, кушанье.

Бронитель. Оборонитель, защитникъ.

Бронить. Оборонять, защищать.

Бурмистръ. Бургомистръ.

Бѣдникъ. Увѣчный.

Бѣдно. Неудобно, трудно.

Важить. Вѣсить, цѣнить, почитать.

Вальный. Всеобщій, главный.

Вдячно. Благодарно.

Вежа. Башня, каланча.

Вельможный. Великомощный.

Вещь общая (*лат.* Respublica). Республика.

Взгонъ. Согнаніе, пагуба.

Взустить. Обуздать.

Виршъ. Стихъ.

Вколо. Около, вокругъ.

Властель. Властитель, владѣтель.

Вода. Начальство, предводительство.

Водлѣ. Подлѣ, близъ; слѣдуя.

Вожъ. Вождь, проводникъ, вожатый.

Возбурить. Взволновать.

Волотъ. Исполинъ, великанъ.

Вноенный. Врожденный, внушенный.

Вреваю. Ввергаю.

Вручь. Врукопашную.

Всенароднѣ. Торжественно, предъ всѣмъ народомъ.

Всенародство. Народъ, чернь.

Всероднѣ. Со всѣмъ родомъ, съ семействомъ.

Вуй. Дядя съ материнской стороны.

Вымова. Краснорѣчіе, произношеніе, выговоръ.

Выспа. Островъ.

Вытекать. *Въ военномъ смыслѣ:* вылазку дѣлать.

Вытечка. Вылазка.

Вязень. Узникъ, плѣнникъ.

Гаггрина. Антоновъ огонь; гангрена.

Гадка. Разсужденіе, рѣчь.

Гаковница. Длинное огнестрѣльное орудіе небольшого калибра, приложенное къ деревянному отрубку.

Галія. Шлюпка, галера.

Гарцовать. Скакать; вступить въ поединокъ, въ схватку.

Гать. Дорога чрезъ болото изъ насыпной земли и хвороста.

Гауры. Агаряне, дѣти Агари. Такъ называли магометане христіанъ, именуя Сарацынами, т. е. потомками Сарры. *Гауръ* или *Гяуръ* есть собственно испорченное *Геберъ*, или *Геверъ*, Гвебръ, Гебръ, огнепоклонникъ, и употребляется турками и персіянами въ общемъ смыслѣ: невѣрный.

Герцовать. Скакать: вступать въ поединокъ. См. гарцовать.

Главной. Головной; уголовный.

Глумленіе. Шутка, насмѣшка, суесловіе.

Говзить. Изобиловать.

Година. Часъ.

Городъ. Замокъ, крѣпость.

Греческій и Грецкій. Греческій.

Гуфъ, гуфецъ. Толпа, отрядъ, строй.

Декретъ. Опредѣленіе, постановленіе; приговоръ.

Дивій. Лѣсной, дикій.

Дольный. Нижній, низовый, лежащій въ долинѣ.

Дондеже. Пока, доколѣ.

Другойцы. Индѣ, въ иномъ мѣстѣ.

Дщица. Доска, дощечка.

Дѣло. Пушка, пищаль, орудіе вообще.

Езерко. Озеро небольшое, или озерко.

Елокуція. Выраженіе, изреченіе; выговоръ.

Жабка. Жаба, лягушка.

Жаловать. Жалѣть о комъ, или чего; также щадить.

Жартъ. Шутка.

Желнеръ. Солдатъ, ратникъ наемный.

Жертовникъ. Жертвенникъ.

Живить. Питать, кормить; дать жизнь: сохранять, спасать.

Загонъ. *Въ военномъ смыслѣ:* набѣгъ, вылазка; также походъ отдѣльнаго корпуса.

Зазрѣть кого. Укорять, осуждать; зазрѣть *кому:* завидовать.

Заисте. Воистинѣ.

Замирить. Отмѣрить, постановить границы.

Зане. Ибо, потому что.

Занѣдбать. Пренебрегать.

Заточить дѣла. Выстроить пушки; *заточить шанцы:* устроить окопы.

Зацный. Достойный, почтенный.

Збройка. Броня.

Землянинъ. Обыватель, владѣлецъ земли, помѣщикъ.

Зверхность. Первенство, начальство.

Звлаще. Особенно.

Звязливый. Связанный; спутанный.

Згодиться. Согласиться, соединиться.

Здыбать. Улучить, поймать, встрѣтить.

Зычить. Желать, благопріятствовать.

Зѣльнѣ. Весьма, очень, сильно, жестоко.

Иговскій. Принадлежащій ему, ей или имъ. *Просторѣч.* ихній.

Изгребіе. Соръ.

Измѣна *чему, или на что.* Мѣна, обмѣнъ.

Израда. Измѣна, предательство.

Израдецъ. Измѣнникъ.

Икономахъ. Иконоборецъ, разрушитель иконъ.

Интерегнумъ. Междуцарствіе.

Инуды, въ. Иное мѣсто. *Индѣ*, въ иномъ мѣстѣ, индѣ.

Истый. Подлинный, точный, несомнѣнный; тотъ самый.

Казать. Велѣть, приказать; научить, наставить.

Канцеръ. Ракъ, *болѣзнь*.

Катъ. Палачъ, истязатель.

Кляшторъ. Монастырь, обитель.

Кнехтъ. Солдатъ, воинъ.

Княжата. Князья удѣльные.

Кожухъ. Шуба, тулупъ.

Коло. Колесо.

Колько. Около, вокругъ; нѣсколько.

Конклюзія. Заключеніе.

Комора. Камера, горница.

Кортуна, картауна. Стѣнобитное орудіе, бросавшее 48 фунтовое ядро.

Кошъ. Кошель, плетенка; *въ военномъ смыслѣ:* походный обозъ, также движущееся войско; переходъ, кочевка, переночевка.

Кромѣ. Сверхъ того; въ сторонѣ.

Кроника. Лѣтопись, хроника.

Крыжакъ. Крестоносецъ.

Куля. Шаръ; ядро; пуля.

Кунторъ. У нѣмецкихъ крестоносцевъ воевода, повѣтовый староста.

Латвѣе. Легче, удобнѣе.

Ледовый. Ледяный, ледовитый.

Ленсмаршалокъ. Ландмаршалъ, земскій воевода, знатный сановникъ.

Летаргицкій. Летаргическій, безчувственный.

Лехтать. Щекотать, побуждать, возбуждать, подстрекать.

Ложничій. Постельничій, камердинеръ.

Лотровскій. Разбойническій.

Лотръ. Разбойникъ.

Лучный. Относящійся къ луку.

Лѣпшій. Лучшій.

Любоимѣнный. Корыстолюбивый, любящій наживу.

Людъ. Народъ, войско.

Люторскій. Лютеранскій.

Лядакій. Недостойный, подлый, низкій.

Лясфима. Богохульство.

Ляховица. Полька, католичка.

Маестатъ. Величество, престолъ.

Майстръ. Магистръ; начальникъ Ливонскаго ордена.

Малвазія. Мальвазійское вино или критское, съ горы Malma.

Маньякъ. Безумецъ; льстецъ, угодникъ.

Марцыпанъ. Миндальное пирожное.

Маршалокъ. Земскій, государственный сановникъ.

Матерь. Сквернословіе.

Матрона. Жена, женщина.

Машкара. Маска, личина; костюмъ шутовской. Также уродъ, уродливость.

Маю, мѣлъ, мѣть. Имѣть, почитать, желать.

Межи. Между.

Мировать. Мирить, соглашаться, соединяться.

Мниманый. Мнительный.

Мнимать. Думать, полагать.

Мнитъмися. Кажется мнѣ.

Мнихъ. Монахъ, чернецъ.

Многій, многъ. Сильный, обильный, искусный.

Мнѣе. Менѣе.

Мнѣйшій. Меньшій, малѣйшій.

Могутство. Могущество; *отъ Слав.* могутный: сильный, мощный.

Можный. Мощный; возможный.

Мурованный. Каменный.

Муръ. Стѣна.

Мухояръ. Полушелковая матерія.

Мшелъ. Корысть, взятка, барышъ.

Мѣрный. Посредственный; умѣренный; воздержный.

Мѣскій. Городской.

Мѣсто. Городъ въ нынѣшн. значеніи этого слова.

Мѣть. Имѣть, почитать, желать, намѣреваться.

Набыть. Достать, пріобрѣсть, нажить.

Навадъ. Навожденіе, смута, ссора.

Нажилить. Насиловать.

Наилѣпшій. Наилучшій.

Наказывать. Приказывать, наставлять, научать.

Наляцать. Натягивать.

Намовить. Уговорить, наставить.

Наполы. Въ половину.

Науки вызволенныя. Изящныя науки: artes liberales.

Наусіе. Юношескій возрастъ, когда усъ пробивается.

Негли. Можетъ быть; вѣроятно; ужели.

Недугъ огненный. Горячка, огневица.

Неспокой. Безпокойство.

Нелѣпотный. Безстыдный, безчестный.

Нендза. Нужда, горе, бѣда.

Непщевать. Думать, мнить, полагать.

Нехай. Пусть.

Нечный. Недобрый, безчестный, отвратительный.

Нужный. Необходимый; тѣсный; трудный; *также* утомленный, безсильный.

Нѣмотующій. Нѣмой, неумѣющій говорить. *Нѣмотствовать*—лепетать.

Нѣякій. Нѣкоторый.

О. Около, въ, до: о десять—*до десяти*.

Обавить. Заговорить, околдовать, оглушить.

Обадва. Оба, и тотъ и другой.

Обаче. Однако; тѣмъ болѣе.

Обезчадѣть. Лишиться дѣтей.

Обличне. Лицо съ лицомъ; лично.

Оволченный. Облаченный, одѣтый.

Обтичующе (отъ слова обтещи—обтичу). Обѣгать, перебѣгать, переходить.

Овточить. Окружить, остѣнить, обдать.

Обумертвіе. Обморокъ.

Община. Община, народоправство.

Объятіе. Объемъ, окружность; мѣсто.

Ово. Отчасти; или.

Овый. Оный, иной, другой.

Окаянный. Жалкій, бѣдный, достойный сожалѣнія; также негодный.

Околько. Около, вокругъ, нѣсколько.

Окромный. Сторонній, чужеземный.

Окупъ. Выкупъ.

Оле! (*церковно-сл.*). О.

Опатъ. Аббатъ, игуменъ.

Оперы. Сочиненія.

Оплазивый. Любопытный; также суесловный.

Орацыя. Рѣчь.

Осельскій. Ослиный.

Осифляне. Монахи монастыря Іосифа Волоколамскаго.

Оскордъ. Заступъ, стругъ, топоръ.

Остатный. Послѣдній, остальной; крайній, конечный.

Остенъ. Спица, остроконечное орудіе.

Отай. Тайно, скрытно.

Отечь. Отчій, отеческій.

Отмовить. Огмолвить; отвѣтить, возразить.

Отнелѣже. Съ того времени, съ тѣхъ поръ.

Очевистый. Очевидный. Очевистѣ—глазъ съ глазомъ.

Памятамися. Помнится мнѣ.

Паперъ. Бумага.

Пара. Мгла, дымъ, паръ.

Паразитъ. Блюдолизъ, объѣдало, опивало, паразитъ.

Паремiа. Притча.

Пахоликъ. Мальчикъ, слуга, оруженосецъ.

Пащека. Челюсть, пасть.

Певный. Увѣренный, надежный.

Певнѣ. Навѣрно, истинно.

Пенязь. Монета; деньги.

Первѣе. Во-первыхъ; прежде всего; особливо; наипаче.

Печенегъ. Пекарь; *также* объѣдало, опивало, паразитъ.

Пленица. Цѣпь, связь (*отъ слова* плесть).

Плищь. Плесканiе; крикъ, шумъ.

Плювiя. Дождь.

Плюхавый. Скверный, поганый.

Повапленый. Обмазанный, окрашенный, выбѣленный.

Поволить. Смягчаться; соглашаться.

Повторе. Вторично.

Повѣмъ. Повѣдаю, разскажу.

Повѣтреный. Воздушный; заразительный.

Пожиточный. Полезный.

Позычать. Занимать и ссужать.

Поймовать. Понять, жениться, выйти замужъ.

Показить. Испортить, уничтожить одно за другимъ.

Поки. Пока, доколѣ.

Полящать. Соединять, составлять, совокуплять.

Полдвѣ. Полторы.

Поле дикое. Степь.

Половица. Половина; супруга.

Польный. Полевой; дѣла польныя: полковыя, или полевыя пушки 4-фунтоваго калибра.

Попсовать. Повредить, испортить.

Постинать. Обезглавить.

Посчастить. Осчастливить.

Посядать. Владѣть, овладѣть.

Потаковникъ. Потворщикъ, потатчикъ.

Потваръ. Навѣтъ, ябеда, клевета.

Потварять. Клеветать.

Потыя. До тѣхъ поръ.

Похлѣбовать. Ласкательствовать, льстить.

Початокъ. Начало, починъ.

Почта. Притонъ, постъ, отрядъ, стража.

Праща. Орудіе, которымъ бросали камни.

Презорство. Гордость, презрѣніе.

Прекаждать. Запрещать.

Преплавиться. Переплыть, переправиться чрезъ рѣку.

Префація. Предисловіе.

Пречреслие. Боль въ поясницѣ.

Привавлять (*приваблять до себя*). Звать; приглашать; манить.

Привилій. Привилегія, льготная грамота.

Пригода. Приключеніе; случай.

Прикрый. Крутой; трудный, неудобный; досадный.

Прискорить. Ускорить; прибавить, возбудить.

Пришанцоваться. Ближе подкопаться.

Продиторъ. Измѣнникъ, предатель.

Пронзинуть. Пронзить; провлечь.

Пронунціація. Произношеніе; также изрѣченіе, мнѣніе.

Простаторъ. Начальникъ, покровитель.

Проторы. Издержки, расходы.

Пруткій. Скорый. проворный, быстрый.

Прѣть. Спорить, отрицать, отпираться, давать отпоръ.

Псевдопрофитъ. Лжепророкъ.

Пургаторія. Чистилище.

Пянтикостіе. Пятидесятница, день св. Духа.

Рада. Совѣтъ.

Раздрочить. Возбудить; мучить, утомлять; ждать.

Расховаться. Покрыться, укрыться, спрятаться.

Рекгула. Правило, уставъ.

Ретиться. Спорить, ревновать, стараться.

Рейскій. Имперскій.

Робить. Дѣлать, работать.

Рогъ. *Въ воен. см.:* крыло, флангъ.

Розмова. Разсужденіе, разговоръ, бесѣда.

Розмовить. Переговорить.

Роковать. Разсуждать, договариваться.

Рокъ. Годъ; время.
Ручница. Ружье.
Ручничный. Ружейный.

Сатанцникъ. Поклонникъ сатаны.
Свѣдокъ. Свидѣтель.
Свѣдчій. Свидѣтельствующій.
Свято. Праздникъ.
Сенсъ. Смыслъ, толкъ.
Серены. Ведреные, ясные дни.
Сеунчевать. Извѣщать.
Сеунчъ. Вѣстникъ.
Сигклитъ. Синклитъ, правительство, сановникъ.
Сикованціе. Обманъ, клевета.
Синодъ. Соборъ и соборное постановленіе.
Сице. Такъ.
Скарбъ. Сокровище, казна, имѣніе.
Скомрохъ. Скоморохъ; шутъ.
Скутаться. Спрятаться; исчезнуть.
Сланый. Соленый.
Словество. Даръ слова; краснорѣчіе.
Слугатай. Служитель.
Смываль. Смыватель, окачивающій наговорною водою.
Софизматы. Софизмы, ложныя заключенія.
Спекуляторъ. Начальникъ надъ палачами; *также* шпіонъ.
Сповѣдаться. Признаться; освѣдомиться.
Сподѣваться. Надѣяться, думать.
Сполкъ. Соединеніе; товарищество.
Сполу. Вмѣстѣ; также въ половину.
Справа. Дѣло; *въ воен. смыслѣ:* сраженіе, команда, предводительство.
Срогій. Строгій.
Ссущій. Сосущій.
Стайникъ. Конюхъ; клевретъ.
Стайня. Конюшня.
Статечный. Степенный, постоянный, хорошаго поведенія; почтенный.
Стегно. Бедро, лядвія.
Сточить битву. Дать сраженіе.
Стратигъ. Главный начальникъ, гетманъ.
Стратилатъ. Воевода, полководецъ.
Строзъ. Строго, сердито.
Стрыечный. Двоюродный.
Стрый. Дядя съ отцовской стороны.
Студеное море. Ледовитый океанъ.

Стужать. Докучать, неотступно просить.

Стултиція. Глупость.

Субстанція. Сущность.

Схизматикъ. Раскольникъ.

Счаровать. Околдовать, заговорить, испортить.

Сыновецъ. Братнинъ сынъ, братанычь.

Сѣкерка. Сѣкирка, топоръ.

Сѣчиво. Сѣкира, топоръ.

Талавень. Негодяй.

Таней. Дешевле.

Тесло. Плотничное орудіе для тесанія деревъ; тесакъ.

Торгать. Дергать, рвать, терзать.

Тощій. Тщетный, праздный, пустой.

Трвать. Быть, существовать, длиться.

Третина. Третья часть.

Трунекъ. Напитокъ, питье.

Туга. Тоска, туженіе.

Туне. Даромъ, напрасно, безъ причины.

Тщаливый. Тщательный, старательный.

Тщета. Уронъ, убытокъ, вредъ.

Тыждень. Недѣля.

Ублагать. Умилостивить, просить прощенія.

Угонзнуть. Уйти, избѣгнуть.

Уздать. Обуздывать, усмирять.

Упв. Лучше; *унщій*—лучшій.

Урубить. Срубить; состроить.

Фабула. Басня.

Фолговать. Споровлять, смягчать, щадить.

Фосфоросъ. Свѣтящее тѣло; утренняя звѣзда; денница.

Ханить. Осмѣивать, осуждать.

Хиротонисатъ. Рукополагать, посвящать въ санъ духовный.

Ховать кого у себя. Прятать, укрывать.

Хоропяка. Трусъ, *отъ слова:* хорониться, прятаться.

Хӯдогъ. Мудръ, искусенъ.

Частка. Частица.

Чело. Передовое войско, отборное войско, первый фронтъ.

Чимбуры. Оковы, кандалы.

Чулось. Казалось, послышалось.

Чюйный. Бдительный, бодрый, зоркій.

Шанцовать. Дѣлать окопы, окопаться.

Шафовать. Управлять.

Шкода. Вредъ, *и нарѣчіе:* жалко.

Шляхта. Дворянство.

Шляхъ и шлягъ. Скрытная дорога, путь.

Ѣздный. Ѣздовой, конный, всадникъ.

Экзордія. Вступленіе, приступъ.

Эпистолія. Письмо, посланіе.

Юргельтъ. Жалованье, пенсія.

Язвина. Нора, гнѣздо.

Якой. Какой, каковой.

Яртаулъ. Авангардъ, передовой полкъ.

Ясакъ. Знакъ, извѣстіе, гонецъ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
И. ГЛАЗУНОВА.
С.-Петербургъ, Невскій, № 27.

ПРОДАЮТСЯ МЕЖДУ ПРОЧИМИ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Азбука латинская съ присоединеніемъ краткаго словаря, начертанія этимологіи и простѣйшихъ разговоровъ. Спб. 1900. Ц. 20 к.

Альхимовичъ. Литургика. Спб. 1891. Ц. 75 к.

Аннинъ. Дополненіе къ I части. Спб. 1886. Ц. 35 к.*—Ч. III. Законоположенія и распоряженія о начальныхъ народныхъ училищахъ, дѣйствующія въ губерніяхъ Прибалтійскаго и Привислянскаго края. Спб. 1888. Ц. 90 к.

Антоновъ. Русская грамматика. Младшій трехлѣтній гимназическій курсъ. Изд. 19. Спб. 1899. Ц. 70 к.

Беренсъ. Интегральное исчисленіе. Учебное пособіе для военноучебныхъ заведеній. Спб. 1863. Ц. 2 р. 50 к.

Г. Беренсъ. Руководство къ микрохимическому анализу волокнистыхъ веществъ. Переводъ П. Н. Страховскаго. Съ 18-ю чертежами и 3-мя хромолитографированными таблицами. Спб. 1898. Ц. 2 р.

Берновъ. Изъ Одессы пѣшкомъ по Крыму. Письма русскаго пѣшехода. Спб. 1896. Ц. 85 к.

Богдановъ. На досугѣ. Сборникъ стиховъ, провѣренныхъ на урокахъ и чтеніяхъ въ народной школѣ для взрослыхъ и дѣтей. Подъ редакціей Виктора Острогорскаго. Спб. 1896. Ц. 50 к.—Дѣдушка Крыловъ, для чтенія въ сельской школѣ. Подъ редакціей Виктора Острогорскаго. Спб. 1896. Ц. 30 к.

Больманъ. Полная ариѳметика на счетахъ или новые легчайшіе способы для производства всякаго рода ариѳметическихъ вычисленій на счетахъ съ нѣкоторою перемѣною въ ихъ устройствѣ, въ 2-хъ частяхъ. Изд. 4-е. Спб. 1878. Ц. 75 к.—Практическія упражненія въ алгебрѣ; въ 3 ч. Изд. 7. Ц. 1 р. — Приложеніе алгебры къ рѣшенію опредѣленныхъ геометрическихъ задачъ. Изд. 3. Спб. Ц. 40 к.

Бругшъ. Исторія фараоновъ; съ картою и четырьмя планами. Переводъ Г. К. Властова. Его же вступленіе, примѣчанія и приложенія. Спб. 1880. Ц. 5 р.

Буссе. Основанія геометріи. Руководство, составленное для гимназій. Изд. 9. Спб. 1896. Ц. 45 к.—Руководство къ элементарной геометріи, для употребленія въ уѣздныхъ училищахъ. Изд. 9-е. Спб. 1896. Ц. 27 к.—Руководство къ ариѳметикѣ. Отдѣлъ первый. Изд. 18-е. Спб. 1877. Ц. 10 к.—Отдѣлъ второй. Изд. 16. Спб. 1875. Ц. 18 к. — Собраніе ариѳметическихъ задачъ, расположенныхъ по руководству къ ариѳметикѣ. Изд. 17. Спб. 1878. Ц. 18 к.

Бычковъ. Сборникъ примѣровъ и задачъ, относящихся къ курсу элементарной алгебры. Изд. 16. Спб. 1902. Ц. 1 р. 35 к.

Бѣловъ. Замѣчательные русскіе историческіе дѣятели. Чтеніе для народныхъ учителей и пособіе при урокахъ русской исторіи въ учительскихъ семинаріяхъ. Спб. 1878. Ц. 1 р.—Путешествіе по Германіи и Швейцаріи, отъ Петербурга до Монблана. Спб. 1875. Ц. 1 р. 25 к.

Введенскій. Руководство къ осушенію и воздѣлыванію болотъ. Изд. 2. Спб. 1861. Ц. 1 р.

Вислиценусъ. Руководство къ органической химіи. Пер. Гемиліана и Руднева, дополненный по указаніямъ автора, съ предисловіемъ Бельштейна, съ политипажами въ текстѣ. 2 вып. Спб. 1875—1876. Цѣна каждому вып. по 1 р. 50 к.

***Властовъ.** Теогонія Гезіода и Прометей. (Разборъ сказаній). Спб. 1897. Ц. 3 р.

Водовозовъ. Элементарные разсказы изъ физики и химіи для народныхъ учителей, съ чертежами въ текстѣ. Спб. 1873. Ц. 60 к. — Древняя русская литература отъ начала грамматики до Ломоносова, съ приложеніемъ „Очерка

русской народной литературы", подъ названіемъ „по старой памяти, какъ по грамотѣ". Спб. 1872. Ц. 1 р.

Волковъ. Алфавитный сборникъ русскихъ неправильныхъ глаголовъ, съ переводомъ ихъ на нѣмецкій языкъ. Изд. 2-е, исправлен. и дополнен. Спб. 1895. Ц. 30 к.

Волковъ. Образовательный курсъ наглядной геометріи. Руководство для преподавателей начальныхъ и городскихъ школъ и низшихъ классовъ среднихъ образовательныхъ заведеній. Съ чертежами въ текстѣ и съ задачами. Спб. 1873. Ц. 1 р.

Востоковъ. Сокращенная русская грамматика. Изд. 16. Спб. Ц. 14 к.

Гаварре. Медицинская физика. О теплотѣ, производимой живыми существами; переводъ съ французскаго Вертоградова, подъ редакціею профессора Чистовича съ 41 политипажемъ въ текстѣ. Спб. Ц. 1 р. 75 к.

Гавриловъ. Примѣненіе стилистическихъ задачъ въ связи съ преподаваніемъ грамматики и чтеніемъ христоматіи. Спб. 1875. Ц. 30 к.

Гогоцкій. Философскій лексиконъ. Т. 1-й, буквы А. Б. В. Ц. 2 р. 50 к.

Гончаровъ. Фрегатъ Паллада; очерки путешествія, со включеніемъ дополнительныхъ главъ, въ двухъ томахъ, съ портретомъ автора, гравированнымъ академикомъ И. П. Пожалостинымъ. 5-е исправленное изданіе. Спб. 1895. Ц. 4 р.— Полное собраніе сочиненій съ портретомъ автора. 9 т. Спб. 1896. Ц. 13 р. 50 к.

***Гротъ.** Стихи и проза для дѣтей. Изд. 3. Спб. 1892. Ц. 60 к.—Нѣсколько данныхъ къ его біографіи и характеристикѣ. Спб. 1895. Ц. 1 р.—Переписка съ П. А. Плетневымъ. 3 т. Съ приложеніемъ портретовъ Грота и Плетнева. Спб. 1896. Ц. каждому тому 3 р.—Труды. I. Изъ Скандинавскаго и Финскаго міра (1839—1881). Очерки и переводы. Спб. 1898. Ц. 3 р.—Филологическія разысканія. Спб. 1899. Ц. 3 р.—Труды II. Филологическія разысканія. (1852 — 1892). Спб. 1899. Ц. 3 р.—Труды III. Очерки изъ исторіи русской литературы (1848—1893). Спб. 1901. Ц. 3 р.—Труды IV. Изъ русской исторіи (1845—1890). Спб. 1901. Ц. 3 р.— Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Изд. 2-е. 1899. Ц. 1 р. 25 к.

Духовное врачевство отъ Священнаго писанія и отъ писаній Святыхъ Отцевъ для пользы обуреваемыхъ страстями или одиннадцать душеполезныхъ бесѣдъ въ вопросахъ и отвѣтахъ о дѣйствіи злыхъ страстей и о средствахъ побѣждать ихъ. Изд. 4-е. Спб. 1889. Ц. 25 к.

Е— ковъ. Статьи по алгебрѣ и ариѳметикѣ. (Отвѣты на всѣ вопросы, помѣщенные въ экзамен. программѣ). Спб. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

Жуковскій. Одиссея Гомера. Переводъ. Изд. 2-е. Спб. 1894. Ц. 1 р. — Орлеанская дѣва, Шиллера, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, съ прологомъ, съ примѣчаніями Максимова. Спб. 1878. Ц. 60 к.—Собраніе стихотвореній. 4 т. Спб. 1895. Ц. 5 р. — Сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Въ одномъ томѣ. Изд. 10-е, испр. и дополн. подъ ред. П. А. Ефремова. Съ прилож. 4-хъ портретовъ Жуковскаго. Спб. 1901. Ц. 2 р. 25 к.—Рустемъ и Зорабъ. Персидская повѣсть, заимствованная изъ царственной книги Ирана (Шахъ-Намѐ). Вольное подражаніе Рюккерту. Спб. 1899. Ц. 40 к.—Наль и Дамаянти. Индѣйская повѣсть, подражаніе Рюккерту. Спб. 1899. Ц. 30 к.—Ундина. Старинная повѣсть, изъ Ламмотъ-Фуке. Спб. 1900. Ц. 35 к.

***Игнатій, архимандритъ.** Краткія жизнеописанія русскихъ святыхъ. 2 ч. Спб. 1875. Ц. 3 р.—Слово въ защиту русскихъ монастырей. Спб. 1874. Ц. 40 к.

Игнатій, епископъ. Сочиненія: т. 3-й и 4-й. Спб. 1866—1867. Ц. 5 р.

Изъясненія воскресныхъ и праздничныхъ Евангелій, для употребленія въ училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Изд. 17. Ц. 19 к.

Ильменскій. Уроки по закону Божію для христолюбивыхъ воиновъ. Спб. 1877. Ц. 40 к.

Историческія чтенія изъ книгъ Ветхаго Завѣта, для употребленія въ училищахъ, на русскомъ языкѣ. Ц. 17 к.

Кантеміръ. Сочиненія, письма и избранные переводы. Съ портретомъ автора, со статьею и примѣчаніями В. Я. Стоюнина и съ библіографическими замѣтками: Томъ 1-й: Сатиры, мелкія стихотворенія и переводы въ стихахъ. Ц. 2 р. Томъ 2-й: Сочиненія и переводы въ прозѣ, политическія депеши и письма. Ц. 1 р. 50 к.

Каталогъ книгамъ, продающимся въ книжныхъ магазинахъ И. Глазунова (1855—1866). Спб. 1867. Ц. 1 р. 25 к.—Первое прибавленіе къ нему (1867—1869). Спб. 1869. Ц. 60 к.—Второе прибавленіе къ нему (1869—1873). Спб. 1874. Ц. 60 к.—Третье прибавленіе къ систематической росписи книгамъ, продающимся въ книжныхъ магазинахъ И. Глазунова, составлено за время съ 1873 г. по Январь 1881 года В. И. Межовымъ, съ указаніемъ переводовъ, критическихъ статей, рецензій и библіографическихъ замѣтокъ и прибавленіемъ азбучнаго указателя именъ и предметовъ. Спб. 1882. Ц. 6 р.—Четвертое прибавленіе составлено имъ же. Спб. 1884. Ц. 3 р. 50 к.—Пятое прибавленіе составлено имъ же. Спб. 1889. Ц. 5 р.

Кеневичъ. Библіографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова. 2-е изданіе, съ приложеніемъ матеріаловъ для біографіи И. А. Крылова, имъ же собранныхъ. Спб. 1878. Ц. 1 р. 50 к.

Ковалевскій. Графъ Блудовъ и его время (царствованіе императора Александра I-го). Восточныя дѣла въ двадцатыхъ годахъ. Спб. 1871. Ц. 1 р. 25 к.—Война съ Турціей и разрывъ съ западными державами въ 1853—54 годахъ. Бомбардированіе Севастополя; съ планами и картою. Книга удостоена высшей преміи военно-ученаго комитета. Спб. 1871. Ц. 1 р. 50 к.—Странствователь по сушѣ и морямъ. Ташкентъ, Бухара, Хива, Афганистанъ, Карпаты, Нижній Дунай и Балканы. Въ 4-хъ частяхъ, съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Спб. 1871. Ц. 2 р.—Черногорія и славянскія земли, съ рисунками и картою. Спб. 1872. Ц. 1 р. 50 к.—Путешествіе во внутреннюю Африку. Ч. 1-я. Египетъ и Нубія. Ч. 2-я. Земля негровъ. Съ картою и 17-ю рис. Спб. 1872. Ц. 2 р.

Constantin. Cours pratique de la langue française, à l'usage des écoles. 2 части. Ed. 13. Спб. 1900. Ц. 60 к.*—La statistique aux prises avec les grammairiens ou essai de simplifier l'étude du genre des substantifs et celle de la conjugaison. Ц. 1 р.

Корфъ. Жизнь графа Сперанскаго. Съ 3 портретами. 2 т. Спб. 1861. Ц. 3 р.

Красновъ. Учебникъ стилистики. Спб. 1878. Ц. 1 р.

Кузнецовъ. Учебный курсъ географіи Россійской Имперіи. Изд. 7-е. Спб. 1872. Ц. 75 к.—Приготовительный курсъ всеобщей географіи. Изд. 2-е. Спб. 1863. Ц. 75 к.

Лафоссъ. Новая французская грамматика съ русскимъ переводомъ. Курсъ 1-й. Этимологія, фонетика и грамматическое правописаніе. Спб. 1877. Ц. 75 к.—Новая французская грамматика съ русскимъ переводомъ. Курсъ 2-й. Логическій разборъ и синтаксисъ. Спб. 1879. Ц. 60 к.—Сборникъ статей для постепеннаго перевода на французскій языкъ, съ приложеніемъ словаря. Изд. 7-е. Спб. 1901. Ц. 75 к.—Tables de conjugaisons de verbes réguliers et irréguliers. Таблицы для спряженія правильныхъ и неправильныхъ глаголовъ. Спб. 1877. Ц. 40 к.

Леженъ Дирихле. Теорія чиселъ. Вып. I. О дѣлимости чиселъ.—О сравненіяхъ.—О квадратичныхъ вычетахъ; переводъ Я. М. Назаревскаго. Со сборникомъ упражненій и задачъ. Спб. 1899. Ц. 1 р. 50 к.

Ленцъ. Руководство къ физикѣ. Изд. 7-е. Спб. Ц. 82 к.

Лермонтовъ. Сочиненія, съ портретомъ его, двумя снимками съ рукописи и біографическимъ очеркомъ. Изд. 7-е, вновь исправленное подъ редакціей П. А. Ефремова, 2 т. Спб. 1880. Ц. 3 р. — Сочиненія въ 1 томѣ. Ц. въ переплетѣ 1 р. 50 к., въ бумажкѣ 1 р.—Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова. Съ 11 картинками и съ портретомъ Лермонтова. Изд. 4-е. Спб. 1885. Ц. 6 к.

L' Homond. Epitome historiae Sacrae ad usum tironum linguae latinae. Спб. 1897. Ц. 75 к.

Лукинъ и Ельчаниновъ. Сочиненія и переводы. Съ портретомъ Ельчанинова, со статьею о Лукинѣ А. Н. Пыпина и съ библіографическими замѣтками, подъ редакціею П. А. Ефремова. Спб. 1868. Ц. 2 р.

Маакъ. Учебникъ нѣмецкаго языка. Курсъ I-й. Изд. 8-е. Спб. 1901. Ц. 25 к.—Курсъ II-й. Изд. 6-е. Спб. 1888. Ц. 50 к.—Курсъ III-й. Изд. 4-е. Спб. 1881. Ц. 65 к.—Курсъ IV. Изд. 3-е. Спб. 1888. Ц. 50 к.

Майковъ. В. Н. Сочиненія и переводы. Съ портретомъ автора, со статьею и примѣчаніями Л. Н. Майкова и съ библіографическими замѣтками. Подъ редакціею П. А. Ефремова. Спб. 1867. Ц. 2 р.

Мансвѣтовъ. Краткое изъясненіе на божественную литургію. Изд. 8-е. Спб. Ц. 35 к.—Училище благочестія или примѣры христіанскихъ добродѣтелей, выбранные изъ житія Святыхъ. Въ 2-хъ томахъ. Изд. 14. Спб. 1896. Ц. 75 к.

Массонъ. Сборникъ статей въ прозѣ и стихахъ. Пособіе при преподаваніи нѣмецкаго языка. Изд. 18-е. Спб. 1899. Ц. 75 к. — Musterstücke. Образцовыя статьи. Книга для чтенія и переводовъ съ нѣмецкаго языка на русскій. Съ пояснительными примѣчаніями и словаремъ. Изд. 6-е. Спб. 1900. Ц. 75 к.—Практическое руководство для постепеннаго упражненія въ переводахъ съ русскаго языка на нѣмецкій, съ грамматическими примѣчаніями и русско-нѣмецкимъ словаремъ. 14-е исправленное изданіе. Спб. 1900. Ц. 75 к.

Мейеръ Гиршъ. Собраніе примѣровъ, формулъ и задачъ изъ буквеннаго вычисленія и алгебры. Изд. 7-е, вновь пересмотрѣнное и исправленное. Ц. 1 р.

Миквицъ. Нѣмецкая христоматія для среднихъ и высшихъ классовъ коммерческихъ и реальныхъ училищъ, институтовъ, военныхъ гимназій и другихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1879. Ц. 90 к.—Практическій курсъ нѣмецкаго языка по методѣ Робертсона для низшихъ учебныхъ классовъ. Изд. 3. Спб. 1896. Ц. 70 к.—Основы нѣмецкой грамматики съ правилами нѣмецкаго правописанія и орѳографическимъ указателемъ для среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 3-е. Спб. 1901. Ц. 1 р. 25 к.

Миропольскій.* Инспекція народныхъ школъ и ея задачи. Спб. 1877. Ц. 1 р. 25 к.—Обученіе грамотѣ. Методическое руководство для учительскихъ семинарій, учителей начальныхъ школъ и руководителей педагогическими курсами. Спб. 1891. Ц. 1 р. 25 к.—Задачи, планъ и основы устройства нашей народной школы. Дидактическое пособіе для учителей и учительскихъ семинарій. Изд. 3. Спб. 1884. Ц. 1 р. 25 к.—Краткая грамматика церковно-славянскаго языка новаго періода. Изд. 12. Спб. 1902. Ц. 60 к.*—Школа и общество. Частная Харьковская женская воскресная школа. Спб. 1892. Ц. 30 к.—Русскій хоръ. Сборникъ трехголосныхъ пьесъ для семьи и школы. Вып. 1-й. Гимны. Спб. 1897. Ц. 10 к. — Вып. 3-й. Хоры. Спб. 1898. Ц. 10 к.—Учебникъ дидактики вып. I. Общая дидактика. Изд. 7-е. Спб. 1902. Ц. 60 к. —Ч. 2-я практическая методика предметовъ обученія въ начальной школѣ. Изд. 2-е. Спб. 1901. Ц. 60 к.

Наумовъ. Школа рисованія для дѣтей младшаго возраста, среднихъ учебныхъ заведеній и начальныхъ школъ. 3 тетради. Спб. 1892. Ц. 2 р.; отдѣльно каждая тетрадь 70 к.

Нейлисовъ. Рѣчь Демосѳена о Вѣнцѣ. Переводъ съ греческаго, съ краткимъ объясненіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ. Спб. 1887. Ц. 50 к.* — Рѣчь Эсхина противъ Ктесифонта. Спб. 1887. Ц. 50 к.

Николаевскій. Руководство къ изученію церковнаго устава съ краткимъ изъясненіемъ Богослуженія Православной церкви. Изд. 4. Спб. 1902. Ц. 50 к.—Объясненіе устава Богослуженія Православной Христіанской Греко-Россійской церкви. Спб. 1887. Ц. 50 к.

Николенко. Пособіе для практическихъ занятій при первоначальномъ изученіи русскаго языка въ гимназіяхъ:—Книга I изд. 6-е. Спб. 1883. Ц. 60 к.—Книга II изд. 5-е. Спб. 1883. Ц. 75 к.

Новый французскій букварь. Изд. 3-е. Спб. 1881. Ц. 15 к.

Носовъ. Греческая христоматія. Съ примѣчаніями и словаремъ. Изд. 8-е. Спб. 1901. Ц. 1 р. 25 к.—Учебная греческая грамматика, Р. Кюнера, изд. 15-е, съ необходимыми измѣненіями и прибавленіями, съ XXIV изданія подлинника. Съ упражненіями для переводовъ съ русскаго языка на греческій при словосочиненіи и съ греко-русскимъ и русско-греческимъ словаремъ. Спб. 1902. Ц. 1 р. 25 к.—P. Vergilii Maronis Aeneidos L. I—VI; съ примѣчаніями, составленными по Ладевигу, Каппессу, Фрейнду и др. Спб. 1878. Ц. 75 к. — Cornelii Nepotis, liber de excextentibus ducibus exterarum gentium et ex libro de latinis historicitis vita Catonis et Attici. Съ примѣчаніями и словаремъ. Изд. 5-е. Спб. 1888. Ц. 60 к.—Латинско-русскій словарь, приспособленный къ употребленію въ гимназіяхъ.

Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Спб. 1867. Ц. 1 р. 50 к.—Латинская хрестоматія съ объяснительными примѣчаніями къ тексту и словаремъ:—Ч. 1. Изд. 5-е. Спб. 1887. Ц. 1 р. 25 к.—Ч. 2. Изд. 4-е. Спб. 1899. Ц. 1 р. 50 к.—P. Ovidii Nasonis Metamorphoses, ad usum juventutis selectae:—Отд. I, съ примѣчаніями и указателемъ собственныхъ именъ, сост. по Зибелису, Гаупту и др. Спб. 1876. Ц. 70 к.—Тоже, отд. II, Спб. 1877. Ц. 65 к.—C. Sallustii Crispi libri de conjuratione Catilinae et de bello Jugurthino. Съ примѣчаніями. Спб. 1876. Ц. 60 к.—Julii Caesaris commentarii de bello Gallico. Съ географическимъ указателемъ и примѣчаніями. Изд. 2-е. Спб. 1876. Ц. 1 р. 25 к.—Руководство къ изученію латинскаго языка, составленное по Кюнеру. Изд. 15-е. 1889. Ц. 1 р. 15 к.

Ободовскій. Краткая всеобщая географія. Изд. 14-е, пересмотрѣнное. Спб. 1875. Ц. 70 к.—Учебная книга всеобщей географіи. Изд. 14-е, исправленное. Спб. 1874. Ц. 1 р.—Обозрѣніе земного глобуса. Спб. 1874. Изд. 7-е, исправленное, съ краткою географіею Россіи. Ц. 30 к.

Ожаровскій. Собраніе ариѳметическихъ примѣровъ и задачъ. Въ 2-хъ отд Изд. 4-е, исправленное. Спб. Ц. 75 к.

Островскій, т. 7. Не все коту масляница. Лѣсъ. Бѣшеныя деньги. Горячее сердце. Спб. Ц. 1 р.—Тоже, т. 8. Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ. Комикъ XVII столѣтія. Снѣгурочка. Поздняя любовь. Спб. Ц. 1 р.

Острогорскій. Руководство къ чтенію поэтическихъ сочиненій (по Л. Эккардту). Съ приложеніемъ „Краткаго учебника теоріи поэзіи“. Изд. 3. Спб. 1897. Ц. 1 р

О церковномъ судоустройствѣ въ древней Россіи. Спб. 1874. Ц. 75 к.

Пенинскій. Книга для чтенія и упражненія въ языкѣ. Составлена для уѣздныхъ училищъ и низшихъ классовъ гимназій. Изд. 7-е. Спб. Ц. 45 к.

Петровъ. Исторія Санктъ-Петербурга съ 1703 — 1782 г. Спб. 1884. Ц. 8 р.

Писаревскій. Общепонятная физика, 3 ч. Съ политипажными рисунками. Спб. 1857. Ц. 5 р.

Плетневъ. Новые люди. Повѣсть. Спб. 1897. Ц. 50 к.

Програмны испытанія въ коммисія историко-филологической. Спб. 1889. Ц. 15 к.

Програмны испытанія въ коммисіи юридической. Спб. 1889. Ц. 15 к.

Програмны дополнительнаго испытанія по агрономіи съ зоотехніей, по технической химіи и по географіи. Спб. 1889. Ц. 10 к.

Програмны испытаній въ коммисіи физико-математической по отдѣленію математическихъ наукъ. Спб. 1889. Ц. 15 к.

Програмны испытаній въ коммисіи физико-математической по отдѣленію естественныхъ наукъ. Спб. 1889. Ц. 15 к.

Раевскій. Таблицы для опредѣленія семействъ и родовъ петербургской флоры. Спб. 1876. Ц. 30 к.—Приготовительный курсъ ботаники. Составлено по Любену. Изд. 12. Спб. 1902. Ц. 40 к.—Краткій учебникъ географіи. Ч. 1. Описаніе земного шара. Изд. 8-е. Спб. 1900. Ц. 50 к.—Краткій учебникъ географіи. Ч. 2. Внѣевропейскія страны. Изд. 9-е. Спб. 1901. Ц. 65 к.—Краткій учебникъ географіи. Ч. 3. Западная Европа. Изд. 9-е. Спб. 1902. Ц. 65 к.—Ботаника для реальныхъ училищъ. Спб. 1900. Ц. 1 р. 25 к.—Краткое руководство всеобщей географіи для городскихъ и уѣздныхъ училищъ. Изд. 10-е. Спб. 1901. Ц. 85 к.—О построеніи и черченіи картъ. Изд. 4-е съ 34 чертежами. Спб. 1901. Ц. 45 к. — Краткая ботаника. Спб. 1902. Ц. 50 к. — Краткая зоологія. Спб. 1902. Ц. 60 к. — Краткая минералогія. Спб. 1901. Ц. 30 к.—Географія, какъ наука и учебный предметъ (методика географіи). Изд. 4-е. Спб. 1899. Ц. 75 к. — Систематическій курсъ ботаники. Изд. 8-е. 1900. Ц. 1 р. — Физическое землевѣдѣніе. В. 1-й. М. 1889. Ц. 1 р. 20 к.—Вып. 2-й. Спб. 1892. Ц. 70 к.

Разумовскій. Бесѣды краткія о божественной литургіи Св. Іоанна Златоустаго. Спб. 1857. Ц. 70 к.

Румпель. Философская пропедевтика или основанія логики и психологіи. Спб. 1890. Ц. 75 к.

Русская классная библіотека, издаваемая подъ редакціею А. Н. Чудинова. Пособіе при изученіи русской литературы. Вып. I. Слово о полку Игоря. Текстъ памятника съ примѣчаніями, прозаическій и поэтическій его переводы, матеріалы

для сравнительнаго изученія, объяснительныя статьи и словарь. Изд. 4-е. Спб. 1902. Ц. 30 к.—Вып. II. Домострой Сильвестровскаго извода. Текстъ памятника съ примѣчаніями, матеріалы для сравнительнаго изученія [образцы Домостроевъ: Ксенофонта и 3-хъ западно-европейскихъ], объяснительныя статьи и словарь. Спб. 1902. Ц. 45 к.—Вып. III. Басни русскихъ писателей въ сравнительномъ изученіи. Текстъ басенъ Крылова, Дмитріева, Хемницера, Измайлова, Сумарокова, В. Майкова, Тредьяковскаго, и др. въ пяти группахъ, сравнительно съ русскими народными сказками и пословицами, баснями Эзопа, Лафонтена и др., примѣчанія, объяснительныя статьи. Спб. 1891. Ц. 40 к. — Вып. IV. Григорій Котошихинъ. Текстъ сочиненія „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича", гл. I, II и XIII, съ примѣчаніями, исторія памятника, біографія автора. Спб. 1891. Ц. 30 к.—Вып. V. Баллады В. А. Жуковскаго. Полное собраніе балладъ, съ примѣчаніями, объяснительныя статьи. Спб. 1892. Ц. 65 к.—Вып. VI. А. С Грибоѣдовъ. Горе отъ ума. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Текстъ комедіи съ примѣчаніями, біографія автора, критич. отзывы Пушкина, Гоголя и Бѣлинскаго, „Мильонъ терзаній", крит. этюдъ И. А. Гончарова. Спб. 1891. Ц. 45 к.— Вып. VII. Д. И. Фонъ-Визинъ. Избранныя сочиненія. Недоросль.—Бригадиръ.— Чистосердечныя признанія. — Объяснительныя статьи. Спб. 1892. Ц. 50 к. — Вып. VIII. Н. М. Карамзинъ.—Ч. I. Повѣсти.—Разсужденія.—Стихотворенія. Спб. 1892. Ц. 55 к.—Вып. IX. Н. М. Карамзинъ. Избранныя сочиненія. Часть вторая. Письма русскаго путешественника, съ примѣчаніями. Спб. 1892. Ц. 60 к.— Вып. X. М. В. Ломоносовъ. Избранныя сочиненія. Избранныя стихотворенія.— Прозаическія статьи.—Матеріалы для изученія его сочиненій. Спб. 1892. Ц. 35 к.— Вып. XI. Г. Р. Державинъ. Избранныя сочиненія. Лучшія стихотворенія съ примѣчаніями, объяснительныя статьи. Спб. 1892. Ц. 40 к.—Вып. XII. Кн. А. Д. Кантеміръ. Избранныя сатиры. Сатиры I, II и IX, съ примѣчаніями.—Объяснительныя статьи. Спб. 1893. Ц. 40 к.—Вып. XIII. Былины. Былины про старшихъ богатырей. — Былины кіевскаго и новгородскаго цикловъ.— Духовные стихи. — Историческія пѣсни. — Восемь объяснительныхъ статей.—Спб. 1893. Ц. 50 к.— Вып. XIV. А. П. Сумароковъ. Избранныя драматическія произведенія. Хоревъ, траг.—Синавъ и Труворъ, траг.—Опекунъ, ком.—Матеріалы для изученія его произведеній. Спб. 1893. Ц. 50 к. — Вып. XV. Типы скупого въ произведеніяхъ литературы русской и иностранныхъ. — Кубышка, ком. Плавта. — Скупой, ком. Мольера.—Плюшкинъ, Гоголя.—Скупой рыцарь, Пушкина.—Три характеристики Ѳеофраста. — Русскія пословицы о скупости. Спб. 1893. Ц. 40 к. — Вып. XVI. Лѣтопись Нестора со включеніемъ поученія Владиміра Мономаха. Текстъ лѣтописи по Лаврентьевскому списку, съ примѣчаніями.—Поученія Владиміра Мономаха.—Три объяснительныя статьи.—Словарь. Спб. 1893. Ц. 50 к.—Вып. XVII. Императрица Екатерина II. Избранныя сочиненія. Начальное ученіе. — Пословицы.—Сказки.—Были и небылицы. — О время! ком. — Объяснительныя статьи. Спб. 1894. Ц. 45 к.—Вып. XVIII. Русская народная лирика. Пѣсни обрядовыя.— Пѣсни семейныя.—Пѣсни бытовыя.—Пѣсни удалыя.—Объяснительныя статьи. Спб. 1894. Ц. 40 к.—Вып. XIX. Древне-русскія повѣсти и романы.—Слово о Бовѣ.— Троянскія сказанія. — Девгеніево дѣяніе. — Соломонъ и Китоврасъ.—Повѣсть о Басаргѣ. — Повѣсть о Горѣ-Злосчастьѣ. — Судное дѣло у Леща съ Ершомъ. — Объяснительныя статьи. Спб. 1895. Ц. 40 к. — Вып. XX. М. М. Херасковъ. (1733—1807). Россіада; поэма въ 12-ти пѣсняхъ. Полный текстъ поэмы. — Объяснительныя статьи. Спб. 1895. Ц. 60 к. — Вып. XXI. И. И. Дмитріевъ Избранныя стихотворенія. Лирическія стихотворенія.—Пѣсни.—Сатиры.—Сказки.—Басни.—Апологи.—Объяснительныя статьи. Спб. 1896. Ц. 40 к.—Вып. XXII. Василій Никитичъ Татищевъ, 1685—1750. Духовная моему сыну. Тексты Духовной и Увѣщанія. — Содержаніе Разговора о пользѣ наукъ и др. сочиненій. — Объяснительныя статьи. Спб. 1896. Ц. 30 к.—Вып. XXIII. Е. А. Баратынскій. 1800—1844. Избранныя сочиненія. Лирическія стихотворенія. — Поэмы. — Прозаическія статьи.—Матеріалы для изученія поэта. Спб. 1896. Ц. 50 к.—Вып. XXIV. Житье и хоженье Даніила Русьскыя земли игумена. 1106—1108. Текстъ воспроизведенъ по древнѣйшему списку XV вѣка, изданному Православнымъ Палестин-

скимъ Обществомъ. Текстъ памятника.—Объяснительныя статьи, съ приложеніемъ 2-хъ картъ. Спб. 1896. Ц. 50 к. — Вып. XXV. Н. И. Новиковъ. 1744—1778. Живописецъ. 1772—1773. Избранныя статьи изъ „Живописца".—Извлеченіе изъ „Трутня".—Матеріалы для изученія писателя. Спб. 1896. Ц. 35 к.—Вып. XXVI. Древне-русскія драматическія произведенія. Зачатки драмы въ произведеніяхъ народной поэзіи.—Пещное дѣйство и вертепъ.—Мистерія Симеона Полоцкаго о царѣ Навходоносорѣ.—„Владиміръ", трагедокомедія Ѳеофана Прокоповича.—Объяснительныя статьи. Спб. 1898. Ц. 40 к.—Вып. XXVII. В. Г. Бѣлинскій. (1810—1848). Критическіе этюды. Часть первая. „Ревизоръ" Гоголя. — „Горе отъ ума" Грибоѣдова.—„Борисъ Годуновъ" Пушкина. Спб. 1898. Ц. 30 к.—Вып. XXVIII. Кн. А. М. Курбскій и царь Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный. Избранныя сочиненія. Исторія Іоанна Грознаго, кн. А. Курбскаго.—Переписка Іоанна Васильевича съ Курбскимъ.—Объяснительныя статьи.—Словарь. Спб. 1902. Ц. 55 к.

Тоже. Серія вторая. Классическія произведенія иностранныхъ литературъ въ переводахъ русскихъ писателей: Вып. I. Пѣснь о Роландѣ. Французскій народный эпосъ. Переводъ Чудинова. Текстъ памятника, съ примѣчаніями.—Объяснительныя статьи. Спб. 1896. Ц. 50 к.—Вып. II. Пѣснь о Нибелунгахъ. Нѣмецкій народный эпосъ, переводъ Кудряшева. Текстъ авентюръ: I, II, XV—XVII, XXXVI—XXXIX и изложеніе содержанія остальныхъ.—Объяснительныя статьи. Спб. 1896. Ц. 45 к. —Вып. III. Поэмы Оссіана Джемса Макферсона. Переводъ и примѣчанія Е. В. Балабановой. Фингалъ, поэма въ VI пѣсняхъ. — Смерть Кухулина, поэма и ирландское сказаніе.—Объяснительныя статьи. Спб. 1897. Ц. 35 к. — Вып. IV. Старшая Эдда (Семунда мудраго). Сборникъ миѳологическихъ, гномической и эпическихъ пѣсенъ, въ переводахъ русскихъ писателей. Древне-Скандинавскій народный эпосъ. I—II миѳологическія пѣсни. —I гномическая. — I—XV эпическихъ.—Объяснительныя статьи. Спб. 1897. Ц. 40 к.—Вып. V. Поэма и избранныя романсы о Сидѣ, въ переводахъ русскихъ писателей. Испанскій народный эпосъ. Полный текстъ Поэмы о Сидѣ.—Избранные романсы о Сидѣ.—Объяснительныя статьи. Спб. 1897. Ц. 50 к.—Вып. VI. Луисъ Камоэнсъ. Лузіады. Поэма въ десяти пѣсняхъ. Текстъ поэмы.—Объяснительныя статьи. Спб. 1897. Ц. 50 к.— Вып. VII. Данте Алигіери. 1265—1321. Божественная Комедія. Часть I. Адъ. Въ переводахъ русскихъ писателей. Полный текстъ XXXIV пѣсенъ.—Объяснительныя статьи. Спб. 1897. Ц. 55 к. — Вып. VIII. Данте Алигіери. 1265—1321. Божественная Комедія. Часть II. Чистилище. Въ переводахъ русскихъ писателей. Полный текстъ XXXIII пѣсенъ.—Примѣчанія. Спб. 1897. Ц. 50 к.—Вып. IX. Данте Алигіери. 1265—1321. Божественная Комедія. Часть III. Рай. Въ переводахъ русскихъ писателей. Полный текстъ XXXIII пѣсенъ.—Примѣчанія. Спб. 1897. Ц. 55 к. —Вып. X. Людовико Аріосто. (1474—1533). Неистовый Роландъ. Поэма въ сорока шести пѣсняхъ въ переводахъ русскихъ писателей. Содержаніе поэмы Боярдо „Влюбленный Роландъ".—Текстъ 17-ти пѣсенъ Аріосто и изложеніе содержанія остальныхъ, съ приведеніемъ лучшихъ отрывковъ.—Объяснительныя статьи. Спб. 1898. Ц. 75 к.—Вып. XI. Франческо Петрарка. (1304—1374). Избранные сонеты и канцоны въ переводахъ русскихъ писателей. I—XXV сонетовъ.—I—III канцоны. — Объяснительныя статьи. Спб. 1898. Ц. 25 к. — Вып. XII. Пьеръ Бомарше. Избранныя сочиненія. Переводъ Чудинова. Спб. 1898. Ц. 55 к. — Вып. XIII. Торквато Тассо. 1544 — 1595. Освобожденный Іерусалимъ. Поэма въ двадцати пѣсняхъ въ переводахъ русскихъ писателей. Переводъ I—IV, XII, XIII, XV, XVI и XX строфъ и изложеніе содержанія остальныхъ, съ приведеніемъ лучшихъ мѣстъ. — Объяснительныя статьи. Спб. 1899. Ц. 40 к.—Вып. XIV. Адельбертъ Шамиссо де-Бонкуръ. (1781—1838). Избранныя произведенія въ переводахъ русскихъ писателей. Чудесная исторія Петра Шлемиля.—Избранныя стихотворенія. Спб. 1899. Ц. 35 к.—Вып. XV. Гансъ Христіанъ Андерсенъ. (1805—1875). Избранныя сочиненія въ переводахъ русскихъ писателей. Часть 1-я. Сказка моей жизни.—Книга картинъ безъ картинъ. — Избранныя стихотворенія. Спб. 1899. Ц. 75 к.—Вып. XVI. Гансъ Христіанъ Андерсенъ. (1805—1875). Импровизаторъ или молодость и мечты итальянскаго поэта. Романъ. Спб. 1899. Ц. 75 к.—Вып. XVII. Джьованни Боккаччьо. (1313—1375). Декамеронъ. Собраніе избранныхъ

новеллъ въ переводахъ русскихъ писателей. Вступленіе. Текстъ XX новеллъ. — Объяснительныя статьи. Спб. 1899. Ц. 40 к.—Вып. XVIII. Дени Дидро. (1712—1784). Избранныя сочиненія въ переводахъ русскихъ писателей. Племянникъ Рамо.—Біографическій очеркъ. Спб. 1900. Ц. 40 к.—Вып. XIX. І. Вольфгангъ Гёте. (1749 — 1832). Фаустъ. Драматическая поэма въ 2-хъ частяхъ. Переводъ М. П. Вронченки. Текстъ I-й части. — Изложеніе II-й части.—Объяснительныя статьи. Спб. 1900. Ц. 55 к.—Вып. XX. Альфредъ де-Мюссе. (1810—1857). Избранныя сочиненія переводъ Чешихина и другихъ. Лирика поэмы Ива, Порція.—Комедіи: Луизонъ, Дѣвичьи грезы, Капризъ.—Объяснительныя статьи. Спб. 1901. Ц. 50 к.—Вып. XXI. Дж. Г. Байронъ. (1788—1824). Избранныя сочиненія въ переводахъ русскихъ поэтовъ. Лирическія стихотворенія. — Поэмы: Шильонскій узникъ.—Абидосская Невѣста.—Отрывки изъ Чайльдъ-Гарольда и Донъ-Жуана— Объяснительныя статьи. Спб. 1901. Ц. 50 к.—Вып. XXII. Вильямъ Шекспиръ. (1564—1616). Макбетъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Переводъ М. В. Вронченко. Текстъ трагедіи.—Объяснительныя статьи. Спб. 1902. Ц. 40 к. — Вып. XXIII. Іоаннъ Людвигъ Уландъ. (1787—1862). Избранныя стихотворенія въ переводахъ русскихъ поэтовъ. Пѣсни.—Баллады и романсы.- Объяснительныя статьи. Спб. 1902. Ц. 30 к.

Русскій букварь (новый); для дѣтей. Изд. 10-е. Спб. 1889. Ц. 3 к.

Рылѣевъ. Сочиненія и переписка. Изд. 2-е, его дочери. 1874. Ц. 1 р. 50 к.

Священная исторія (краткая) церкви ветхаго и новаго завѣта, изданная для народныхъ училищъ Россійской Имперіи. Изд. 24. Спб. Ц. 10 к.

Семеновъ. Лѣто. Первая большая раскрашенная, литографированная картина для нагляднаго обученія. Наклеенная на холстѣ. Ц. 4 р.—Зима. Вторая большая раскрашенная картина для нагляднаго обученія. Наклеенная на холстѣ. Ц. 4 р.— Осень. Третья большая раскрашенная, литографированная картина для нагляднаго обученія. Наклеенная на холстѣ. Ц. 4 р.—Весна. Четвертая большая раскрашенная, литографированная картина для нагляднаго обученія. Наклеенная на холстѣ. Ц. 4 р.—Комментарій къ наглядному обученію по картинамъ. Спб. 1880. Ц. 35 к. — Педагогическій ежегодникъ Кубанской Учительской Семинаріи. Годъ 1-й. (1873). Спб. 1874. Ц. 75 к. — Опытъ методическаго руководства къ преподаванію родного языка по книгѣ „Даръ слова". Спб. 1881. Ц. 50 к.—Упрощенный учебникъ русской грамматики, въ связи съ практическими упражненіями:—Вып. 1-й. Составъ рѣчи. Изд. 2. Спб. 1882. Ц. 20 к.—Вып. 2-й. Этимологія. Изд. 2-е. Спб. 1885. Ц. 35 к. — Упрощенный элементарный курсъ русской грамматики, для приготовительныхъ классовъ гимназій, прогимназій и для городскихъ школъ. Спб. 1877. Ц. 15 к.—Приготовительный курсъ русскаго языка, облегчающій преподаваніе и пониманіе грамматики. Спб. 1877. Ц. 15 к.

Симашко. Зоологія. 2 ч. Изд. 3-е. Спб. 1861. Ц. 2 р.

Скопинъ и Кеневичъ. Сборникъ произведеній русской литературы. Пособіе при преподаваніи исторіи литературы въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, ч. 1-я, до-Петровскій періодъ. Изд. 3. Спб. 1878. Ц. 1 р.

Сладковъ. Простая и двойная итальянская бухгалтерія. Руководство составлено по опытамъ многолѣтней практики преподаванія этой науки, а равно и веденія торговыхъ книгъ въ лучшихъ коммерческихъ конторахъ. Изд. 2-е. М. 1901. Ц. 2 р. 50 к.

Собольщиковъ. Что надо дѣлать въ домахъ противъ холода, сырости и духоты. Съ 40 рис. въ текстѣ. Спб. 1872. Ц. 1 р.

Соколовъ. Странники и странницы. Спб. 1879. Ц. 10 к.

Спиридоновъ. Географія Россійской Имперіи въ связи съ общими свѣдѣніями изъ физической, политической и коммерческой географіи для народныхъ, городскихъ, церковно-приходскихъ и другихъ низшихъ училищъ. Изд. 2-е. Спб. 1899. Ц. 45 к.

Стебловъ. Сборникъ ариѳметическихъ задачъ для среднихъ учебныхъ заведеній. Изданіе четвертое исправленное и дополненное. Спб. 1901. Ц. 70 к.

Тиханова. Разсказы и повѣсть: Слово и дѣло. Мой другъ Антоновъ. Таинственный гость. Спб. 1902. Ц. 1 р. —Я хочу быть актрисой. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Спб. 1902. Ц. 25 к.—Ласточка. Разсказы для юношества: Сирота.—

Глазъ Божій.—Иванъ-да-Марья. — Счастливый четвертакъ.—Самоваръ.—Жертва.—Воспоминанія одной куклы. Съ 6-ю хромолитографированными картинками художника Зимина, въ красивой хромолитографированной папкѣ. Спб. 1894. Ц. 1 р. 50 к.

Троицкій. Руководство къ изученію Латинской Этимологіи для 2-го и 3-го классовъ духовныхъ училищъ. Изданіе четвертое, перепечатанное безъ перемѣны съ перваго изданія, одобреннаго Учебнымъ Комитетомъ при Св. Сунодѣ въ качествѣ учебнаго руководства для духовныхъ училищъ. Спб. 1898. Ц. 50 к.—Руководство къ изученію Латинскаго Синтаксиса для 3-го и 4-го классовъ духовныхъ училищъ. Изданіе 4-е. Спб. 1898. Ц. 60 к.

Тургеневъ. Полное собраніе сочиненій, 10 томовъ, съ портретомъ автора и факсимиле. Изд. 4-е. Спб. 1897. Ц. 15 р.—Записки Охотника. Полное собраніе очерковъ и разсказовъ (1847—1876). 11 изд. Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Филоновъ. Русская хрестоматія съ примѣч. для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній:—Т. I. Эпическая поэзія. Изд. 8. Спб. 1897. Ц. 1 р. 30 к.—Т. II. Лирическая поэзія. Изд. 6. Спб. 1897. Ц. 1 р. 25 к.—Т. III. Драматическая поэзія. Изд. 6. Спб. 1898. Ц. 1 р. 25 к.—Т. IV. Проза. Изд. 4. Спб. 1896. Ц. 1 р. 50 к.—Поэтъ Пушкинъ. Общедоступное чтеніе. Изд. 3. Спб. 1899. Ц. 50 к.—Учебникъ по словесности: Стилистика.—Теорія прозы.—Теорія поэзіи. Изд. 7. Спб. 1890. Ц. 1 р.—Борисъ Годуновъ. А. С. Пушкина. Опытъ разбора со стороны исторической и эстетической. Спб. 1899. Ц. 45 к.

Французскіе, нѣмецкіе и русскіе общественные разговоры, съ присовокупленіемъ употребительнѣйшихъ словъ и краткихъ рѣченій для упражненія. Изд. 9. Спб. 1899. Ц. 50 к.

Цытовичъ. Свойство пропорцій и основанныя на ономъ свойствѣ, рѣшенія нѣкоторыхъ задачъ. Спб. 1874. Ц. 30 к. — Теорія Гамильтона — Якоби-ли въ механикѣ. Спб. 1899. Ц. 1 р.

Шиховскій. Краткая ботаника. Курсъ гимназическій. Изд. 4. Съ атласомъ, 29 таблицъ изображеній и рисунками въ текстѣ. Спб. 1862. Ц. 1 р. 50 к.

Шмидтъ. Карманный французско-русскій и русско-французскій словарь, 2 ч. Спб. Ц. 1 р. 50 к. въ перепл. съ футляромъ 2 р. 50 к.

Щербина. Пчела. Сборникъ для народнаго чтенія и для употребленія при народномъ обученіи. Съ картинками, изд. 7. Спб. 1882. Ц. 1 р. 25 к.

***Oertel.** (Эртель). Hilfsbuch zum praktishen Unterricht in der deutshen Sprache. Л. 1896. Ц. 75 к.*—Статьи для перевода съ русскаго языка на нѣмецкій вмѣстѣ съ словаремъ. Л. 1895. Ц. 60 к.—Сокращенная нѣмецкая грамматика для русскаго юношества. Л. 1888. Ц. 60 к.

ДОСТУПНАЯ БИБЛІОТЕКА.

№ 1.	**Тургеневъ.**	Пѣвцы, разсказъ. Изд. 4. Спб. 1900. Ц. 10 к.
№ 2.	„	Однодворецъ Овсянниковъ, разсказъ. Изд. 4. Спб. 1902. Ц. 10 к.
№ 3.	„	Хорь и Калинычъ, разсказъ. Изд. 3. Спб. 1900. Ц. 7 к.
№ 4.	„	Малиновая вода, разсказъ. Изд. 2. Спб. 1896. Ц. 6 к.
№ 5.	„	Льговъ, разсказъ. Изд. 3. Спб. 1900. Ц. 8 к.
№ 6.	„	Бѣжинъ лугъ, разсказъ. Изд. 5. Спб. 1901. Ц. 10 к.
№ 7.	„	Касьянъ съ Красивой Мечи, разсказъ. Изд. 3. Спб. 1899. Ц. 10 к.
№ 8.	„	Бирюкъ, разсказъ. Изд. 4. Спб. 1900. Ц. 8 к.
№ 9.	„	Лебедянь, разсказъ. Изд. 2. Спб. 1897. Ц. 8 к.
№ 10.	„	Живыя мощи, разсказъ. Изд. 4. Спб. 1898. Ц. 10 к.
№ 11.	„	Стучитъ, разсказъ. Изд. 3. Спб. 1902. Ц. 10 к.
№ 12.	„	Лѣсъ и степь, разсказъ. Изд. 2. Спб. 1896. Ц. 8 к.
№ 13.	„	Гамлетъ и Донъ-Кихотъ, рѣчь. Спб. 1885. Ц. 5 к.
№ 14.	„	Пегасъ, разсказъ. Изд. 2. Спб. 1897. Ц. 8 к.
№ 15.	„	Пожаръ на морѣ, разсказъ. Изд. 2. Спб. 1897. Ц. 8 к.

№ 16. **Тургеневъ.** Муму, повѣсть. Изд. 6. Спб. 1902. Ц. 10 к.
№ 17. „ Поѣздка въ Полѣсье, разсказъ. Изд. 2. Спб. 1898. Ц. 8 к.
№ 18. „ Собака, разсказъ. Изд. 2. Спб. 1897. Ц. 8 к.
№ 19. „ Бригадиръ, разсказъ. Изд. 2. Спб. 1897. Ц. 10 к.
№ 20. „ Стукъ....стукъ....стукъ...! разсказъ. Изд. 2. Спб. 1899. Ц. 10 к.
№ 21. „ Перепелка, разсказъ. Изд. 3. Спб. 1899. Ц. 5 к.
№ 22. „ Постоялый дворъ, разсказъ. Изд. 2. Спб. 1896. Ц. 15 к.
№ 23. **Жуковскій.** Странствующій жидъ. (Агасверъ), поэма. Изд. 2. Спб. 1897. Ц. 30 к.
№ 24. „ Котъ въ сапогахъ. Овсяный кисель. Свѣтлана. Изд. 6. Спб. 1902. Ц. 5 к.
№ 25. **Студитскій.** Школа въ лѣсу. Разсказъ. Изд. 4. Спб. 1896. Ц. 10 к.
№ 26. **Жуковскій.** Сказка о Спящей Царевнѣ. Изд. 4. Спб. 1900. Ц. 10 к.
№ 27. „ Сказка о Иванѣ Царевичѣ и Сѣромъ волкѣ. Изд. 4. Спб. 1900. Ц. 15 к.
№ 28. „ Сказка о Царѣ Берендеѣ, о сынѣ его Иванѣ Царевичѣ, о хитростяхъ Кощея Безсмертнаго, и о премудрости Марьи Царевны, Кощеевой дочери. Спб. 1900. Ц. 10 к.
№ 29. **Колокольникова.** Яша; разсказъ. Спб. 1896. Ц. 15 к.
№ 30. **Тиханова.** Свято-Троицкая Рекопская пустынь и возстановитель ея схимонахъ о. Амфилохій. Спб. 1901. Ц. 15 к.
№ 31. **Жуковскій.** Война мышей и лягушекъ. Спб. 1902. Ц. 5 к.
№ 32. „ Камоэнсъ. Драматическая поэма. Спб. 1902. Ц. 7 к.
№ 33. „ Разрушеніе Трои. Спб. 1902. Ц. 10 к.
№ 34. „ Капитанъ Бопнъ. Маттео Фальконе. Спб. 1902. Ц. 5 к.
№ 35. „ Судъ въ подземельѣ. Спб. 1902. Ц. 5 к.
№ 36. „ Пери и Ангелъ. Спб. 1902. Ц. 5 к.
№ 37. „ Шильонскій узникъ. Спб. 1902. Ц. 5 к.
№ 38. „ Двѣнадцать спящихъ дѣвъ. Старинная повѣсть въ 2-хъ балладахъ. Спб. 1902. Ц. 10 к.
№ 39. „ В. А. Біографическій очеркъ П. Смирновскаго. Спб. 1902. Ц. 10 к.
№ 40. „ Народный гимнъ. Патріотическія пѣсни. Святая Русь. Спб. 1902. Ц. 5 к.
№ 41. „ Баллада о старушкѣ. Варвикъ. Судъ Божій надъ епископомъ. Спб. 1902. Ц. 5 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Русская классная библіотека, издаваемая подъ редакціею А. Н. Чудинова. Серія вторая. Классическія произведенія иностранныхъ литературъ въ переводахъ русскихъ писателей:

— Калевала. Финская народная эпопея.
— Древне-сѣверныя саги и пѣсни скальдовъ.
— Жанъ Расинъ. Избранныя сочиненія.
— Жанъ Батистъ Поклэнъ-Мольеръ. Избранныя комедіи.
— Эрнестъ Т. В. Гоффманнъ. Избранныя сочиненія.
— Джонъ Мильтонъ. Потерянный рай. Поэма въ XII пѣсняхъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 Марта 1902 г. Тип. Глазунова, Казанская 8.